

**The SEVEN
MILITARY
CLASSICS
of ANCIENT
CHINA**

Translation and commentary by
RALF D. SAWYER

with Mai-chün Sawyer

武經七書

WESTVIEW PRESS
Boulder San Francisco Oxford

**У-ЦЗИН
СЕМЬ
ВОЕННЫХ
КАНОНОВ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ**

Исследование и примечания
РАЛЬФА Д. СОЙЕРА

*Издание второе,
исправленное*

Санкт-Петербург
2001

武
經
七
書

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина
Вадима Альбертовича

У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая.
Пер. с англ. Котенко Р. В. Предисловие и комментарии: Ralf D. Sawyer — СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. — 448 с.

«У-цзин» является уникальным, если не единственным, учебником стратегического мышления, дошедшим до нас через тысячелетия беспрестанных конфликтов и войн, становления и гибели государств. Уроки боевых сражений и военных кампаний, вопросы тактики и стратегии, проблемы управления армией и государством и бесценный человеческий опыт изучались и передавались из поколения в поколение, пока не были собраны воедино и отредактированы при династии Сун, став не только азбукой военной мысли, но и материалом для императорских экзаменов на военную должность. На военную должность в обширной и могущественной империи, существовавшей к тому времени уже двенадцать веков.

Мы представляем отечественному читателю второе, исправленное издание текстов «Семи военных канонов Древнего Китая», сопровождаемых обширным исследованием и подробными комментариями Ральфа Д. Сойлера — авторитетного востоковеда и военного историка, перу которого принадлежит *единственный полный* перевод «У-цзина» с языка оригинала.

В оформлении данной книги
использована каллиграфия Чжан Бао Мина,
профессора Пекинского университета языка и культуры

Права на издание данной книги приобретены по соглашению с
Westview Press и «Литературным агентством “Мэтлок”»

ISBN 5-8071-0075-1

© Ralf D. Sawyer, 1993

© Котенко Р. В., перевод, 1997, 2001

© Чжан Бао Мин, каллиграфия, 2001

© Лосев П. П., обложка, 2001

© Издательская группа «Евразия», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Шесть секретных учений Тай-гуна 35

Исследование 39

Перевод 59

Примечания 141

Методы Сыма 143

Исследование 147

Перевод 163

Примечания 184

Искусство войны Сунь-Цзы 185

Исследование 189

Перевод 256

Примечания 279

У-цзы 235

Исследование 239

Перевод 256

Примечания 279

Вэй Ляо-цзы 281

Исследование 285

Перевод 299

Примечания 341

Три стратегии Хуан Ши-Гуна 343

Исследование 347

Перевод 360

Примечания 380

Вопросы танского Тай-цзуна и ответы

Ли Вэй-гуна 381

Исследование 385

Перевод 396

Примечания 444

Предисловие

Начиная с 70-х годов, все большую популярность обретают книги и статьи о Китае. Экономические успехи Японии привели к тому, что в 80-е годы практически все, что касается этой страны и особенно японской практики менеджмента, вызывало на Западе бурные дискуссии и споры. Очень и очень многим восточная философия и стратегия выживания позволили выстоять в корпоративных войнах и приумножить свои капиталы.

Произведения Мусаси, знаменитого японского фехтовальщика, и Сунь-цзы, военного теоретика Древнего Китая, неоднократно переводились на иностранные языки, исследовались и обсуждались. Тем не менее, какими бы интересными ни были эти и некоторые другие книги по военному искусству, обширный свод китайской военной классики, несмотря на всю свою историческую важность и значимость для современности, остается неизвестным на Западе.

Вполне возможно, что китайская военная мысль берет свое начало в период конфликтов между селениями неолита, происходившими четыре или пять тысяч лет назад. В них, если верить традиции, участвовали легендарные герои и совершенномудрые императоры. Стратегия ведения боевых действий требовала совершенствования оружия и тактического искусства. Постепенно главы кланов или родов, располагавшие большим количеством воинов, распространяли свое влияние на другие группы и земли, и становились порой значительной политической силой. На заре исторической эпохи, как свидетельствуют ранние письменные источники и археологические находки, между ними происхо-

дили постоянные напряженные конфликты; создавались государства, и обладавшие властью стремились установить единоличное правление и основать династию. Расширялся масштаб сражений, возрастала сила и эффективность оружия, развивалась военная стратегия, тактика и технологии. Наконец, уроки боевых сражений и опыт командования стали предметом сознательного изучения; люди старались сохранить достигнутое и избежать ошибок прошлого. Так родилась наука военной тактики и стратегии.

Ко II в. до н.э. Китай прошел через тысячелетия беспрестанных конфликтов и был жесточайшим образом объединен в обширную и мощную империю. Появилось немало искусных полководцев; произошли важнейшие сражения. До этого времени войны практически не прекращались. Они несли огромные разрушения: погибали и люди, и те мысли, что они веряли письму. Среди немногих сочинений на военную тематику, сохранившихся до объединения страны, было шесть главных, включая знаменитое «Искусство войны» Сунь-цзы. Их изучали и передавали из поколения в поколение, пока они не были собраны воедино и отредактированы при династии Сун двенадцать столетий спустя. Вместе с произведением периода династии Тан они составляют «Семь военных канонов», сборник, ставший азбукой военной мысли и материалом для императорских экзаменов на военную должность.

В начале 70-х гг. археологи при раскопках захоронения высокопоставленного чиновника, жившего при династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), обнаружили огромное количество чрезвычайно важных текстов, написанных на прекрасно сохранившихся бамбуковых дощечках. Найденные военные сочинения включают основные части некоторых из «Семи военных канонов» и обширные фрагменты «Военных методов» Сунь Биня. Хотя эта книга потомка Сунь-цзы и появлялась в библиографических списках, составленных при династии Хань, она, очевидно, исчезла уже при этой династии и считалась утраченной более 2 тыс. лет. Эта интереснейшая находка увеличила число известных нам сочинений древности до восьми. Сотни прочих военных трактатов были написаны много позднее.

Хотя произведения по тактике создавались на протяжении всей китайской истории, многое из обширного свода погибло за минувшие века из-за неаккуратности, природных катаклизмов, умышленного уничтожения и войн. Тем не менее, древние эпиг-

рафические материалы и такие ранние исторические сочинения, как «Цзо чжуань» и «Ши цзи», также содержат сведения о военных подвигах полководцев и правителей; «Двадцать пять династических историй» подробно повествуют о людях и их деяниях; а философские работы периода «Борющихся Царств» включают дискуссии на военные темы. Источников множество, но только часть исторических сочинений, включая «Цзо чжуань» и два из «Семи военных канонов» («Искусство войны» Сунь-цзы — три основных версии, несколько второстепенных — и «У-цзы» в приложении к переводу Гриффита) были опубликованы на европейских языках.

Военные сочинения Древнего Китая отнюдь не пропали и не были забыты, они заметно повлияли на мысль двадцатого века и сейчас обретают второе дыхание в Азии. Появившаяся в 80-х гг. книга по менеджменту дала новую жизнь мыслям Сунь-цзы и привлекла образы некоторых легендарных героев древности для обучения работников компаний основам бизнеса и маркетинга. Она стала бестселлером и в драконовско-коммунистическом Китае и в капиталистическом Гонконге. Японские компании периодически организывают исследовательские группы для выявления тех тактических идей древности, которые могли бы быть использованы в качестве корпоративной стратегии. Корейцы, испытывающие сильное международное давление с требованием переоценить собственную валюту, открыть внутренний рынок и подчиниться правилам ограничения торговли, черпают идеи, помогающие выживать в международном бизнесе, из этих книг.

На Тайване, где компании находятся в ситуации, схожей с корейской, тоже вдруг стали очень популярны книги о применении методов стратегии древности в жизни, бизнесе, спорте и на фондовом рынке, несмотря на то, что ими пренебрегали на протяжении десятилетий. Ежегодно в Японии в дополнение к, по крайней мере, одному научному переводу выходят в свет несколько новых изданий, предлагающих упрощенное и популярное толкование избранных учений. Вездесущий клерк, едущий на работу из пригорода и читающий подобное издание — вовсе не редкость; выходят специальные книги и для любителей комиксов. Естественно, что те или иные идеи военных канонов проскальзывают в романах, кино, на телевидении, и средствах массовой информации по всей Азии.

Велико искушение под влиянием обширных материалов, во множестве появляющихся из различных источников, создать глубокое и всестороннее введение в весь комплекс военного искусства в Древнем Китае. Многие существенные для понимания стратегии, тактики и эволюции военной мысли темы заслуживают специального исследования и анализа. Однако мы сознательно уделили наибольшее внимание воссозданию исторического контекста и обзору процесса совершенствования доспехов и оружия и старались избегать бесплодного интеллектуализирования. Мы не полностью пренебрегали последним, рассматривая, хотя и весьма поверхностно, такие темы, как взаимоотношение между даосизмом и военной мыслью, однако в принципе подобные вопросы — прерогатива специальных монографий. Также, хотя мы наметили существенные особенности различных понятий, таких как необычное / обычное, мы не вдавались в глубокий анализ и не обсуждали технических деталей; конкретная тактика развертывания войска, общее применение стратегии — все эти проблемы остались за пределами «Семи военных канонов». Кроме того, мы лишь упомянули об отношении военных трактатов к «Гуань-цзы», «Книге правителя области Шан» и другим философским текстам периода «Борющихся Царств», в которых также обсуждаются военная политика, административные меры и стратегические концепции. Эти и многие другие темы, в том числе и систематический анализ сочетания идей и методов в каждом каноне, сами по себе требуют серьезного изучения. Поскольку их включение в «Семь военных канонов» было бы поспешным и сделало бы и без того объемную книгу еще более громоздкой, мы уделим им внимание в будущей работе, в которой речь пойдет о взаимном влиянии военных технологий и тактической мысли.

Примерная хронология династийных циклов

<i>Династии</i>	<i>Годы</i>
Легендарные императоры древности	2852–2255 гг. до н.э.
Ся	2205–1766
Шан	1766–1045
Чжоу	1045–256
Западная Чжоу	1045–770
Восточная Чжоу	770–256
«Весны и Осени»	722–481
«Борющиеся Царства»	403–221
Цинь	221–207
Ранняя Хань	206 г. до н.э.–8 г. н.э.
Поздняя Хань	23–220
Шесть династий	222–589
Суй	589–618
Тан	618–907
Пять династий	907–959
Сун	960–1126
Южная Сун	1127–1279
Юань (монгольская)	1279–1368
Мин	1368–1644
Цин (маньчжурская)	1644–1911

Общее вступление

Исторический контекст

и формирование военного канона

Военная мысль, сложившаяся в ходе анализа опыта жестоких войн, пользовалась дурной славой и испытывала пренебрежительное к себе отношение на протяжении практически двух тысячелетий существования императорского Китая. Самозваные конфуцианцы, игнорируя учение самого Конфуция, начиная с ханьского периода осуждали — искренне или лицемерно — военную профессию и любые аспекты военной деятельности, и с течением веков становились все более громогласными в своем порицании их. Однако, каким бы ни было их высококультурное самолюбование, нация не могла обойтись без армии и полководцев, особенно ввиду постоянной «варварской» угрозы и непрекращающихся столкновений с кочевыми народами. Поскольку немногочисленные военные трактаты ценили и читали, они и дошли до нас, хотя неотвратимый рок преследовал поколения профессиональных полководцев и более поздние сочинения по стратегии. Военный канон, в сравнении с конфуцианским или другими классическими собраниями, кажется крошечным и насчитывает максимум несколько сот текстов.

В отдельных главах произведений знаменитых философов периода «Борющихся Царств» (403–221 гг. до н.э.), таких, как Шан Ян¹, также рассматриваются военные вопросы, причем часто весьма основательно. Многие мыслители, включая Сюнь-цзы и Хань Фэй-цзы², размышляли над важнейшими проблема-

ми государственного управления и военной организации, мотивации и обучения воинов, природы мужественности и политической деятельности ради благосостояния государства. «Цзо чжуань»³ и другие исторические сочинения просто фиксируют слова различных министров и дают общее представление о самых знаменитых стратегиях, избегая подробного описания сражений.

Некоторые сочинения по стратегии и тактике древности обрели особенную известность, и ученые сунской эпохи (около 1078 г.) собрали, исправили и отредактировали шесть важнейших сохранившихся текстов, дополнив их одним произведением династии Тан; так возникли «Семь военных канонов». Составленный компендиум стал текстуальным основанием для государственных военных экзаменов и одновременно источником всевозможных тактических и стратегических концепций.

Несмотря на непрерывные набеги варваров и прочие внешние угрозы, в императорском Китае мало склонялись к военным методам противостояния агрессии — исключения составляют болезненная экспансионистская политика периода Ранней Хань и правления молодых энергичных императоров, таких как танский Тай-цзун, приходившихся на первые годы царствования династии. Правители и министры предпочитали верить в миф о культурной привлекательности, посредством которого явно превосходящая китайская цивилизация, основанная на добродетели⁴ и обладающая очевидными преимуществами в материальной жизни, просто подавит враждебную настроенность нецивилизованных народов. Богатые дары — произведения искуснейших мастеров вкупе с музыкой и женщинами — все это, верилось, сможет смутить и ослабить самых воинственных. Если их нельзя подчинить или смягчить, против них можно использовать другие племена кочевников, по освященной веками традиции «руками варваров подавлять варваров»⁵.

В соответствии с конфуцианской доктриной, ставшей ортодоксальной философией и государственной идеологией при династии Хань, правитель должен лишь культивировать свою добродетель, пребывать в гармонии с временами года и быть милосердным, чтобы преуспеть в получении благодатной помощи Неба и поддержании порядка. Естественно, имели место и другие взгляды, и даже Мэн-цзы (371–289 г. до н.э.), самый ве-

ликий конфуцианец после Конфуция, поддерживал карательные походы для наказания плохого правителя и освобождения людей от страданий. И все же, за исключением некоторых императоров, подобных Янь-ди из династии Суй (605–617), который хотел установить китайский сюзеренитет над огромными территориями, но в итоге довел страну до разорения, а народ — до нищеты, военными делами занимались неохотно. Большая часть чиновничьей бюрократии свысока смотрела на все, связанное с ратным делом и войной.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ОРУЖИЯ В КИТАЕ

Шан

В течение веков китайская военная мысль, формируя стратегию и шлифуя правила ведения боя, отражала эволюцию оружия, экономических условий и политической власти. Тактика, применявшаяся в начале исторической эпохи при Шан, менялась вслед за возрастанием численности войска, большей скоростью и мобильностью, появлением новых видов колющего и стрелкового оружия. Тем не менее, теоретические моменты, касающиеся организации, дисциплины, оценки целей и фундаментальных принципов, сохраняли свое значение и применялись вплоть до того времени, когда династия Цинь объединила империю, положив конец периоду «Борющихся Царств».

Шанская династия управляла теократическим государством; власть ее покоилась на военном мастерстве родовой аристократии, а также на религиозных верованиях и соответствующих институтах. Население делилось на четыре класса: правящие семьи; члены родового клана, выполнявшие чиновничьи обязанности, и прочая аристократия; простолюдины, то есть зависимые крестьяне, и рабы. Правитель обладал огромной властью на территории домена и требовал верности от князей окрестных земель. Аристократия, образованная и обладавшая определенным уровнем культуры, жила в больших городах, где были дворцы и храмы. Простой народ обитал в землянках, занимался большую часть года сельским хозяйством или различными ремеслами, а

сверх того должен был нести воинскую повинность и участвовать в военных кампаниях.

Технология литья бронзы быстро развивалась на протяжении всего периода с момента официального начала правления Шан (традиционно датируется 1766 г. до н.э., когда Тан И одержал победу над Ся и вплоть до падения ее под ударами Чжоу около 1045 г. до н.э.) Искусно выделанные ритуальные сосуды — свидетельство высокой значимости культа предков, на котором зижделась власть правителя — показывают уровень технических достижений, а также то, что Шан эффективно управляла государством и обладала монополией на природные ресурсы. Если оружие знати было обычно бронзовым, то материалом для сельскохозяйственных орудий и вооружения простолюдинов служили камни, дерево и кости животных. Просо и, позднее, пшеница были основными культурами, после уборки урожая их хранили в центральных амбарах. О рисе знали, но он оставался дорогой роскошью даже для правителя, так как выращивался преимущественно на юге. Уровень материальной культуры, основанной на организованном сельском хозяйстве и охоте, позволял снабжать крупные города. Некоторые животные — овцы, рогатый скот, свиньи и собаки — уже были приручены, производились также шелк и пенька. Домашнюю утварь с немалым мастерством делали из глины.

До шанской династии военные столкновения сводились преимущественно к набегам и стычкам между поселениями, хотя отдельные вожди, очевидно, устанавливали какие-то основы власти, и появлялись местные лидеры родовых союзов, подобные основателям династии Ся. С подъемом же Шан и утверждением центральной власти (хотя и не администрации) была создана постоянная гвардия численностью около тысячи человек. Количество воинов могло быть увеличено в случае необходимости: тогда главы родов и владетельные князья обязаны были снаряжать дополнительные армии. Хотя обычно войском командовал сам правитель, уже существовали зачатки военной бюрократии. Военная кампания против приграничных врагов могла востребовать от 3 до 5 тысяч человек, а поход против бросившего вызов государству — до 13 тысяч; исход битвы чаще всего решался в одном столкновении, но известны случаи, когда сражения длились несколько дней. Войско разделялось на три час-

ти — левый фланг, правый фланг и центр⁶ — и состояло из двух подразделений: плохо организованной пехоты, выполнявшей вспомогательные функции, и колесниц, управляемых воинами из знати, несших военную службу и являвшихся опорой государства.

Войны, которые вела шанская династия, имели следующие цели: установление или укрепление сюзеренитета, массовый захват пленных и сокровищ. Контроль за территориями, находящимися за пределами главного домена, осуществлялся скорее через систему вассалов, чем через централизованное управление. Награбленная добыча увеличивала богатство правящего дома и позволяла вознаградить за службу. Некоторых пленников делали рабами и использовали на полевых работах или в доме, но большинство их приносилось в жертву, что было частью шанских религиозных обрядов.

За несколько сот лет правления династии Шан оружие из бронзы получил каждый воин. Излюбленным оружием была «гэ», алебарда, потом копье и лук. Стрелы с бронзовыми наконечниками и луки, сила натяжения которых могла достигать до 160 фунтов, позволяли стрелять на значительное расстояние. Кинжалы и топоры использовались в ближнем бою; кожаные доспехи и щиты — последние часто применялись в коллективных боевых действиях — служили весьма неплохой защитой против колющего и метательного оружия. Бронзовые шлемы должны были отражать стрелы и скользящие удары, а на доспехах и щитах дополнительно укреплялись тонкие бронзовые пластины. В соответствии с представлениями периода «Борющихся Царств», вооружение должно было быть преимущественно смешанного типа и давать возможность как нападать, так и обороняться в ближнем и дальнем бою. Тем не менее, меч эволюционировал медленно, «вырастая» из кинжала, а, быть может, и алебарды, и настоящие мечи получили распространение лишь к середине периода «Борющихся Царств». Колесница оставалась важнейшей боевой единицей в конце Шан, в периоды Западной Чжоу и «Весен и Осеней» (722–481 гг. до н.э.); ее применение в бою не исчерпало себя и при «Борющихся Царствах» (403–221 гг. до н.э.), когда ее постепенно вытесняла все более многочисленная пехота, а в III в. до н.э. и конница. Китайская традиция утверждает, что Шан использовала 70 колесниц в борьбе с утратившей

добродетель династией Ся. Однако, археологические находки двадцатого века, подкрепленные текстологическими исследованиями, показывают, что колесница, скорее всего, не была создана в Китае и не могла прийти в Китай из Центральной Азии раньше, чем в середине правления династии Шан — приблизительно между 1300 и 1200 гг. до н.э. Вначале колесницы использовались в церемониях и для доставки грузов, и только впоследствии их стали применять на охоте и в боевых действиях. Эпиграфические материалы подтверждают, что шанцы продолжали опираться на соединения пехоты даже после того, как колесницы уже превратились в боевую единицу. В действительности, на протяжении правления Шан колесницы, скорее всего, продолжали оставаться неким престижным символом. Во время сражения они скорее обеспечивали быстроту передвижения и служили командным пунктом, чем участвовали в бою.

Экипаж колесниц в периоды поздней Шан и Чжоу состоял из трех человек: возницы, лучника слева и воина с алебардой справа. Пять колесниц составляли отделение, а пять отделений — отряд. К каждой колеснице приставлялись для поддержки 10-25 пехотинцев, а позднее — еще и авангард в количестве до 125 воинов. Шанская колесница была прямоугольной формы, на двух крепких, со множеством спиц, колесах. Везли повозку две лошади. Свообразными учениями были масштабные охоты, на которых использовались колесницы, что позволяло совершенствовать и искусство управления ею, и стрельбу, и умение сражаться на движущейся платформе, что требовало длительной тренировки. Это была весьма дорогостоящая боевая единица, ведь делали и ремонтировали ее специальные мастера, поэтому сражались на колесницах только воины из знатных родов, и лишь изредка к ним добавлялись простые рекруты. Битвы выливались, таким образом, в определенное количество индивидуальных стычек, обставлявшихся соответствующим ритуалом (впрочем, возможно, в данном случае мы имеем дело с позднейшей романтизацией). Некоторые ученые отыскивали в источниках упоминания об охоте верхом на лошадях. Однако их толкования вызывают сомнения: очевидно, лошадей только запрягали в колесницу. В любом случае всадник без стремян и седла, которому, вдобавок, мешала длинная одежда, не мог стать эффективной боевой единицей до III в. до н.э.

Чжоу

Династия Чжоу пришла к власти, победив Шан в решающей битве при Муе после многих лет тайных приготовлений и постепенной экспансии, проявившейся в заключении хитроумных союзов, подчинении ряда малых государств и порабощении разных кланов и народов. Будучи, возможно, потомками Ся, чжоусцы вначале жили на севере, но из-за постоянных набегов воинственных племен были вынуждены двинуться на юг в долину реки Вэй. Находясь на периферии шанской культуры, чжоусцы могли, тем не менее, достаточно свободно воспринимать многие материальные достижения Шан и при этом развивать своё сельское хозяйство, технологии и культурную самость. Постоянное давление варваров вынуждало их совершенствовать военное мастерство, организацию и тактическую мысль, и шанцы даже доверяли им подавление выступлений западных племен, что только укрепило боевой дух чжоусцев. Когда они начали свою последнюю военную кампанию против ослабленной Шан, оружие и оснащение у чжоусцев были сходными с шанскими. Возможно, единственным их нововведением было широкое использование колесниц, что обеспечивало более быстрое передвижение и доставку большего количества оружия и провианта. Быть может, чжоусцы одержали окончательную победу не только благодаря тому, что шанцы были дезорганизованы, но и из-за истощения сил последних в битвах с кочевыми племенами на севере и востоке и широкомасштабной военной экспедиции на юг в момент нападения. Вся военная тактика чжоусцев (конечно, если свидетельства «Книги документов» и «Шести секретных учений» достоверны), заключались в качественно ином подходе к сражению. Сложившиеся к тому времени стереотипы были ими отброшены ради достижения цели.

Правители Чжоу сразу же столкнулись с проблемой: как управлять обширной страной, населенной разными народами при малочисленности самих чжоусцев. Хотя во время последней войны с шанцами Чжоу привлекла на свою сторону около восьмисот племен, многие, тем не менее, сопротивлялись победителям. Враждебные племена, десятки тысяч представителей шанской знати и даже ближайшие союзники — пламя восстания могло вспыхнуть в любой миг. Всеми ими было необходимо действен-

но управлять и подавлять тлеющие восстания. Сразу же после знаменитой битвы при Муе У-ван поручил Тай-гуну охранять окрестные территории. Затем, по пути в столицу, чжоусцы завоевали несколько непокорных царств. Наконец, Западная Чжоу закрепила свою власть некоторыми политическими и военными акциями, самой важной из которых было расселение членов влиятельных кланов как среди союзных, так и среди враждебных племен. Представители знати устанавливали параллельные фамильные линии, переселяясь вместе с домашними, слугами и воинами. Они создавали «чжоуский анклав» среди местного населения и начинали с возведения обнесенного стеной городища, которое становилось военным, политическим, экономическим, административным и культурным центром чжоусцев.

Тысячи знатных шанских семей были высланы в район восточной столицы, где за ними можно было наблюдать и контролировать, хотя им и было разрешено сохранить большинство своих чиновников, слуг и законов. Затем, первые правители Чжоу упрочили свою власть и консолидировали государство, связав подданных системой вассалитета. Повиновение обеспечивалось требованием участия в деятельности правящего клана и структур власти, относительной политической и военной слабостью местных феодалов и их изолированностью. Власть, теократическая при Шан, стала гораздо более мирской, хотя правители Чжоу сохраняли и всячески подчеркивали свое право приносить жертвы предкам, чье тайное участие в делах государства считалось совершенно необходимым, и Небу, ниспославшему на них благословение.

В дополнение к постоянно действующим шести армиям правителя и выставленным по всей стране гарнизонам, чжоусцы организовали восемь армий из побежденных шанцев и в случае необходимости могли призвать войска своих вассалов. Эти военные соединения, по преимуществу, набирались из знати, хотя на вторых ролях в них состояли простолюдины, оруженосцы и слуги. Без сомнения, «ши» — младшие члены правящего дома и младшие сыновья вассалов, а также другие представители «второстепенной» знати — также поставляли воинов и пехотинцев. На протяжении всего периода Западной Чжоу в поединках и сражениях, отмеченных показным уважением к противнику, первую скрипку играли знатные воины, а их колесницы оставались воплощением силы, быстроты и маневренности.

Западная Чжоу

После окончательного завоевания окраин и подчинения их центру через феодальную систему, в первые несколько столетий периода Западной Чжоу не происходило никаких больших перемен в военной технологии и стратегии. Вслед за улучшением качества выделки и обработки кожи появились доспехи и у пехоты, чья роль в бою неуклонно возрастала. Получаемый металл становился прочнее, форма оружия понемногу изменялась, оно было уже длиннее, мощнее и универсальнее, чем прежде, и к концу периода Западной Чжоу в 771 г. до н.э. появился уже настоящий меч. Однако основным оружием для сражения как на колеснице, так и в пешем строю, оставалась алебарда.

Спустя всего четыре поколения центральная власть Западной Чжоу начала разрушаться. Отчасти причиной этого стали провальные кампании на юге. Ранее Западная Чжоу вынуждена была противостоять набегам варваров на северо-западе, и государство было истощено правителями, продолжавшими раздавать земли и награды послушным вассалам. В итоге, сила этих вассалов выросла и хотя пока они, пусть и с неохотой, подчинялись центру, их все более заботили домашние дела и отношения с местными народами и обычаями. Череда бесталанных и ленивых царей ослабила правящий дом. Некоторые из них, очевидно, забыли, что, когда У-ван заявлял о получении «небесного мандата»⁷ на воцарение династии Чжоу, он, в частности, указывал на непомерное пьянство и разврат последнего правителя Шан. Наконец, в 771 г. до н.э., правитель Чжоу, восстановленный на троне благодаря усилиям зависимых государств, был вынужден перенести столицу на восток, чтобы укрыться от давления варваров и продлить «династийный миф». По иронии судьбы, в награду за выращивание лошадей для армии он, в качестве одной из защитных мер, оставил на западе предков государства Цинь, которые сами были наполовину варварами, в надежде, что они станут преградой для кочевников.⁸

«Вёсны и Осени»

На протяжении периода «Вёсны и Осени», названного так по за одноименной хронике, приписываемой Конфуцию, происходили возвышения царств, междоусобные войны и исчезновения

многих политических образований. В начале его потомки чжоуских вассалов по-прежнему правили в большинстве царств, чаще всего вместе с членами своих семей и местной знатью. Хотя они обладали большой властью, их позиции сильно зависели от системы родства и государства, поскольку последнее по сути было огромным разветвленным кланом. С продолжавшимся закатом Чжоу уделы освобождались от подчиненного статуса и могли демонстрировать гораздо большую степень независимости. Их новый статус отражал не только тот факт, что власть смещалась от центра на периферию, но и ослабление уз родства, на которых зиждилась удельная система. Уже минули поколения, да и путь в столицу для участия в деятельности центральной власти был сопряжен со многими трудностями — все это также сыграло свою роль в отчуждении уделов от центра. Хотя владельцы уделов продолжали добиваться санкций от чжоуской династии и позднее некоторые из них получали права на гегемонию от неё, сам правитель Чжоу скорее искал их молчаливого согласия в политических и военных делах, чем постулировал его. Свободные от прежнего принуждения, удельные князья уделяли больше внимания местным делам и борьбе друг с другом, чем выполнению обязанностей вассалов.

Власть в государствах также постепенно переходила от удельного правящего дома к соперничающим партиям. К середине эпохи «министерские семьи» — преимущественно потомки первого удельного князя по параллельной линии — становились все влиятельнее. Во многих царствах они даже вырывали управление из рук легитимной линии — правда, только для того, чтобы истребить друг друга в следующем столетии. К концу периода все уцелевшие царства имели единоличных правителей — или членов основного клана, которые сумели перехватить власть, или уцелевших членов влиятельных семей, захвативших трон. В период «Вёсен и Осеней» сотни царств были завоеваны или уничтожены, прежние правящие кланы и сильные семьи стали простолюдинами, были обращены в рабство или убиты, поэтому большинство изначальной феодальной аристократии просто исчезло.

Как следствие неумеренной алчности мощных царств, масштаб военных действий в период «Вёсен и Осеней» резко вырос. Необходимым стало привлечение большого количества крестьян, ибо для участия в войнах уже не хватало представителей знати.

Бой, по крайней мере на открытой местности, по-прежнему концентрировался вокруг колесницы, поддерживаемой пехотой, которой становилось все больше и больше. Поначалу действовали рыцарские законы, и этика боя требовала приверженности «ли» (ритуалу), хотя набранная из кого попало пехота была мало всем этим связана. Однако по прошествии века только глупцы и обреченные на поражение обременяли себя старыми этическими нормами, и древний обычай индивидуального поединка — хотя подчас он и сохранялся в качестве пролога к битве — в целом вышел из моды.

В начале периода армия в походе насчитывала от 700 до 1000 колесниц, сопровождаемых 10 тысячами воинов. Однако к концу «Вёсен и Осеней», то есть к 481 г. до н.э., такие сильные царства, как Цинь и Ци, выставляли до 4000 колесниц каждая, при поддержке 40 тысяч пехоты. Конницы еще не было, но в 541 г. до н.э. цзиньский военачальник приказал своим неохотно сражавшимся воинам сойти с колесниц и вместе с пехотой вступить в бой с варварами.

Боевое оружие походило на использовавшееся в период Западной Чжоу, причем у пехоты были копья и короткие мечи, а алебарда оставалась у воинов на колеснице. С совершенствованием кузнечного ремесла менялось и оружие. Оно становилось больше, надежнее, острее и смертоноснее. Хотя производство бронзы оставалось распространенным, с открытием технологии литья железа и стали (в конце периода «Вёсны и Осени»), из нее, в основном, изготавливали сельскохозяйственный инвентарь.

Войны случались часто, и даже самое сильное царство, если ему не удавалось подготовиться к обороне и обучить солдат, могло быть разгромлено. Со временем преуспевшие в военном искусстве получали всеобщее признание, их удерживали и одаривали должностями, почестями и рангами за доблесть, силу и ратные успехи. Были установлены физические нормативы для воинов действующей армии и для тех, кого отбирали в элитные части.

Талант начали ценить, и это привело к социальной подвижности, возникновению местной бюрократии из числа достойных, которая дополняла, а затем и стала заменять местную власть, состоявшую из членов правящего клана и родовой элиты. Возникли новые формы власти: вместо уделов были созданы «обла-

сти», что позволяло центральной власти лучше контролировать обстановку в государстве. Складывались арендные отношения, крестьяне «освобождались», и их благосостояние росло, поскольку земля перестала принадлежать только правителю и превратилась в «товар», переходящий из рук в руки.

Период «Борющихся Царств»

С началом периода «Борющихся Царств» в 403 г. до н.э. события стали сменять друг друга с калейдоскопической быстротой. В результате войн эпохи «Вёсен и Осеней» Китай оказался разделенным на семь царств — гегемонов⁹, каждое из которых контролировало значительную территорию, и пятнадцать более слабых царств, обреченных на роль жертв междоусобиц и грабежей. Бывшие властители уделов превратились в монархов — деспотов, вынужденных пополнять политическую и хозяйственную бюрократию, чтобы выжить. Каждый правитель должен был заботиться об улучшении сельского хозяйства в своем царстве, дабы противостоять угрозе извне. Проводимая ими земельная политика поощряла приток недовольных из других царств, быстро развивались частное землевладение и арендаторство. После 500 г. до н.э. в обиход сельского хозяйства вошли инструменты из железа, осушение и ирригация земель значительно увеличили посевные площади — а значит и мощь — некоторых царств. Процветали торговля и коммерция, возник новый класс влиятельных торговцев, хотя официально это занятие по-прежнему презиралось.

В период «Борющихся Царств» высокая продуктивность сельского хозяйства и, как следствие, возросший уровень материального благосостояния привели к тому, что масштаб военных действий увеличился фантастически. В шанские времена несколько тысяч человек в одном походе уже составляли армию, ныне же слабые царства легко выставляли сто тысяч, а сильнейшие, в III в. до н.э., имели постоянную армию в один миллион, и, согласно источникам, собирали еще 600 тысяч для одной кампании. В битве между Цинь и Чу количество воинов с обеих сторон превышало миллион человек — впечатляющая цифра, даже если она несколько преувеличена. Численность войска стала решающей, ведь в предыдущей кампании Цинь с 200 000 воинов потерпело жестокое поражение. Естественно, что и потери

возросли: 100 000 воинов царства Вэй погибло в битве при Малине в 341 г. до н.э.; 240 000 из войска Хань и Вэй пали в битве при Ицзюэ в 295 г. до н.э.; наконец, 450 000 воинов царства Чу было истреблено в сражении у Чанпина в 260 г. до н.э. Столь значительные кампании требовали долгой подготовки, сборов и соответствующего оснащения. Вместо нескольких дней или недель на марше и пары дней битвы, как это было при Шан, ныне требовались месяцы и годы, сражения длились по 10 дней, а войны продолжались по году и более.

Управление такими значительными ресурсами и таким количеством воинов требовало большого искусства, и потому полководцы и командиры были в цене. Хотя по всей стране крестьян приписывали к войскам, обучали военному делу на сезонной основе и, в случае необходимости, мобилизовывали для похода, ядро армии должны были составлять опытные и дисциплинированные солдаты и командиры. Руководства по военному обучению и методика развертывания войск, а также тактика, которой те должны были следовать, стали просто необходимыми. Под влиянием требований, предъявляемых сражением и обучением личного состава, а также политических и философских теорий, появился обширный военный свод. Многочисленные труды по военному искусству — малая толика которых дошла до нас — несомненно составлены в начале периода «Борющихся Царств». На протяжении всей последующей китайской истории им следовали истово и неуклонно.

Искусство полководца и его обязанности также изменились в то время, когда стратегия стала настолько затейливой и сложной, что замена полководца могла, и часто так и бывало, привести армию к поражению и подвергнуть опасности все государство. Хотя правители продолжали вмешиваться в дела армии (часто при подстрекательстве зависимых министров или коррумпированных чиновников, действовавших по воле других государств), что подчас приводило к катастрофическим последствиям, появились профессиональные военные, занимавшиеся только ратным делом. Если в начале периода «Борющихся Царств» идеалом командующего являлся деятельный и образцовый гражданский администратор, как, например, У Ци, то к концу периода гражданские лица полностью отстранились от военных дел.

В периоды Шан и ранней Чжоу битвы происходили на открытой, незащищенной равнине, а армии лишь во время маршей встречали на своем пути города. Хотя какие-то укрепления существовали — как, например, знаменитые земляные стены неолитического и шанского периодов, которые продолжают находить в ходе раскопок — до встречи с ними войско могло долго идти беспрепятственно. В период «Борющихся Царств» правители предприняли меры для защиты своих владений от врагов. На границах и по всей территории сооружались «великие стены», валы, форты и сторожевые башни. Землю защищали больше, чем людей, ведь цели войны изменились, и каждое царство желало не пленных и сокровищ, но уничтожения врага путем захвата его земель, разгрома армии и установления контроля над населением завоеванных территорий.

Укрепленные города, ранее военные и административные центры, стали играть огромную роль в производстве и торговле, их население процветало, они также превращались в транспортные узлы. Поэтому, если в периоды Западной Чжоу и «Вёсен и Осеней» разумнее было обойти город, чем терять ресурсы и людей, осаждая и атакуя его, теперь города захватывали и разрушали повсеместно. Появились технические приспособления для штурма и защиты городов: огромные осадные орудия, подвижные щиты, тараны, катапульты и «шагающие башни». Потребовались инженеры, специалисты по взятию и обороне крепостных стен: моисты, создавшие технологию защитных мероприятий, стали известны именно благодаря помощи осажденным городам. Поэтому безоговорочное осуждение осады и штурма городов Сунь-цзы явно устарело ко времени Сунь Биня, изучавшего в своих «Военных методах» уязвимые и неприступные цели.

На протяжении IV в. до н.э. массовый рост численности пехоты сопровождался повсеместным использованием арбалета, дальнейшим повышением мастерства соединения, развертывания и маневра и даже, пусть и неохотным, внедрением практики варваров. Под постоянным давлением всадников из степей чуткие и восприимчивые командиры и правители осознали необходимость создания собственных кавалерийских частей. Хотя история появления лошадей в Китае еще не выяснена до конца, известно, что в 307 г. до н.э. правитель У-лин из северного цар-

ства Чжао, несмотря на многочисленные возражения, заставил своих воинов облачиться в «варварские одежды» (короткая куртка и штаны) вместо обычных и почитаемых китайских халатов, дабы ускорить создание конных частей. Начиная с V в. до н.э. всадники понемногу появляются в китайских царствах. Искусство верховой езды, возможно, пришло из Ирана и степей Центральной Азии, и лошади из других регионов долго славилась в Китае быстротой и выносливостью. У-лин был первым из известных нам, кто создал конное войско, что сразу же повысило наступательный потенциал Чжао.

Седло, там где оно существовало, было очень примитивным — только скрученное одеяло; стремена же появились лишь в конце Хань. Всадник, таким образом, был вынужден выполнять нелегкую задачу: управлять лошадей и одновременно стрелять из лука или сражаться мечом. Полезность таких воинов была ограниченной и обеспечивалась в большей степени скоростью и мобильностью, чем собственно боевой мощью. Тем не менее, появление конницы, о чем лишь кратко упоминается в военных книгах до танского Тай-цзуна, освободило войска от необходимости биться на открытых, доступных для колесниц пространствах и позволило рассредоточиваться по лощинам, долинам, лесам, холмистым полям и горам, то есть полнее использовать местность. С огромными ордами закованной в доспехи пехоты, вооруженной копьями, алебардами и мечами (возможно, уже из железа) войны в беспрецедентных масштабах стали не только возможными, но и неотвратимыми. В III в. до н.э., последнем веке таких войн, видевшем подъем и окончательную победу царства Цинь, в битвах, выкосивших население страны, участвовали сотни тысяч человек, следовавших «взрывной» и «стойкой» стратегии. В те дни постоянно проверялись и применялись стратегемы и методы знаменитых тактиков, доказавшие свою непреходящую ценность.

ЦАРСТВО ВЭЙ

История Вэй, одного из главных действующих лиц эпохи, отражает развитие военного дела в период «Борющихся Царств». У Ци стал в царстве Вэй известным полководцем и военным деятелем, Мэн-цзы, истовый конфуцианец, и Вэй Ляо-цзы, которо-

му приписывается авторство одноименного военного канона, наставляли правителя Вэй Хуэй-вана. Одно из семи царств — гегемонов в период «Борющихся Царств», Вэй стало самостоятельной политической силой в 434 г. до н.э., когда три сильных клана разделили большое и могущественное государство Цзинь на Вэй, Чжао и Хань. В 403 г. до н.э. правитель Чжоу признал дэ-факто царствующих в качестве вассалов, а в 376 г. до н.э. они полностью уничтожили потомков цзиньского правящего дома. Расположенное в центральном Китае между двумя соперничающими царствами — Цинь на западе и Ци на востоке, Вэй было самым могущественным из «трех цзиньских государств». Вначале столица его находилась в Аньи, но на плодородных равнинах, где она располагалась, не было естественных преград, таких как горы и овраги, и государство страдало от постоянного давления со стороны враждебных соседей. Будучи сильным и процветающим, оно могло контролировать район Западной реки и отражать угрозу со стороны воинственного Цинь, если же оно ослабевало — вследствие бездарного правления или стихийных бедствий — оно терпело поражения в непрекращающихся войнах. Более того, если Цинь часто было не способно совладать с мощным царством Цзинь, то после раздела последнего ни одно из трех вновь возникших царств не обладало достаточным потенциалом для самостоятельного существования, а желания объединиться у них не возникало.

Вэнь-ван, правивший Вэй с момента образования до 387 г. до н.э., нуждался в хороших советчиках и приглашал людей ко двору, не спрашивая, из какого царства они родом. Ли Кэ, один из тех, кто откликнулся на такое приглашение, получил высокий пост и стал влиятельным человеком. Он исправил законы, провел мероприятия по увеличению сельскохозяйственного производства, ввел частную собственность на землю и проводил политику стабильных цен на товары. Си-мэнь Бао занимался ирригацией, что значительно повысило благосостояние народа. У Ци, назначенный главнокомандующим, провел много успешных кампаний против Цинь и обеспечил защиту Западной реки. Сын Вэнь-вана У-ван продолжал политику У Ци, заставив два других «цзиньских» царства Хань и Чжао уважать мощь и богатство Вэй, хотя сам У Ци из-за бесчисленных дворцовых интриг был вынужден бегством спасать свою жизнь.

К сожалению, Хуэй-ван, пришедший к власти в 370 г. до н.э., больше преуспел во вражде с людьми, чем в использовании их на службе, лишившись многих талантливых чиновников, таких, как, например, Шан Ян (который впоследствии своими реформами укрепил Цинь). Вместо установления дружеских отношений с соседями, Хуэй-ван их раздражал, всюду обостряя конфликты. В конце концов он потерял район Западной реки, чем открыл государство для нападений Цинь и был вынужден перенести столицу в Далян, назвав впоследствии свое царство Лян.

Два знаменитых сражения ярко иллюстрируют характер боевых действий в этот период. Первое, при Гуйлине, было вызвано желанием Хуэй-вана компенсировать потери, понесенные от Цинь на западе. Вэйская армия под командованием Пан Цзюаня атаковала Чжао на севере. Находясь в трудном положении, Чжао обратилось за помощью к Ци на востоке, под предлогом того, что так как оно представляет естественный барьер защиты от Вэй, Ци стратегически выгодно поддержать Чжао. Хотя правитель Ци согласился, Сунь Бинь — известный стратег, чья книга была недавно найдена — посоветовал подождать, пока два противника истощат силы друг друга, и тогда с наименьшим риском и усилиями добиться наибольшей выгоды. В 352 г. до н.э. Ци собрало армию под командованием Тянь Цзи с тем, чтобы нанести отвлекающий удар по вэйской столице Даляню в соответствии с правилами «первым делом захватывать самое ценное», «атаковать пустоту» и «наносить удар в незащищенное место». Пан Цзюань, упоенный своими победами в Чжао, отреагировал, как и ожидали, и поспешил назад. Тогда Ци показало притворную озабоченность и отошло к заранее выбранному месту с тем, чтобы ждать там вэйскую армию, следуя тактическому принципу Сунь-цзы и Сунь Биня «в покое ждать уставшего». Со своих укрепленных позиций и возвышенной местности Ци не составило труда быстро победить изможденную армию Вэй, нанеся ей при минимальных затратах огромные потери.

Несколько лет спустя Вэй оказалось зажатым со всех сторон: набравшим силу Хань на юге, Цинь на западе, Ци на востоке и Чжао на севере. Хуэй-ван начал кампанию против Хань, усиленного реформами Шэнь Бухая и союзом с Чжао, заключенным, когда Хань вернуло отобранные ранее у последнего города. Пан Цзюань, которому опять было поручено командование,

направил войска прямо к ханьской столице. Хань, как и Чжао, искало поддержки у Ци, намекая на выгоду от совместной обороны. И опять Сунь Бинь посоветовал подождать, пока обе стороны истребят друг друга, и Вэй будет еще более ослаблено. Хань приняло защитные меры, но проиграла одну за одной пять важнейших битв и в отчаянной попытке выжить было вынуждено подчиниться Цинь. Тогда Ци выступило в качестве четвертой силы, с главнокомандующим Тянь Цзи и стратегом Сунь Бинем. Пан Цзюань сразу же прекратил военные действия в Хань и повернул назад. Тем временем Хуэй-ван собрал все силы, назначив своего сына командовать войсками, обороняющими царство, с единственной целью — найти повод для решающего столкновения с Ци.

По указанию Сунь Биня армии Ци, продвигавшиеся к Вэй, следовали стратегеме «будь обманчив». Пан Цзюань самоуверенно считал всех людей Ци трусами, которые скорее побегут, чем сойдутся на поле боя с могущественным Вэй. Поэтому Сунь Бинь ежедневно уменьшал количество костров в лагере, чтобы создать видимость повального дезертирства. Он также совершил отвлекающий отход, чтобы заманить Пан Цзюаня в удобную местность при Малине, где циский командующий спрятал среди холмов десять тысяч арбалетчиков. Пан Цзюань, очевидно, опасаясь упустить возможность решающего удара по отступающей армии Ци, оставил позади себя тяжелые части и обоз и двинулся вперед с легко вооруженными соединениями. Прибыв к ночи, соединенные силы Вэй попали в засаду. Они были уничтожены смертоносным огнем из арбалетов, и 100000 воинов Вэй бессмысленно погибли из-за самонадеянности и ограниченности своего командующего¹⁰.

Впоследствии Вэй не только никогда не достигло прежнего могущества, но и постоянно подвергалось нападениям Цинь, мощь которого невиданно возросла и которое позднее подчинило весь Китай. В 340 г. до н.э., после ряда поражений Вэй вынуждено было отдать Цинь 700 ли земли и перенесло столицу в Далян, чтобы укрыться от бесконечных набегов. Несмотря на то, что появлялись личности, на время восстанавливавшие силу царства Вэй, территория его продолжала уменьшаться, пока, наконец, оно не было начисто уничтожено вместе с правящим домом в 225 г. до н.э.

Военные трактаты

Для того, чтобы помочь читателю понять огромную ценность и непреходящее значение китайской военной классики, необходимо вкратце отметить несколько исторических и политических моментов. Во-первых, обычно военные сочинения не было разрешено держать в частном владении, и их хранили тайно. (Обладание «Шестью секретными учениями» Тайгуна — книгой, оправдывавшей свержение правящей династии — было особенно опасным для владельца). Во-вторых, почти все эти учения вначале передавались из поколения в поколение, часто в устной форме и всегда в строгой секретности. Наконец, они были записаны — на бамбуковых дощечках — и изредка выходили в свет. Правительственные переписчики и чиновники собирали таблички для специального пользования; они хранились в императорской библиотеке и ценились так высоко, что избежали печально известной участи сожжения при династии Цинь¹¹. Помещенные в архив, они были доступны нескольким знатокам классики, небольшому числу высших чиновников и самому императору. Однако даже этим привилегированным лицам мог быть закрыт доступ к критическим сочинениям, особенно при связи последних с императорской фамилией.

Уже после того, когда эти произведения были записаны на бамбуке, шелке и бумаге (после ханьской династии), некоторые «патриоты» старались изъять их. Так, полководец Чжан Лян, сыгравший решающую роль в свержении тиранической династии Цинь и установлении Хань, вероятно владел единственным экземпляром «Трех стратегий Хуан Ши-гуна», которые он сам изучал и приказал похоронить вместе с собой. По одной из традиционных версий, этот текст всё же вновь появился на свет, когда могила была разграблена в IV веке. Другим примером может являться знаменитый отказ (хотя, возможно, апокрифический) Ли Вэй-гуна, известного стратега и способного полководца, познакомить танского императора с выходящим за пределы оборонительных познаний и тактики учением. По мнению Ли Вэй-гуна, стратегии нападения нельзя распространять, ведь, поскольку империя в покое, они могут помочь только тем, кто стремится к войне и подстрекает к смутам.

Семь книг, традиционно входящие в «Семь военных канонах» со времен сунской династии, следующие:

«Искусство войны» Сунь-цзы

«У-цзы»

«Методы Сыма» («Сыма фа»)

«Вопросы и ответы танского Тай-цзуна и Ли Вэй-гуна»

«Вэй Ляо-цзы»

«Три стратегии Хуан Ши-гуна»

«Шесть секретных учений Тай-гуна»

«Искусство войны» Сунь-цзы всегда считалось старейшим и высочайшим достижением китайской военной мысли, несмотря на то, что предполагаемый автор «Шести секретных учений» — Тай-гун — жил на несколько столетий раньше, чем (возможно) Сунь-цзы. Материалы, представленные в «Методах Сыма», возвращают к периоду Ранней Чжоу; «У-цзы» мог быть записан учениками У Ци, хотя и изменялся в дальнейшем; а «Три стратегии», возможно, следуют за «Вэй Ляо-цзы», хотя традиционалисты по-прежнему связывают их с Тай-гуном. Таким образом, одним из возможных порядков расположения (со многими оговорками и неподтвержденными выводами) может быть следующий:

Начальный период	«Методы Сыма» («Сыма фа») «Искусство войны» Сунь-цзы
Второй период	«У-цзы»
Третий период	«Вэй Ляо-цзы» «Шесть секретных учений Тай-гуна» «Три стратегии Хуан Ши-гуна»
Тан Сун	«Вопросы танского Тай-цзуна и ответы Ли Вэй-гуна»

Биографии предполагаемых авторов, как и рассмотрение вопросов о времени создания текстов, помещены в предисловиях к соответствующим переводам. Древние свидетельства условны и часто цикличны, и потому систематическое изучение эволюции стратегической мысли и военных концепций остается за будущим. Тем не менее, представленный выше порядок рассмот-

рения — хотя он, возможно, возмутит поклонников Сунь-цзы — кажется вполне обоснованным в свете традиционных текстологических исследований и недавних находок при раскопках захоронений. Соотносительное расположение книг в третьем периоде (возможно, совпадающем со второй половиной III в. до н.э.) еще предстоит выяснить. Признавая такую хронологию, ради исторической последовательности мы все-таки ставим в нашей книге на первое место «Шесть секретных учений». Тай-гун был одним из основных участников великой Чжоуской драмы, придавшей неповторимый колорит китайской истории на целых три тысячелетия. Вслед за этим текстом идут «Методы Сыма», в которых часто встречаются ссылки на события, произошедшие при Чжоу, а затем «Искусство войны». «У-цзы», составленный, вероятно, по времени где-то близко к «Искусству войны», завершает тексты начала эпохи «Борющихся Царств». Далее произведения идут в хронологической последовательности: «Вэй Ляо-цзы», «Три стратегии Хуан Ши-гуна» и, наконец, средневековые «Вопросы танского Тай-цзуна и ответы Ли Вэй-гуна».

Примечания

1. Шан Ян (ум. в 338 г. до н. э.) — известен как один из основателей школы легистов, а также как создатель законов и реформ в царстве Цинь.

2. Хань Фэй-цзы (ум. ок. 233 г. до н. э.) — знаменитый легист и ученик Сюнь-цзы (298–238 гг. до н. э.), автор одноименного трактата.

3. «Цзо чжуань» («Комментарий Цзо») — один из первых исторических памятников Китая, представляющий собой летопись событий с 722 по 468 гг. до н. э.

4. «Добродетель» («дэ») — одно из базовых понятий не только китайской морали, но и всего спектра культуры и мысли в целом. Иероглиф «дэ» многозначен и переводится по-разному. На основе неизменно присутствующих в нем коннотаций нами выбран перевод «добродетель».

5. Автором этой концепции является Чао Цо, видный государственный и политический деятель династии Хань.

6. Возникший впоследствии термин «три армии» (сань цзюнь), постоянно использовавшийся для обозначения армии в походе, возможно, берет свое происхождение от этого разделения.

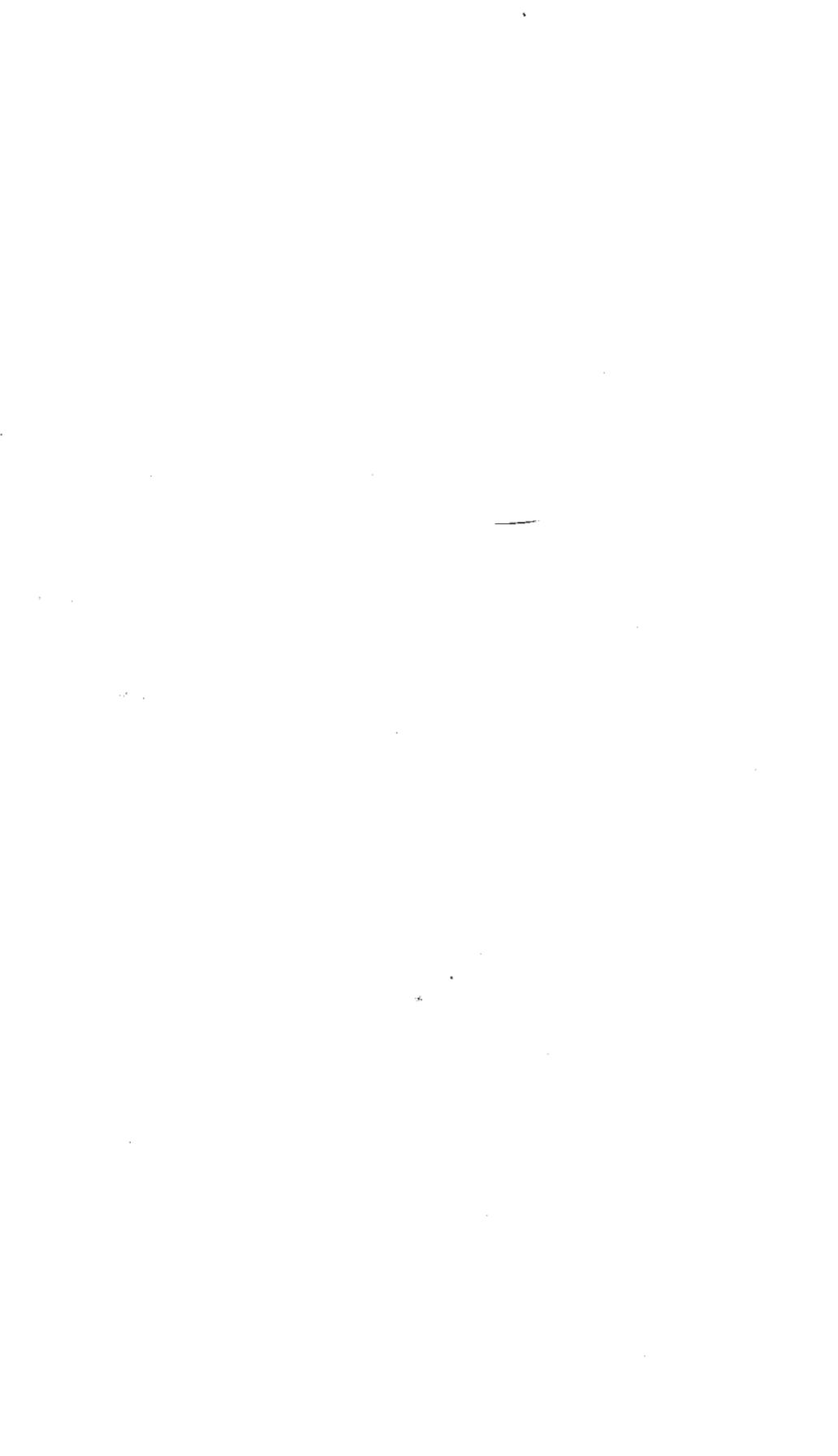
7. «Небесный мандат» (тянь мин) — дарованное Небом добродетельной династии право царствовать в Поднебесной.

8. Столетие спустя династия Цинь пришла на смену Чжоу.

9. «Семью гегемонами» в начале периода «Борющихся Царств» были Ци, Янь, три Цзинь (Хань, Чжао и Вэй) и новые мощные окраинные государства Чу и Цинь.

10. Битва при Малине, очевидно, была первой, где использование арбалетов сыграло столь решающую роль. Согласно другой версии, в этом сражении войсками Вэй командовал наследный принц, ибо Пан Цзюань был убит в предыдущей битве.

11. Цинь Ши-хуан приказал собрать и уничтожить книги по всей империи. Исключения составили сочинения по некоторым специальным областям.

1

Шесть
секретных
учений
Тай-гуна

太
公
六
韜

Исследование 39

Перевод 59

I. Гражданское секретное учение 59

1. Учитель Вэнь-вана 59
2. Полнота и пустота 62
3. Дела государства 63
4. Великие правила благопристойности 64
5. Ясные наставления 65
6. Шесть стражей 66
7. Сохранение владений государства 68
8. Сохранение государства 69
9. Почитание достойного 70
10. Приближение достойных 72
11. Награды и наказания 73
12. Дао войны 74

II. Военное секретное учение 75

13. Вступительные наставления 75
14. Гражданские наставления 77
15. Гражданское наступление 78
16. Наставления об обращении с людьми 81
17. Три сомнения 82

III. Секретное учение дракона 84

18. Крылья правителя 84
19. Обсуждение полководцев 87
20. Выбор воинов 88
21. Назначение полководца 89
22. Устрашающая сила полководца 91
23. Воодушевление армии 92
24. Секретные бирки 93
25. Секретные письма 94
26. Стратегическая сила армии 94

27. Необычная армия 96
28. Пять тонов 99
29. Отличительные признаки армии 100
30. Подручные средства 102

IV. Секретное учение тигра 104

31. Снаряжение армии 104
32. Три разворачивания 109
33. Безотлагательная битвы 109
34. Решительное отступление 110
35. Планирование для армии 111
36. Приближение к границе 112
37. Движение и остановки 113
38. Гонги и барабаны 114
39. Отрезанные пути 115
40. Захват владений врага 117
41. Огневая война 118
42. Пустые укрепления 119

V. Секретное учение леопарда 120

43. Война в лесу 120
44. Взрывная война 121
45. Сильный противник 122
46. Воинственный противник 123
47. «Вороны и облака» в горах 124
48. «Вороны и облака» в болотах 125
49. Малые и большие силы 127
50. Разделенные долины 127

VI. Секретное учение собаки 129

51. Рассредоточение и соединение 129
52. Боевое нападение 130
53. Выбор воинов 130
54. Обучение бою 132
55. Равные силы 132
56. Воины боевых колесниц 134
57. Воины боевой конницы 134
58. Колесницы в битве 135
59. Конница в битве 137
60. Пехота в битве 60

Примечания 141

Исследование

Согласно традиции, «Шесть секретных учений» представляют собой собрание политических советов и тактических наставлений, данных Тай-гуном правителям династии Чжоу Вэнь-вану и У-вану в XI в. до н.э. Хотя данный текст, по всей видимости, относится к периоду «Борющихся Царств» (о чем говорится в конце данного предисловия), некоторые усматривают в нем отражение традиции изучения военного искусства в царстве Ци и, таким образом, характерные черты древнего пласта военной мысли Китая. Исторический Тай-гун, которому приписываются «Шесть секретных учений», почитался на протяжении всей китайской истории как первый полководец и основатель стратегической науки. При династии Тан в честь него, военного покровителя, был воздвигнут государственный храм, и он, таким образом, обрел священный статус, сравнимый со статусом Конфуция, покровителя гражданского.

«Шесть секретных учений», — всеобъемлющий труд, который не только обсуждает стратегию и тактику, но и предлагает ряд мер, осуществление которых необходимо для обеспечения эффективного государственного контроля и достижения национального процветания. Вероятно, правители Чжоу на практике последовали многим из этих советов и смогли укрепить сельское хозяйство, увеличить людские ресурсы, существенно расширить границы своего изначально небольшого владения и сохранить верность союзников до тех пор, пока не начали решающую военную кампанию, в которой победили сильную династию Шан и положили конец ее шестисотлетнему правлению.

«Шесть секретных учений» — это единственный военный канон, написанный с точки зрения перспективы борьбы против правящей династии, ибо целью Чжоу было ни больше ни меньше, как ее свержение. Достижение этой цели требовало от чжоуских правителей развития технологии и идеологии, а также применения политической и стратегической тактики и даже тактики боя, никогда прежде не наблюдавшихся в китайской истории. Они должны были тщательно взвешивать все за и против, используя скромные ресурсы и ограниченные силы для нападения на очень сильного и хорошо укрепленного врага, чьи армии по численности превосходили, возможно, все население Чжоу. В отличие от «Шести секретных учений», все другие сочинения по стратегии уделяли основное внимание военному противостоянию между государствами сравнимой силы, когда обе стороны опираются на примерно одинаковую военную и организационную структуру. Кроме того, почти все военные тексты твердо придерживаются основного положения об «обогащении государства [через сельское хозяйство] и укреплении армии», многие стремятся уделять внимание стратегическому анализу и тактике на поле боя, а вовсе не фундаментальным мерам, необходимым для создания самой возможности противостояния.

Эпохальное столкновение между династиями Чжоу и Шан, предвиденное первой и идеалистически изображенное в последующих исторических трудах, создало нравственную подоплеку китайской истории и установило параметры династического цикла. Архетипы битвы добра со злом — милосердные и справедливые действия от имени всех людей в борьбе с тираном и его паразитами-приспешниками — берут свое начало в этом противостоянии. Завоевание Ся династией Шан, хотя и было запечатлено подобным же образом, произошло до появления письменности и уже в древности превратилось в легенду. Таким образом, целенаправленные усилия Чжоу на освобождение народа от бремени и установление правления, основанного на добродетели и человечности, стали неотъемлемой частью нравственного самосознания в Китае. Когда династии приходили в упадок, а правители теряли чувство стыда и способность управлять государством, появлялись новые поборники справедливости, противостоявшие деспотической клике, спасавшие людей от гибели и восстанавливавшие гуманное правление. Более того,

по мнению некоторых историков, конфликт между Шан и Чжоу ознаменовал собой последнюю битву между разными народами, потому что, начиная с династии Чжоу, все баталии в Китае были внутривосточными столкновениями. Однако противостояние между народами центральных аграрных государств и степными кочевниками продолжалось на протяжении всей китайской истории, выражаясь частично в сознательной самоидентификации народов этих государств как единой общности в противовес «соседям — варварам».

Согласно традиционным летописям, например, «Ши цзи»¹, в соответствии с должной нравственной традицией и ввиду тяжелого положения народа, династия Шан пришла к власти, сбросив последнего порочного правителя предыдущей династии Ся.

Минули поколения, и шанские императоры — не от того ли, что погрязли в роскоши и предавались «тысяче удовольствий» — стали менее добродетельными и менее способными. Грехи их нарастали как снежный ком, пока дело не дошло до последнего правителя, которого история изображает самым воплощением зла. Ему приписаны все мыслимые и немыслимые преступления: установление непомерных налогов; введение тяжелых трудовых повинностей для строительства роскошных дворцов и мест для развлечений; вмешательство в сельское хозяйство, приведшее к голоду и упадку, разврат, пьянство и оргии; зверские убийства множества людей, особенно знаменитых своей добродетелью, и лояльных чиновников, а также нечеловеческие по своей жестокости казни. Хотя, как свидетельствуют выдержки из «Анналов Шан» в «Ши цзи», этот правитель был талантлив, силен и грозен:

По своим природным способностям и в своей проицательности император Чжоу² был точен и быстр; его слух и зрение были исключительно тонкими, а физической силой он превосходил всех остальных. Голыми руками он мог убить свирепое животное; его знаний было достаточно, чтобы унять критика, а говорливости — чтобы скрыть ошибки. Он хвастался своими способностями перед чиновниками, с высокомерием относился ко всему и был убежден, что все — ниже его. Он любил вино, предавался музыке и обожал своих жён. Он был восхищен Да Цзи и слушался ее. Так, он заставил Ши Цюаня создать новую неприличную музыку, танец «бейли» (безнравственных жёниц), и непристойную музыку «трепетания». Он повысил налоги, чтобы заполнить монетами Башню Оленя, и набил зерном амбары Цзюй-цяо.

Он увеличил количество собак, лошадей и необычных вещей у себя, чем переполнил дворцы. Он надстроил башню в саду Ша-цю и поместил туда множество диких животных и птиц. Он был неуважителен к демонам и духам. В саду Ша-цю он собрал множество музыкантов и актеров, там было озеро вишн и лес из развешенных кусков мяса, обнаженные мужчины и женщины бегали между ними друг за другом, и пьяные оргии длились почками. Сто родов с ненавистью смотрели на него, и некоторые из вассалов восстали.

Согласно традиционным источникам, государство Чжоу было образовано при драматических обстоятельствах, когда Дань Фу, вождь чжоусцев, перешел со своим племенем через горы на юг, в долину реки Вэй, чтобы спастись от опасности, постепенно оставил так называемые «варварские обычаи» и наследовал дело предков, занявшись оседлым земледелием. Это сразу же закрепило за ним знак добродетели и придало Чжоу — а затем и китайской цивилизации в целом — сельскохозяйственный характер. Вот как описываются события в «Ши цзи»:

Древний вождь Дань Фу вновь стал заниматься сельским хозяйством, как Хоу Цзи³ и предок Лю, был добродетелен и справедлив, и все люди в государстве подчинялись ему. Сюнь-юй из жунов и ди напали на них, желая получить их богатство и вещи, и он дал им это. Затем они снова напали, желая взять земли и людей. Народ ожесточился и хотел сразиться. Но древний вождь сказал: «Когда люди выбирают правителя, это должно быть им на пользу. Сейчас варвары нападают и ведут войну, ибо требуют мою землю и людей. Какая разница, с ними люди или со мной? Люди хотят сразиться из-за меня, но дать погибнуть отцам и сыновьям для того, чтобы править — я не могу вынести этого». Тогда со своими родственниками он отправился в Бинь, перешел через реки Ци и Цзюй, пересек горы Лян и остановился у горы Ци. Народ Бинь, поддерживая старых и неся на руках больных, вновь последовал за вождем к горе Ци. Когда люди из соседних государств услышали о человечности Дань Фу, многие изъявили свою покорность. Затем он отбросил варварские обычаи, построил стены и дома и создал города, чтобы они жили отдельно. Он назначил чиновников в пять ведомств. Весь народ распевал песни и предавался радости, прославляя его добродетель.

Генерал Сюй Бэй-гэнь, китайский военный историк XX века, полагает, что чжоусцы легко установили союз с различными народами — включая разочарованных потомков Ся, завоеванных Шан — благодаря своим навыкам ведения сельского хозяйства. Увековечивая аграрные институты Ся, чжоусцы в течение многих лет посылали советников к соседним народам и государствам

для обучения их сельскому хозяйству и сезонным работам. Это не только обеспечило чжоусцам уважение и доброжелательность со стороны соседей, но и дало возможность познакомиться с землями, народами и обычаями за пределами долины реки Вэй.

Однако Цзи Ли — третий сын Дань Фу, ставший наследником благодаря превосходству в добродетели перед двумя старшими братьями — провел несколько успешных походов против соседей и быстро расширил сферу влияния Чжоу.

Вначале Шан признала эти завоевания и одобрила его действия, дав ему соответствующий титул «бо», но затем он был заключен в тюрьму и умер в шанской столице, несмотря на то, что стал родственником правящего дома, женившись на одной из принцесс. Хотя взаимоотношения Шан и Чжоу остаются неясными, и история их ожидает дальнейших археологических исследований, похоже, что другие члены правящего дома Чжоу, включая Вэнь-вана, тоже женились на шанских принцессах. За поколения до того, как чжоусцы пришли в долину реки Вэй, начиная со времен правления У Дина, шанцы предприняли несколько военных походов против Чжоу. Шанские правители часто охотились в их владениях, но, очевидно, поняли ситуацию и прекратили это, поскольку мощь Чжоу значительно возросла.

В старости Вэнь-ван по приказу шанского правителя-тирана тоже был посажен в тюрьму за отказ повиниться, но вышел на свободу благодаря обильным взяткам, которые щедро раздавали члены его семьи и друзья. Дары были столь богатыми и внушительными, что Вэнь-вану, вновь выказавшему послушание и верность Шан, был пожалован титул «правителя Запада». Когда это случилось, ему вручили лук, стрелы и боевые топоры — символы воинских обязанностей, исполняя которые он, по иронии судьбы, должен был противостоять угрозам империи извне. Он немедленно вернулся в свое государство на западной окраине Шан, ведь отдаленность долины реки Вэй имела огромные преимущества. Проживая, по существу, на земле варваров, чжоусцы имели стимул для активной военной деятельности, благодатные пашни и были относительно изолированы от внешнего мира. Поскольку Вэнь-ван мог проводить политику укрепления военного и материального могущества, не привлекая излишнего внимания, у Чжоу было целых семнадцать лет, чтобы подготовиться к решающей битве.

ТАЙ-ГУН

В государство чжоусцев — скромное в сравнении с обширным и сильным шанским, которое все еще контролировало около трех тысяч маленьких государств и владений — прибыл необычный человек Тай-гун, носивший имя Цзян Шан. Старый человек, с прошлым, окутанным тайной, он нашел правителя Шан нестерпимым и прикинулся умалишенным, чтобы устроиться от жизни двора. Он исчез только для того, чтобы в апокрифическом возрасте 72 лет вдруг появиться в Чжоу и стать там советником. За преданное служение чжоускому двору в течение приблизительно двадцати лет после первой встречи с Вэнь-ваном, Тай-гуну был пожалован, вслед за падением Шан, восточный удел Ци — скорее для того, чтобы выровнять положение на востоке (и, возможно, избавиться от него самого), чем в качестве награды за заслуги.

Не говоря уже о приписываемом Тай-гуну долголетию, первая встреча между ним и Вэнь-ваном также окутана мистическим ореолом, традиционно символизирующим свидание двух великих героев. Как сказано в «Шести секретных учениях», придворный историк отметил характерные знаки, предвещающие появление великого человека, и сообщил об этом Вэнь-вану. Последний в течение трех дней соблюдал пост, дабы очиститься и обрести должное состояние духа. Встреча, наконец, состоялась, и Тай-гун сразу же начал говорить о главной цели — свержении Шан — отвечая в аллегорическом стиле на вопрос Вэнь-вана о рыбной ловле. Затем, отбросив метафоры, он откровенно сказал Вэнь-вану, что цель (по сути — обретение всей Поднебесной), может быть достигнута истинно гуманными методами и эффективным управлением. Удивленный его прямо-той, и, по-видимому, усмотрев в этом волю Неба, правитель сразу же признал Тай-гуна настоящим мудрецом, способным реализовать мечты Чжоу, и решил свергнуть шанскую династию. Так Тай-гун стал советником, наставником, доверенным лицом, военным стратегом и, возможно, главнокомандующим военными силами при Вэнь-ване и его сыне У-ване, и служил им в течение многих лет, пока ни была достигнута окончательная победа.

В «Ши цзи» в главе, посвященной государству Ци, есть биография основателя царства Тай-гуна, в которой даются допол-

нительные сведения и описываются события, предшествовавшие знаменитой встрече (изображенной в первом из «Шести секретных учений»).

Тай-гун, по имени Люй Шан, был родом из земель у восточного моря. Его предок когда-то возглавлял ведомство работ и получил известность, помогая Юю усмирять воды рек. В период между правлением Шуя и династией Ся он получил удел в Люй, а, может быть, и в Шэнь, и принял фамилию Цзян. Во время правления Ся и Шан некоторые сыновья и внуки по параллельным линиям имели земли в Люй и Шэнь, другие были простолюдинами, и Шан был их потомком, Его первоначальной фамилией была Цзян, но впоследствии его стали именовать по названию удела, поэтому его звали Люй Шан.

Люй Шан, обедневший и пребывавший в нужде, был уже стар, когда во время рыбной ловли он встретился с правителем Запада (Вэнь-ваном). Тот собирался на охоту и спросил гадалея [о добыче]. Предсказатель ответил следующее: «Тот, кого вы найдете, не будет ни драконом, ни шпионом, ни тигром, ни медведем. Тот, кого вы приобретете, будет помощником гегемону или правителю». После чего правитель Запада отправился на охоту и действительно, на солнечном берегу реки Вэй встретил Тай-гуна. Разговорившись с ним, он был приятно удивлен и сказал: «Мой прежний помощник, Тай-гун, говорил: "Один мудрец придет в Чэюу, и Чэюу будет процветать". Вы и вправду этот человек или нет? Мой Тай-гун [первый министр] искал вас в течение долгого времени». Поэтому он назвал его «Тай-гун-ваном» и возвратился вместе с ним в одной повозке, назначив его стратегом.

Передают, что Тай-гун много учился и в свое время служил правителю Шан по имени Чэюу. Однако этот правитель утратил Путь [Дао], поэтому Тай-гун покинул его. Он путешествовал, пытаясь наставлять разных князей, но не встретил никого [подходящего], и в конце концов прибыл на Запад вместе с правителем Запада.

Еще передают, что Люй Шан был ученым, устроившимся от дел и уединившимся на берегу моря. Когда правитель Запада был заключен в тюрьму в Юй-ли, Сань-и Шэи и Хун Яо, знавшие его, призвали Люй Шана. Последний сказал: «Я слышал, что правитель Запада — великий человек и известен тем, что поддерживает престарелых, поэтому я пойду к нему». Втроем они отыскивали красивых женщин и множество редких вещей и от имени правителя Запада преподнесли шанскому правителю Чэюу, чтобы выкупить Вэнь-вана. Так последний смог выйти из тюрьмы и вернуться на родину.

Хотя по-разному говорят о том, как Люй Шан попал на службу к правителю Запада, важно то, что он был стратегом при Вэнь-ване и У-ване.

После освобождения из Юй-ли и возвращения [в Чэисоу] правитель Запада тайно составил план вместе с Люй Шапом и совершенствовался в добродетели, чтобы покончить с правлением Шан. Тай-гуи в основном занимался военными делами и необычными стратегемами, поэтому, когда последующие поколения говорили об армии и тайном равновесии сил Чэисоу, все они почитали Тай-гуна за составление великих планов.

Правитель Запада действовал справедливо, он даже помирил варваров племен юй и цзюи. Поэт (в «Книге Песен») говорит, что правитель Запада стал называться Вэнь-ваном после того, как получил Мандат [Неба]. Он напал на Чун, Ми-суй и Цзюань-и и построил большой город в Фэн. Если бы Поднебесную можно было разделить на три части, то две трети [уже] выказали верность Чэисоу. Основная причина тому — расчеты и стратегемы Тай-гуна.

Когда Вэнь-ван умер, на трон взошел У-ван. На девятый год, желая продолжить дело Вэнь-вана, он организовал поход на восток, чтобы узнать, поддержат ли его другие удельные князья. Когда армия выступила, Тай-гуи взял железный боевой топор в левую руку и белый флаг в правую, чтобы произнести клятву.

Цан -сы! Цан- сы!⁴

Соединим множество твоих людей с твоими лодками и веслами.

Те, что придут позже, будут обезглавлены.

Затем он отправился в Мэицинь. Число князей, присоединившихся по своему желанию, составляло восемьсот человек. Все они сказали: «На правителя Чэисоу можно напасть». У-ван ответил: «Пока еще нет». Он вернул войско и вместе с Тай-гуном произнес Великую Клятву.

Спустя два года после того, как У-ван возвратился в Чэисоу, шанский правитель убил принца Би-ганя и посадил в тюрьму Цзи-цзы. У-ван, желая напасть на Шан, гадал по панцирю черепахи, чтобы узнать о предзнаменованиях. Они не были благоприятными, поднялся сильный ветер и пошел дождь. Все присоединившиеся князья испугались, но Тай-гуи уговорил их поддержать У-вана, и тогда У-ван выступил.

На одиннадцатом году правления, в день цзя-цзы первого месяца, он произнес клятву при Муе и напал на правителя Шан Чэисоу. Шанская армия была наголову разбита. Сам Чэисоу бежал и укрылся в Башне Оленя. Они настигли и обезглавили его. На следующий день У-ван предстал перед алтарем: князья песли чистую воду; вэйский Кан Шу-фэн расстелил разноцветную циновку; Ши Шан-фу (Тай-гуи) вел животных для жертвоприношения, а писец И пел молитвы, дабы сообщить духам о каре за преступления правителя Чэисоу.

Они распределили монеты из Башни Оленя и достали зерно из амбаров Цзюй-цзю, чтобы облегчить путь обездоленным. Они создали удел там, где был погребен Би-гань, и выпустили из тюрьмы Цзи-цзы. Они поставили девять котлов⁵, навели порядок в управлении и все обновили в Поднебесной. Это делалось в основном по плану Ши Шан фу (Тай-гуна).

У-ван, усмирив Шан и став правителем Поднебесной, дал Тай-гуну во владение Ци и посадил его в Ин-цю. Тай-гун отправился в свое владение на восток, он останавливался на почлег и двигался медленно. Владелец постоянного двора сказал: «Я слышал, что время тягисло выгадать и легко упустить. Наш гость спит слишком мирно. Наверное, он не собирается возвращаться в свои владения». Тай-гун, подслушав эти слова, этой же ночью оделся и отправился в путь, еще до рассвета достигнув границ своего государства. Правитель Лай выступил, чтобы напасть на него и сражался с ним за Ин-цю. Ин-цю граничило с Лай. Лай населяли варвары-и, которые извлекали выгоды из хаоса, царившего при последнем правителе Шан и начале Чжоу, и полагали, что Чжоу не сможет подчинить отдаленные земли. Поэтому они сражались с Тай-гуном.

Когда Тай-гун прибыл в свое государство, он изменил управление в соответствии с местными обычаями, упростил чжоуские формы ритуала, разрешил заниматься торговлей и ремеслом и способствовал получению доходов от рыбной ловли и добычи соли. Люди во множестве изъявляли верность Ци, и оно стало великим царством.

Позднее, когда правитель Чжоу Чэн-ван был еще молод, Гуань Шу и Цай Шу восстали, и варвары-и из долины реки Хуа выступили против Чжоу. Тогда [Чэн-ван] повелел Чжао Кан-гуну отправить Тай-гуну послание: «До самого моря на востоке, до Желтой реки на западе, до Мулина на юге и до Уди на севере, усмирить и заставить повиноваться пять ху и девять бо». С этого времени Ци могло усмирять и нападать [на восставших] и стало великим царством. Столицей его был Инцю. Когда Тай-гун умер, ему было уже более ста лет...

* * *

Придворный историк говорит: «Я отправился в Ци — от Ланьэ, что у горы Тай, до самого моря на севере — две тысячи ли плодородной земли. Люди там вспыльчивы и многие скрывают свои познания. Такова их природа, определенная Небом. Используя при установлении государства мудрость Тай-гуна, разве не естественно, что правитель Хуань-гун процветал и проводил хорошую политику, и тем самым собирал владетельных князей. Велик, поистине велик путь большого государства!»

Несмотря на столь подробную биографию Тай-гуна, содержащуюся в «Исторических записках» Сыма Цяня, которым, в общем, можно доверять, в течение тысячелетия одни конфуцианские скептики отрицали сам факт его существования, а другие, смущенные запутанными версиями его происхождения, приписывали ему меньшие заслуги. Они основывали свое мнение на том, что в архаических текстах, «Шан Шу»⁶ и «Вёснах и

Осенях», дающих, как обычно предполагается, подлинные сведения об этих эпохальных событиях, Тай-гун не упоминается. Таким образом, скептики следуют концепции второго великого конфуцианца, Мэн-цзы, высказывая классическое для Китая отвлечение к войне и неизбежному кровопролитию. Героические усилия У-вана на протяжении долгих лет, предшествовавших завоеванию, и его успехи в установлении контроля над огромной территорией шанского государства, также замалчиваются. Таким образом, двух человек, олицетворяющих мудрость, добродетель и гражданские дела — Вэнь-вана и Чжоу-гуна — традиция превозносит, а стратега и полководца — игнорирует. Однако, изучив многочисленные свидетельства различных текстов и отбросив легенды и мифы, историки пришли к выводу, что Тай-гун не только действительно существовал, но и сыграл в истории Чжоу роль куда большую, чем приписывает ему «Ши цзи». Хотя подробности первой встречи с Вэнь-ваном остаются неизвестными, возможно, Тай-гун действительно принадлежал к клану Цзянов, с которым у чжоусцев был заключен военный союз и с которым заключались браки на протяжении поколений. Без сомнения, как и в случае с династией Ся, чье, как предполагалось прежде, мифическое существование ныне обретает конкретные очертания благодаря археологическим изысканиям, реальность личности Тай-гуна со временем будет доказана историческими свидетельствами.

ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ ТАЙ-ГУНА

Для того, чтобы достигнуть поставленной цели — выжить и свергнуть Шан, династии Чжоу необходима была всеобъемлющая стратегия, которая бы позволила упрочить материальную базу, подорвать силу противника и создать систему управления, эффективную как в военное, так и в мирное время. В «Шести секретных учениях» Тай-гун выступает ревностным сторонником концепции гуманного правителя, единственной целью деятельности которого было бы благосостояние народа. Он защищает это основное положение всеми силами, ибо убежден, что хорошо управляемый, процветающий и довольный жизнью народ будет и материально, и морально поддерживать своего правителя. Только

общество с достаточными материальными ресурсами способно обучать и наставлять людей, возвышать их дух, обеспечивать дополнительные поступления во время военных кампаний, а также создать подходящие условия для воспитания стойких духом воинов. Более того, человеческое правление сразу же становится привлекательным для всех угнетенных и обиженных, для беженцев из других государств, находящихся под властью деспота. Оно создает уверенность, что после установления нового режима его правители не повторят ошибок свергнутых жестоких властителей.

Основные принципы Тай-гуна, общая политика и стратегические концепции, выраженные в «Шести секретных учениях», могут быть кратко представлены следующим образом.

Гражданские дела

Обогащение народа. Тай-гун страстно защищает политику, сходную с имевшими огромное историческое значение идеями Мэн-цзы о благосостоянии и жизни народа. Улучшение сельского хозяйства должно быть первостепенным и включать как меры по повышению его продуктивности, так и невмешательство в порядок сельскохозяйственных сезонов, и тогда возможность негативных последствий деятельности власти уменьшится. Только если созданы соответствующие материальные условия, можно упрочить добродетель и отдавать приказы, будучи уверенным, что их исполнят. Процветающее, хорошо управляемое государство с довольным жизнью народом неизменно будет вызывать уважение соседей.

Создание сильного аппарата чиновников и установление контроля. Естественно, что правление должно быть основано на нравственных законах и распространять добродетель, однако эффективным оно может быть только при создании справедливой системы наград и наказаний и постоянном контроле за нею. Эти меры должны осуществляться сильными, властными, деятельными, избранными людьми. От чуждых государству «ценностей», таких, как, например, индивидуальное представление о мужестве, необходимо отказаться. Однако нужно проявлять терпимость к своим союзникам и делать все, чтобы не нарушать их местных обычаев.

Награды и наказания должны быть ясными, незамедлительными и одинаковыми для всех так, чтобы они могли стать неотъемлемой частью национального самосознания. Хотя количество законов и наказаний должно быть ограниченным и не слишком большим, те из них, что необходимы для выживания государства, следует неуклонно исполнять. Наказания должны затрагивать и самые верхи, а награды — и самые низы. Только тогда они возымеют действие, и у людей будет мотив следовать им независимо от занимаемого положения и от того, будут ли раскрыты совершенные преступления или нет.

Личный пример и симпатии правителя. Правитель и государственные чиновники, по определению, должны активно совершенствоваться в признанных всеми добродетелях: гуманности, справедливости, благопристойности, верности, искренности и мудрости. Все люди любят выгоду, удовольствия и добродетель и ненавидят смерть, страдания и зло, правитель обязан разделять эти ценности со своим народом. В идеале, он должен чувствовать нужды и желания людей и использовать любые источники информации для лучшего понимания жизни народа. Личные чувства не могут быть совместимы с беспристрастной деятельностью, и удовольствия, которым предается правитель и его окружение, не должны быть чрезмерными, обеднять народ и отвлекать его от своих занятий. Правитель должен устранять малейшие признаки зла, являя пример, в корне отличный от испорченности врага, чтобы люди увидели лежащую между ними пропасть. Справедливость должна всегда стоять выше чувств и желаний людей, а правителю следует делить со своим народом и радость, и горести. Все это приведет к нему людей и обеспечит их верность государству.

Тотальная война. Одной из причин критики «Шести секретных учений» в течение веков стало то, что Тай-гун настаивает на использовании любых средств ради достижения победы, как это делал соответствующий исторический прототип в Чжоу во имя свержения Шан. Среди них: заранее предполагать о возможности военных действий и, посредством разумного планирования, накапливать богатства, необходимые для ведения войны; выдумки и хитрости, призванные обманывать врага и устранять

подозрения; взятки, подарки и т.п., для того, чтобы склонить чиновников врага к предательству и посеять смуту и хаос в его государстве; потакание распутству и слабостям противника (музыка, вино, женщины и безделушки). Тай-гун призывает соблюдать полную секретность, а после вступления в войну — отбросить всякие условности.

Военные дела

Большая часть книги посвящена детально разработанной тактике поведения в конкретных ситуациях, хотя Тай-гун обсуждает также многие другие вопросы, такие, как стратегия кампании, выбор полководца и командиров, обучение и подготовка воинов, виды оружия, создание нового оружия, коммуникации, тактика боя, организация. Обширны рассуждения о соединении и рассредоточении сил и контроле за ними, независимых действиях частей, а также об «особом» оружии и вооруженных им отрядах. Следующие темы заслуживают краткого рассмотрения.

Полководец. Его необходимо тщательно выбирать и он должен быть возведен в должность верховного Полководца на соответствующей церемонии перед государственным алтарем, после чего он получает абсолютную власть над всеми военными делами. В дальнейшем правитель уже не может вмешиваться в его решения и действия, и в первую очередь потому, что могут быть совершены ошибки, которые поставят армию под удар, или упущены возможности, а также чтобы не дать оспорить авторитет полководца некоторыми подчиненными под предлогом личного знакомства с правителем.

Полководец и его подчиненные должны обладать набором необходимых качеств и быть лишены таких черт, которые могут привести к ошибкам или сделать армию уязвимой. В нескольких главах перечисляются достоинства и недостатки полководца и предлагаются средства для оценки и выбора военных руководителей.

Организация и союз. Государственные мероприятия, проводимые и в военной, и в гражданской сфере, должны быть согласованными для большей эффективности. Отдельные группы должны выполнять конкретные задания, следует также устано-

вить единую систему отчетности и ответственности. Необходимо создать иерархию командования с полным составом подчиненных, а также назначить технических специалистов и управляющих делами.

Тактика сражения. Тай-гун разбирает различные ситуации и формулирует некоторые общие принципы, которые должны определять действия командующего, направленные на выработку тактики, соответствующей условиям местности, характеру противника и относительным силам сталкивающихся сторон.

Есть две основные ситуации: когда армия собирается вступить в бой с врагом, и когда она вдруг обнаруживает себя в невыгодном положении, и противник заставляет ее вступить в бой. Обсуждаемые темы: выбор местности, где войско будет обладать преимуществом; штурм укреплений; ночные атаки; боевые действия в лесу; столкновения на воде; выход из ловушки; защита на равнине; защита при огневой атаке; ситуации и местности, коих следует избегать; методы психологической войны, зондирование врага и управление им; способы нагнать на противника страх; пути обмана.

Несмотря на то, что минули тысячелетия, некоторые наиболее известные принципы и практические указания «Шести секретных учений» сохраняют свою ценность и по-прежнему используются в военной сфере и бизнесе. Понятно, что главные из них — обман и неожиданность. Чтобы повысить эффективность атаки, необходимы необычные действия, дабы физически и психологически управлять врагом. Возможны несколько вариантов, но среди самых действенных — ложная атака, чтобы измотать силы противника. Вслед за этим может последовать главная атака, использующая преимущество того, что враг растерян и предполагает, что нападение — лишь очередная хитрость.

Дополнительные способы включают в себя: привнесение смятения во вражеские ряды путем дезинформации и использование наступившего хаоса; распространение среди противника благоговейного ужаса масштабными перемещениями сил; агрессивность и инициативность; скорость и быстрота; использование климатических условий, таких, как дождь и ветер, которые могут тревожить и беспокоить противника; нападение со стороны солнца или на закате; интенсивный сбор информации. Необ-

ходимо оценить противника и сделать правильные выводы, прежде чем принять решение об атаке или обороне. В полной мере надлежит использовать слабости вражеского полководца, атаки должны быть направлены на незащищенные позиции. Ловушек и засад нужно стремиться избегать, но со своей стороны использовать при малейшей возможности. Войска лучше собирать воедино, чем расплывать и тем самым ослаблять их. Сдавшимся в плен необходимо сохранять жизнь, чтобы у противника появился дополнительный стимул сложить оружие. Войска должны быть мобильными, а их сильные стороны — использованными полностью. Полководец не имеет права терпеть поражение из-за недостаточной подготовки своей армии.

АВТОРСТВО И ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ ТЕКСТА

Отношение исторического Тай-гуна к «Шести секретных учениям» остается неясным, и на этот счет высказывались самые различные мнения. Ныне существующее китайское название «Тай-гун лю тао» впервые появилось в разделе «Литературные трактаты», включенном в историю недолго правившей династии Суй «Суй ши», написанной при династии Тан. Однако задолго до этого, Лю Бэй и великий полководец Чжугэ Лян упоминаются комментаторами «Сань го чжи» как высоко чтившие книгу под названием «Лю тао»⁷. Янь Ши-гу, известный комментатор, отождествил (возможно, по ошибке) эту книгу с существовавшим в период Хань текстом с аналогичным названием, считавшимся историческим трудом, созданным при Чжоу.

Смысл названия не совсем ясен; однако первый иероглиф «лю», без сомнения, означает «шесть». Второй иероглиф «тао» сперва имел значение «обертка», «покрытие»; если вести речь в военном контексте, то так называли ткань, в которую обертывали лук, или сумку, в которую лук клали. В более широком смысле слово означает «утаивать», «засекречивать», и, как следствие, выражает умения, необходимые для стрельбы из лука и военного искусства в целом. Таким образом, «Лю тао» следует понимать как текст, включающий в себя шесть рассуждений о том, каких способностей и тактики требует ведение войны. Название иногда переводят как «Шесть обстоятельств». Однако мы наме-

ревались подчеркнуть такие аспекты значения «тао», как «заворачивать вещи» и тем самым утаивать, прятать, поэтому нами выбрано название «Шесть секретных учений».

Конфуцианцы, в том числе знаменитые ученые династии Сун, с пренебрежением отзывались о тексте как о подделке периода «Борющихся Царств», во время которого военные сочинения обрели популярность. Позднее другие традиционалисты приписали его к периоду династии Тан, громогласно заявляя об отсутствии какой-либо связи его с древностью. Причиной их критики стали реалистичность текста и «презренные методы», которые защищает Тай-гун. Как уже говорилось при обсуждении вопроса об историчности личности Тай-гуна, они догматически настаивали на том, что подлинные мудрецы, такие, как основатели чжоуской династии или Тай-гун, никогда бы не опустились до использования для достижения своих целей хитрости, обмана, женщин и взяток. Поэтому, с их точки зрения, победу Чжоу над Шан следует понимать только как победу культуры и добродетели над варварством и пороком. К сожалению, они систематически игнорировали тот факт, что в древности одинаково ценились и гражданское, и военное искусство, и проглядели, что в решающем финальном сражении, благодаря длительной тщательной подготовке, армия Чжоу сумела сокрушить превосходившие ее по численности шанские войска. (Им возражали лишь некоторые профессиональные военные, подчеркивавшие реальность военных действий, которые вела Чжоу, и желание использовать все возможные средства для того, чтобы уничтожить зло и сохранить людей, следует толковать как ясное и определенное свидетельство ценности текста).

Некоторые традиционалисты, особенно историки с военным прошлым, рьяно защищают подлинность книги и полагают, что она написана в начале чжоуской династии. Другие выражают более умеренные взгляды и полагают, что основы учения могли быть записаны в краткой форме на табличках и устно передавались потомками Тай-гуна в царстве Ци, составив ядро военной науки в этом государстве. Они признают, что в течение веков рассуждения, по-видимому, подвергались многочисленным дополнениям и изменениям, подобно «Чжун-ан-цзы»⁸ и «Хань Фэй-цзы», и были в итоге сверены и отредактированы в конце периода «Борющихся Царств».

Убедительные, как казалось, доводы, что текст представляет собой танскую подделку, были полностью разрушены обнаружением в начале 1970-х годов при раскопках ханьской гробницы почти идентичного, хотя и частичного, издания на бамбуковых дощечках периода ханьской династии. Вкупе с ханьскими историческими свидетельствами, эта находка говорит о том, что часть текста приняла нынешнюю форму не позднее начала ханьской эпохи. О ней любят напоминать сторонники идеи о близком отношении к тексту самого Тай-гуна. Однако, даже те, кто твердо убежден, что в основе текста «Шести секретных учений» лежит некий прототекст, вынуждены признать несколько исторических анахронизмов. Язык и стиль сочинения свидетельствуют о значительной обработке текста, и окончательная запись его не могла, по-видимому, произойти ранее IV в. до н.э. Частые упоминания о новых видах оружия (арбалет и меч), целые главы, посвященные тактике конницы — все это доказывает, что предполагаемый автор жил семь или восемь столетий спустя после Тай-гуна. Например, в главе 55 «Равные силы» обсуждается роль колесниц, конницы и пехоты в сражении, хотя пехотинцы не были важной боевой единицей на протяжении столетий после Тай-гуна, а конница появилась лишь в III в. до н.э.

Некоторые ученые утверждали, что в «Шести секретных учениях» обильно цитируются и другие военные трактаты, например, «Искусство войны» Сунь-цзы. Однако, вопрос о первенстве остается темой для дискуссии. «Искусство войны» на самом деле может быть сжатым и отвлеченно-философским произведением как раз потому, что Сунь-цзы унаследовал сложившиеся традиции военной мысли. Как и автор «Вэй Ляо-цзы», он вполне мог взять концепции и понятия из начального текста «Шести секретных учений» и прилежно свести воедино разбросанные высказывания. В период «Борющихся Царств» глубокое знакомство с военной мыслью было просто необходимо, если государства и полководцы хотели выжить. Поэтому, отсутствие концептуального и текстуального заимствования было бы более удивительно, чем его наличие, ведь это означало бы существование в высшей степени замкнутых школ тактики и стратегии.

Высказывалось также мнение, что знаменитый военный трактат, переданный Чжан Ляну в смутное время накануне образования династии Хань — скорее «Шесть секретных учений», а не «Три стратегии Хуан Ши-гуна». Эта книга была бы более

«удобна»: тех, кому она предназначалась, она побуждала бы свергнуть жестокою и деспотичною династию Цинь. Предполагалось, что на самом деле книга в действительности была составлена знатоком военной науки в III в. до н.э., когда царство Цинь безжалостно расправлялось с врагами и становилось все сильнее. Это объяснило бы разработанность понятий и стратегий, обширные познания автора в оружии и защитных укреплениях, а также стремление всячески подчеркнуть необходимость гуманного управления народом и охранения книги от чужих глаз.

ШЕСТЬ ТАО

Большинство комментаторов полагает, что первые два секретных учения уделяют внимание общей стратегии и планированию, в то время, как другие четыре исследуют тактику. Тем не менее, либо потому, что сами создатели «Шести секретных учений» не дали объяснения тематической разбивке текста, либо этот вводный материал оказался утерян, сейчас очень сложно установить какую-то внутреннюю связь между, например, заголовком «дракон» и соответствующим содержанием. Только содержание двух первых учений, гражданского и военного, устанавливающих два основания для ведения войны — экономически сильное, хорошо управляемое государство с послушным народом и сильная армия — оправдывает заголовки. Хотя делались попытки установить соответствие между темами рассуждения и шестью классификациями, полученные выводы, без знания работы в целом, не дают права на перетасовку частей и заглавий.

Выше уже давалась общая характеристика содержания каждого учения и обсуждались некоторые главные сюжеты. Тем не менее, краткое изложение смысла каждого из «Шести Тао» может быть для читателя небесполезным.

Гражданское Тао

Нравственное и эффективное управление — это новое условие выживания и основа для ведения войны. Если будут сокращены расходы, утверждены должные ценности и поведение, установлена система наград и наказаний, приняты на службу достойные, а народу не будут мешать и вредить, государство станет процветающим.

Военное Тао

«Военное секретное учение», как и «Гражданское», в большей степени говорит о политических, а не о военных действиях. Оно начинается с анализа Тай-гуном политической ситуации и оценки перспектив Чжоу в военном противостоянии с Шан, если первая поставит своей целью спасение людей от тирании и страданий. Привлечение на свою сторону недовольных ослабляет врага и усиливает государство; хитрые уловки и психологические приемы позволяют манипулировать противником и приближают его поражение. Правитель должен открыто культивировать добродетель и руководить действиями чиновников, что позволит государству бороться за сердца и умы людей; тогда оно одержит победу, не вступая в битву.

Тао Дракона

«Секретное учение дракона» уделяет основное внимание следующим вопросам военной организации, включая особые обязанности командного состава: характеристике и искусству полководцев и правилам их оценки и отбора; церемонии вступления полководца в должность, устанавливающей всю полноту его власти; важности наград и наказаний для поддержания доверия и преданности командующему; нормам дисциплины, призванным помочь полководцу командовать войсками и устанавливать порядок и единство во вверенных ему силах. Вторичные замечания касаются военных коммуникаций и первостепенной необходимости строгой секретности; оценки ситуации и своевременности решительных действий; понимания основных тактических принципов, включая гибкие и «необычные», и избежания общих ошибок в командовании. Даются различные подсказки для лучшего понимания ситуации в стане противника; а кроме того, подчеркивается необходимость каждодневно совершенствовать боевую выучку и военное оснащение.

Тао тигра

«Секретное учение тигра» открывается рассуждениями о главных элементах военного оснащения и вооружения, затем подробно рассматриваются различные политические приемы и важнейшие составляющие командования людьми. Хотя типы

развертывания войск описываются кратко, и лишь упоминается необходимое снаряжение для действий на суше и воде, в большинстве глав даются подробные советы, как выйти из неблагоприятной ситуации в ходе битвы. Оптимальное решение чаще всего предполагает скорость, маневренность, согласованность действий, полное самопожертвование, применение всевозможных обманных маневров, засад и правильное введение в бой различных типов соединений.

Тао Леопарда

«Секретное учение леопарда» предлагает тактические решения задач, возникающих при борьбе на неудобной местности, как то: леса, горы, овраги и лощины, озера и реки, глубокие ущелья и т.д. Оно также содержит рассуждения о методах сдерживания яростного нападения, противостояния превосходящим силам, эффективного развертывания и молниеносной атаки.

Тао Собаки

Самые важные главы «Секретного учения собаки» детально разъясняют принципы правильного использования трех типов войск — колесниц, пехоты и конницы — в широком разнообразии конкретных тактических ситуаций, и обсуждают их сравнительную эффективность в бою. В других частях описываются недостатки и слабости противника, которые можно и необходимо использовать умело направляемым нападением. Наконец, в нескольких главах содержатся общие указания, которые больше бы подходили к «Секретному учению дракона», касающиеся подбора высококлассных, физически сильных воинов для элитных пехотных соединений, конницы и колесниц, а также методов обучения солдат.

I ГРАЖДАНСКОЕ СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ

1. УЧИТЕЛЬ ВЭНЬ-ВАНА

Вэнь-ван собирался на охоту, поэтому писец Тянь гадал о добыче. Он провозгласил:

— Когда вы будете охотиться на северном берегу реки Вэй, вы встретите большую удачу. Это будет не дракон в каком-либо из своих обличей, и не тигр, и не огромный медведь. Согласно предсказанию, вы найдете там гуна или хоу, которого Небо послало вам учителем. Если он будет вашим советником, то наступит процветание, и благодать распространится на три поколения правителей Чжоу.

Вэнь-ван спросил:

— Знаки действительно говорят об этом?

Писец Тянь ответил:

— Мой Верховный предок, писец Чоу, гадая для совершенномудрого императора Шуня, получил похожие результаты. Тогда император Шунь получил в помощники Гао-яо.

Вэнь-ван в течение трех дней постился, дабы очиститься, а затем снарядил колесницу для охоты. Держа в руках поводья, он отправился к северному берегу реки Вэй. Наконец он увидел Тай-

гуна, сидящего на траве и ловящего рыбу. Вэнь-ван почтительно приветствовал его и спросил:

— Вы наслаждаетесь рыбной ловлей?

Тай-гун ответил:

— Благородный муж⁹ получает удовольствие, достигая своих целей; обычный человек получает удовольствие, добиваясь успеха в делах. Ловля рыбы схожа с этим.

— Что вы имеете в виду, говоря «схожа с этим»? — спросил Вэнь-ван.

Тай-гун ответил:

— В рыбной ловле есть три формы власти: награды, смерть и должности. Рыбная ловля — это средство обрести то, что ищешь. Природа ее глубока, и из нее можно извлечь великие принципы.

Вэнь-ван сказал:

— Я хотел бы услышать о ее природе.

Тай-гун объяснил:

— Если источник глубок, вода движется быстро. Когда вода движется быстро, рыба размножается. Такова природа. Когда корни глубоки, дерево высокое. Когда дерево высокое, оно плодоносит. Это природа. Когда благородные мужи имеют общие чувства и взгляды, они объединяются. Когда они объединяются, дела идут в гору. Это и есть природа.

Вопросы и ответы — украшения внутренних чувств. Рассуждения же о подлинной природе — вершина дела. Если я буду говорить о подлинной природе, не избегая ни одной темы, не найдете ли вы это неуместным?

Вэнь-ван сказал:

— Только человек, обладающий гуманностью, может принять возражения и укоры. Я не прячусь от подлинной природы, поэтому, что вы думаете о ней?

Тай-гун сказал:

— Когда леса тонкая, а наживка яркая, только маленькая рыба возьмет ее. Когда леса потолще, а наживка ароматная, рыба покрупнее возьмет ее. Когда же леса прочная, а наживка — пахучая, клонет большая рыба. Когда рыба съест наживку, ее можно вытащить за лесу. Когда люди получают награды, они подчиняются правителю. Когда ловишь рыбу с помощью наживки, рыбу можно убить. Когда ловишь людей с помощью наград, можно

заставить их отдавать на службе свои таланты. Если использовать свою семью в приобретении государства, оно может быть разграблено. Если использовать свое государство, можно приобрести всю Поднебесную.

О, процветающие и крикливые, даже если они объединятся вместе, они будут рассеяны! Величавая и спокойная, слава мудрого правителя будет неизбежно далеко простираться! Неуловимая и таинственная, добродетель мудрого правителя привлекает людей! Он один видит ее. Чудесны и радостны замыслы мудрого правителя, через которые все люди ищут путь и возвращаются на свои места, пока он устанавливает меру, собирающуюся в их сердцах.

Вэнь-ван спросил:

— Как мы должны поступать, чтобы Поднебесная изъявила свою преданность?

Тай-гун сказал:

— Поднебесная — не владение одного человека. «Поднебесная» — это означает все, что под Небом. Тот, кто делит доходы со всеми людьми под Небом, приобретет мир. Тот, кто забирает все себе, потеряет мир. У Неба есть времена года, у Земли — ее богатства. Способность делить их с людьми — вот подлинная гуманность. Где бы ни пребывала подлинная гуманность, Поднебесная изъявит верность.

Избавление людей от смерти, облегчение нужды, освобождение людей от несчастий и поддержка их в беде — это добродетель. Где бы ни пребывала добродетель, Поднебесная изъявит верность.

Делить с людьми беды и удовольствия, любовь и ненависть — это справедливость. Туда, где справедливость, пойдут люди.

В целом, люди ненавидят смерть и наслаждаются жизнью. Они любят добродетель и склоняются к выгоде. Способность приносить выгоду согласуется с Дао. Когда присутствует Дао, Поднебесная изъявит верность.

Вэнь-ван дважды поклонился и сказал:

— Истинная мудрость! Разве я посмею не принять указ и мандат Неба?

Он пригласил Тай-гуна на колесницу и вернулся вместе с ним, сделав его своим учителем.

2. ПОЛНОТА И ПУСТОТА

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Мир полон государств — некоторые полные, другие пустые, одни хорошо управляются, другие в беспорядке. Почему так происходит? Связано ли это с тем, что достоинства правителей неодинаковы? Или естественный ход вещей и изменения небесных сезонов порождают это?

Тай-гун сказал:

— Если у правителя недостаточно достоинств, государство будет в опасности, а народ — в волнении. Если правитель — достойный или совершенномудрый, государство будет в мире, а люди — послушны. Счастье и несчастье зависят от правителя, а не от небесных сезонов.

Вэнь-ван:

— Могу я услышать о совершенномудрых древности?

Тай-гун:

— Предыдущие поколения считали императора Яо, царствовавшего в древности, достойным правителем.

Вэнь-ван:

— Как же он правил?

Тай-гун:

— Когда Яо был правителем мира, он не украшал себя ни золотом, ни серебром, ни жемчугом, ни яшмой. Он не носил парчовых, расшитых или дорого украшенных одежд. Он не смотрел на странные, удивительные, необычные или редкие вещи. Он не ценил развлечений и не слушал распутных песен. Он не белил стен дворца или других зданий, как и не украшал резьбой балки, квадратные и круглые стропила и столбы. Он даже не вырубал никогда тростник, который рос на его дворе. Он облачался в оленьи шкуры, дабы укрыться от холода, а тело его покрывали простые одежды. Он ел грубое просо, необработанные зерна и густой суп из овощей. Он никогда не мешал сельскохозяйственным сезонам и шелководству [несвоевременными] трудовыми повинностями. Он ограничивал свои желания и сдерживал свою волю, надеянием¹⁰ управляя делами.

Он ценил тех чиновников, кто был предан, прям и придерживался законов, и щедро награждал тех, кто был честен, добросовестен и любил людей. Он любил и уважал тех, кто был почтителен и сострадателен к другим; он поддерживал и помогал тем, кто

отдавал силы сельскому хозяйству и шелководству. Знамена, укрепленные на воротах деревенских домов, отличали добродетельных от злых. Он очищал свое сердце и уменьшал принуждения. Законами и установлениями он запретил зло и хитрость.

Если кто-либо из тех, кого он ненавидел, выдвигался, он сразу награждал его. Если кто-либо из тех, кого он любил, был виновен в преступлении, он непременно наказывал. Он содержал и кормил вдов, вдовцов, сирот и одиноких стариков и помогал семьям, пострадавшим от несчастий и понесшим утрату.

То, что он назначал себе самому, было ничтожно мало, а налоги и повинности были незначительны. Поэтому множество людей процветало и пребывало в счастье, и никто не страдал от голода и холода. Сто родов почитали своего правителя, как будто бы он был солнцем и луной, и чувства их всецело принадлежали ему, как будто бы он был им и отцом, и матерью.

Вэнь-ван:

— Поистине велик достойный и добродетельный правитель!

3. ДЕЛА ГОСУДАРСТВА

Вэнь-ван сказал Тай-гуну:

— Я хотел бы узнать об искусстве управления государством. Если я желаю, чтобы правителя почитали, а народ был спокоен, как я должен поступать?

Тай-гун:

— Просто любить людей.

Вэнь-ван:

— Что значит любить людей?

Тай-гун:

— Приносить выгоду, не причинять им вреда. Помогать им преуспевать, не разрушать надежд. Давать им жизнь, не убивать их. Награждая, не забирать назад. Доставлять им радость, не вынуждать их страдать. Делать их счастливыми, не вынуждать становиться злыми.

Вэнь-ван:

— Могу я попросить объяснить причины этого?

Тай-гун:

— Когда народ не теряет своих основных занятий, вы несете ему выгоду. Когда крестьяне не пропускают сельскохозяй-

ственных сезонов, вы приносите им достаток. Когда сокращаете штрафы и уменьшаете наказания, то даете им жизнь. Когда устанавливаете легкие налоги, возвращаете им. Если ваших дворцов, домов, террас и павильонов немного, вы тем самым радуете их. Когда чиновники чисты, не раздражают людей и не причиняют им вреда, народ становится счастливым.

Но когда люди отрываются от основных занятий, вы причиняете им вред. Когда крестьяне упускают сельскохозяйственные сезоны, вы разрушаете их надежды. Если они невиновны, а вы наказываете, вы их убиваете. Когда устанавливаете высокие налоги, вы обираете их. Когда строите много дворцов, домов, террас и павильонов, тем самым истощая силы людей, вы причиняете им боль. Если чиновники продажны, раздражают и приносят вред, это приводит их в возмущение.

Поэтому тот, кто преуспел в управлении государством, управляет людьми так, как родители своим любимым ребенком или как поступает старший брат по отношению к любимому младшему брату. Когда они видят, что те страдают от голода и холода, то беспокоятся за них. Когда видят их тяжкий труд и горести, печалются за них.

Награды и наказания должны быть установлены, как для себя самого. Налоги должны быть такими, как если бы вы забирали у себя самого. Вот путь любви к людям.

4. ВЕЛИКИЕ ПРАВИЛА БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Каковы правила благопристойности (ли)¹¹ между правителем и министром?

Тай-гун сказал:

— Правитель должен быть всего лишь рядом с людьми; подчиненные должны быть всего лишь покорны. Он должен быть рядом с ними, ни кого не сторонясь. Они должны быть послушны, ничего не скрывая. От правителя требуется только прислушиваться ко всему; подчиненные должны быть поставлены [на свои места]. Если он будет повсеместным, он станет подобен Небу. Если они будут расставлены, они станут подобны Земле. Небо, Земля — тогда Великое Ли завершено.

Вэнь-ван:

— Как должен действовать правитель?

Тай-гун:

— Он должен быть сдержан, величав и спокоен. Его мягкость и скромность должны быть на виду. Он должен быть щедрым и не быть вздорным. Он должен очистить свои мысли и успокоить свою волю, с прямоотой ожидая событий.

Вэнь-ван спросил:

— Как следует правителю прислушиваться к делам?

Тай-гун ответил:

— Он не должен беспомощно отпускать их, как не должен идти против мнения и противостоять им. Если он позволит им идти своим чередом, он утратит власть; если будет противостоять им по своему разумению, он закроет себе доступ к делам.

Он должен быть подобен высоте горы, которую — если смотреть снизу вверх — нельзя постигнуть, или глубине великой бездны, которую — если измерять — невозможно определить. Подобная духовная и просвещенная добродетель — вершина прямооты и спокойствия.

Вэнь-ван спросил:

— Какой должна быть мудрость правителя?

Тай-гун:

— Глаза ценят ясность, уши ценят тонкость, разум ценит мудрость. Если смотреть глазами Поднебесной, нет ничего, чего нельзя было бы увидеть. Если слушать ушами Поднебесной, нет ничего, чего нельзя было бы услышать. Если размышлять умом Поднебесной, нет ничего, чего нельзя было бы узнать. Когда [получишь сведения из всех источников], подобно тому, как к ступице колеса сходятся все спицы, ясность не будет замутнена.

5. ЯСНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Вэнь-ван, будучи серьезно болен и лежа в постели, призвал к себе Тай-гун вана и наследного принца Фа [У-вана].

— О, Небо, похоже, собирается оставить меня. Скоро государственные алтари Чжоу будут вверены вам. Сегодня, мой учитель, я хочу поговорить о великих принципах Дао для того, чтобы в ясности передать их моему сыну и внукам.

Тай-гун сказал:

— О чем вы хотите спросить?

Вэнь-ван:

— Могу я услышать о Дао предшествующих мудрецов — когда оно исчезает, когда появляется?

Тай-гун:

— Если кто-либо видит хорошее, но медлит [в совершении дел]; если время для действия приходит, но кто-то сомневается; если знаешь, что неправильно, но допускаешь — именно в этих трех случаях Дао исчезает. Если кто-либо мягок и спокоен, исполнен достоинства и почтительности, силен и вдобавок радушен, вынослив и вдобавок тверд — в этих четырех случаях возникает Дао. Поэтому, когда справедливость превосходит желания — будешь процветать; когда желания превосходят справедливость — погибнешь. Когда почтение превосходит медлительность — это благоприятно; когда медлительность превосходит почтение, будешь уничтожен.

6. ШЕСТЬ СТРАЖЕЙ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Каким образом правитель государства и вождь народа утрачивают свое положение?

Тай-гун сказал:

— Когда он неосмотрителен в выборе помощников. У правителя есть «шесть стражей» и «три сокровища».

Вэнь-ван спросил:

— Что такое «шесть стражей»?

Тай Гун:

— Первый называется гуманностью, второй — справедливостью, третий — преданностью, четвертый — верностью, пятый — мужеством, шестой — расчетливостью. Вместе они называются «шесть стражей».

Вэнь-ван спросил:

— Как следует отбирать людей с помощью «шести стражей»?

Тай-гун:

— Награждать их и следить, чтобы они не совершали преступлений. Давать им чины и следить, чтобы они не стали высокомерными. Облекать их ответственностью и смотреть, не изменятся ли они. Использовать их на службе и смотреть, не будут ли они что-либо утаивать. Создавать опасность и смотреть, не

испугаются ли они. Поручать им управление делами и смотреть, не будут ли они растеряны.

Если сделать их богатыми, и они не совершат преступлений, они гуманны. Если дать им чин, и они не станут высокомерны, они справедливы. Если облечь их ответственностью, и они не изменятся, они преданны. Если использовать их, и они ничего не утаят, они верны. Если поставить их в опасное положение, и они не испугаются, они мужественны. Если поручить им управление делами, и они не растеряются, они способны рассчитывать.

Правитель не должен передавать «три сокровища» другим. Если он отдаст их другим людям, он утратит свою устрашающую силу.

Вэнь-ван:

— Могу я спросить о трех сокровищах?

Тай-гун:

— Хорошее сельское хозяйство, хорошее ремесло и хорошая торговля — вот три сокровища. Если крестьяне живут только в деревнях, пяти злаков будет в избытке. Если ремесленники живут только в местах для ремесленников, инструменты будут в соответствии. Если торговцы живут в торговых местах, товаров будет достаточно.

Если «три сокровища» будут поселены на своих местах, люди не будут интриговать. Не допускайте смут в их поселениях, не допускайте смут в их кланах. Министры не должны быть более богатыми, чем правитель. Ни один город не должен быть больше, чем столица правителя. Когда шесть стражей использованы полностью, правитель процветает. Когда три сокровища определены целиком, государство будет в безопасности.

7. СОХРАНЕНИЕ ВЛАДЕНИЙ ГОСУДАРСТВА

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Как сохранить владения государства?

Тай-гун:

— Не отдаляй родственников. Не пренебрегай народом. Будь миролюбивым и внимательным к соседям и управляй четырьмя сторонами.

Не передавай бразды правления другим людям. Если передашь бразды правления другим, то утратишь свою власть. Не углубляй долины, чтобы увеличить холмы. Не отбрасывай осно-

ву ради того, чтобы управлять частями. Когда солнце в зените, дела должны быть закончены. Если берешься за нож, ты должен резать. Если держишь топор, ты должен нападать.

Если в течение дня не закончил дела, потерял время. Если берешься за нож, но не режешь, упустил выгоду. Если держишь топор, но не нападаешь, жди разбойников.

Если журчащие ручьи не перекрыть, они превратятся в большие реки. Если не погасить языки пламени, пока они малы, что будешь делать с большим пожаром? Если не срубить молодое деревце с двумя листьями, что ты сможешь потом топором [когда дерево выросло]?

Поэтому правитель должен уделять внимание достижению процветания в государстве. Без достатка ему не с кем будет быть гуманным. Если он не сеет добрые дела, ему не с кем будет собрать родственников. Если он отдалит родственников, будет вред. Если он потеряет простой народ — проиграет.

Не передавай острия другим людям¹². Если передашь острие другим, тебе повредят и ты не проживешь отпущенного.

Вэнь-ван сказал:

— Что вы называете гуманностью и справедливостью?

Тай-гун:

— Уважай простых людей, собирай своих родственников. Если уважаешь простых людей, они будут жить в мире. Если собираешь родственников, они будут счастливы. Вот путь гуманности и справедливости.

Не позволяй другим лишить тебя устрашающей силы. Опирайся на свою мудрость, следуй постоянству. С тем, кто подчиняется и следует за тобой, будь добродетелен. Тех, кто противится и упрямится, сокрушай силой. Если ты решителен и уважаешь людей, Поднебесная будет в мире и покорности.

8. СОХРАНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Как сохранить государство?

Тай-гун:

— Вы должны попоститься, ибо я собираюсь говорить о важнейших принципах Неба и Земли, о том, что порождают четыре времени года, о Дао гуманности и мудрости, а также о природе человеческих порывов.

Вэнь-ван постился семь дней, затем, повернувшись на север, дважды поклонился и попросил наставления.

Тай-гун сказал:

— Небо порождает четыре времени года, Земля порождает мириады вещей. Под Небом живут люди, и мудрецы — их пастыри. Так, Дао весны — это рождение, и мириады вещей расцветают. Дао лета — это рост, мириады вещей созревают. Дао осени — собирание, мириады вещей в полноте. Дао зимы — запасание, мириады вещей — в покое. Когда они в полноте, их запасают; после того, как запасены, они вновь оживают. Никто не знает, где это заканчивается, никто не знает, где это начинается. Мудрец находится в гармонии с этим и формирует себя в соответствии с Небом и Землей. Поэтому когда в Поднебесной все в порядке, его гуманность и проницательность скрыты. Когда Поднебесная в беспокойстве, его гуманность и проницательность проявляются. В этом состоит истинное Дао.

Между Небом и Землей то, что сохраняет мудрец, прочно и обширно. Опираясь на постоянство и наблюдая это, люди живут в мире. Но когда людей беспокоят, это рождает порывы. Когда порывы множатся, возникают вражда и потери. Все это начинается в инь, но сходится в ян. Если кто-либо осмелится встать во главе, Поднебесная объединится с ним. В пределе, когда вещи возвращаются к обычному состоянию, не продолжай наступать и соперничать, не удаляйся и не уступай. Если сможешь сохранить государство в таком состоянии, обретешь величие Неба и Земли.

9. ПОЧИТАНИЕ ДОСТОЙНОГО

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Среди тех, кем я управляю, кого следует возвысить, кого понизить? Кого использовать на службе, кого отвергнуть? Как их следует сдерживать, как останавливать?

Тай-гун сказал:

— Возвышай достойных, а недостойных принижай. Выбирай честных и заслуживающих доверия, избегайся от лукавых и хитрых. Запрещая насилие и беспорядок, пресекай расточительность и распущенность. Поэтому тот, кто правит людьми, знает «шесть воров» и «семь зол».

Вэнь-ван сказал:

— Я хотел бы узнать об их Дао?

Тай-гун:

— Вот что касается «шести воров»:

Первый, если подчиненные строят большие дворцы и дома, купальни и террасы, и наслаждаются декорациями и музыкантшами, это вредит добродетели правителя.

Второй, если народ не занят сельским хозяйством и шелководством, а вместо этого дает волю своим нравам и слоняется, подобно странствующим шутам, презирая и нарушая законы и запреты, не следуя указаниям чиновников, это вредит власти правителя.

Третий, когда чиновники создают клики и заговоры — клевета на достойных и мудрых, замутняя ясность правителя — это вредит его почитанию.

Четвертый, когда воины перечат вышестоящим и беззастенчиво своевольничают, считая это ярким выражением «ци», и сносятся с другими удельными князьями, пренебрегая собственным правителем — это вредит устрашающей силе правителя.

Пятый, когда подчиненные презирают титулы и должности, пренебрегают управляющими и не хотят потрудиться ради своего правителя, это вредит усилиям достойных наград подчиненных.

Шестой, когда сильные кланы посягают на других, захватывая то, что желают, оскорбляя и высмеивая бедных и слабых — это наносит вред труду простых людей.

Семь зол:

Первое, люди без знаний и умения рассчитывать и составлять стратегию награждаются и удостоиваются чинов. Сильные и мужественные, легко относящиеся к военному делу, они участвуют в битве. Правитель должен быть осторожен и не делать их полководцами.

Второе, у них есть внешность, но нет глубины. То, что они говорят, постоянно меняется. Они скрывают хорошее и выпячивают недостатки. Они полагают выдвижение и устранение лишь вопросом способностей. Правитель должен быть осторожен и не строить с ними расчеты.

Третье, они с виду просты, носят плохую одежду, говорят о действии надеянием, дабы прославиться, и о нежелании, дабы

выгадать. Они неестественны, и правитель должен быть осторожен и не приближать их.

Четвертое, они носят странные головные уборы и пояса, а их одежды слишком длинны. Они любят слушать рассуждения других и правдоподобно говорят о невозможных вещах, наслаждаясь ими как собственным украшением. Они живут в бедности и пребывают в безопасности, осуждая обычаи Поднебесной. Они обманывают людей, и правитель должен быть осторожен и не благоволить к ним.

Пятое, с клеветой, раболепием и притворством они ищут должности и чинов. Они мужественны и смелы, легко относятся к смерти из-за алчности к деньгам и положению. Их не волнуют важные дела, ими движет лишь жадность. Мягкими речами и благовидными рассуждениями они льстят правителю. Правитель должен быть осторожен и не использовать их на службе.

Шестое, их жилища отделаны барельефами и инкрустацией. Они поощряют цветистость и изощренность в ущерб сельскому хозяйству. Необходимо запретить это.

Седьмое, они создают магические формулы и практикуют чудодейство, волшебство и колдовство, проповедуют странные способы и распространяют неблагоприятные речи, смущая и дурача хороших людей. Правитель должен остановить их.

Поэтому, если люди не хотят тратить силы, это не наши люди. Если чиновники неискренни и не заслуживают доверия, это не наши чиновники. Если министры не выказывают преданности и прямоты, это не наши министры. Если подчиненные не беспристрастны и не чисты, и не любят народ, это не наши подчиненные. Если первый министр не может обогатить государство и укрепить армию, привести в гармонию инь и ян и обеспечить безопасность правителя государства, могущего выставить 10000 колесниц — и, сверх того, правильно управлять министрами, установить соответствие имен и вещей¹³, сделать ясными награды и наказания и позволить людям наслаждаться жизнью — это не наш первый министр.

Дао правителя подобно голове дракона. Он парит в вышине и смотрит вдаль. Его взгляд глубок, а слух — тонок. Он являет свою форму, но скрывает свою природу. Он подобен высотам Неба, кои нельзя обозреть. Он подобен глубине бездны, которую невозможно измерить. Поэтому если он должен прийти в

ярость, но не делает этого, появляются злые подчиненные. Если он должен казнить, но не делает этого, появляются великие воры. Если военная мощь не совершенствуется, враги увеличатся.

Вэнь-ван сказал:

— Прекрасно!

10. ПРИБЛИЖЕНИЕ ДОСТОЙНЫХ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Каким образом получается так, что правитель старается приблизить достойных, но впустую, а на деле в Поднебесной растет беспокойство, вплоть до того, что угрожает правителю опасностями и гибелью?

Тай-гун:

— Если кто-либо приближает достойных, но не использует их на службе, это называется «приближением достойных», но лишено сущности «использования достойных».

Вэнь-ван спросил:

— Откуда происходит ошибка?

Тай-гун:

— Ошибка происходит из желания принять на службу тех людей, которых хвалят в народе, а не истинно достойных.

Вэнь-ван:

— Как это так?

Тай-гун сказал:

— Если правитель приглашает тех, кого повсюду превозносят как достойных и тех, кого осуждают как ничего не стоящих, то выдвинутся большие клики, а меньшие — отступят. Тогда злые люди объединятся, чтобы опорочить достойного. Преданные подчиненные умрут, хотя они невиновны. А порочные подчиненные приобретут чины и должности благодаря пустой славе. Тогда, поскольку беспокойство будет нарастать, государство не сможет избежать опасности и разрушения.

Вэнь-ван спросил:

— Как приблизить достойных?

Тай-гун ответил:

— Полководец и первый министр должны распределить ответственность, каждый из них выбирает людей в соответствии с названием должности. Согласно названию должнос-

ти, они устанавливают необходимые требования. Выбирая людей, они оценивают их способности, так, чтобы их настоящие таланты подходили под соответствующее название должности. Когда имя соответствует вещи, воплощается Дао приближения достойных.

11. НАГРАДЫ И НАКАЗАНИЯ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Награды — это средство сохранять поощрение [добра], наказание — это средство проявить исправление зла. Награждая одного, я хочу поощрить сотню. Наказывая одного человека, я хочу исправить множество. Как я могу это сделать?

Тай-гун сказал:

— В целом, в наградах ценится справедливость; в наказаниях — ясность. Когда награды оправданы, а наказания — неотвратимы там, где глаза видят, а уши слышат, то тогда даже там, где не видят и не слышат, не будет никого, кто не изменился бы. Если искренность правителя простирается на Небо и Землю и проникает в духов, то насколько же в большей степени она простирается и на людей?

12. ДАО ВОЙНЫ

У-ван спросил Тай-гуна:

— В чем состоит Дао войны?»

Тай-гун сказал:

— В целом, что касается Дао войны, ничто не превосходит единства. Единые могут сами прийти, сами уйти. Желтый Император говорил: «Единение приближается к Дао и соприкасается с духами». Его использование лежит в неуловимости; его видимое проявление основывается на стратегической мощи; его завершение зависит от правителя. Так, мудрые императоры называли оружие инструментом зла, но когда не было выхода, использовали его.

Сегодня правитель Шан знает о существовании, но не о гибели. Он знает об удовольствиях, но не знает о бедах. Сегодня существование заключено не в самом существовании, но в размышлении о гибели. Удовольствие заключается не в удоволь-

ствии, но в размышлениях о бедах. Сейчас, когда вы уже знаете об источниках таких изменений, зачем беспокоиться о дальнейшем течении событий?

У-ван сказал:

— Предположим, столкнулись две армии. Враг не может идти вперед, и мы не можем идти вперед. Каждая сторона укрепляется и строит оборону, не осмеливаясь напасть первой. Если я хочу внезапно напасть, но у меня нет никакой тактической выгоды, что я должен делать?

Тай-гун сказал:

— Создай видимость смущения и неразберихи, на самом деле не выпуская командования из рук. Создай видимость голода, хотя на самом деле запасы обильны. Держи в ножнах острое оружие, показывай только тупое и плохое. Пусть одни войска соберутся, другие рассеются; одни объединятся, другие разбегутся. Составь тайный план, держи в секрете свои намерения. Сделай укрепления повыше и спрячь лучшие войска. Если воины молчат в тишине, противник не узнает о наших приготовлениях. Затем, если хочешь разгромить западный фланг, атакуй восточный.

У-ван спросил:

— Если враг знает правду и проник в мои замыслы, что я должен делать?

Тай-гун сказал:

— Искусство победы на войне состоит в том, чтобы тщательно разведать замыслы врага и воспользоваться выгодой, внезапно атакуя там, где враг не ожидает.

武韜

II ВОЕННОЕ СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ

13. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Вэнь-ван, в столице Фэн, призвал Тай-гуна.

— О, правитель Шан чрезвычайно жесток, он осудил невиновных и казнил их. Если вы поможете мне вступить за них, как мы могли бы поступить?

Тай-гун ответил:

— Вы должны заботиться о добродетели, подчиниться руководству достойных, распространять благодеяния на людей и следовать небесному Дао. Если небесное Дао не дает плохих предзнаменований, вы можете выступить. Если Дао человека лишено несчастий, ваши замыслы не могут предшествовать им. Сперва вы должны увидеть знаки Неба, затем увидеть людские бедствия, и только тогда можете составлять планы. Вы должны посмотреть на качества инь и ян правителя Шан, и только тогда узнаете его намерения. Вы должны посмотреть на его внешние дела, а затем на его внутренние дела, и только тогда узнаете его мысли. Вы должны оценить тех, кто удален от него, и тех, кто близок к нему, и только тогда узнаете его чувства.

Если приводить в исполнение Дао, оно может быть обречено. Если входить в ворота, они могут быть отворены. Если ус-

танавливать правильные формы ритуала (ли), ли может быть доведено до совершенства. Если можешь достигнуть полной победы без боя, без того, чтобы великая армия понесла потери, то проникнешь в царство демонов и духов. Как чудесно! Как неуловимо!

Если болеешь той же болезнью, что и другие, и вы помогаете друг другу; если у тебя те же чувства, и они пополняют друг друга; та же ненависть, и они объединяются; те же предпочтения, и вы ищете их вместе — победишь без вооруженных солдат; нападешь без бьющих таранов; защитишься без рвов и ям.

Величайшая мудрость не мудра; величайший план не запланирован; величайшее мужество не мужественно; величайшее достижение лишено выгоды. Если делаешь добро Поднебесной, Поднебесная откроется тебе. Если причиняешь вред Поднебесной, закроется. Поднебесная — не владение одного человека, она есть «все, что под Небом». Если берешь Поднебесную так, как преследуешь дикого зверя, Поднебесная захочет отрезать [землю], как кусок мяса. Если вы все плывете через реку в одной лодке, то, перейдя реку, вы все получили выгоду. Если вам не удалось это сделать, вас всех постигнет беда. [Если действовать так, будто все находятся в одной лодке], Поднебесная откроется и ничто не будет для тебя закрыто.

Тот, кто не забирает у людей, приобретет их. Тому, кто не забирает у людей, люди принесут пользу. Тому, кто не забирает у государств, государства принесут пользу. Тому, кто не забирает у Поднебесной, Поднебесная принесет пользу. Так, Дао в том, что нельзя увидеть; дела в том, что нельзя услышать; победа в том, что нельзя узнать. Как чудесно! Как неуловимо!

Когда орел собирается напасть, он летит низко и складывает крылья. Когда свирепая дикая кошка собирается броситься, она отводит назад уши и прижимается к земле. Когда Мудрец собирается выступить, он изобразит на лице глупость.

Ныне в Шан люди одурманены и запутывают друг друга. Вопиющая и неустанная, их жажда удовольствий и развлечений ненасытна. Это признак гибнущего государства. Я видел их поля — сорняков и травы больше, чем злаков. Я видел их лю-

дей — жестоких и лгунов больше, чем справедливых и прямых. Я видел их чиновников — они грубы, порочны, бесчеловечны и злы. Они извратили законы и разрушили систему наказаний. Ни высшие, ни низшие чины не осознают положения вещей. Пришло время исчезнуть их государству.

Когда восходит солнце, мириады вещей озаряются его светом. Когда появляется великая справедливость, мириады вещей получают выгоду. Когда приходит великая армия, мириады вещей подчиняются. Необъятна добродетель совершенномудрого! Слушать себя, наблюдать за собой — вот высшее наслаждение для него!

14. ГРАЖДАНСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Что сохраняет совершенномудрый?

Тай-гун сказал:

— Какие у него беспокойства? Какие ограничения? Мириады вещей естественно осознают свое место. Какие ограничения, какие беспокойства? Мириады вещей процветают. Никто не понимает преобразующего влияния правления, более того, никто не видит следов ушедшего времени. Совершенномудрый сохраняет [Дао действия надеянием], и мириады вещей преобразуются. Что истощено? Когда вещи достигают своего конца, они вновь возвращаются к началу. Спокойный и благодушный, он оборачивается, ища их. Ища их, он приобретает и не может не оставить их у себя. Оставив их, он не может не использовать их. Используя их, он не оборачивается и не показывает их. Сейчас, поскольку Небо и Земля не освещают друг друга, они всегда готовы дать рождение [мириадам вещей]. Совершенномудрый не привлекает к себе света, поэтому он способен обрести славное имя.

Совершенномудрые древности собирали людей в семьи, собирали семьи, чтобы составить государство, и собирали государства, чтобы создать Поднебесную. Они разделяли пространство Поднебесной и отдавали уделы достойным, дабы они управляли государствами. Они официально определили этот порядок как «Великую основу».

Они оглашали указы правителя и соотносили их с обычаями людей. Они исправляли множество нечестных и выпрямляли [людей], изменив их внутреннее и внешнее. Хотя обычаи в различных государствах были неодинаковы, они находили радость в своих государствах. Люди любили своих правителей, поэтому определили [эти изменения] как «Великое устройство».

О, мудрый сосредотачивается на успокоении их, достойный — на исправлении их. Глупый человек не может быть справедливым, поэтому он соперничает с другими людьми. Когда правитель беспокоен, наказания становятся многочисленными. Когда наказания становятся многочисленными, людей тревожат. Когда людей тревожат, они уходят и покидают свои места. Никто, независимо от положения, не может быть устроен в своей жизни, и поколение за поколением не имеют покоя. Это они называли «Великой потерей».

Люди Поднебесной подобны движущейся воде. Если преградить ей путь, она остановится. Если открыть путь, она потечет дальше. Если держать ее в спокойствии, она будет чистой. Как одухотворенно! Когда совершенномудрый видит начало, он знает, каким будет конец.

Вэнь-ван сказал:

— Как успокоить их?

Тай-гун:

— Небо обладает постоянными качествами, люди живут обычной жизнью. Если делить жизнь со всей Поднебесной, она будет спокойна. Высокая вершина гармонирует с ними, однако высшая преобразует их. Когда люди преобразены и следуют за правителем, Небо не действует, но дела завершены. Люди ничего не дают [правителю], [поэтому] сами богатеют. В этом добродетель совершенномудрого.

Вэнь-ван:

— То, что вы сказали, сходится с тем, о чем я размышлял. От зари до заката я буду думать об этом, ничего не забывая и постоянно следуя этому принципу.

15. ГРАЖДАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Каковы методы гражданского¹⁴ наступления?

Тай-гун ответил:

— Существует двенадцать правил гражданского наступления.

Первое, будь в согласии с теми, к кому он благоволит, чтобы приспособиться к его желаниям. Со временем он станет выскомерным и обязательно совершит что-нибудь порочное. Если можно будет использовать это, определенно сможешь устранить его.

Второе, познакомься с теми, кого он любит, чтобы сломать его устрашающую силу. Если люди имеют две различные наклонности, их преданность разрушается. Когда в окружении более нет преданных министров, государственные алтари неизбежно окажутся в опасности.

Третье, тайно подкупай его помощников, сближаясь с ними. Хотя телом они будут находиться при дворе, их мысли будут отдаляться от двора. Государство определенно понесет ущерб.

Четвертое, потворствуй ему в его распущенности и потакай музыкой, дабы ослабить его волю. Поднеси ему богатые дары из жемчуга и яшмы, доставь ему красивых женщин. Говори почитательно, слушай с уважением, следуй его приказам и соглашайся с ним во всем. Он никогда не догадается, что ты против него. Тогда наша хитрость удался.

Пятое, обращайся с его чиновниками очень великодушно, но уменьши дары [их правителю]. Задерживай его посланцев; не слушай их. Когда, наконец, он пришлет других людей, будь с ними искренен, простодушен и доверителен. Правитель подумает, что ты с ним примирился. Если обращаться [с прежними преданными чиновниками] великодушно, против его государства можно будет плести заговоры.

Шестое, стоваривайся с его любимыми министрами, но для виду держи его менее любимых чиновников на расстоянии. Талантливые люди будут под внешним влиянием, когда враги вторгнутся на его землю. Немногие государства выживали в таком положении.

Седьмое, если хочешь привязать его к себе, необходимо предложить щедрые дары. Если хочешь приобрести его помощников, преданных людей и любимцев, необходимо тайно показать им выгоду, которую они приобретут, если пойдут на сговор. Сделай так, чтобы они пренебрегали своими обязанностями, тогда их приготовления будут тщетны.

Восьмое, богато одари его и замышляй вместе с ним. Если замыслы будут успешными и он получит выгоду, то благодаря этому он поверит тебе. Это называется «быть в тесном взаимопонимании». В итоге мы обязательно его используем. Если кто-то управляет государством, но при этом сам управляем, его государство неизбежно потерпит поражение.

Девятое, восхищайся им. Не делай ничего, что неудобно ему. Изобрази соответствующее уважение к великой власти, и твоему уважению будут доверять. Преувеличивай его достоинства; будь первым, кто с почтением возносит его, смиренно провозглашает его Совершенномудрым. Тогда в его государстве будут великие потери!

Десятое, будь смиренным, и тогда он будет доверять тебе, тем самым узнаешь об истинном положении вещей. Принимай его взгляды и откликайся на его действия, как будто бы вы близнецы. Когда узнаешь все, незаметно приberi к рукам [его власть]. Когда наступит срок, то покажется, будто само Небо уничтожило его.

Одиннадцатое, прегради ему доступ к Дао тайными средствами. Среди подчиненных нет никого, кто не ценил бы знатность и благосостояние и не ненавидел бы опасность и несчастья. Тайно проявляй уважение к ним и постепенно подноси дорогие подарки, дабы собрать вокруг себя выдающихся людей. Накапливай свои запасы до тех пор, пока они не станут значительными, но показывай, как будто их недостаточно. Скрыто собери мудрых воинов и доверь им составление великой стратегии. Привледи мужественных и наращивай их духовные силы. Даже если они богаты и в почете более чем достаточно, увеличивай их богатство. Когда твой союз полностью установлен, [ты достиг цели], называемой «преграждение доступа». Если кто-либо владеет государством, но ему прегражден доступ, как он может считаться владеющим государством?

Двенадцатое, поддерживай его беспутных чиновников, чтобы смутить его. Преподноси красивых женщин и услаждай музыкой, чтобы одурманить его. Посылай ему огромных собак и красивых лошадей, чтобы утомить его. Время от времени позволяй ему показывать большую власть, чтобы его самонадеянность возросла еще больше. Затем посмотри на знаки Неба, и сплывай против него всю Поднебесную.

Когда эти двенадцать правил используются сполна, они становятся боевым оружием. Теперь, когда «смотришь на Небо наверху и изучаешь Землю внизу», и знамения благоприятны, нападай на него.

16. НАСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЩЕНИИ С ЛЮДЬМИ

Вэнь-ван спросил Тай-гуна:

— Что необходимо сделать, чтобы управлять Поднебесной?

Тай-гун сказал:

— Когда твое величие распространится по всей Поднебесной, только тогда будешь способен управлять ею. Когда доверие к тебе распространится по всей Поднебесной, можешь быть в согласии с ней. Когда твоя гуманность распространится по всей Поднебесной, только тогда будешь способен охватить ее. Когда твое милосердие распространится по всей Поднебесной, только тогда сможешь сохранить ее. Когда твоя власть вместит всю Поднебесную, только тогда будешь способен не потерять ее. Если управлять без сомнений, тогда ни знамения Неба не смогут поколебать [твое правление], ни изменения сезонов не смогут повлиять на него. Только при полной завершенности этих шести сможешь установить правление в Поднебесной.

Поэтому тот, кто принесет выгоду Поднебесной, найдет Поднебесную открытой ему. Тот, кто нанесёт вред Поднебесной, найдет Поднебесную закрытой для него. Того, кто дает всему жизнь в Поднебесной, Поднебесная будет считать добродетельным. Того, кто убивает все в Поднебесной, Поднебесная будет считать разбойником. Тому, кто проникает в Поднебесную, Поднебесная будет доступна. Того, кто разоряет Поднебесную, Поднебесная сочтет своим врагом. На того, кто дает мир Поднебесной, она опирается, того, кто угрожает Поднебесной, она рассматривает как бедствие. Поднебесная — это не владение одного человека. Только обладающий Дао может утвердиться [в качестве правителя].

17. ТРИ СОМНЕНИЯ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Я хочу достичь одного (свержение Шан), но у меня есть три сомнения. Я опасюсь, что наших сил будет недостаточно, чтобы напасть на сильного врага, устрасить ближайших сподвижников его и рассеять его людей. Что я должен делать?

Тай-гун ответил:

— Действуй в зависимости от ситуации, будь очень осторожен в замыслах и используй все источники богатства. Для того, чтобы атаковать сильного, необходимо придумать, как сделать его еще сильнее и больше, как увеличить его. Тот, кто слишком силен, обязательно сломается; кто слишком велик, будет ощущать недостаток¹⁵. Атакуй сильного, используя его силу. Побуждай устранять чиновников, к которым благосклонны, используя эту благосклонность; рассеивай людей через самих людей.

Для Дао планирования совершенно необходимы тщательность и скрытность. Необходимо вступить с ним в разнообразные отношения и заманивать его выгодой. Тогда неизбежно возникнет разлад. Если хочешь, чтобы его ближайшие сподвижники отстранились от него, необходимо использовать то, что они любят — одаривай тех, к кому он благоволит, давай им то, что они хотят. Соблазняй их тем, что они считают заманчивым, тем самым распаляя их жадность. Те, кто нажился, обрадуются щедрой приманке, и их последние сомнения исчезнут.

Очевидно, Дао нападения состоит в том, чтобы сначала затемнить ясность правителя и затем атаковать его силы, уничтожая его величие и освобождая людей от несчастий. Соблазняй его красивыми женщинами, увлекай выгодой. Потчуй его приятными ароматами и одаривай певичками. После того, как добьешься того, чтобы подчиненные устранились от него, сделай так, чтобы люди ушли от него, не давая при этом ему знать о своих намерениях. Создай видимость поддержки и замани его в ловушку. Не давай ему понять, что происходит, ибо только тогда замысел успешно осуществится.

Распространяя благодеяния на людей, не жалея средств. Люди подобны коровам и лошадям. Корми и одевай их, дополняя это своей любовью.

Разум — это способ открыть путь к знанию; знание — это способ открыть путь к благосостоянию; а благосостояние — способ открыть путь к людям. Приобретение покорности людей — это путь привлечения достойных. Просвещенный советами мудрых может стать правителем мира.

龍韜

III СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ ДРАКОНА

18. Крылья правителя

У-ван спросил Тай-гуна:

— Когда правитель командует армией, у него должны быть «руки и ноги» [главные помощники] и «перья и крылья» [вторые помощники], дабы он мог явить свою устрашающую силу и дух. Как это должно быть сделано?

Тай-гун сказал:

— Когда бы ни была собрана армия, полководец — это ее судьба. Судьба ее заключается в проникновении повсюду, а не в чем-то одном. Согласно способностям установи обязанности — каждый ответственен за то, в чем он наиболее совершен. Меняй и переставляй их, когда требуется, чтобы создать опору и порядок. Так, полководец обладает семьюдесятью двумя «ногами и руками» и «перьями и крыльями», чтобы отвечать Дао Неба. В соответствии с правилами, собери их, будучи внимателен к тому, чтобы они знали свой порядок и принципы. Если обладаешь всеми способностями и различными умениями, тогда мириады дел будут завершены.

У-ван:

— Могу я спросить о различных категориях?

Тай-гун:

— Фу-синь (главный стратег), один: он ответственен за советы, касающиеся секретных планов и должного ответа на неожиданные события; за изучение Неба, чтобы избежать внезапных перемен; за осуществление общего надзора за расчетами; за защиту и сохранение людей.

Чиновники по стратегии, пятеро: ответственны за планирование опасности и безопасности; предвосхищение непредвиденного; обсуждение нужного и возможного; разъяснение наград и наказаний; назначение чиновников; разрешение сомнений; определение того, что целесообразно, а что — нет.

Астрологи, трое: ответственны за звезды и календарь; наблюдение за ветром и ци; определение благоприятных дней и времен; изучение знаков и явлений; понимание плохих знамений и бедствий; знание воли Неба относительно завершения дел или отказа от них.

Топографы, трое: ответственны за расположение армии и ее стратегическую мощь в походе и на отдыхе; [а также] за сведения о стратегических преимуществах и недостатках; за тяжелые и легкие переходы, как ближние, так и дальние; за знание о водоемах и суше, горах и ложбинах, дабы не упустить преимуществ местности.

Стратеги, девятеро: ответственны за обсуждение различных позиций; изучение возможного успеха или провала в тех или иных битвах; отбор оружия и обучение пользованию им людей; выявление тех, кто нарушает приказы.

Интенданты, четверо: ответственны за расчет потребности в воде и пище; подготовку амбаров и складов провианта и доставку провизии на всем пути; снабжение пятью зерновыми в таком количестве, чтобы армия не испытывала трудностей и недостатка ни в чем.

Чиновники «процветания устрашающей силы», четверо: ответственны за отбор талантливых и сильных людей; обсуждение оружия и доспехов; за начало атак, проносящихся, словно ветер, и разящих подобно удару грома, не позволяющих врагу даже понять, откуда мы появились.

Чиновники тайных сигналов, трое: ответственны за знамена и барабаны; за ясность [сигналов] для глаз и ушей; за использование обманных сигналов и печатей, ложных указаний

и приказов; за тайное и быстрое движение вперед и назад; за появление и исчезновение, подобное духам.

«Ноги и руки», четверо: ответственны за выполнение тяжелых обязанностей и трудных поручений; за рытье и расчистку каналов и рвов; поддержание в порядке стен и валов, чтобы противостоять и давать отпор [противнику].

Чиновники связи, двое: ответственны за сбор потерявшихся и помощь заблудившимся; за прием дорогих гостей; за поддержание бесед и разговоров; за уменьшение бедствий и разрешение трудностей.

«Чиновники авторитета», трое: ответственны за применение необычной и обманной стратегии; создание удивительного и необычного, того, что люди не понимают; за постоянные изменения и перемещения.

«Уши и глаза», семеро: ответственны за вездесущность, подслушивание и подглядывание, оценку чиновников на всех четырех направлениях и действительного положения в армии.

«Когти и зубы», пятеро: ответственны за повышение «устрашающей силы» и воинственного духа; за вдохновение и воодушевление трех армий, распаляющее и несущее их на врага без всяких сомнений или «двойных мыслей».

«Перья и крылья», четверо: ответственны за прославление имени и гордости [армии]; за устрашение дальних земель [ее ликом]; за движение в пределах всех четырех границ, дабы ослабить дух врага.

Блуждающие чиновники, восьмеро: ответственны за выявление распушенности врага и наблюдение за изменениями; за управление чувствами врага; за наблюдение за его мыслями, чтобы шпионить, когда потребуется.

Чиновники «методов»: ответственны за сеяние сплетен и обманов, вызов демонов и духов, дабы смутить умы населения.

Чиновники «рецептов», двое: ответственны за сто лекарств; за излечение ножевых ран и избавление от различных болезней.

Счетоводы, двое: ответственны за расчет необходимой провизии и припасов во время лагерных стоянок и обороны; за использование казенных средств; за приход и расход.

19. ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦЕВ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Каким должен быть полководец?

Тай-гун ответил:

— У полководца есть пять важнейших достоинств и десять недостатков.

У-ван сказал:

— Могу я попросить перечислить их?

Тай-гун ответил:

— То, что называется пятью достоинствами — это мужество, мудрость, надежность, гуманность и преданность. Если он мужественен, его нельзя превзойти. Если он мудр, его нельзя смутить. Если он гуманен, он будет любить своих людей. Если ему можно доверять, он не будет лгать. Если он предан, он не будет вести «двойную игру».

То, что называется десятью недостатками, это: быть мужественным, но легко относиться к смерти; быть поспешным и нетерпеливым; быть жадным и любить выгоду; быть человечным, но неспособным разрушать; быть мудрым, но пугливым; быть надежным, но полагаться на других; быть щепетильным и неподкупным, но не любить людей; быть мудрым, но нерешительным; быть непоколебимым, но самоуверенным; быть осторожным, но облекать ответственностью других.

Того, кто мужественен, но легко относится к смерти, можно уничтожить силой. Поспешного и нетерпеливого можно уничтожить настойчивостью. Жадного и любящего выгоду можно подкупить. Гуманного, но неспособного разрушать, можно изнурить. Мудрого, но боязливого можно утомить. Надежного, но полагающегося на других можно обмануть. Щепетильного и неподкупного, но не любящего людей, можно оскорбить. Мудрого, но нерешительного можно внезапно атаковать. Непоколебимого, но самоуверенного можно сбить с толку событиями. Осторожного, но облакающего ответственностью других, можно провести.

Поэтому война — это великое дело государства, Дао жизни и смерти. Судьба государства находится в руках полководца. «Полководец — это опора государства», человек,

которого ценили все прежние правители. Поэтому, назначая полководца, необходимо тщательно оценить и изучить его характер.

Поэтому сказано, что обе армии одновременно не могут ни одержать победу, ни потерпеть поражение. Когда армия оставляет государство, еще до того, как она будет отсутствовать десять дней — даже если государство не погибло — одна из армий неизбежно будет разбита, а ее полководец — убит.

У-ван:

— Великолепно!

20. ВЫБОР ВОИНОВ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если правитель хочет поднять армию, как должен он выбирать и обучать храбрых командиров и определять их достоинства?

Тай-гун сказал:

— Есть пятнадцать случаев, когда внешние проявления и внутренний характер воина не согласуются. Вот они:

Он кажется добродушным, но [в действительности] безнравственен.

Он кажется мягким и совестливым, но в действительности — вор.

Выражение лица у него — благоговейное и почтительное, но сердце — высокомерное.

Внешне он неподкупный и осмотрительный, но он непочтителен.

Он кажется понимающим и чутким, но на деле лишен этих качеств.

Он кажется мудрым, но ему недостает искренности.

Он кажется искусным в расчетах, но нерешителен.

Он кажется решительным и смелым, но на самом деле лишен способностей.

Он кажется простодушным, но ненадежен.

Он кажется смущенным и растерянным, но на самом деле верен и крепок.

Он кажется искусным и полезным в рассуждениях, но на самом деле — выслуживается.

Он кажется мужественным, но боится.

Он кажется суровым и отстраненным, но на самом деле легко сходится с людьми.

Он кажется внушающим отвращение, но на самом деле спокойный и искренний.

Он кажется слабым и неустойчивым, но вне пределов государства нет такого дела, которое он не мог бы завершить, такого поручения, которое он не мог бы успешно выполнить.

Тех, кого мир презирает, совершенномудрый ценит. Обычные люди не понимают таких вещей; только великая мудрость может оценить это. И все потому, что внешние проявления и внутренний характер воина не согласуются.

У-ван спросил:

— Как узнать об этом?

Тай-гун ответил:

— Существует восемь способов проявления, по которым можно это узнать. Первый, спроси их и взвесь их ответы. Второй, словами поставь их в тупик или сбей с толку и посмотри, какие в них произойдут перемены. Третий, спроси, о чем тайно уже узнал, чтобы проверить их искренность. Четвертый, ясно и подробно спрашивай их, чтобы проверить добродетельность. Пятый, назначь их на финансовые должности, чтобы проверить их честность. Шестой, искуси их красавицами, чтобы проверить их твердость. Седьмой, поставь их в трудное положение, чтобы проверить их мужество. Восьмой, напои их, чтобы посмотреть на их поведение. Когда все восемь способов полностью использованы, тогда достойные и недостойные могут быть различены.

21. НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

У-ван спросил Тай-гуна:

— В чем состоит Дао назначения полководца?

Тай-гун сказал:

— Когда государство в опасности, правитель должен освободить Главный Зал, призвать полководца и напутствовать его словами: «Безопасность и угроза государственным алтарям находятся в руках полководца. В настоящее время такое-то госу-

дарство проявляет непокорность. Я желаю, чтобы вы повели армию и ответили на это».

После того, как полководец получил мандат, правитель приказывает Главному Летописцу гадать на панцире священной черепахе о благоприятном дне. Затем, дабы подготовиться к выбранному дню, он в течение трех дней соблюдает пост, а затем отправляется в Храм предков, чтобы передать топоры фу и юэ¹⁶.

После того, как правитель вошел в ворота храма, он становится лицом на запад. Полководец входит во врата храма и становится лицом на север. Правитель сам берет топор юэ и, держа его над головой, передает рукоять полководцу, говоря: «Отсюда и до самого Неба наверху — все подчиняется полководцу армии». Затем, взяв за рукоять топор фу, он должен подать его острием полководцу, говоря: «Отсюда и до самых бездонных глубин — все подчиняется полководцу армии. Когда видите пустоту врага, следует наступать; когда видите его полноту, следует остановиться. Не считайте три армии огромными и не относитесь с пренебрежением к врагу. Не позволяйте себе умереть, ибо вы облечены огромной ответственностью. Если вас высоко почитают, не считайте других ниже себя. Не полагайтесь только на себя одного и не идите вразрез с большинством. Не считайте беглость речи признаком правоты. Если командиры не расселись, не садитесь. Если командиры еще не ели, не ешьте. Вы должны делить с ними жару и холод. Если вы будете вести себя таким образом, командиры и войска отдадут все силы борьбе не на жизнь, а на смерть».

После того, как полководец получил мандат, он кланяется и отвечает правителю: «Я слышал, что страна не может следовать приказам другого государства, а армия [в поле] не может подчиняться центральной власти. Имеющий “двойные мысли” не может должным образом служить своему правителю; тот, кто сомневается, не может ответить на вызов врага. Я получил мандат и принял единоличное руководство над устрашающей силой топоров фу и юэ. Я не осмелюсь вернуться живым. Я хотел бы спросить, достаиваете ли вы меня полным и единоличным командованием. Если вы не позволите этого, я не осмелюсь принять пост полководца». Правитель достаивает, полководец уходит и выступает в поход.

Военные дела не определяются приказами правителя, все они исходят от полководца. Когда он приближается к врагу и решает вступить в битву, он не имеет двух мнений. В этом случае, нет ни Неба наверху, ни Земли внизу, ни врага впереди, ни правителя позади. Поэтому мудрые составляют расчеты для него, мужественные сражаются за него. Их дух взмывает к небесам; они быстры, как мчащиеся лошади. Еще до того, как раздастся лязг оружия, враг покорно подчиняется.

Война выигрывается за пределами государства, но заслуги полководца чтятся в самом государстве. Чиновники повышаются в ранге и получают высшие награды; сотни родов веселятся, а полководец — безупречен. Поэтому ветры и дожди будут соответствовать сезонам; пять злаков — произрастать в изобилии, а алтари государства — пребывать в безопасности и мире.

У-ван:

— Прекрасно!

22. УСТРАШАЮЩАЯ СИЛА ПОЛКОВОДЦА

У-ван спросил:

— Как возникает устрашающая сила полководца? Как он может быть осведомленным? Как может он сделать свои запреты — нерушимыми, а свои приказы — исполняемыми?

Тай-гун сказал:

— Полководец утверждает свою устрашающую силу, казнь великих, и становится осведомленным, вознаграждая малых. Запреты делаются нерушимыми, а приказы — исполняемыми благодаря безупречной точности в применении наказаний. Если после казни одного армия будет дрожать от страха, убей его. Если после награждения одного массы будут довольны, награди его. Казня, цени большое, награждая, цени малое. Когда убиваешь могущественного и почитаемого, это то наказание, которое достигает верхов. Когда награды простираются на пастухов и конюших, они затрагивают низших. Когда наказания достигают верхов, а награды распространяются на низших, тогда устрашающая сила утверждена.

23. ВООДУШЕВЛЕНИЕ АРМИИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Когда мы атакуем, я желаю, чтобы три армии соперничали друг с другом, дабы первыми взобраться на стену, и соревновались друг с другом, дабы быть впереди, когда мы сражаемся в поле. Чтобы, когда они слышали звуки гонга [к отступлению], они были бы недовольны, а когда слышали звук барабана [к наступлению], были бы счастливы. Как мы можем достичь этого?

Тай-гун сказал:

— У полководца есть три способа достичь победы.

У-ван спросил:

— Каковы же они?

Тай-гун:

— Если зимой полководец не носит меховых одежд, летом не обмахивается веером, а в дождь не устанавливает балдахина, он зовется «истинным полководцем». Пока полководец сам не соблюдает этого, у него не будет возможности узнать холод и жару, в которых пребывают командиры и солдаты.

Если армия продвигается по ущельям и препятствиям, или перед ней болотистая местность, и полководец делает первый шаг, он называется «полководцем силы». Если он не напрягает собственных сил, у него не будет возможности узнать о трудах и лишениях командиров и солдат.

Если только после того, как люди расположились в лагере, полководец ложится спать; если только после того, как повара приготовили пищу, он садится есть; если армия не зажигает костров, чтобы согреться, и полководец тоже не делает этого, он называется «полководцем, владеющим желанием». До тех пор, пока он не владеет желанием, у него не будет возможности познать голод и сытость командиров и войска.

Полководец делит жару и холод, труды и лишения, голод и сытость с командирами и людьми. Тогда, если солдаты трех армий слышат звуки барабана, они счастливы, а если слышат звуки гонга, они недовольны. Когда они атакуют высокие стены или переходят глубокое озеро под градом камней и стрел, командиры будут соперничать, чтобы первыми взобраться на стену. Когда ударят обнаженные клинки, они будут соперни-

чать за право идти первыми. Это будет не потому, что они любят смерть или находят удовольствие в том, чтобы быть ранеными, но потому, что полководец знает их жару и холод, голод и сытость, их труды и лишения.

24. СЕКРЕТНЫЕ БИРКИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если мы ведем армию вглубь земель удельных князей, где три армии вдруг сталкиваются с препятствиями или требуются срочные меры — положение может быть благоприятно или неблагоприятно — и я хочу иметь связь с теми, кто близко и далеко, отзываться изнутри на то, что вовне, чтобы обеспечить использование всех сил, как это можно сделать?

Тай-гун сказал:

— Правитель и его командующие имеют секретные бирки восьми видов.

Бирка, означающая великую победу над врагом, длиной в один фут.

Бирка, сообщающая об уничтожении армии врага и смерти его командующего, девять дюймов длиной.

Бирка, сообщающая о взятии стен и капитуляции города, восемь дюймов длиной.

Бирка, сообщающая об отступлении врага и глубоком проникновении на его землю, семь дюймов длиной.

Бирка, призывающая воинов готовиться к стойкой обороне, шесть дюймов длиной.

Бирка, сообщающая о необходимости в провианте и подкреплениях, пять дюймов длиной.

Бирка, сообщающая о поражении армии и смерти командующего, четыре дюйма длиной.

Бирка, сообщающая о потере всех преимуществ и капитуляции армии, три дюйма длиной.

Содержи под стражей всех тех, кто приносит и предъявляет бирки, а если сведения просочатся, убей всех, кто слышал и говорил об этом. Эти восемь бирок, о которых должны знать только правитель и командующий, помогают скрыть сведения, чтобы никто не узнал о положении дел. Тогда, даже если про-

тивник обладает умом совершенномудрого, никто не поймет их значения.

У-ван:

— Прекрасно!

25. СЕКРЕТНЫЕ ПИСЬМА

У-ван спросил Тай-гуна:

— Армия проникла вглубь земель удельных князей, и полководец хочет собрать войска в одном месте, проводить постоянные перестановки и составлять планы непостижимого преимущества. Эти действия многочисленны; обычной бирки недостаточно, чтобы передать их содержание. Из-за расстояния устные приказы не могут быть полезными. Что надлежит делать?

Тай-гун сказал:

— Вне зависимости от того, есть ли тайные дела и важные решения, письма должно использовать в большей мере, чем бирки. Правитель посылает письмо командующему; последний с помощью письма осведомляет первого. Письма составляются целиком, затем разделяются. Они посылаются тремя частями, причем только один знает об их содержании. «Разделенное» значит состоящее из трех отдельных частей. Посылай тремя частями, чтобы только один знал о трех посланниках, несущих каждый одну часть; а когда три собраны вместе, только один прочтет его. Это называется «секретным письмом». Даже если противник обладает умом совершенномудрого, он не сможет узнать содержание письма.

У-ван:

— Прекрасно!

26. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИЛА АРМИИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— В чем состоит Дао наступательной войны?

Тай-гун ответил:

— Стратегическая сила используется в соответствии с движениями противника. Изменения начинаются со схватки двух

армий. Необычная (ци) и общепринятая (чжэн) тактика — итог постоянных размышлений. Поэтому великие дела не обсуждаются, а о ведении войны не говорят. Более того, слова о высших вещах не стоит слушать. Они внезапно уходят, внезапно приходят. Только тот, кто подчиняет сам, не подчиняясь другим, являет действительную военную мысль.

Если [о твоих замыслах] услышат, противник приготовится. Если тебя поймут, он будет замышлять против тебя. Если тебя узнают, поставят в затруднение. Если в твои замыслы проникнут, тебе будет угрожать опасность.

Поэтому тот, кто преуспевает в войне, не ожидает развертывания войск. Тот, кто освобождает людей от несчастий, делает это до того, как они возникли. Уничтожить врага — значит одержать победу, пока его силы не оформились. Превосходящий не вступает в битву. Тот, кто сражается и одерживает победу с помощью обнаженных клинков, не является хорошим полководцем. Тот, кто делает приготовления после того, как битва проиграна, не является высшим мудрецом! Тот, чье искусство не отличается от умения других, не является «мастером государства».

В военных делах нет ничего более важного, чем безоговорочная победа. В ведении войны нет ничего более важного, чем неизвестность и молчание. В движении нет ничего более важного, чем внезапность. В замыслах нет ничего более важного, чем тайна.

Чтобы одержать победу, первым делом изобрази слабость и только потом вступай в битву. Тогда половиной усилий добьешься двойного успеха.

Совершенномуудрый сообразуется с движением Неба и Земли, кто знает его принципы? Он сообразуется с Дао инь и ян и следует их сезонному порядку. Он следует полноте и пустоте Неба и Земли, зная их круговращение. Все вещи рождаются и умирают в соответствии с формой Неба и Земли. Поэтому сказано, что если кто-то сражается не оценив положения, то даже если его силы превосходящи, он неизбежно будет побежден.

Тот, кто преуспел в военном искусстве, будет ждать событий без всякого передвижения. Когда он видит, что может одержать победу, он выступит; если он видит, что не может одержать победу, он прекратит [движение]. Поэтому сказано, что он не

имеет страха, не проявляет нерешительности. Из всех бед, которые могут постичь армию, нерешительность — самая опасная. Из всех несчастий, которые могут сокрушить армию, ничто не сравнится с сомнением.

Тот, кто преуспел в военном искусстве, не утратит выгоды, если он видит ее, и не будет сомневаться, когда придет подходящий момент. Тот, кто теряет выгоду или отстает от времени — будет несчастен. Поэтому мудрые следуют времени и выгоде; способные решительны и не знают сомнений. Поэтому, когда внезапно гремят раскаты грома, нет времени затыкать уши; когда сверкнула молния, нет времени закрывать глаза. Продвигайся так, как будто только что пережил испуг; веди войну так, как будто приведен в замешательство. Те, кто сопротивляются, будут уничтожены; те, кто приблизятся, будут разбиты. Кто сможет противостоять такой атаке?

Когда дела не разглашены и полководец сохраняет их в тайне, он подобен духу. Когда вещи не проявляются, но он оценивает их, он осведомлен. Если кто-либо знает Дао духов и осведомленности, ни один враг не будет биться с ним в поле, ни одно государство не выступит против него.

У-ван:

— Прекрасно!

27. НЕОБЫЧНАЯ АРМИЯ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Каковы великие правила ведения войны?

Тай-гун ответил:

— Древние, преуспевшие в военном деле, не могли вести войну над Небом, как не могли вести войну и под Землей. Их успехи и неудачи всегда проистекали из духовного применения стратегической силы (ши). Те, кто приобретал ее, процветали; кто терял ее, погибали.

Когда две армии, противостоящие друг другу, рассредоточили закованных в доспехи воинов и выстроились в боевой порядок, высвобождение части войск для того, чтобы внести хаос в свои ряды, поможет создать видимость смятения.

Высокая и густая трава — это помощник в скрытом отступлении.

Овраги, где текут ручьи, и опасные ущелья помогут остановить колесницы и противостоять коннице.

Узкие проходы и горные леса помогут малым силам атаковать превосходящего противника.

Болотистые впадины и полная темнота помогут скрыть внезапное появление.

[Развертывание войск] на открытой местности без всяких укрытий поможет сражаться с отвагой и мужеством.

Атака, быстрая, как летящая стрела, внезапная, как освобождение тетивы арбалета, поможет расстроить блестящие расчеты.

Подготовка неожиданных засад и необычных войск, отправка отрядов на большое расстояние, чтобы обмануть и завлечь врага, помогут уничтожить армию противника и захватить полководца.

Разделение войск на четыре и на пять частей поможет атаковать круговые построения противника и уничтожить квадратные.

Если использовать испуг и страх врага, можно одному напасть на десятерых.

Если использовать усталость врага и то, что с наступлением ночи он расположился лагерем, можно десятерым напасть на сотню.

Необычные технические умения помогут переходить глубокие водоемы и форсировать реки.

Дальнобойные луки и длинное оружие помогут сражаться на воде.

Удаленные наблюдательные посты и глубокая разведка, «взрывные» марши и ложные отходы помогут захвату укреплений и взятию городов.

Барабанный бой к наступлению и создание большой суматохи помогут применению необычных планов.

Сильный ветер и проливной дождь помогут ударить в лоб и захватить тылы.

Выявление вражеских шпионов поможет отрезать линии снабжения противника.

Подделка команд и приказов [врага] и переодевание в одежду врага помогут подготовиться к его отходу.

Справедливая война поможет привлечь людей и одержать победу.

Звания и щедрые награды помогут исполнять приказы.

Суровые наказания и большие штрафы помогут заставить ленивых и уставших идти вперед.

Радость и гнев, награды и наказания, гражданские и военные меры, временами медленные, временами быстрые помогут привести в гармонию три армии, управлять и объединять подчиненных.

Занятие высот поможет быть бдительным и подготовиться к обороне.

Овладение впадинами и оврагами поможет основательно укрепиться.

Горные леса и густая трава помогут подойти и уйти бесшумно.

Глубокие рвы, высокие валы и большой запас провианта помогут удерживать позиции долгое время.

Поэтому сказано: «С тем, кто не знает, как рассчитывать наступление, незачем говорить о противнике. С тем, кто не разделяет и не передвигает [свои войска], незачем говорить о необычной стратегии. С тем, у кого нет глубокого понимания порядка и беспорядка, незачем говорить об изменениях».

Еще сказано:

«Если полководец не обладает гуманностью, три армии не будут близки к нему.

Если полководец не обладает мужеством, три армии не будут беспощадны.

Если полководец не обладает мудростью, три армии будут в растерянности.

Если полководец не выражается ясно, три армии будут в замешательстве.

Если полководец не находчив и не проницателен, три армии потеряют время.

Если полководец не бдителен, три армии растратят без толку свои силы.

Если полководец не силен и не убедителен, три армии не будут выполнять свои обязанности».

Поэтому полководец — хозяин Судьбы. Три армии подчиняются ему и не подчиняются тоже ему. Если приобрести дос-

тойного полководца, армия будет сильной, а государство — процветающим. Если не обрести достойного полководца, армия будет слабой, а государство погибнет».

— Прекрасно, — сказал У-ван.

28. Пять тонов

У-ван спросил Тай-гуна:

— Можем ли мы по звукам свистков узнать об изменениях в трех армиях, предсказать победу и поражение?

Тай-гун сказал:

— Ваш вопрос действительно глубок! Есть двенадцать свистков с пятью главными тонами: гун, шан, цзяо, чжэн и юй. Это подлинные и общепринятые тона, одни на десять тысяч поколений.

Духи пяти циклов — постоянства Дао. Металл, дерево, огонь, воду и землю в соответствии с периодами их преобладания [можно использовать], чтобы атаковать противника. В древности, три совершенномудрых императора использовали природу пустоты и недеяния, чтобы управлять стойкими и сильными. У них не было иероглифов для письма, все основывалось на пяти циклах. Дао пяти циклов — это естественность Неба и Земли. Разделение на шесть «цзя» — это воплощение возвышенного и неуловимого духа.

Вот их способ: после ясного и теплого дня — безоблачного, без ветра и дождя — в середине ночи они посылали легкую конницу, дабы приблизиться к укреплениям противника. Остановившись в девятистах шагах, воины прикладывали свистки к своим ушам и затем криками пугали врага. Тонкий, неуловимый звук отзывался в свистках.

Если отзывался тон «цзяо», это обозначало белого тигра.

Если отзывался тон «чжэн», это означало Таинственного Воина.

Если отзывался тон «шан», это означало ярко-красную птицу.

Если отзывался тон «юй», это означало «крюкообразное» построение.

Если не отзывался ни один из тонов, это был «гун», обозначающий Зеленого Дракона.

Эти знаки пяти циклов — помощь в победе, неуловимое в успехе и поражении.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

Тай-гун продолжил:

— Эти неуловимые, таинственные тона можно распознать.

У-ван спросил:

— Как мы можем узнать их?

Тай-гун ответил:

— Когда враг напуган и начал движение, слушай его. Если услышишь звуки барабана «бао», то это «цзяо». Если увидишь отблески пламени огня, это «чжэн». Если услышишь звуки бронзы и железа, копий и алебард, это «шан». Если услышишь, как вздыхают люди, это «юй». Если все тихо, нет ни звука, то это «гун». Таковы пять отличительных свойств.

29. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ АРМИИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Перед тем, как вступить в битву, я первым делом хочу знать о сильных и слабых сторонах противника, увидеть знаки победы и поражения. Как это можно сделать?

Тай-гун ответил:

— Знаки победы или поражения первым делом проявляются в духе врага. Просвещенный полководец изучает их, так как их можно узнать, наблюдая за людьми.

Внимательно наблюдай за появлением и уходом врага, его продвижением и отступлением. Изучай его маневры и периоды отдыха; узнай, говорят ли там о предзнаменованиях, что докладывают командиры и войска. Если три армии веселые, а командиры и солдаты боятся закона, уважают приказы полководца, радуются, разбив врага, хвалятся друг перед другом своим мужеством и жестокостью и хвалят друг друга за устрашающую силу и воинственность — это признаки сильного врага.

Если три армии были несколько раз напуганы, а солдаты и командиры больше не подчиняются приказам; если они стра-

щают друг друга [рассказами] о силе врага и говорят промеж себя о невыгодном положении; если зло смотрят друг на друга, внимательно прислушиваясь; если они твердят о плохих предзнаменованиях, сбивая с толку друг друга; если они не боятся ни законов, ни приказов, ни полководца — все это признаки слабого врага.

Когда три армии хорошо повинуются; когда войска стоят непоколебимо, когда они окружены глубокими рвами и высокими валами; когда они используют ветер и дождь; когда все спокойны; когда сигнальные флаги и знамена выставлены впереди; когда постоянно слышны звуки гонгов и колоколов, и звуки эти чисты; когда бой больших и малых барабанов тверд — все это признаки обретения возвышенного и полного взаимопонимания, предвещающего великую победу.

Если их построения нетверды, а их флаги и замена повисли и перепутаны; если они не используют выгоды сильного ветра и дождя; если командиры и солдаты запуганы; если их «ци» сломлена отсутствием единства; если их боевые лошади испуганы и разбрелись, а у колесниц сломаны оси; если звуки их гонгов и колоколов беспорядочны и слабы; а бой барабанов унылый и подавленный — все это признаки, предвещающие великое поражение.

Когда нападаешь на городские стены и окружаешь города, то если цвет «ци» противника подобен мертвой золе, в городе можно устроить кровопролитие. Если «ци» города уходит на север, город можно взять. Если «ци» города выходит и склоняется к западу, город можно заставить подчиниться силой. Если «ци» города выходит и склоняется к югу, его нельзя взять. Если «ци» города выходит и склоняется к востоку, его нельзя атаковать. Если «ци» города выходит, но возвращается назад, это значит, что правитель уже сбежал. Если «ци» города выходит и распространяется среди нашей армии, воины неизбежно заболеют. Если «ци» города поднимается вверх, армию суждено использовать долгое время. Если город был окружен и атаковался более десяти дней, и не было ни дождя, ни грома, необходимо спешно оставить его, ибо у города есть источник значительной помощи.

Таковы способы, с помощью которых можно узнать, следует ли атаковать и развивать наступление, или атаковать нельзя и следует остановиться.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

30. ПОДРУЧНЫЕ СРЕДСТВА

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если Поднебесная в мире и спокойствии, а государство не втянуто ни в какие конфликты, можем ли мы обойтись без средств для войны? Можем ли отказаться от подготовки снаряжения для защиты?

Тай-гун сказал:

— Средства для наступления и защиты можно в изобилии найти в обычной жизни. Палки для копания послужат как рогатины и «ежи». Повозки, в которые запрягают рогатый скот и лошадей, можно использовать при разбивке лагеря и как прикрывающие щиты. Различные мотыги — как копыя и алебарды с наконечниками. Соломенные плащи и большие зонты могут служить доспехами и щитами. Большие мотыги, лопаты, топоры, пилы, ступы и пестики — инструменты для штурма стен. Рогатый скот и лошади — средство для доставки провианта. Курицы и собаки являются сторожами. Одежда, сшитая женщинами, может быть знаменами и флагами.

Методы, используемые крестьянами при выравнивании полей, те же, что и при штурме стен. Умения, необходимые, чтобы вырывать траву и сорняки, те же, что и при борьбе с конницей и колесницами. Способы прополки те же, что применяются в сражении против пехоты. Собранный урожай и приготовленные на зиму дрова станут провиантом для армии. Заполненные амбары и склады обеспечат зимой надежную защиту.

Система «пятероку» на полях и в деревнях устанавливает самую малую боевую единицу и веру, связывающую людей. В деревнях есть чиновники, а в управах — начальники, которые могут повести армию. Деревни окружены стенами, которые не пересекаются; это основа для деления на отряды. Доставка зерна и заготовка сена наполняют государственные склады и амбары. Мастерство, необходимое при ремонте внутренних и наружных стен весной и осенью, строительстве рвов и каналов, пригодится при возведении валов и укреплений.

Таким образом, средства для военного дела могут быть найдены в обычной жизни. Тот, кто хорошо управляет государством, возьмет

их из повседневности. Затем они должны быть приведены в соответствие с разведением шести животных¹⁷, освоением новых земель и заселением их людьми. У мужа есть определенное количество му земли, которую он возделывает, у жены — материал, из которого она шьет. В этом путь обогащения государства и укрепления армии.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

虎韜

IV

СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ ТИГРА

31. СНАРЯЖЕНИЕ АРМИИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Когда правитель собирает три армии, существуют ли какие-нибудь правила снаряжения армии, такие, как определение средств нападения и защиты, типов оружия и его количества?

Тай-гун сказал:

— Великий вопрос, мой правитель! Средства для нападения и защиты подразделяются на категории. Следствием их является великая устрашающая сила армии.

У-ван сказал:

— Я хотел бы услышать о них.

Тай-гун ответил:

— Что касается количества, то при командовании десятью тысячами вооруженных воинов правила [вооружения и их] использования следующие.

Тридцать шесть больших защищенных боевых колесниц «фу суй». Умелые командиры, сильные арбалетчики, копыеносцы и воины с алебардами — всего по двадцать четыре на каждый фланг. У колесниц должны быть восьмифутовые колеса. На колесницах также находятся знамена и барабаны, которые в соответствии с искусством войны называются «наводящими страх». Они используются для проникновения вглубь основных защитных порядков, для разгрома сильного врага.

Семьдесят две большие фланговые колесницы «фу суй» с торчащими из бортов копьями и алебардами. Искусные командиры, сильные лучники, копьеносцы и воины с алебардами — по бокам. У них пятифутовые колеса, и на них закреплены арбалеты, к которым с помощью лебедочного механизма подаются стрелы для быстрой стрельбы. Они используются для проникновения в глубь основных защитных порядков, для разгрома сильного врага.

Сто сорок малых боевых колесниц «фу суй» для фланговой поддержки, также снабженные механизмами для скоростной стрельбы. Они используются для проникновения в глубь основных защитных порядков, для разгрома сильного врага.

Тридцать шесть больших желтых колесниц «фу суй» с укрепленными на них тремя, соединенными между собой, арбалетами. Умелые командиры, сильные лучники, копьеносцы и воины с алебардами, вооруженные стрелами «летающая утка» и «тень молнии», составляют фланги. У стрел «летающая утка» красное древко и белое оперение, наконечники — бронзовые. У стрел «тень молнии» — зеленое древко и красное оперение, наконечники — железные. Днем на колесницах укреплены знамена из красного шелка в шесть футов длиной и шесть дюймов шириной, которые сверкают на солнце. Ночью — знамена из белого шелка, тоже в шесть футов длиной и шесть дюймов шириной. Они используются для проникновения в глубь защитных рядов противника, для уничтожения пехоты и конницы.

Тридцать шесть больших атакующих колесниц «фу суй». Неся воинов — «богомолов», они могут атаковать как горизонтальные, так и вертикальные ряды врага и уничтожить их.

Колесницы обоза [для отражения] вылазок противника, также их называют «молниеносные колесницы». Искусство войны требует использовать их для «молниеносных атак». Они должны проникнуть в основные защитные формирования противника, уничтожить пехоту и конницу.

Сто шестьдесят легких колесниц «фу суй» с копьеносцами и воинами с алебардами [для отражения] ночных лобовых атак. На каждой три воина — «богомол». Искусство войны требует их использования для конных «громовых атак». Они должны проникнуть в основные защитные ряды противника и уничтожить конницу и пехоту.

Железные дубины с большими квадратными концами весом в двадцать катти¹⁸ и рукояткою длиной более, чем пять футов, всего двенадцать сотен. Они также называются «небесными дубинами».

Огромные ручные топоры «фу» с лезвием в восемь дюймов, весом восемь катти и рукояткою длиной более, чем пять футов, всего двенадцать сотен. Также они называются «небесные топоры юэ».

Еще железные пестики с квадратными наконечниками, весом в восемь катти и ручкой длиной более, чем пять футов, всего двенадцать сотен. Также называются «небесные пестики». Они необходимы для уничтожения пехоты и конницы.

«Летающие крюки», длиной восемь дюймов. Изгиб диаметром в пять дюймов, ручки длиной более, чем шесть футов. Их бросают в скопление воинов. Для защиты трех армий необходимо использовать [колесницы] «фу суй», снаряженные деревянными «богомолами» и лезвиями в форме меча, каждая в поперечнике двадцать футов, всего их сто двадцать. Они также называются «рогатками». На открытой и ровной местности пехота может их использовать для борьбы против колесниц и конницы.

Деревянные «ежи», возвышающиеся над поверхностью на два фута пять дюймов, всего сто двадцать. Их используют для борьбы против конницы и пехоты, для отражения наступления врага, а также для преграждения ему пути отступления.

Колесницы «фу суй» с короткими осями, подвижные и несущие воинов с копьями и алебардами, сто двадцать. Их использовал Желтый император, покоряя Чи-ю. Они должны уничтожить пехоту и конницу, содействовать немедленному наступлению и преграждать движение врага.

В узких проходах и на маленьких дорогах устанавливают железные «ежи» в восемь дюймов шириной, снабженные крюками в четыре дюйма и рукоятками более чем шесть футов длиной. Всего двенадцать сотен. Они необходимы для уничтожения отступающей конницы.

Если в ночной темноте противник вдруг атакует, и ударяют обнаженные мечи, протяни по земле сеть и установи два «ежа», утыканых стрелами, и соедини их с «ежами» типа «ткущая женщина». Концы лезвий должны выступать на два фута. Всего двенадцать тысяч.

Для сражения в диких зарослях и высокой траве есть копия с квадратным древком и по форме напоминающие стрелы, всего двенадцать сотен. Способ их использования следующий: они должны выступать из земли на один фут и пять дюймов. Они используются для поражения пехоты и кавалерии, внезапной атаки на врага и преграждения его движения.

В узких проходах, на маленьких дорогах и на ограниченной местности выстави железные цепи, всего сто двадцать, для поражения пехоты и конницы, внезапной атаки на врага и преграждения его движения.

Для защиты и обороны проходов в укреплениях существуют маленькие передвижные щиты с копьями и алебардами, всего двенадцать, и лебедочные арбалеты, стреляющие множеством стрел.

Для защиты трех армий есть «небесная сеть» и «когти тигра», связанные цепями, всего сто двадцать. Одна связка в пятнадцать футов шириной и восемь футов высотой. Для колесницы с закрепленными на ней «когтями тигра» и лезвиями мечей, связка также пятнадцать футов шириной и восемь футов высотой. Всего их пятьсот десять.

Для переправы через рвы и ямы существует «летающий мост». Одно звено пятнадцать футов шириной и более двадцати футов длиной. Всего восемь. На концах их закреплены цепи, которыми звенья соединяют друг с другом.

Для переправы через большие водоемы существуют «летающие реки», всего восемь. Они пятнадцать футов в ширину и более двадцати футов в длину, соединяются цепями.

Есть также «небесный плот», изнутри прямоугольный, снаружи круглый, четырех или более футов в диаметре, с выступающими шипами. Всего тридцать два. Когда «небесные плоты» используются вместе с «летающими реками» для переправы через большое озеро, они называются «небесными лодками».

В горных лесах или диких зарослях соедини «когти тигра», чтобы устроить обнесенный забором лагерь. Используй железные цепи, длиной более, чем в двадцать футов, всего двенадцать сотен. Также используй толстые веревки с кольцами, четыре дюйма в обхвате и длиной более сорока футов, шесть сотен; веревки среднего размера с кольцами, два дюйма в обхвате, дли-

ной сорок футов или более, две сотни; а также маленькие плетеные бечевки с кольцами, длиной двадцать футов или более, всего двенадцать тысяч.

Деревянные навесы для колесниц, называемые «небесный дождь», подгоняются друг к другу по зубчатым швам. Каждый четыре фута в ширину и более четырех футов в длину, один для каждой колесницы. Их сколачивают маленькими железными кольшниками.

Для рубки деревьев есть «небесный топор», весом в восемь катти. Его рукоять длиной более трех футов. Всего три сотни. Также есть кирки с лезвием шириной шесть дюймов и ручкой длиной более пяти футов, всего три сотни.

Медные тараны для пробивания стен, длиной более пяти футов, три сотни.

«Когти орла» с квадратными наконечниками, железной рукоятью, длиной более семи футов, три сотни.

Вилы с квадратной основой и рукоятью длиной более семи футов, три сотни.

Железные вилы с двойными зубцами, квадратной основой и рукоятью длиной более семи футов, три сотни.

Большие серпы для срезки травы и кустарника длиной более шести футов, три сотни.

Большие лезвия в форме весла, весом в восемь катти, рукоятью длиной более шести футов, три сотни.

Железные кольца с кольцами, закрепленными на верхушке, длиной более трех футов, три сотни.

Большие молоты для забивания кольшек, весом в пять катти, рукояткой длиной более двух футов, сто двадцать.

Воины в доспехах, десять тысяч. Сильные арбалетчики, шесть тысяч. Воины с алебардами и щитами, две тысячи. Копьеносцы со щитами, две тысячи. Ремесленники, чтобы чинить наступательное оружие и точить его, три сотни.

Таково общее количество, необходимое для каждой категории при собирании армии.

У-ван сказал:

— Я принимаю ваш совет.

32. ТРИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ

У-ван спросил Тай-гуна:

— При использовании армии существует три вида развертывания войск: «небесное», «земное» и «человеческое». Каковы они?

Тай-гун ответил:

— Когда соотнобразуются с солнцем и луной, звездами, планетами и ковшом Большой Медведицы — слева, справа, впереди и сзади — это называют «небесным развертыванием».

Когда высоты, реки и ручьи соответствуют выгоде впереди, сзади, слева и справа — это называют «земным развертыванием».

Когда используешь колесницы и конницу, используешь и гражданских, и военных, это — «человеческое развертывание».

— Прекрасно, — сказал У-ван.

33. БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНАЯ БИТВА

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если враг окружает нас, перекрывая пути наступления, отхода и снабжения, что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Это самые истощенные силы, которые только бывают. Если будешь как молния, одержишь победу; если промедлишь, потерпишь поражение. В этом положении, если построишь свои войска в боевой наступательный порядок по всем четырем направлениям, используешь боевые колесницы и отборную конницу, чтобы напугать и смутить противника, и немедленно нападешь на него, сможешь прорваться сквозь его ряды.

У-ван спросил:

— После того, как мы вырвались из окружения, если мы хотим воспользоваться выгодой и добиться победы, что мы должны сделать?

Тай-гун сказал:

— Левая армия должна немедленно ударить слева, правая армия — справа. Но не дай заманить себя в ловушку в затянувшейся битве на каком-либо направлении. Средняя армия должна двигаться то вперед, то назад. Даже если противник превосходит тебя числом, их полководца можно пленить.

34. РЕШИТЕЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели войска в глубь владений удельных князей. Враг стекается отовсюду и окружает нас, отрезая путь назад и угрожая нашим линиям снабжения. Противник многочисленный и очень хорошо снабжается, овраги и ущелья также удерживаются им. Мы должны отступить — как это можно сделать?

Тай-гун сказал:

— Что касается уверенного отступления, вооружение — это твое богатство, а мужественное сопротивление — самое главное. Если узнать, где местность не занята врагом и пуста, можно уверенно отступить.

Прикажи своим командирам и начальникам нести знамена «таинственной темноты» и приготовить оружие. Потребуй, чтобы воины вставили деревянные кляпы в рот. Начиная движение ночью. Мужественные, сильные и быстрые воины, любящие опасность, должны создать горизонтальный заслон и открыть проход для армии. Отборные солдаты и сильные арбалетчики должны устроить засаду, остающуюся позади. Слабые воины, колесница и конница займут середину. Когда построение завершено, медленно продвигайся, будучи особенно внимателен к тому, чтобы не вспугнуть и не встревожить врага. Пусть боевые колесницы нападения «фу суй» защищают фронт и тыл, а колесницы с копьями и алебардами — левый и правый фланги.

Если враг потревожен, пусть мужественные и любящие опасность воины яростно атакуют и рвутся вперед. Слабые части, колесницы и конница должны остаться сзади. Отборные воины и арбалетчики должны спрятаться в засаде. Если заставишь врага преследовать тебя, то воины, спрятавшиеся в засаде, должны быстро ударить в тыл противнику. Пусть огни и барабаны будут многочисленны, а атака — словно возникшей из-под земли или сорвавшейся с неба. Если три армии будут мужественно сражаться, никто не сможет устоять против нас!

У-ван спросил:

— Перед нами большое озеро, или широкий ров, или водное препятствие, которое мы хотим перейти. Однако, у нас нет ни лодок, ни весел. У врага есть укрепления и валы, которые

ограничивают возможности нашего продвижения и преграждают отход. Дозоры бдительны, а проходы надежно защищены. Колесницы и конница противника давят на нас спереди, храбрые воины атакуют сзади. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Большие озера, широкие рвы и водные преграды обычно не охраняются врагом. Если бы он был способен на это, у него осталось бы мало сил. В таких случаях необходимо использовать «летающие реки» с лебедками, а также «небесные лодки», чтобы армия могла пересечь препятствие. Наши сильные, мужественные и отборные воины должны отправиться туда, куда мы укажем, обрушиться на врага, и биться не на жизнь, а на смерть, уничтожая его.

Сперва сожги повозки с провиантом, и честно скажи людям, что те, кто будет смело сражаться, будут жить, а трусы — умрут. После того, как они воодушевились [и перешли мосты], прикажи оставшимся позади устроить большой пожар, видимый издалека. [Войска, идущие вперед], должны воспользоваться выгодами местности: травой, деревьями, холмами и оврагами. Колесницы и конница противника не посмеют преследовать их слишком долго. Оглядываясь на пламя, первые должны продвигнуться вперед настолько, насколько будет виден огонь, и остановиться, построившись в каре.

Таким образом, три армии будут неистовы, жестоки и яростны в бою, и никто не сможет противостоять им!

У-ван ответил:

— Прекрасно!

35. ПЛАНИРОВАНИЕ ДЛЯ АРМИИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели армию в глубь владений удельных князей, где мы столкнулись с глубокими реками или заполненными водой долинами, оврагами или ложбинами. Наши три армии еще не пересекли их полностью, когда Небо послало потоки дождя, и бурлящие воды превратились в стремительный поток. Задние не имеют связи с передними. У нас нет ни приспособлений, вроде понтонных мостов, ни материалов, чтобы преградить путь воде. Я хочу закончить переправу и уберечь три армии от увязания в болоте. Что я должен делать?

Тай-гун сказал:

— Если полководец вначале не обеспечит армию всем необходимым, снаряжение не приготовят. Если его указания неточны, и им не доверяют, командиры и солдаты не смогут ничему научиться. В таких условиях они не смогут составить армию правителя.

В целом, когда армия вовлечена в большую кампанию, [необходимо] обучить каждого пользоваться снаряжением. Для атаки крепостных стен или окружения города существуют колесницы нападения, высокие повозки и ударные орудия, тогда как для того, чтобы узнать, что происходит за стенами города, существуют «небесные лестницы» и «летающие башни». Если движение трех армий остановлено, то есть большие боевые колесницы «фу ской». Для защиты спереди и сзади, для закрытия дорог и преграждения проходов есть опытные воины и арбалетчики, которые защищают оба фланга. Если разбиваешь лагерь или воздвигаешь укрепления, существуют «небесная сеть», «военная капля», рогатины и «ежи».

Днем взойди на небесную лестницу и посмотри вдаль, установи пятицветные знамена и флаги. Ночью зажги десять тысяч факелов, бей в громовые барабаны, ударяй в военные барабаны и колокола и свисти в режущие слух свистки.

Для перехода через рвы и ямы существуют «летающие мосты» с лебедками и выступами. Для перехода больших водоемов есть [лодки, называемые] «небесный хуан», и «летающие реки». Для того, чтобы идти навстречу волнам и против течения, есть «несущийся океан» [плот] и [тянущийся за веревки] «речной разрыв». Когда все приспособления, которые используют три армии, приготовлены, какие беспокойства могут быть у полководца?

36. ПРИБЛИЖЕНИЕ К ГРАНИЦЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Противник и наша армия стоят у границы, мы находимся на расстоянии. Они могут приблизиться к нам, мы тоже можем продвинуться. И та, и другая сторона медлят; ни одна не решается ударить первой. Мы хотим выдвинуться и атаковать их, но они тоже могут пойти вперед. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Раздели армию на три части. Пусть наши передние войска углубят рвы и увеличат высоту валов, но никто из воинов не дол-

жен идти вперед. Подними флаги и знамена, бей в боевые кожаные барабаны и заверши все приготовления. Прикажи задним частям накопить припасы и провиант, не давая противнику узнать о наших намерениях. Затем тайно пошли наши отборные части вперед, чтобы внезапно атаковать его центр, ударив там, где он не ожидает этого, напад там, где он не приготовился. Так как враг не знает наших истинных намерений, он остановится и не будет наступать.

У-ван спросил:

— Предположим, что противник знает подлинное положение вещей и проник в наши планы. Если мы выдвинемся, он сможет все узнать про нас. Его отборные части спрятаны в высокой траве. Они сжимают нас на узких дорогах и атакуют там, где им удобнее. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Каждый день посылай вперед авангард и провоцируй стычки, чтобы измотать противника. Пусть наши старые и слабые воины таскают кустарник, чтобы поднять пыль, бьют в барабаны и кричат, а также передвигаются туда-сюда, некоторые направо, некоторые налево, не приближаясь к врагу более, чем на сто шагов. Их полководец будет утомлен, а войска станут пугливыми. Затем наши надвигающиеся части [вдруг] остановятся, некоторые [продолжив идти вперед] ударят вглубь, некоторые — с фланга. Если наши три армии разом яростно бросятся в бой, враг неизбежно будет разбит.

37. ДВИЖЕНИЕ И ОСТАНОВКИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели свои войска вглубь земли удельных князей и столкнулись с врагом. Обе армии, стоя друг перед другом, равны числом и силой, и никто не осмеливается напасть первым. Я хочу сделать так, чтобы полководец противника был испуган, а командиры и солдаты — удручены; чтобы их боевой строй распался; а их резервные силы хотели бы бежать; чтобы выдвинутые вперед части оглядывались друг на друга. Я хочу бить в барабаны, шуметь и воспользоваться преимуществом, чтобы враг побежал. Как это можно сделать?

Тай-гун:

— В этом случае отведи свои силы на расстояние десяти ли¹⁹ от противника, и пусть они спрячутся на обоих флангах.

Пошли конницу и колесницы на расстояние сто ли²⁰ [и пусть они незаметно вернуться], чтобы занять позиции впереди и позади противника. Умножь количество знамен и флагов, увеличь количество барабанов и гонгов. Вступив в битву, бей в барабаны, создавая побольше шума, и пусть все воины поднимутся одновременно. Полководец противника обязательно будет напуган, а его армия — устрашена. Большие и малые соединения не придут друг другу на помощь; верхи и низы не будут ждать друг друга; враг неизбежно будет разбит.

У-ван спросил:

— Предположим, что из-за стратегического построения сил врага мы не можем спрятать войска по бокам, и, более того, у колесниц и конницы нет возможности пройти через его ряды и занять позиции впереди и сзади. Противник угадывает мои мысли и всегда подготовлен. Наши командиры и солдаты — удручены, наши полководцы — испуганы. Если мы вступим в битву, мы не одержим победы. Что тогда?

Тай-гун сказал:

— Поистине серьезный вопрос! В таком случае, за пять дней до вступления в битву вышли дальние патрули и наблюдай поведение противника, изучай, как он продвигается, чтобы устроить засаду и ждать его. Мы должны биться с врагом не на жизнь, а на смерть. Флаги и знамена расставь на обширном пространстве, построь боевые порядки. Мы должны спешить, чтобы встретить врага. После начала битвы вдруг подай приказ к отступлению, непрерывно ударяя в гонги. Отойди на три ли [за линию засады], затем развернись и атакуй. Одновременно ударят спрятанные в засаде воины. Часть войска зайдет с флангов, другая — нападет спереди и сзади. Если три армии бесстрашно вступят в бой, враг побежит.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

38. ГОНГИ И БАРАБАНЫ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели армию в глубь владений удельных князей, где столкнулись с противником. Погода или слишком жаркая, или слишком холодная, и в течение десяти дней и ночей непрерывно лил дождь. Рвы и валы размыты; лощины и

ограждения не охраняются; наши патрули стали беспечны; а командиры и солдаты утратили бдительность. Предположим, что враг подходит ночью. Наши три армии неподготовлены, верхи и низы в смятении и беспорядке. Что нам следует делать?

Тай-гун сказал:

— Что касается трех армий, то бдительность выливается в твердость, а расхлябанность приводит к поражению. Прикажи страже, охраняющей валы, окликать каждого. Пусть все, у кого есть сигнальные флажки, смотрят друг на друга, как в лагере, так и за его пределами, отвечая паролем на приказания друг друга. Но не позволяй им поднимать шум. Все усилия должны определяться внешним.

Пусть три тысяч человек составят отряд. Объясни им всё и заставь дать клятву, что каждый из них будет предельно бдителен на своем посту. Если враг приближается, то увидев нашу готовность и бдительность, повернет обратно. [В итоге] его силы истощатся, а дух будет сломлен. [В этот момент] наши отборные части преследуют и атакуют противника.

У-ван спросил:

— Враг, зная, что мы его преследуем, оставил свои лучшие части в засаде, делая вид, что продолжает отступать. Когда мы достигнем засады, его войска повернутся, часть атакует нас спереди, другие — сзади, третьи — нанесут удар по укреплениям. Наши три армии испуганы, в смятении нарушают строй и оставляют занимаемые позиции. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Раздели войска на три части, затем преследуй его, но не заходи за линию засады. Когда все три соединения прибыли, пусть одни атакуют спереди и сзади, другие же должны ударить с флангов. Команды должны быть ясными; тщательно выбирай, какие приказы отдавать. Яростно атакуй, продвигаясь вперед, и враг неизбежно будет разбит.

39. ОТРЕЗАННЫЕ ПУТИ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели войска в глубь владений удельных князей, столкнулись с противником, заняли оборонительные позиции. Враг отсек нас от линий снабжения и занял по-

зиции, отрезающие путь вперед и назад. Если бы я захотел вступить в битву, то мы бы не одержали победы; если бы захотел удержать позиции, то мы не смогли бы выстоять. Как нам поступить?

Тай-гун сказал:

— Когда продвигаешься в глубь земель противника, необходимо разузнать как характер, так и стратегические выгоды местности, и сосредоточить силы на том, чтобы отыскать и использовать эти выгоды. Используя горы, леса, овраги, реки, ручьи, чащи и деревья, создай надежную оборону. Внимательно охраняй проходы и мосты и, более того, будь уверен в том, что знаешь о выгоде местностей, занятых городами, поселениями, домами и могильными курганами. Тогда позиции армии будут хорошо укреплены. Враг не сможет ни перерезать линии снабжения, ни занять позиции, перекрывающие путь вперед и назад.

У-ван спросил:

— Предположим, что после того, как три армии прошли через большой лес или пересекли широкое болото и находятся на ровной, открытой местности, из-за ошибок или гибели наших разведчиков противник неожиданно обрушивается на нас. Если мы вступим в битву, мы не победим; если займем оборону, она не будет прочной. Противник обошел нас с флангов и занял позиции, перекрывающие первых и последних. Три армии испуганы. Что нужно сделать?

Тай-гун сказал:

— Правила командования армией требуют первым делом выслать разведку далеко вперед, так, чтобы еще в двухстах ли от врага уже знать о его местонахождении. Если стратегический характер местности неблагоприятен, тогда задействуй боевые колесницы, чтобы создать подвижный вал, и продвигайся вперед. Также оставь два сторожевых соединения позади — дальнее на расстоянии ста ли, ближнее на удалении пятидесяти ли. Тогда в случае внезапной тревоги или непредвиденной ситуации и задний, и передний край узнают об этом, и три армии смогут создать единый боевой строй, не понеся никакого ущерба или потерь.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

40. ЗАХВАТ ВЛАДЕНИЙ ВРАГА

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что, одержав победу в битве, мы глубоко проникли на территорию противника и заняли его владения. Однако большие города покорить нельзя, а вторая армия противника удерживает лощины и овраги, противостоя нам. Мы хотим атаковать города и осадить их, но я опасаясь, что вторая армия внезапно появится и нападет на нас. Если их внутренние и внешние силы объединятся таким образом, они будут противостоят нам и снаружи, и изнутри. Наши три армии будут в беспорядке; верхи и низы будут напуганы. Что нужно делать?

Тай-гун сказал:

— Когда атакуешь и осаждаешь города, колесницы и конница должны быть на расстоянии. Соединения, стоящие в лагере, и оборонительные силы должны быть постоянно настороже, чтобы воспрепятствовать врагу извне и изнутри. Когда жителей города отрежут от пищи — ибо извне невозможно доставить что-нибудь — то находящиеся за городскими стенами будут напуганы, а их полководец неизбежно сдастся.

У-ван спросил:

— Предположим, что когда снабжение отрезано, — враг не может ничего доставить извне — и те и другие условятся и дадут клятву, все рассчитают и выступят ночью, бросив в смертельную схватку все свои силы. Одна часть колесниц, конницы и пехоты атакует нас изнутри, другая — извне. Командиры и солдаты в смятении, три армии побеждены. Что должно быть сделано?

Тай-гун сказал:

— В этом случае раздели свои войска на три части. Внимательно оцени условия местности и затем [стратегически] расставь их. Необходимо в деталях знать точное расположение второй армии, а также главных и вспомогательных укреплений противника. Оставь им проход, чтобы побудить врага пробиваться. Враги будут испуганы и если не уйдут в горы или леса, то возвратятся в город или поспешат на соединение со второй армией. Поскольку их колесницы и конница далеко, атакуй в лоб, не давая им уйти. Так как оставшиеся в городе подумают, что у тех, кто двинулся первым, есть на-

дежный путь к отступлению, их хорошо организованные части и сильные командиры пойдут следом, оставив в городе только слабых и старых. Раз наши колесницы и конница проникли в глубь владений противника, двигаясь в отдалении, никто из вражеской армии не посмеет приблизиться. Не давай им вступить в битву; пусть отрежут снабжение и дороги, и тогда победишь.

Не сжигай того, что накопили люди; не разрушай их дворцы и дома; не срубай деревья, не уничтожай алтари и кладбища. Не убивай тех, кто сдался, и не уничтожай пленных. Покажи им вместо этого свою гуманность и справедливость, распространи на них свою добродетель. Пусть люди скажут: «Виновен только один».²¹ Тогда тебе подчинится весь мир.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

41. ОГНЕВАЯ ВОЙНА

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели войска в глубь владений удельных князей и оказались в высокой траве и густых зарослях, которые окружают нас со всех сторон. Три армии прошли несколько сот ли; люди и лошади устали и остановились на привал. Используя необычно сухую погоду и сильный ветер, противник пустил по ветру огонь против нас. Колесницы, конница и отборные части спрятаны в нашем тылу в засаде. Три армии устрашены, мечутся в смятении и бегут. Что можно сделать?

Тай-гун сказал:

— При таких обстоятельствах используют «небесные лестницы» и «летающие башни», чтобы посмотреть направо и налево. Внимательно изучи положение впереди и сзади. Когда увидишь пламя, пусти огонь от своих передних рядов и гони его вперед. Также пусти огонь позади и гони его от себя. Если враг нагрянет, переведи армию и займи укрепленные позиции на сожженной земле и жди наступления. Таким же образом, если увидишь пламя позади, необходимо уйти подальше. Если занять сожженную землю, а наши арбалетчики и опытные солдаты будут охранять правый и левый фланги, мы также сможем пустить огонь вперед и назад. Тогда враг не сможет навредить нам».

У-ван спросил:

— Предположим, что враг пустил огонь спереди и сзади, а также справа и слева. Дым окутывает армию, а его главные силы появляются со стороны выжженной земли. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— В этом случае [предполагается овладение участком сожженной земли] по всем четырем сторонам расставь боевые колесницы нападения, чтобы создать преграду, а арбалетчиков рассредоточь на флангах. Это не принесет победы, но и не окончится поражением.

42. ПУСТЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Как я могу узнать, пусты укрепления врага или заняты, наступает он или уходит?

Тай-гун сказал:

— Полководец должен знать Дао Неба наверху, преимущества Земли внизу и человеческие дела посередине. Необходимо взойти на возвышение и посмотреть на изменения и перемещения в стане врага. Наблюдай за его укреплениями, и тогда узнаешь, заняты они или пусты. Наблюдай за его командирами и солдатами, и тогда узнаешь, приходят они или уходят.

У-ван спросил:

— Как я узнаю об этом?

Тай-гун сказал:

— Прислушайся, молчат ли его барабаны, звонят ли его колокола. Присмотришься, летают ли испуганные птицы над его укреплениями. Если в воздух не поднимаются испарения, значит противник одурачил тебя чучелами.

Если враг вдруг ушел — но не очень далеко — и затем вернулся, не успев встать в боевой порядок, то он слишком поспешно использует командиров и солдат. Когда он действует слишком поспешно, передние и задние ряды не могут соблюдать правильный порядок. Когда они не могут соблюдать правильный порядок, все боевое построение приходит в хаос. При таких обстоятельствах быстро выдвини войска и атакуй его. Если малое их число ударит с большой силой, противник неизбежно будет разбит.

豹韜

V

СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ ЛЕОПАРДА

43. ВОЙНА В ЛЕСУ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели войска в глубь владений удельных князей и оказались в большом лесу, где нам противостоит противник. Если займем оборону, я хочу, чтобы она была надежной; если будем сражаться, хочу победить. Как мы должны поступить?

Тай-гун сказал:

— Поставь три армии в боевой порядок. Улучши позиции, которые займут войска, выстави впереди арбалетчиков и лучников, а позади расположи воинов с алебардами и щитами. Сруби деревья, срежь траву и расширь проходы, чтобы облегчить развертывание сил для боя. Высоко водрузи знамена и флаги и воодушеви три армии, не давая врагу разузнать об истинном положении. Это называется «войной в лесу».

Правило «войны в лесу» состоит в том, чтобы создать из копьеносцев и воинов с алебардами «пятерки». Если лес не густой, то для поддержки можно использовать конницу. Боевые колесницы будут впереди. При случае они вступят в бой; при невыгодном положении — прекратят сражение. Там, где в лесу

много лощин и оврагов, необходимо поставить [силы] в наступательном порядке, чтобы быть готовым к сражению как спереди, так и сзади. Если три армии внезапно атакуют, то даже если противник превосходит нас числом, его силы можно рассеять. Воины должны биться и отдыхать по очереди, каждый вместе со своим подразделением. Это основная особенность «войны в лесу».

44. ВЗРЫВНАЯ ВОЙНА

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что [передовые отряды] врага проникли в глубь нашей земли и широко развернулись, занимая наши земли и угоняя наших лошадей и скот. Затем подходят основные силы трех армий противника и давят на нас за пределами городских стен. Наши командиры и солдаты перепуганы; наши люди, захваченные врагом, закованы в цепи. Если займем оборону, я хочу, чтобы она была надежной; если будем сражаться, хочу победить. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Враг в таком положении является «взрывной силой». Его лошади и рогатый скот не будут накормлены, его солдаты и командиры, совершив «взрывную атаку» и продвинувшись вперед, будут отрезаны от снабжения. Прикажи нашим городам и армиям отобрать лучших воинов и ударить сзади. Внимательно посмотри в календарь, ибо мы объединимся в безлунную ночь. Три армии должны яростно сражаться, тогда, даже если враг многочисленный, их полководец попадет в плен.

У-ван спросил:

— Предположим, что противник разделил свои силы на три или четыре отряда — одни будут сражаться с нами и занимать нашу землю, другие — продолжать угонять наших лошадей и скот. Их основные силы еще не подошли, но их первые отборные воины прижали нас к стенам города. Тогда наши три армии будут сильно испуганы. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Внимательно наблюдай за противником. Сделай необходимые приготовления и ожидай, пока все его основные силы по-

дойдут. На расстоянии четырех ли от стен возведи укрепления, расставив в правильном порядке гонги и барабаны, знамена и флаги. Другие наши части пусть устроят засаду. Прикажи большому числу арбалетчиков расположиться на вершине укреплений. Через каждые сто шагов установи «взрывные ворота», за которыми выстави рогатины. Наши колесницы и конница должны находиться снаружи, в то время как сильные, мужественные и бесстрашные воины должны быть спрятаны за укреплениями. Если враг подойдет, пусть легко вооруженные солдаты вступят в бой, а затем изобразят отступление. Пусть на вершине городской стены поднимут знамена и флаги и ударят в боевые барабаны, завершив все приготовления к защите города. Противник подумает, что мы будем защищать стены, и атакует нас под ними. Тогда введи в бой силы, спрятанные в засаде — одни пусть ударят в лоб, другие — с флангов. Тогда три армии должны молниеносно перейти в наступление и ударить с фронта и тыла. Даже храбрые солдаты противника не смогут сражаться, а у самых быстрых не будет времени убежать. Это называется «взрывной войной». Хотя враг превосходит нас числом, он будет обращен в бегство.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

45. СИЛЬНЫЙ ПРОТИВНИК

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели армию в глубь земель удельных князей и столкнулись с атакующими нас частями противника. Враг многочисленен, тогда как нас — мало. Враг силен, а мы — слабы. Враг приближается под покровом темноты, одни нападают слева, другие — справа. Три армии дрожат. Мы хотим победить, если выберем сражение, и стоять непоколебимо, если выберем оборону. Как мы должны действовать?

Тай-гун сказал:

— В этом случае о противнике говорят, что он «наводит трепет». Лучше выдвинуться вперед и сражаться; обороняться нельзя. Отбери опытных воинов и арбалетчиков и, вместе с колесницами и конницей, поставь на флангах. Они внезапно ударят по передовым частям противника, а также быстро атакуют

его с тыла. Одни должны наносить удар по краю, другие — вглубь. Войска противника обязательно будут обескуражены, а их полководцы — напуганы.

У-ван спросил:

— Предположим, что противник отрезал на определенном расстоянии наших первых и неистово атакует, сжимая последних. Он разбил наши отборные части и отрезал наших опытных воинов. Наши внутренние и внешние силы не могут поддерживать связь друг с другом, командиры и солдаты лишились воли сражаться, полководцы и начальники — желая защитить себя. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Ваш вопрос велик, мой правитель! Вы должны сделать команды понятными и быть внимательны к своим приказам. Вы должны выслать вперед отважных, первоклассных воинов, любящих опасность — пусть каждый из них несет факел, а два человека пусть будут приставлены к барабану. Вы должны знать местоположение противника и ударить по внутренним и внешним частям. Когда наши тайные сигналы будут оговорены, прикажите потушить факелы и перестать бить в барабаны. Крайние и средние пусть ждут не дыша, но, дождавшись, слышат дыхание друг друга. Когда наши три армии внезапно начнут атаку, враг обязательно будет повержен и разбит.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

46. ВОИНСТВЕННЫЙ ПРОТИВНИК

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели армию в глубь земель удельных князей, где внезапно столкнулись с воинственным, превосходящим нас числом противником. Если его боевые колесницы и храбрая конница атакуют нас слева и справа, и наши три армии будут так потрясены, что бегство их будет не остановить, что я должен делать?

Тай-гун сказал:

— В этом положении мы имеем дело с тем, что называется «разбитая армия». Те, кто обладает искусством ведения войны, одержат победу. Те, кто не обладает, погибнут.

У-ван спросил:

— Что надлежит делать?

Тай-гун ответил:

— Пусть наши лучшие воины и арбалетчики, вместе с боевыми колесницами и бесстрашной конницей, спрячутся по обеим сторонам пути отступления, на три ли впереди и позади главных сил. Когда враг преследует нас, с обеих сторон начни одновременную атаку колесниц и конницы. Тогда враг окажется в смятении, а наши бегущие солдаты сами останутся.

У-ван продолжил:

— Предположим, что колесницы и конница противника противостоят нашим, но врагов много, а нас мало, они сильны, а мы слабы. Их наступление организовано и они стойки духом, а наши войска не могут сопротивляться. Что мы должны делать?

Тай-гун ответил:

— Выбери лучших воинов и сильных арбалетчиков, пусть они спрячутся в засаде по обеим сторонам, пока колесницы и конница разворачиваются в единое построение и занимают позиции. Когда враг проходит мимо наших спрятанных в засаде частей, арбалетчики должны непрерывно стрелять по его флангам. Затем колесницы, конница и лучшие воины должны внезапно атаковать армию противника. Одни — ударить по переднему краю, другие — по заднему. Даже если врагов множество, они побегут.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

47. «ВОРОНЫ И ОБЛАКА» В ГОРАХ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы зашли с войсками в глубь владений удельных князей, и пред нами высокие горы и отвесные скалы, с многочисленными остроконечными пиками, без всяких деревьев и травы. Со всех сторон мы окружены врагом. Наши три армии испуганы, командиры и войска — в растерянности. Я хочу, чтобы, если мы выберем оборону, она была прочной; если выберем сражение, оно было победным. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Когда бы три армии не заняли высоту, они будут пойманы в ловушку врагом. Однако когда противник занял территорию

под горой, он сам является пленником войск наверху. Если высота уже занята, необходимо подготовить соединения «вороны и облака»²². Они должны быть подготовлены на склоне инь и на склоне ян [горы]. Одни станут лагерем на стороне инь, другие — на стороне ян. Те, кто займет сторону ян, должны приготовиться [к атакам] со стороны инь. Те, кто займет сторону инь, должны приготовиться к [атакам] со стороны ян. Находящиеся на левом склоне горы должны приготовиться к нападению с правого склона, и наоборот. Когда противник начал восхождение, наши войска должны установить внешнюю линию обороны. Если есть дороги, проходящие через долину, перекрой их боевыми колесницами. Установи знамена и флаги на высоте. Будь осмотрителен, командуя тремя армиями: не позволяй противнику догадаться о твоём истинном положении. Это называется «горной стеной».

Когда все линии установлены, командиры и войска задействованы, правила и приказы отданы, тактика — правильная и необычная — рассчитана, введи в действие наступательные силы по внешнему периметру обороны, и пусть они улучшат занимаемые позиции. Затем, составь из колесниц и конницы соединения «вороны и облака». Когда три армии внезапно атакуют врага, то пусть даже он многочисленен, их полководца можно захватить.

48. «ВОРОНЫ И ОБЛАКА» В БОЛОТАХ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы с войсками зашли вглубь владений удельных князей, от противника нас отделяет река. Враг хорошо снаряжен и многочисленен; нас мало и наши силы истощены. Если они переходят реку, чтобы атаковать, мы не сможем продвинуться; но если мы захотим переждать врага, то наши запасы слишком скудны. Мы стоим лагерем на соленых почвах. Нигде нет городов и даже травы и деревьев. Трём армиям нечего грабить, а для лошадей и скота нет ни фуража, ни места для выпаса. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Три армии не подготовлены; у лошадей и скота нет корма; у командиров и солдат нет провианта. В этой ситуации ищи какую-нибудь возможность обмануть противника и быстро уйти, оставляя позади себя засады.

У-ван спросил:

— Врага нельзя обмануть. Мои солдаты и командиры обескуражены. Противник занял позиции, перекрывающие путь вперед и назад. Наши три армии побеждены и бегут. Что тогда?

Тай-гун сказал:

— Когда ищешь путь к отступлению, необходимы золото и яшма. Необходимо узнать положение у посланников врага. В этом случае твои сокровища — ум и секретность.

У-ван спросил:

— Предположим, что противник знает об оставленных засадах, и его главные силы не будут переходить через реку. Полководец второй армии выделит специальные отряды и пошлет их вброд. Мои три армии сильно перепуганы. Что я должен делать?

Тай-гун сказал:

— В этой ситуации построь войска в боевой порядок нападения, и пусть они улучшат свои позиции. Подожди, пока появится враг, затем подними спрятанные войска, быстро ударив его сзади. Пусть арбалетчики с обоих флангов стреляют в него. Составь из колесниц и конницы соединения «вороны и облака» и выстрой их против переднего и заднего краев. Затем наши три армии должны стремительно атаковать. Когда противник увидит, что мы вступили в битву, его главные силы обязательно перейдут через реку и продвинутся. Тогда брось в бой спрятанные в засаде части, пусть они срочно ударят в тыл. Колесницы и конница должны наступать справа и слева. Даже если враг многочисленный, его силы можно рассеять.

Итак, самое главное в задействовании войск следующее. Когда враг приближается, чтобы вступить в битву, поставь войска в боевой порядок, пусть они улучшат свои позиции. Затем, составь из колесниц и конницы соединения «вороны и облака». Это необычный способ использования войск. Соединения «вороны и облака» — это значит, что они разлетаются в стороны, как вспугнутые вороны, и собираются вместе, как облака. Их изменения и превращения бесконечны.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

49. МАЛЫЕ И БОЛЬШИЕ СИЛЫ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если я хочу напасть на многочисленного противника малыми силами, атаковать сильного слабыми, что я должен делать?

Тай-гун сказал:

— Если хочешь атаковать многочисленного противника малым числом, это нужно делать на закате солнца, расставив засады в высокой траве и сжимая врага на узкой дороге. Чтобы атаковать сильного слабыми, нужно заручиться поддержкой великого государства и помощью соседних государств.

У-ван спросил:

— У нас нет ни местности с высокой травой, ни, тем более, узких дорог. Враг уже подошел, мы не можем ждать заката. У меня нет ни поддержки со стороны великого государства, ни, тем более, помощи со стороны соседей. Что тогда?

Тай-гун сказал:

— Необходимо использовать обман и уловки, чтобы одурачить и смутить полководца противника, дабы направить его такой дорогой, где он будет вынужден пройти через высокую траву. Пусть его путь будет длительным, и тогда сможешь сделать все приготовления к заходу солнца. Когда его первые еще не перешли водной преграды, а последние еще не дошли до лагеря, подними войска из засады, стремительно нанеси удар по флангам, пока колесницы и конница создают беспорядок в его передовых и задних отрядах. Даже если враг многочисленный, он побежит.

Для того, чтобы служить правителю великого государства, чтобы добиться покорности чиновников соседних государств, делай наживку щедрой, а голос — нежным. Таким образом обретешь поддержку великого государства и помощь соседей.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

50. РАЗДЕЛЕННЫЕ ДОЛИНЫ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Предположим, что мы завели войска в глубь владений князей, где посреди ровной долины столкнулись с врагом. Слева — горы, справа — вода. Для врага горы — справа, вода —

слева. Он стоит в долине вместе с нами. Если мы займем оборону, я хочу, чтобы она была прочной, если будем сражаться, я хочу победить. Как мы должны поступить?

Тай-гун сказал:

— Если занимаешь левый склон горы, необходимо срочно готовиться к [отражению атаки] с правого склона. Если занимаешь правый склон, то необходимо готовиться к [отражению атаки] с левого. Если через долину протекает большая река, а у тебя нет лодок и весел, необходимо использовать «небесные лодки», чтобы перевести через нее три армии. Те, кто уже перешел реку, должны расширить дорогу, чтобы улучшить позицию для сражения. На переднем крае и сзади используй боевые колесницы нападения, расставь арбалетчиков по флангам и укрепи все линии и боевые порядки. С помощью боевых колесниц нападения прегради входы в долину. Установи флаги на высотах. Это положение называется «неприступная армия».

Итак, правило боевых действий в долине состоит в том, чтобы колесницы нападения были на переднем крае, а большие колесницы с копьями и алебардами служили защитой. Отборные воины и арбалетчики должны встать по бокам. Три тысячи человек должны составить отряд, который выстроит впереди для нападения. Пусть воины улучшат позиции. Затем Левая армия должна наступать слева, Правая армия — справа, а Средняя армия — посередине; все должны атаковать и продвигаться совместно. Те, кто уже сражался, должны вернуться на исходные позиции, отряды бьются и отдыхают поочередно вплоть до победы.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

犬書四

VI СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ СОБАКИ

51. РАССРЕДОТОЧЕНИЕ И СОЕДИНЕНИЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если правитель, возглавляя армию, рассредоточил три армии по нескольким направлениям и хочет, чтобы они соединились вновь в определенное время для участия в битве, какие для этого он должен установить награды и наказания и какие заставить принести клятвы?

Тай-гун сказал:

— Дао использования войск трех армий предполагает изменения рассредоточения и соединения. Командующий должен первым делом определить место и день сражения, а затем издать полные и подробные приказы для полководцев и командиров о времени, о том, следует ли нападать или осаждать города, и где все должны соединиться. [Он должен] четко известить их о дне сражения и о времени вплоть до четверти часа по водяным часам. Командующий должен разбить лагерь, установить боевые порядки, поставить водяные часы и главные ворота, расчистить дорогу и ждать. Когда подчиненные и командиры прибыли, сравнить время их появления [с назначенным]. Тех, кто прибыл ранее назначенного времени — наградить, тех, кто опоздал — казнить. Тогда и ближние, и дальние поспешат на соединение, и три армии придут вместе, объединив свои силы для участия в сражении.

52. БОЕВОЕ НАПАДЕНИЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Для ведения войны необходимо иметь боевые колесницы, отважную конницу, первую волну нападения из отборных воинов, а также уметь своевременно напасть на врага. В какой ситуации мы можем нанести удар?

Тай-гун сказал:

— Тот, кто хочет напасть, должен внимательно изучить и понять четырнадцать изменений врага. Когда [какие-либо] из четырнадцати становятся очевидными, нападай, ибо противник обязательно будет побежден.

У-ван спросил:

— Могу я услышать об этих четырнадцати изменениях?

Тай-гун сказал:

— Когда враг начал соединяться, его можно атаковать.

Когда люди и лошади не кормлены, его можно атаковать.

Когда время года или погодные условия неблагоприятны для него, его можно атаковать.

Когда местность плохо защищена, его можно атаковать.

Когда враг бежит, его можно атаковать.

Когда враг утратил бдительность, его можно атаковать.

Когда он устал и силы его истощены, его можно атаковать.

Когда полководец сторонится командиров и войск, его можно атаковать.

Когда враг идет по длинной дороге, его можно атаковать.

Когда враг переходит реку, его можно атаковать.

Когда враг не отдохнул, его можно атаковать.

Когда враг столкнулся с крутыми оврагами или находится на узкой дороге, его можно атаковать.

Когда его боевой строй в беспорядке, его можно атаковать.

Когда враг испуган, его можно атаковать.

53. ВЫБОР ВОИНОВ

У-ван спросил Тай-гуна:

— В чем Дао выбора воинов?

Тай-гун ответил:

— В армии должны быть люди великой отваги и силы, готовые умереть и улыбающиеся ранам. Они должны быть собраны вместе и названы «воинами, рискующими оружием».

Те, кто обладает сильной «ци», кто крепок и отважен, кто обладает мощью и «взрывными качествами», должны быть собраны вместе и названы «воинами, разрывающими защитные ряды».

Те, у кого выдающаяся внешность, кто носит длинные мечи и наступает размеренным шагом, сохраняя порядок, должны быть собраны вместе и названы «воинами мужественности».

Те, кто хорошо прыгает, метает железные крюки, могуч и безмерно силен, раскидывает и сокрушает гонги и барабаны [и] уничтожает флаги и знамена, должны быть собраны вместе и названы «воинами отваги и силы».

Те, кто может взбираться на высоты и покрывать большие расстояния, у кого быстрые ноги и кто прекрасно бегаёт, должны быть собраны вместе и названы «воинами неустрашимости».

Те, кто, служа правителю, уронили достоинство и хотят вновь заслужить благоволение, должны быть собраны вместе и названы «воинами, сражающимися до гибели».

Родственники убитых военачальников, сыновья и братья командиров, горящие желанием отомстить за их смерть, должны быть собраны вместе и названы «воинами сжатых зубов».

Люди низкого происхождения, бедные и ожесточенные, должны быть собраны вместе и названы «воинами, обреченными на смерть».

«Принятые сыновья»²³ и слуги, которые хотят скрыть свое прошлое и заслужить славу, должны быть собраны вместе и названы «удрученными воинами».

Те, кто был в заключении и подвергался телесным наказаниям и хочет смыть позор, должны быть собраны вместе и названы «воинами, благодарными за милость».

Те, кто сочетает умения и способности, кто может переносить тяжелые грузы на далекие расстояния, должны быть собраны вместе и названы «воинами, ожидающими приказов».

Это отборные воины армии. Нельзя их не испытывать.

54. ОБУЧЕНИЕ БОЮ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Если мы собираем силы трех армий и хотим, чтобы командиры и солдаты усвоили Дао боя, как мы должны поступать?

Тай-гун сказал:

— Для того, чтобы вести три армии, необходимо с помощью гонгов и барабанов научить командиров и солдат повиноваться и соединяться. Полководцы должны точно известить командиров и начальников, трижды объясняя приказания — тем самым обучая их применению оружия, соединению и остановке, чтобы все это согласовывалось с порядком смены сигнальных флажков и знамен.

Так, после обучения командиров и начальников, один человек, который полностью прошел обучение бою, распространит знание на десять человек. Десять человек, которые полностью прошли обучение бою, распространят знания на сотню человек. Сто человек, которые полностью прошли обучение бою, распространят знания на тысячу человек. Тысяча человек, которые полностью прошли обучение бою, распространят знания на десять тысяч человек. Десять тысяч человек, которые полностью прошли обучение бою, распространят знания на три армии.

Когда правила ведения большой войны успешно преподаны, они распространятся на миллион человек. Таким путем можно будет создать Великую армию и утвердить свою устрашающую силу во всей Поднебесной.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

55. РАВНЫЕ СИЛЫ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Когда колесницы и пехота вступают в бой, скольким пехотинцам по силе равна одна колесница? Какое количество пехоты равно одной колеснице? Когда конница и пехота вступают в битву, один всадник равен скольким пехотинцам? Сколько пехотинцев по силе равны одному всаднику? Когда колесницы и конница вступают в битву, одна колесница равна по силе скольким всадникам? Сила скольких всадников равна силе колесницы?

Тай-гун сказал:

— Колесницы — перья и крылья армии, средство вторжения, подавления и отсечения путей. Конница — глаза армии, средство погони, давления и отсечения частей.

Поэтому, когда колесницы и конница не вступили в битву с врагом, один всадник не может быть равным одному пехотин-

цу. Однако, после того, как силы трех армий заняли боевой порядок, общее правило при сражении на открытой местности таково, что одна колесница равна по силе восьмидесяти пехотинцам, а восемьдесят пехотинцев равны одной колеснице. Один всадник равен по силе восьми пехотинцам, а восемь пехотинцев равны по силе одному всаднику. Одна колесница равна по силе десяти всадникам, а десять всадников равны по силе одной колеснице.

Правило при сражении на трудной местности таково: одна колесница равна по силе сорока пехотинцам, а сорок пехотинцев равны одной колеснице. Один всадник равен по силе четырем пехотинцам, а четыре пехотинца равны одному всаднику. Одна колесница равна по силе шести всадникам, а шесть всадников равны одной колеснице.

Колесницы и конница — это боевая мощь армии. Десять колесниц могут уничтожить тысячу человек; сто колесниц могут уничтожить десять тысяч. Десять всадников могут рассеять сто человек, а сто всадников — обратить в бегство тысячу. Таковы примерные расчеты.

У-ван спросил:

— Сколько должно быть командиров на колесницах и в коннице, и сколько человек в их подразделениях?

Тай-гун сказал:

— Для колесниц — главный для пяти колесниц, начальник для пятнадцати, командир для пятидесяти и полководец — для ста.

В битве на ровной местности пять колесниц составляют ряд. Между рядами — расстояние в сорок шагов, между колесницами слева направо — десять шагов, а отряды сопровождения — на расстоянии шестидесяти шагов.

На пересеченной местности колесницы должны следовать по дорогам; десять составляют группу, а двадцать — соединение. Расстояние между рядами колесниц — двадцать шагов, между колесницами — шесть шагов, а отряд сопровождения — позади на тридцать шесть шагов. Для пяти колесниц — один главный. Если они отойдут от дороги более, чем на одну ли, то должны вернуться на дорогу.

Что касается количества подчиненных в конных частях, то оно должно быть следующим: главный на пять человек; начальник на десять; командир на сто и полководец — на двести.

Правило для ровной местности: пять всадников составляют ряд, между рядами расстояние двадцать шагов, слева направо — четыре шага, а между отрядами пятьдесят шагов.

На пересеченной местности правила следующие: между рядами — десять шагов, слева направо — два шага, между отрядами — двадцать пять шагов. Тридцать всадников составляют группу, шестьдесят — соединение. Над десятью всадниками стоит начальник. [При движении] они не должны удаляться более, чем на сто шагов, после чего поворачивать назад и возвращаться на исходные позиции.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

56. ВОИНЫ БОЕВЫХ КОЛЕСНИЦ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Как выбирать воинов для колесниц?

Тай-гун сказал:

— Правило для отбора воинов на колесницы следующее: они должны быть до сорока лет, ростом не ниже пяти футов семи дюймов, причем нужно, чтобы они могли бежать так, чтобы преследовать бегущую лошадь, вскочить на нее, оседлать и скакать вперед и назад, налево и направо. Они должны уметь быстро свернуть знамена и флаги и обладать достаточной силой, чтобы натягивать тугой арбалет. Они должны совершенствоваться в стрельбе вперед и назад, вправо и влево, пока не достигнут высокого мастерства. Их называют «воинами боевых колесниц». По отношению к ним нельзя не быть великодушным.

57. ВОИНЫ БОЕВОЙ КОННИЦЫ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Как вы выбираете воинов для конницы?

Тай-гун сказал:

— Правило отбора всадников следующее: возрастом до сорока, ростом не ниже пяти футов семи дюймов, сильные и быстрые, превосходящие обычных. Скача на лошади, они должны уметь до отказа натянуть лук и выстрелить. Они должны уметь нестись галопом вперед и назад, вправо и влево, наступать и отступать. Людей, которые могут перепрыгивать через рвы и ямы, вскарабкиваться

на холмы и высоты, проскакивать сквозь узкие преграды, пересекать большие болота и обрушиваться на сильного врага, сея беспорядок и панику в его рядах, называют «воинами боевой конницы». По отношению к ним нельзя не быть великодушным.

58. КОЛЕСНИЦЫ В БИТВЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Что вы можете сказать о колесницах в битве?

Тай-гун ответил:

— Для пехоты важно знать изменения и движение; для колесниц важно знать условия местности; для конницы важно знать боковые дороги и гибкие пути. Так, три армии именуются одинаково, но их использование различно.

Если в битве участвуют колесницы, существует десять «смертельных» местностей, и восемь победных условий.

У-ван спросил:

— Каковы же десять «смертельных» местностей?

Тай-гун ответил:

— Если после продвижения вперед нет пути назад, это смертельная местность для колесниц.

Пробираться через узкие овраги, подолгу преследуя врага — на такой местности колесницы истощают свои силы.

Если условия местности позволяют легко продвинуться вперед, но позади — неблагоприятны, это доставит трудности колесницам.

Попадание в узкие и замкнутые пространства, из которых будет трудно вырваться — это местность, где колесницы могут быть отрезаны.

Если земля болотистая, ходит под ногами и проваливается, и черная грязь липнет к колесам — это местность, которая доставит хлопот колесницам.

Если слева отвесные скалы, а справа высоты и острые холмы — это местность, где колесницы [использовать] нельзя.

Если на полях густая трава и повсюду глубокие каналы, полные воды — эта местность препятствует [использованию] колесниц.

Если колесниц мало, местность удобная, а вражеской пехоты нет — это местность, где колесницы могут быть разбиты.

Если сзади — овраги, заполненные водой, и ямы, слева — глубокий водоем, а справа степные холмы — это местность, где уничтожаются колесницы.

Если десять дней и ночей безостановочно шел дождь, дороги размыты настолько, что невозможно ни идти вперед, ни вернуться назад — это местность, где увязнут колесницы.

Таковы десять смертельных для колесниц местностей. При сражении на них недалекий полководец попадет в плен, а мудрый сможет уйти.

У-ван спросил:

— Каковы же восемь победных условий?

Тай-гун ответил:

— Когда ряды врага — передние и задние — еще не установились, ударь по ним.

Когда знамена и флаги перепутаны, а люди и лошади мечутся вокруг них, ударь по ним.

Когда некоторые части и командиры наступают, а другие отступают; одни движутся налево, другие — направо, ударь по ним.

Когда боевой порядок непрочен, а командиры и войска оглядываются друг на друга, ударь по ним.

Когда, наступая, они полны сомнений, а отступая, полны страха, ударь по ним.

Когда три армии противника ошеломлены и пребывают в замешательстве, ударь по ним.

Когда вы сражаетесь на удобной местности, и надвигающиеся сумерки не остановили битвы, ударь по ним.

Когда, после дальнего перехода, на заходе солнца враг разбивает лагерь, и три его армии устрашены, ударь по ним.

Таковы восемь условий, при которых колесницы одержат победу.

Если полководец четко представляет себе десять смертельных условий и восемь победных ситуаций, то тогда, даже если враг окружает его со всех сторон, атакуя тысячей колесниц и десятью тысячами конницы, он сможет нестись к переднему краю и успеть к флангам, и в десяти тысячах сражений обязательно победит.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

59. КОННИЦА В БИТВЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Как использовать в битве конницу?

Тай-гун сказал:

— Для конницы есть десять победных условий и девять смертельных условий.

У-ван спросил:

— Каковы десять победных условий?

Тай-гун ответил:

— Когда противник наступает первым и его ряды еще не перестроились, передний край и задний еще не объединены, тогда нанеси удар по коннице, идущей впереди, атакуй слева и справа. Враг обязательно побежит.

Когда линии и построения врага хорошо управляются и едины, а его командиры и войска жаждут идти в бой, наша конница должна зайти с фланга, но не углубляться слишком далеко. Одни должны отходить назад, другие — идти вперед. Их скорость должна быть подобна скорости ветра, их «взрывная мощь» — грому, так, чтобы днем стало темно, как в сумерках. Несколько раз смени знамена и флаги; форма тоже должна быть заменена. Тогда армия врага будет сломлена.

Когда линии врага и строй непрочны, а его командиры и войска не желают сражаться, дави на них сзади и сбоку, сделай внезапный выпад слева и справа. Обойди с флангов и ударь по ним, и враг будет испуган.

Когда, на закате, враг хочет вернуться в лагерь и его три армии устрашены, то, если мы можем обойти их сбоку, нанеси немедленный удар по тылам, наступая на входные ворота в лагерь, и тем самым не давая врагу войти. Враг будет обязательно разбит.

Если враг, не обладая выгодами местности для обороны, тем не менее, глубоко проник на наши земли и широко расставил силы, перекрой снабжение, и противник будет голодать.

Когда местность ровная и удобная, и мы видим, что вражеская конница приближается со всех четырех сторон, то если мы нанесем удар силами наших колесниц и конницы, враг придет в замешательство.

Когда враг спасается бегством, а командиры и войска мечутся в панике, если часть нашей конницы зайдет слева и справа, а другие преградят им путь сзади и спереди, их полководца можно взять в плен.

Когда в сумерках враг поворачивает назад, если его войско многочисленно, его линии придут в беспорядок. Мы должны разделить нашу конницу на группы по десять и соединения по сто, собрать колесницы по пять и десять и выставить огромное количество знамен и флагов вместе с арбалетчиками. Одни должны нанести удар по флангам, другие отрезать фронт и тыл, тогда полководца противника можно будет взять в плен.

Таковы десять победных условий для конницы.

У-ван спросил:

— Каковы девять смертельных условий?

Тай-гун сказал:

— Когда наша конница проникает в ряды противника, но не уничтожает его боевой порядок, так что враг притворяется бегущим только для того, чтобы развернуть колесницы и конницу и ударить нам в тыл — вот положение, когда конница будет разгромлена.

Когда мы преследуем врага в узком пространстве, все глубже увязая за ним, пока засады не ударят нас с флангов и не отрежут с тыла — это положение, в котором конница будет окружена.

Когда мы продвигаемся вперед, но назад дороги нет, входим туда, откуда нет выхода, это называется «заточением в небесном колодце», «погребением в земляной пещере». Это смертельная для конницы местность.

Когда дорога, по которой мы входим, сжата со всех сторон, а выход — далеко; когда слабые силы врага могут атаковать наших лучших, а малым числом можно атаковать множество — это местность, где конница будет истреблена.

Высокие горы, глубокие долины, высокая густая трава, леса и деревья — вот условия, при которых силы конницы истощаются.

Когда слева и справа — водные преграды, впереди — большие холмы, а сзади — высокие горы, и три армии сражаются между водоемами, причем противник занимает позицию и спереди, и сзади — это местность, которая доставит коннице большие трудности.

Когда враг перерезает снабжение, и если мы продвинемся, то у нас не будет пути вернуться назад — это местность, доставляющая коннице беспокойство.

Когда мы проваливаемся в болотистую землю, а идти вперед или отходить нужно через трясины — это опасная для конницы местность.

Когда слева — глубокие каналы, справа — бугры и лощины, но между ними поверхность ровная — отличная местность для наступления, отхода и заманивания врага — это западня для конницы.

Таковы девять смертельных условий. Зная их, осведомленный полководец будет держать [противника] на расстоянии и сможет уйти, а несведущий будет обманут и разгромлен.

60. ПЕХОТА В БИТВЕ

У-ван спросил Тай-гуна:

— Как вместе с колесницей и конницей использовать в битве пехоту?

Тай-гун сказал:

— Когда пехота вступает в бой вместе с колесницами и конницей, она должна располагаться по холмам и курганам, оврагам и лощинам. Воины с длинным оружием и тугими арбалетами должны занять передний край; а воины с коротким оружием и более слабыми арбалетами остаться позади; они должны сражаться и отдыхать по очереди. Даже если наступает большое количество вражеской конницы и колесниц, они должны сохранять прочность рядов и яростно сражаться, пока опытные воины и арбалетчики готовятся к отражению атаки с тыла.

У-ван спросил:

— Предположим, что нет ни холмов, ни курганов, ни оврагов, ни лощин. Враг наступает, многочисленный и воинственный. Его колесницы и конница обходят нас с боков и наносят внезапный удар по нашему переднему и заднему краю. Наши три армии устрашены и, разбитые, бегут в панике. Что мы должны делать?

Тай-гун сказал:

— Прикажи командирам и солдатам установить рогатины и деревянные «ежи», расставив между ними лошадей и скот по пять в ряд, и пусть войска займут четырехсторонний наступательный порядок. Когда увидишь, что колесницы и конница врага

собираются наступать, в тылу наши воины должны на одном уровне расставить «ежи» и выкопать ямы в пять футов глубиной и в диаметре. Это приспособление называется «травя дракона».

Наши воины должны схватить рогатины и продвигаться. Колесницы должны быть использованы в качестве валов и передвигаться вперед и назад. Где бы они ни встали, используй их как защитные укрепления. Наши отборные солдаты и арбалетчики должны быть готовы отразить нападение слева и справа. Наконец, прикажи трем нашим армиям яростно сражаться без передышки.

— Прекрасно, — сказал У-ван.

Примечания

1. «Ши цзи» («Исторические записки») — сочинение историка и историографа Сыма Цяня (II—I в. до н. э.), охватывает период от мифической древности до правления ханьского императора У-ди (140–87 г. до н. э.)

2. Последнего правителя династии Шан звали Чжоу, однако иероглиф, обозначающий его имя, пишется иначе, чем иероглиф династии Чжоу.

3. Хоу Цзи — один из легендарных героев мифической древности. Ему приписываются нововведения в сельском хозяйстве. По традиции, являлся министром императора Шуня.

4. Цан-сы — возможно, мифическое девятиголовое чудовище, обитавшее в реке, дух которого призывается, чтобы скрепить клятву.

5. Девять больших бронзовых котлов символизировали императорскую власть, и обладание ими считалось символом установления династии и легитимности.

6. «Шан шу», другое название «Шу цзин» («Книга документов») — один из древнейших письменных памятников Китая, входящий в конфуцианское «Пятикнижие». Представляет собой собрание различных исторических материалов древнейшей эпохи.

7. В период, получивший в историографии название «Троецарствие» (220–280 гг.), последовавший за падением династии Хань, Лю Бэй, потомок ханьского правящего дома, провозгласил себя императором и основал царство Шу. Чжун-гэ Лян — советник Лю Бэя, полководец и стратег. Перипетии борьбы трех царств: Вэй, Шу и У, отражены в хронике Чэнь Шоу «Сань го чжи» и историческом романе Ло Гуаньчжуна «Сань го янь и».

8. «Чжуань-цзы» — трактат, названный по имени Чжуан Чжоу, одного из родоначальников даосской школы.

9. «Благородный муж» (цзюнь-цзы) — конфуцианский идеал нравственно совершенного человека.

10. Управление «недеянием» — идеальный способ вершить дела в государстве, восходящий к даосской концепции «у вэй».

11. «Ли» — «нормы поведения», «нормы благопристойности», «ритуал» — одно из основных понятий конфуцианства.

12. Параллель с «не передавай другим бразды правления» применительно к военным делам.

13. Знаменитая конфуцианская концепция «чжэн мин» — «исправление имен». Однажды, когда Конфуция спросили, в чем секрет мудрого правления, он ответил: «Чтобы слова соответствовали вещам».

14. «Гражданское», в отличие от военного, подразумевает политические меры, дипломатические шаги, разведывательную деятельность и пр.

15. Комментаторы отмечают сходство этих идей с «Дао дэ цзин».

16. Топоры «фу» и «юэ» — символы власти командующего, известны как минимум начиная с шанской династии.

17. Шесть домашних животных — лошади, буйволы, овцы, куры, собаки и свиньи.

18. Катти — мера веса (равна 604,8 г.)

19. Ли — мера длины, приблизительно равна 0,6 км.

20. Естественно, что сто ли — явное преувеличение, особенно если учесть, что они должны были незаметно подойти вплотную к врагу.

21. То есть жестокий, несправедливый правитель, чьи поступки вызвали гнев народа.

22. См. главу 49.

23. Сыновья, принятые в семью жены, носили ее фамилию, тем самым разрывая связь со своей семьей, и не имели права выполнять долг перед предками. Это было вопиющим нарушением конфуцианских норм. Вынуждаемые на такой поступок нищетой или низким происхождением, эти люди должны были жаждать отличиться в бою.

2

Методы
Сыма

司馬法

Исследование 147

Перевод 163

1. Основание гуманности 163

2. Обязанности Сына Неба 166

3. Определение рядов 171

4. Четкие позиции 177

5. Использование войск 181

Примечания 184

Исследование

«Методы Сыма» — небольшой и в то же время несколько загадочный текст, датируемый IV в. до н.э., когда он, по всей видимости, был составлен на основе более древних материалов. Практически все свидетельства о его происхождении относят трактат к царству Ци, славившемуся традициями изучения военной науки, что объясняется, видимо, влиянием личности Тайгуна, который стал первым правителем Ци за несколько лет до своей смерти. Поэтому традиционалисты утверждают, что идеи Тайгуна могли составить основу трактата или же тем или иным образом оказали воздействие на его составителей. На протяжении периодов «Весен и Осеней» и «Борющихся Царств» военные штудии процветали в Ци, здесь творили Сунь-цзы, Сунь Бинь и Вэй Ляо-цзы; некоторые семьи (такие как Сунь, Тянь, Чэнь) были особенно почитаемы. Стратег Сунь Бинь, по-видимому, находился на вершине славы именно в период составления «Сыма фа» и, возможно, и стал одним из компиляторов; ведь он являлся дальним родственником Сыма Жан-цзюя¹. Более того, сам стиль и характер текста выдают его принадлежность к этому времени, т.е. к IV в. до н.э. За исключением книг Сунь-цзы и Сунь Биня, время составления этого текста можно определить гораздо точнее по сравнению с другими военными трактатами.

Название «Сыма фа» лучше всего, пожалуй, перевести как «Методы Сыма», ибо иероглиф «фа», имеющий основное значение «закон», также отражает понятия «метод», «стандарт», «техника» или «искусство», как, например, в «Искусстве войны» Сунь-цзы. Однако, ни один термин не может адекватно передать

все содержание, ведь в «Сыма фа» обсуждаются законы, предписания, политика правителя, военная организация, военная администрация, дисциплина, основные ценности, общая стратегия и тактические ходы.

Происхождение военного звания «сыма» — что буквально означает «ведающий лошадьми» — теряется в глубине веков. Как официальный титул, оно, очевидно, появилось еще при ранних династиях «совершенномудрых императоров», а ко времени династии Чжоу оно превратилось в «Да сыма» — то есть «великий сыма», «министр по военным делам». Предисловие к «Сыма фа» Лю Иня дает общие описания роли и обязанностей министра в период династии Чжоу:

Министр по военным делам контролировал правителей зависимых государств, вел дела шести армий и умирнял окраинные земли. Он был среди шести первых министров в государстве. При дворе он помогал «сыну Неба» в делах правления; в походе он возглавлял карательную армию, умирняя восставших.

Согласно традиционной точке зрения ученых вроде Лю Иня, содержание «Методов» сыграло свою историческую роль: как они полагают, идеи трактата, воплощенные на практике правителем царства Ци Хуань-гуном (правил в середине VII в. до н.э.) помогли ему стать «гегемоном» (ба) — единовластным господином своего царства — под предлогом помощи законному правителю утрачивающего власть чжоуского государства. Поэтому текст связывался со знаменитым советником Хуань-гуна, Гуань Чжуном², которому приписывается всеобъемлющий трактат «Гуань-цзы», освещающий вопросы управления, военного дела и философские представления эпохи. Впоследствии Цзин-ван из этого же царства (правил в 547–490 гг. до н.э.) использовал, по преданию, учение Сыма, чтобы вернуть земли, ранее отданные Цинь, и подчинить нескольких удельных князей. В то время текст не имел названия, но когда при Вэй-ване (378–342 гг. до н.э.) был созван дворцовый совет, чтобы собрать и записать все важнейшие сведения по военному искусству, он получил название «Методы министра войны».

Согласно другой, впрочем, спорной, точке зрения, именно благодаря великому полководцу Тянь Жан-цзюю при Цзин-ване были одержаны великие победы. Поскольку он занимал пост «сыма», ему было даровано право сделать титул собственной

фамилией. Книга, составленная при Вэй-ване, включает в себя его концепции и поэтому получила название «Сыма Жан-цзюй бин фа» («Военные методы Сыма Жан-цзюя»). В его краткой биографии в «Ши цзи» не только описываются эти события, но и рассказывается, какие способы он полагал необходимыми для завоевания преданности и покорности армии:

Сыма Жан-цзюй был потомком Тянь Ваня. Во время правления в Ци Цзин-гуна, Цзинь напало на [главные города] А и Пинь, а Янь вторглось в [речной район] Хэ-шан. Циская армия потерпела полное поражение, и Цзин-гун был изрядно обеспокоен. Тогда Янь Ин рекомендовал Жан-цзюя, сказав: «Хотя Жан-цзюй происходит от наложницы Тяня, однако в гражданских делах он способен совладать с народом, а в военных делах — внушить благоговейный страх врагу. Я рекомендовал бы моему господину проверить его». Цзин-гун призвал Жан-цзюя и говорил с ним о военных делах. Он был восхищен и назначил его главнокомандующим армией для оказания отпора армиям Янь и Цзинь.

Жан-цзюй сказал: «Ранее я был низким слугой. Если мой господин возьмет меня из моей деревни и поставит меня над высшими сановниками, командиры и солдаты не будут повиноваться, а сто родов не поверят мне. Поскольку я не знатен и авторитет мой незначителен, я хотел бы, чтобы кто-нибудь из приближенных министров моего господина, тот, кого уважает государство, стал Инспектором³ в армии. Тогда это будет возможно». Цзин-гун согласился и назначил инспектором Чэюан Гу.

Жан-цзюй сказал Чэюан Гу: «Завтра в полдень встретимся у ворот армии». Жан-цзюй отправился к армии, установил водяные часы и стал ждать Гу. Гу, который был высокомерен и горделив, считал, что раз полководец уже в армии, а он [всего лишь] Инспектор, дело не очень важное. Его многочисленные родственники, устраивавшие проводы, задержали его, чтобы выпить вина. Наступил полдень, а Гу не появился. Тогда Жан-цзюй остановил воду в часах и пошел в лагерь. Он прибыл в расположение армии и установил порядок, четко огласил запреты и наказания. Когда запреты были наложены, наступил вечер, и тут прибыл Чэюан Гу.

Жан-цзюй сказал: «Почему вы появляетесь после назначенного времени?» Гу признал свою вину, сказав: «Высокие чины и родственники провожали меня, поэтому я задержался». Жан-цзюй сказал: «В тот день, когда полководец получает мандат [командования], он забывает свой дом; когда он прибывает в армию, берет в руки барабанные палочки и неистово бьет в барабан, он забывает себя. Сегодня враждебные царства уже глубоко проникли [на нашу землю]; в государ-

стве беспокойство и брожение. Убитые командиры и солдаты лежат захороненными на границах. Наш правитель не может ни спать спокойно, ни наслаждаться вкусом пищи. Судьба ста родов вверена вам, так что же вы имеете в виду, говоря, что вас провозгласили?»

Он призвал ответственного за дисциплину и спросил: «Что говорит закон армии о тех, кто прибыл позже назначенного времени?» Ответ: «Он должен быть обезглавлен». Чэжуан Гу был испуган и послал человека доложить Цзин-гуну, прося о помиловании. Тот уже отбыл, но еще не вернулся, когда [Жан-цзюй] отрубил голову Гу для того, чтобы утвердить дисциплину в трех армиях. Все командиры трех армий тряслись от страха.

Некоторое время спустя в расположение армии ворвался посланец от Цзин-гуна с биркой, где был приказ простить Гу. Жан-цзюй сказал: «Когда полководец находится в армии, некоторые приказы правителя не могут быть выполнены».⁴ Он спросил ответственного за дисциплину: «Что говорит закон о том, кто врывается в расположение армии?» Тот ответил: «Он должен быть обезглавлен». Посланец был испуган. Жан-цзюй сказал: «Мы не можем казнить посланца правителя». Тогда он обезглавил его слугу, разрубил левую podporку экипажа и обезглавил левого коня в упряжке, дабы показать пример трем армиям. Он отослал посланца обратно ко двору, а сам повел [армию] в поход.

Командиры и солдаты разбили лагерь, вырыли колодцы, разожгли костры и приготовили пищу и питье. Он спросил о больных, заставил лекарей назначить лекарства и лично проследил за ними. Во всех случаях, когда он получал вознаграждение или паек командующего, он раздавал их солдатам и командирам; он лично делил пайки поровну между всеми. Он выяснил, кто силен, а кто слаб, и через три дня полностью завоевал сердца людей. Все большие жаждали идти маршем и рвались в битву, чтобы сражаться за него. Армия Цинь услышала об этом, оставила свои позиции и ушла. Армия Янь услышала об этом, перешла реку и рассеялась. Затем он преследовал и атаковал их, одну за одной вернув все земли в пределах царства, и возвратился вместе с солдатами. Перед тем, как они достигли границы государства, он расформировал соединения, освободил воинов от военных запретов⁵ в соответствии с договором и потом вошел в город. Цзин-гун и высшие чины приветствовали его в предместье, наградили войска и совершили ритуал, и только затем вернулись на отдых. После этого правитель расспросил Жан-цзюя и наградил его титулом «великого копюшего» (да сыма). Клан Тянь с каждым днем становился все более почитаемым в Ци.

* * *

После этого слуги высоких сановников Бао, Гао и Го навредили ему, оклеветав перед Цзын-гуном. Тот заставил Жан-цзюя уйти в отставку. Цзюй тяжело заболел и умер. После этого потомки Тянь Ци и Тянь Бао отомстили Гао, Го и другим. Позднее [вместе] с Тянь Чаном они убили Цзянь-гуна и истребили кланы Гао и Го. Наконец, правнук Чана Тянь Хэ сам стал правителем Ци Вэй-ваном. Ведя войну, он, дабы явить устрашающую силу, во многом копировал методы Жан-цзюя, и все удельные князья искали расположения Ци.

Циский Вэй-ван приказал высоким сановникам разыскать и обсудить стратегии предков рода Сыма, присоединив к ним [методы] Жан-цзюя. Поэтому [книга] называется «Военные методы Сыма Жан-цзюя».

* * *

Придворный историограф говорит: «Я читал “Сыма бин фа”. Это обширный, глубокий, всепостигающий труд. Даже три династии, в их усмирительных походах, не смогли бы исчерпать его смысла. Язык тоже заслуживает похвалы. [Однако], как мог такой человек, как Жан-цзюй, командуя армией маленького государства, иметь досуг, чтобы создать “Военные методы Сыма”? В Поднебесной огромное множество копий “Сыма бин фа”. Поэтому я не обсуждал это, но написал биографию Жан-цзюя».

Комментарий Сыма Цяня возбудил подозрения в причастности Жан-цзюя к книге, хотя как показывает биография, его концепции были просто присоединены к традиции предков рода Сыма. Однако, согласно, другому описанию, встречающемуся в исторических трудах, этот полководец был злым и беспутным, и едва ли мог иметь какие-либо заслуги. Если он и написал какую-то книгу, то она была утеряна. Несмотря на эти противоречия, книга, очевидно, сохранилась в том виде, в каком она существовала к середине IV в. до н.э. — времени юности Мэн-цзы и спустя более ста лет после смерти Конфуция (551–479 гг. до н.э.), и, возможно, составлена в одно время с «Искусством войны» или трудами Сунь Биня.

Состояние и даже аутентичность текста являлись предметом научных споров в течение нескольких столетий. К сожалению, все издания, доступные сегодня, включая приведенный ниже перевод из «Семи военных канонов», представляют собой лишь отрывки изначального огромного труда. Сохранились лишь пять глав из предположительно существовавших при Хань ста

пятидесяти пяти, хотя, похоже, они добросовестно передавались со времен танской династии. Текстологи цинской династии (1644–1911) считали этот текст поддельным, ссылаясь на несходство количества глав и на отсутствие многих присутствующих в других трудах и различных комментариях фрагментов. Однако последние исследования подтвердили, что современный текст подлиннен — несмотря на то, что многое утеряно — и что его узловые моменты, относящиеся еще к дочжоускому периоду, дополнены параграфами периода «Борющихся Царств». Если свидетельство «Ши цзи» соответствует действительности, то самостоятельный характер каждого параграфа весьма соответствовал бы такой книге. Многочисленные конкретные советы и идеи, касающиеся военного дела, составители текста брали из самых разных источников, и потому сочинение едва ли может быть строго систематичным, чего можно ожидать только от произведения, созданного одним автором.

МАСШТАБ И СУЩНОСТЬ «МЕТОДОВ»

В период Поздней Хань, Бань Гу, создатель «Истории ранней Хань», составляя библиографические материалы, поместил «Сыма фа» в раздел «ли» — «ритуалы». Возможно, он поступил так, потому, что трактат рассматривался как труд по искусству управления, организации и дисциплины, а не по стратегии и тактике. В контексте растущего влияния конфуцианства и доминирования ортодоксальной мысли при Поздней Хань, а также того значения, которое придавалось важнейшим трактатам по ритуалу, таким, как «Ли цзи»⁶ и «Чжоу ли» («Ритуалы Чжоу» имеют некоторое сходство с «Сыма фа»), данная книга вполне естественно могла считаться описанием форм военной деятельности династий древности, включая Западную Чжоу.

Даже с включением всех сохранившихся фрагментов «Сыма фа» нельзя назвать полным трудом, поскольку в нем редко обсуждаются тактика или какие-либо другие конкретные вопросы командования в бою. Скорее, он содержит разные концепции, выражаемые сложным и сжатым языком, касающиеся начала военных действий, создания военной администрации и руководства военными кампаниями. Довольно краткие обсуждения стратегии и тактики, столь типичные для «Шести

секретных учений», появляются только в последних трех главах, которые говорят о многом из того, что известно из «Шести секретных учений» и «Искусства войны» Сунь-цзы. Точно так же отсутствуют детали, касающиеся управления и роли морального авторитета, хотя значимость того и другого постулируется в первых двух разделах (это породило версию, что первые две части представляют собой древние, «мудрые» слои изначального текста, а три другие отражают лишь непродуманные идеи самого Сыма Жан-цзоя).

Война и фундаментальные ценности

Будучи книгой по военному управлению, «Сыма фа» утверждают жизненную необходимость войны для государства и умирения непокорных. Согласно представлениям о справедливости, существовавшим в то время, война — необходимое средство для наказания зла и освобождения угнетенных. Более того, несмотря на все превознесение справедливости и гуманного правления, «Сыма фа» признают, что сознательное использование силы является основой политической власти. Аргументы на фоне трагического заката добродетели таковы:

В древности гуманность была основой, а справедливость — управляла «прямотой». Однако когда с помощью «прямоты» не достигли желанных [правдивых и политических] целей, [прибегли] к власти. Власть возникает из войны, а не из мира людей. Поэтому, если надо убить немногих, чтобы сохранить жизнь народу — война разрешается. Если нужно уничтожить государство, ненавидящее свой народ — война разрешается. Если войну необходимо остановить войной — война разрешается. (Глава 1)

Отметим, что текст строго предупреждает против упоения войной: «Так, даже если государство обширно, те, кто любит войну, неминуемо погибнут. Даже если спокойствие царит в Поднебесной, те, кто забывает о войне, окажутся в опасности!»

Разделение военной и гражданской сфер

Хотя «Сыма фа» — текст, находящийся в русле реалистической традиции, в проведении разграничения между военной и гражданской сферами он явил собой отражение изменившихся условий периода «Борющихся Царств». Осознание этого разделения, которое стало еще более явным в позднейшей китайской истории, возможно, получило импульс от постоянно

растущего влияния конфуцианства, распространявшегося учениками Конфуция и их непосредственными последователями. Если при Шан и Чжоу политические и военные функции власти были практически неразделимыми, то создатели «Сыма фа» подчеркивали, что гражданская и военная сферы должны быть тщательно разграничены, ибо исповедуют противоположные ценности. Различие двух реальностей стало четко восприниматься вследствие возросшего влияния идей о благопристойности и должных формах правления, которые широко распространились под эгидой чжоуской цивилизации. Как позднее понял Лю Бан, основатель династии Хань, Поднебесную можно завоевать, не сходя с лошади, но ею нельзя управлять без «ли» (правил благопристойности), не создав образ правителя и порядка. Ведь именно ритуал создавал и поддерживал то, что было необходимо ему, чтобы возвыситься над своими прежними грубыми сподвижниками.

Поскольку династия Чжоу в начальный период мира и процветания предоставляла возможности для пестования интеллектуальных стремлений, война отодвинулась на второй план. Мирное существование породило духовные достижения; и хотя основные военные ценности никогда полностью не отрицались, пути гражданского и военного начала разошлись в Китае навсегда.

В древности правильное и духовное управление гражданскими делами было вне военной сферы; того, что было пригодно для военной сферы, не было в гражданской. Если правила и дух [военной сферы] прошикнут в гражданскую, добродетель народа склонится к закату. Когда правила и дух гражданской сферы прошикнут в военную, добродетель народа будет ослаблена.

В среде гражданской слова высокопарны, а речи вялы. При дворе каждый вежлив и почтителен и воспитывает себя для службы другим. Не будучи призван, не сделает шага; не будучи спрошен, не заговорит. Трудно продвигаться, но легко устрашиться.

Среди военных каждый говорит прямо и стоит твердо. В боевом построении каждый выполняет долг и действует решительно. Носящие боевые доспехи не совершают поклонов; воины колесниц не соблюдают ритуала (ли); стоящие на укреплениях не суетятся. Во время опасности никто не обращает внимания на ранги. Таким образом, гражданские нормы поведения (ли) и военные законы (фа) — как левое и правое. (Глава 2)

При дворе царят жестокость, лицемерие и интриги; в армии атмосфера суровая, строгая и деятельная. Гражданская жизнь

явно подавляет воинственный дух, тогда как на войне опасность заставляет быть решительным и мужественным и устраняет всякого, лишённого этих качеств.

Перечень главных достоинств, на которых основывается управление, в целом неизменен: гуманность, справедливость, честность, преданность, верность, добродетель, мужество и мудрость. Однако, в сравнении с отчасти «ритуальными» войнами периода Ранней Чжоу битвы и сражения периода «Борющихся Царств» вынуждали к жестокости и беспрекословному подчинению. Идеалы древности требовали, чтобы противника не атаквали, пока он не закончил построение, и не преследовали, если он возвращался домой. В ту пору речь шла об обороне и самоограничении. Всякое нападение не должно было быть беспричинным. Такая «вежливость» иногда обосновывалась стратегическими преимуществами, но подобные объяснения не слишком убедительны. В отличие от других «Семи военных канонов», «Сыма фа» проникнуты совершенно иным духом: он влияет даже на составителей, которые достигли вершин власти и влияния именно благодаря военным заслугам.

Пожалуй, лучший пример самоограничения можно усмотреть в правилах преследования бегущего врага, для вящей убедительности приписанных древности:

В древности люди не преследовали бегущего врага более ста шагов и не шли за отступающим врагом более трех дней; тем самым проявляя соблюдение норм благопристойности. Они не истощали силы неспособных и сочувствовали раненым и слабым, тем самым проявляя свою гуманность. Они ожидали, пока противник закончит построение, и лишь потом били в наступление, тем самым проявляя свою благонамеренность. Они боролись за справедливость, а не за выгоду, тем самым проявляя свою справедливость. Более того, они были способны простить того, кто подчинился, тем самым проявляя свое мужество. Они знали конец, они знали начало, тем самым проявляя свою мудрость. Шести добродетелям обучали одновременно, и считали их Дао основой поведения для людей. Таково правило древности. (Глава 1)

Однако влияние новых боевых реалий начинает сказываться, что проявляется в таких предписаниях, как «преследуя бегущего противника, не атакуй; если одна часть противника остановилась, а другая бежит в сторону, будь бдительным» и т.д.

Любовь к людям

Как и авторы всех «Семи военных канонов», создатели «Сыма фа» подчеркивают, что оказание помощи людям представляет единственное оправдание для мобилизации войск. Более того, общественная польза вкупе с уничтожением зла и страданий должна стать главной целью правления. Все усилия правителя должны быть направлены на то, чтобы избежать нарушения сельскохозяйственных сезонов, если он хочет, чтобы народ подчинялся и доверял ему. Далее, военных действий, могущих увеличить беды населения противника, тоже следует избегать:

Ни противоречие сельскохозяйственным сезонам, ни доведение людей до изнурения не могут быть средством любить свой народ. Ни нападение на государство, пока оно в трауре, ни использование в качестве преимущества стихийных бедствий никоим образом не могут быть средством любить народ врага. Не собирать армию ни зимой, ни летом — вот средство любить свой народ и народ врага. (Глава 1)

Запрещение сборов армии зимой не совсем понятно, поскольку осень обычно была временем военной подготовки, и походы приходились на зимний период.

При занятии территории противника все действия, которые могут всколыхнуть людей или принести им лишения и невзгоды и тем самым настроить против новой власти, должны быть строго запрещены:

Когда вступите на землю преступившего закон государства, не вредите его богам; не охотьтесь на диких животных; не разрушайте земляные укрепления; не жгите дома, не вырубайте леса; не забирайте шесть домашних животных, зерно или инструменты. Когда встретите старых или малых, вершите их домой, не причиняя вреда. Даже если встретите взрослых, до тех пор, пока они не вступили в бой, не относитесь к ним как к врагам. Если враг ранен, окажите ему помощь и вершите домой. (Глава 1)

Поскольку единственным оправданием начала санкционированного наступления является искоренение негуманного правления, любой поход для покарания виновных должен создавать образ, соответствующий установленным ценностям. Поэтому в «Сыма фа» подчеркиваются как церемониальный обличительный характер предварительных ритуалов, так и жизненная необходимость того, чтобы действия солдат были гуманными. Нашедшая отражение и в других военных трактатах того времени, политика эта направлена на то, чтобы ослабить сопротивление врага. Однако дух гуманности и

справедливости ярко контрастирует с авторитарной политикой тех, кто сознательно разжигал войну, видя в ней чуть ли не единственный способ обогащения государства, равно как и с невиданной прежде жестокостью, свидетельницей которой стала эпоха «Борющихся Царств», когда тех, кто совершил фатальную ошибку, сдавшись в плен, а не сражался, презрев смерть, истребляли сотнями тысяч.

ВОЙНА: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Тренировка и обучение

Обучение солдат — дело очень трудное:

На войне нетрудно сформировать боевой порядок; достичь того, чтобы воинам можно было приказать встать в боевой порядок — вот в чем трудность. Нетрудно заставить их изготавиться, суметь использовать их — вот в чем трудность. Нетрудно иметь представление о том, что делать, а реализовать это — вот что тяжело. Воины со всех [четырех сторон] света имеют свою собственную природу. Характеры в областях разнятся. В результате обучения у них складываются местные привычки, поэтому обычаи всех государств отличаются. [Только] через Дао можно изменить их обычаи. (Глава 4)

Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, тренировка воинов есть основа их потенциального использования в бою. Во-вторых, их нравы и устои влияют на результат кампании (вот почему Тай-гун выступал за сохранение местных обычаев). Чуткость и внимание к региональным особенностям являются краеугольным камнем китайской психологии, и со временем они получили еще более широкое распространение.

Успех в сражении зависит от уровня подготовки. Если армия хорошо обучена, можно говорить о стратегии, влияющей на исход битвы. Командующий должен соотносить избранную тактику с возможностями армии; предпринимать только то, что желают делать его воины, и стараться заставить противника выполнять то, чего он всеми силами стремится избежать. Доспехи воинов должны быть прочными, а оружие — хорошим, разнообразным и достаточным. Воины должны уметь обращаться с любым оружием и оснащением.

Полководец обязан держать под контролем все перемещение армии и не допускать хаоса. Должен поддерживаться соответствующий баланс, в противном случае существует равная

опасность как расхлябанности и нежелания сражаться в случае слишком длительного отдыха, так и неспособности к этому из-за переутомления. Спокойствие и контроль за ситуацией даже в самом, казалось бы, бедственном положении — вот ключ к победе. Настоящий полководец не знает ни сомнений, ни страха.

Некоторые тактические концепции «Сыма фа» напоминают другие трактаты того же периода. Например, мудрый командующий всегда тщательно оценивает врага, а затем атакует уязвимое место. Он использует преимущества местности, занимая и укрепляя позиции на холмах, избегая водоемов и болот, и помня о засадах на ограниченной местности. Он должен соотносить свою деятельность с Небом, ведь оно не только устанавливает времена года и погодные условия, но и дает предзнаменование перед битвой. В этом проявляется влияние верований и ритуалов Шан и Западной Чжоу.

Дух и мужество

Мотивации воинов, их духовному настрою и укреплению мужества в «Сыма фа» уделяется самое пристальное внимание, поэтому некоторые замечания на сей счет представляются нам небесполезными. Практически каждый военный мыслитель в Древнем Китае посвящал несколько пассажей такому существенному вопросу, как достижение должного боевого настроения и пестование мужества воинов. Наиболее распространенный подход к данному вопросу — рассуждения о положительном воздействии наград, и отрицательном — наказаний, однако от внимания более глубоких мыслителей не ускользнули и иные пути воодушевления воинов, ведь страх наказания или смерти не является единственным мотиватором. Справедливость, человечность, материальное поощрение и уважение — вот стержневые стимулы, оттачиваемые наставлением и обучением.

Понятие «ци» достаточно существенно для «Сыма фа», ведь с его помощью разъясняется психология страха и мужества. Например, в затянувшемся противостоянии мужество становится решающим:

В целом, бой выдерживают благодаря силе, а победы добиваются с помощью духа. Можно выдержать оборону, но победа достигается в опасности. Когда сердце в основе своей твердо, новая волна ци принесет победу. (Глава 4)

Поэтому те, кто сомневается, обеспокоен, испуган или утрачен, разрушают армию. «Когда сердца воинов наполнены победой, все, что они видят — это врага. Когда их сердца наполнены страхом, все, что они видят — это страх». (Глава 4) Проницательный командующий нападает в том месте, где у противника царят сомнения и где он слаб. В этой ситуации первостепенное значение приобретает установление полного контроля над армией.

Позиции должны быть строго определены; административные меры — суровы; сила должна быть подвижной; «ци» воинов должны быть напряжены, а сердца [командиров и людей] — слиты воедино. (Глава 4)

Среди способов «поднять ци» важнейшие — ритуальная клятва и последнее предостережение. Клятва призовет божеств государства, прославит дело, объяснит цели, заклеит врага и вызовет к справедливости:

Когда клятва ясна и возбуждает, люди будут сильны, и различив гибельные предзнаменования и благоприятные знаки... Духом справедливости поднимай настрой людей; предпринимай действия в нужный момент. (Глава 3)

Легендарные правители прошлого знали, что клятва будет иметь максимальный эффект, будучи произнесенной в особые моменты, хотя они по-разному определяли соответствующее время, но цель оставалась неизменной — достичь большего психологического воздействия:

Шунь объявил о миссии в столице государства, ибо хотел, чтобы люди первым делом услышали его приказание. Правители Ся произносили клятвы среди армии, ибо хотели, чтобы люди сперва закончили их мысли. Правители Шан клялись за воротами лагеря, ибо хотели, чтобы люди первым делом укрепляли свои побуждения и оживляли битвы. Чжоуский [У-ван] ждал, пока вот-вот скрестится оружие, и затем произнес клятву, чтобы укрепить волю людей [к сражению]. (Глава 2)

В походе, перед решающей битвой или при грозящей смертельной опасности отречься от всякой надежды вернуться домой и уничтожить припасы — последнее средство воодушевить людей. «Сыма Фа» (как и Сунь-цзы) добавляет к этому еще и прощальное письмо:

Написание прощального письма называется «порвать с мыслями о жизни». Выбор лучших воинов и подготовка оружия называются «увеличением силы людей». Оставить позади себя канцелярию и взять минимум припасов — это называется «открыть сердца людей». (Глава 5)

Согласно концепции «Сыма фа», награды и наказания — основные способы укрепления армии. Создатели трактата принимают теорию утраты добродетели, признающую необходимость и наград, и карательных мер:

В древности совершенно мудрые правители почитали очевидной добродетелью людей и [искали] их доброты. Поэтому они не пренебрегали добродетельными и не унижали людей. Награды не раздавались, а наказания даже не пробовали применять.

Шунь не награждал и не наказывал, но людей все равно можно было использовать. Это было вершиной добродетели.

Ся раздавала награды, но не установила наказаний. Это было вершиной наставления.

Шан ввела наказания, но не раздавала наград. Это было вершиной устрашения.

Чжэю использовала и награды, и наказания, и добродетель пришла в упадок...

Ся награждала при дворе для того, чтобы возвысить добро. Шан казнила на площадях для того, чтобы устрашить зло. Чжэю награждала при дворе и казнила на площадях для того, чтобы воодушевить благородных и устрашить простых людей. Поэтому правители всех трех династий проявляли добродетель одним и тем же путем» (Глава 2)

Правители Ся «выпрямляли» свою добродетель и никогда не обижали оружием, поэтому оружие не было смешано. Правители Шан опирались на справедливость, поэтому они первыми использовали остроту оружия. Правители Чжэю опирались на силу, поэтому они полностью задействовали остроту оружия. (Глава 2)

В текст вошли общие наставления о своевременном введении наказаний и наград. Интересен пассаж, в котором говорится об усилении их решительными мерами, когда вновь необходимо вступить в бой. Пример такого совета, обращенного к командующему:

Если одержал победу в войне, раздели достижения и похвалы с войсками. Если предстоит вновь вступить в битву, сделай награды исключительно щедрыми, а наказания — более тяжёлыми. Если не удалось направить их к победе, прими вину на себя. Если должен сражаться снова, принеси клятву и встань впереди войска. Не повторяй предыдущей тактики. Победил ли или нет, не отступай от этого метода, ибо он называется «истинным принципом». (Глава 4)

Это согласуется с общей политикой применения наград и наказаний после того, как воины приготвили к битве:

Когда поднял ци (дух) и установил способы управления [награды и наказания], окружи их заботой и поведи за собой речами. Укоряй их по их страхам, давай им задания по их желаниям. (Глава 3)

Примерно в том же духе говорят о наградах и наказаниях и другие известные стратеги, однако в «Методах» есть два особенных момента. Во-первых, они зависят от того, одержала армия победу или потерпела поражение.

Не награждай за большие победы, ибо тогда ни высокие чины, ни низкие не будут гордиться своими достижениями. Если высшие не смогут хвалиться, они не покажутся высокомерными, а если низшие не смогут хвалиться, между людьми не будет различий. Когда никто не хвалится — в этом суть почтительного отношения.

В случае полного поражения не наказывай никого, ибо тогда и высшие, и низшие чины признают свой позор. Если высшие будут упрекать себя, они расскаются в ошибках, если низшие будут упрекать себя, они обязательно постараются избежать повторения бесчестья. Когда все чины разделяют [ответственность] за бесчестье между собой, в этом суть уступчивости. (Глава 2)

Второй случай — когда воины настолько запуганы врагом, что ни перспектива больших наград, ни угроза суровых наказаний не могут повлиять на них. Возникает необходимость в принципиально ином подходе, целью которого является стремление взять под контроль управление настроением войска.

Если они напуганы, не угрожай им казнями или жестокими наказаниями, но прояви великодушное спокойствие. Поговори с ними о том, для чего они живут и следи за тем, как они выполняют свои обязанности. (Глава 4)

Так можно прорвать индивидуальную изоляцию и положить конец ощущению страха, что позволит командующему своей зажигательной речью повернуть внимание воинов в другую сторону, сказав о справедливости их дела, возможных наградах и цели их жизни. Как утверждается в «Сыма фа», воины смогут проявить дух и силу только в случае опасности. Сомнения и страх — величайшие враги; но если план хорош, справедливость дела очевидна, а люди обучены, армия одержит победу.

Концепция управления боем

Ряд сюжетов, затронутых в тексте, тоже заслуживает внимания, но они говорят сами за себя и не требуют дополнительных объяснений. Однако технические идеи об управлении боем, выраженные в последних трех главах, представляют особенный интерес. Среди главных принципов: необходимость глубокого анализа противника, расчет баланса сил и правильное использование этих

сил; умение избежать обмана при видимом незначительном преимуществе; собирание сил в единый кулак в решающий момент после движения в рассредоточенном порядке; установление взаимопонимания между людьми. Преимущества местности должны быть полностью использованы, тактическое развертывание сил зависит от их характера и относительной силы, определяемой обученностью, вооружением и духовными качествами. Даже если армия незначительна по численности, можно выработать тактику, позволяющую сохранить ее и вырвать победу. В «Сымафа» эти принципы лишь постулируются и подробно не рассматриваются; о них больше говорится в других военных трактатах. Отмечается и важность психологических методов; они включают в себя лишение противника желания сражаться путем намеренного оставления прохода для бегства; избежание ситуации, когда враг оказывается в безвыходном положении и вынужден сражаться не на жизнь, а на смерть; распространение сомнений в умах противника.

1. ОСНОВАНИЕ ГУМАННОСТИ

В древности гуманность была основой, а справедливость — управляла «прямотой». Однако когда «прямотой» не достигли желанных [нравственных и политических] целей, [прибегли] к власти. Власть возникает из войны, а не из гармонии между людьми. Поэтому, если необходимо уничтожить столько-то людей, чтобы дать мир народу, убийство разрешается. Если нужно напасть на государство, не любящее свой народ, нападение разрешается. Если войну необходимо остановить войной, то, несмотря на то, что это война, она разрешается. Поэтому гуманность любят, справедливости охотно подчиняются; на мудрость опираются; а верности доверяют. Вместе с тем, [правление] приобретает любовь людей, которая сохраняет его. Вовне оно приобретает устрашающую силу, которая укрепляет его⁷.

* * *

Дао войны: ни противоречие сельскохозяйственным сезонам, ни доведение людей до изнурения не могут быть средством любить свой народ. Ни нападение на государство, пока он в трауре, ни использование в качестве преимущества стихийных бедствий никоим образом не могут быть средством любить народ врага. Не собирать армию зимой или летом — вот средство любить свой народ и народ врага. Поэтому, даже если государство обширно, те, кто любит войну, неизбежно погибнут. Даже если Поднебесная в спокойствии, те, кто забывает о войне, неизбежно окажутся в опасности!

Когда в Поднебесной наступал мир, сын Неба исполнял [в честь этого] музыку «Да кай» (Великий мир). Затем весной он устраивал охоту «цзоу», а осенью устраивал охоту «сянь». Весной удельные князья приводили свои отряды хорошо подготовленными, а осенью обучали своих солдат. Так они не забывали о войне.

* * *

В древности люди не преследовали бегущего врага более ста шагов и не шли за отступающим врагом более трех дней, тем самым проявляя соблюдение норм благопристойности (ли). Они не истощали силы неспособных и сочувствовали раненым и слабым, тем самым проявляя свою гуманность. Они ожидали, пока противник закончит построение, и лишь потом били «в наступление», тем самым проявляя свою благонамеренность. Они боролись за справедливость, а не за выгоду, тем самым проявляя свою справедливость. Более того, они были способны простить того, кто подчинился, тем самым проявляя свое мужество. Они знали конец, они знали начало, тем самым проявляя свою мудрость. Шести добродетелям обучали одновременно и считали их Дао основой поведения для людей. Таково правило древности.

* * *

Государственные дела правителей прошлого. Они следовали Дао Неба и устанавливали то, что соответствовало Земле. Они назначали чиновниками добродетельных, исправляли имена и управляли вещами. Они создавали государства, определяли различия и награждали согласно им. Удельные князья были довольны и послушны. Из-за морей приходили кланяться им. Наказания были отменены, а армия отдыхала. Таковы были подвиги мудрой добродетели.

* * *

Затем были достойные правители.

Они установили ритуалы, музыку, законы и измерения; а затем учредили пять наказаний, используя армию, чтобы карать несправедливых. Они совершали инспекционные поездки [по уделам], изучали [обычаи] четырех сторон света,

собирали удельных князей и рассматривали различия. Если кто-либо [из удельных князей] не подчинился приказам, нарушал порядок, отворачивался от добродетели или нарушал ход сезонов Неба — тем самым угрожая достойным правителям — они говорили об этом среди удельных князей, называя виновных. Затем они объявляли об этом священному Небу, солнцу, луне, планетам и созвездиям. Они совершали молитву духам Земли, духам четырех сезонов, рек и гор, а также на Великом алтаре [государства]. Затем они подносили жертвоприношения правителям прошлого. Только затем первый министр говорил армии перед лицом удельных князей: «Такое-то государство преступило Дао. В такой-то год, месяц и день вы будете участвовать в походе усмирения. В такой-то день армия достигнет [провинившегося] государства и соединится с Сыном Неба, чтобы применить “наказание исправления”».

Первый министр и другие высшие чины отдавали следующие приказы армии:

«Когда вступите на землю преступившего закон государства, не вредите его богам; не охотьтесь на диких животных; не разрушайте земляные укрепления; не жгите дома, не вырубайте леса; не забирайте шесть домашних животных, зерно или инструменты. Когда встретите старых или малых, верните их домой, не причиняя вреда. Даже если встретите взрослых, до тех пор, пока они не вступили в бой, не относитесь к ним как к врагам. Если враг ранен, окажите ему помощь и верните домой».

После казни виновных правитель вместе с удельными князьями регулировал и исправлял [управление и обычаи] государства. Они выдвигали достойных, возводили на престол просвещенного правителя, а также регулировали и восстанавливали ранги и обязательства.

* * *

Способов, которыми правители и гегемоны управляли удельными князьями, было шесть:

Давая земли, они устанавливали границы для удельных князей.

Указами они усмиряли удельных князей.

Ритуалами и благонамерением они приближали удельных князей.

С помощью мудрецов они радовали удельных князей.

С помощью стратегов они ограничивали удельных князей.

С помощью доспехов и оружия они добивались покорности удельных князей.

Разделяя с ними несчастья, деля с ними доходы, они объединяли удельных князей. Они заставляли меньшие государства служить большим для того, чтобы привести к гармонии удельных князей.

* * *

Они собирались вместе, чтобы объявить девять запретов:

Тот, кто воспользуется слабостью [других государств] или малостью государства, будет окружен со всех сторон.

Тот, кто убивает достойных или вредит людям — будет свергнут.

Тот, кто в своем государстве жесток и нападает на другие государства, будет удален.

У кого поля зарастают травой, а люди бродяжничают, у того будут урезаны границы.

Тот, кто, пользуясь выгодами местности, не подчиняется приказам, будет смят.

Тот, кто ненавидит своих родственников, будет проучен.

Тот, кто убивает своего правителя, будет казнен.

Тот, кто строптив и вздорен, кто вспыльчив и негодует, будет истреблен.

2. ОБЯЗАННОСТИ СЫНА НЕБА

Долг Сына Неба — в том, чтобы все делать, следуя Небу, Земле и совершенному мудрым прошлого⁸. Долг чиновников и простых людей — в том, чтобы почтительно служить своим родителям и быть искренними перед правителем и вышестоящим. Даже если правитель просвещен, но чиновники не обучены — от них нет проку.

Когда древние наставляли людей, они неизменно устанавливали отношения и закрепляли различия между простыми и знатными. Тогда знатные не покушались на права друг друга; добродетельные и справедливые не превосходили друг

друга, талантливые и способные не преграждали путь друг другу, а мужественные и сильные не сталкивались друг с другом. Поэтому их силы были едины, а их мысли пребывали в гармонии.

* * *

В древности форму и дух управления гражданскими делами было невозможно найти в военной сфере, а того, что находилось в военной сфере, нельзя было найти в гражданской. Поэтому добродетель и справедливость находились на своих местах.

Высшие ценили тех чиновников, которые не были хвастливы. Если они не хвастливы, значит, они не корыстны, а если они не корыстны, значит, они не вздорны. Вникая в дела государства, высшие хотят открыть их подлинную природу, вникая в дела военные, они должны обсуждать соответствующий предмет. Поэтому талантливые и способные не могут перекрыть друг друга. Когда чиновники следуют приказам, они получают самые высокие награды, когда они нарушают приказы — подвергаются самому суровому наказанию. Тогда мужественные и сильные не будут соперничать друг с другом.

Когда люди обучены, можно отбирать их и использовать. Когда дела правления приведены в порядок, сто ведомств могут быть полностью обеспечены. Когда наставления рассмотрены, люди проявят доброту. Когда обычаи привычны, люди будут следовать им. В этом суть изменения через просвещение.

* * *

В древности люди не преследовали бегущего врага слишком далеко и не шли за отступающей армией по пятам. Не преследуя далеко, трудно попасться на хитрость; не подходя слишком близко, трудно угодить в засаду. Они считали благопристойность своей основной силой, а гуманность — [залогом] своей победы. После того, как они одерживали победу, их учения можно было снова использовать. Поэтому благородный муж ценит их.

* * *

Шунь объявил о миссии в [столице] государства, ибо хотел, чтобы люди первым делом услышали его приказания. Правители династии Ся произносили клятвы среди армии, ибо хотели, чтобы люди первым делом закончили их мысли. Правители Шан клялись за воротами лагеря, ибо хотели, чтобы люди первым делом укрепляли свои побуждения и ожидали битвы. Чжоуский [У-ван] ждал, пока вот-вот скрестится оружие, и затем произнес клятву, чтобы укрепить волю людей [к сражению]. Правители Ся «выпрямляли» свою добродетель и никогда не обнажали оружия, поэтому оружие не было смешано. Правители Шан опирались на справедливость, поэтому они первыми использовали остроту оружия. Правители Чжоу опирались на силу, поэтому они полностью задействовали остроту оружия⁹.

Ся награждала при дворе для того, чтобы возвысить добро. Шан казнила на площадях для того, чтобы устрашить зло. Чжоу награждала при дворе и казнила на площадях для того, чтобы воодушевить благородных и устрашить простых людей. Поэтому правители всех трех династий проявляли добродетель одним и тем же путем.

* * *

Когда [пять типов] оружия не перемешаны, это не будет выгодно. Если оружие слишком длинное, оно будет неудобно; если слишком короткое, оно не достанет до врага. Если слишком легкое, им можно будет легко орудовать, но подобная легкость может привести к беспорядку. Если слишком тяжелое, оно будет неудобным и не выполнит своего предназначения.

* * *

Что касается боевых колесниц, то колесницы правителя Ся назывались «колесницами крюка», ибо они ставили прямоту на первое место. Колесницы правителей Шан назывались «колесницами новолуния», ибо они ставили скорость на первое место. Колесницы же правителей Чжоу назывались «колесницами силы», ибо ставили мощь на первое место.

Что касается флагов, то у Ся был черный флаг, означающий власть над людьми. У Шан был белый флаг, означающий справедливость Неба. У Чжоу был желтый флаг, означающий Дао Земли.

Что касается знаков отличия, то Ся использовала солнце и луну, почитая светлое. Шан использовала тигра, почитая устрашающую силу. Чжоу использовала дракона, почитая культуру.

* * *

Когда у армии устрашающей силы в избытке, люди будут дрожать от страха, но если она потеряет устрашающую силу, люди не добьются победы. Если высшие делают так, что люди не могут быть справедливыми, сто родов не в состоянии установить правильную организацию, ремесленники не могут кормиться [от работы], лошади и скот не могут работать в поле, а чиновники обижают [народ] — это называется «избыточная устрашающая сила», и люди будут дрожать от страха. Если высшие не почитают добродетель, но используют хитрых и злых; если они не почитают Дао, но используют храбрых и воинственных; если они не почитают послушных, но используют вздорных и сварливых; если они не почитают добрых, но используют надменных и наглых — это называется «ослабленная устрашающая сила». Если она преобладает, люди не добьются победы.

* * *

Армия в походе первым делом должна заботиться о «мере», так, чтобы сила людей была уместна. Тогда, даже если ударит оружие, пехота не побежит, а колесницы не понесутся. Преследуя бегущего врага, войска не разорвут строй и тем самым избегнут беспорядка. Единство армии в походе исходит от военной дисциплины, которая поддерживает порядок в боевом строю, не истощает силы людей и лошадей.

* * *

В древности правильное и духовное управление гражданскими делами было вне военной сферы; того, что было пригодно для военной области, не было в гражданской. Если

правила и дух [военной области] проникнут в гражданскую, добродетель народа склонится к закату. Если правила и дух гражданской проникнут в военную, добродетель народа будет ослаблена.

В среде гражданской слова высокопарны, а речи вялы. При дворе каждый вежлив и почтителен и воспитывает себя для службы другим. Не будучи призван, не сделает шага; не будучи спрошен, не заговорит. Трудно продвинуться, но легко устраниваться.

Среди военных каждый говорит прямо и стоит твердо. В боевом построении каждый выполняет долг и действует решительно. Носящие боевые доспехи не совершают поклонов; воины колесниц не соблюдают ритуала (ли); стоящие на укреплениях не суетятся. Во время опасности никто не обращает внимания на ранги. Таким образом, гражданские нормы поведения (ли) и военные законы (фа) — как внутреннее и внешнее, гражданское и военное — как левое и правое.

* * *

В древности совершенномудрые правители почитали добродетель людей и [искали] их доброты. Поэтому они не пренебрегали добродетельными и не унижали людей. Награды не раздавались, а наказания даже не пробовали применять.

Шунь не награждал и не наказывал, но людей все равно можно было использовать. Это было вершиной добродетели.

Ся раздавала награды, но не установила наказаний. Это было вершиной наставления.

Шан ввела наказания, но не раздавала наград. Это было вершиной устрашения.

Чжоу использовала и награды, и наказания, и добродетель пришла в упадок.

Награды не должны долго [задерживаться], если хочешь, чтобы отличившиеся были отмечены. Когда наказываешь кого-то, не перемещай его на другой пост, если хочешь, чтобы люди быстро увидели воздаяние за совершение плохого.

Не вознаграждай за большие победы, ибо тогда ни высокие чины, ни низкие не будут хвалиться. Если высшие не смогут хвалиться, они не покажутся высокомерными, а если низшие не смогут хвалиться, между людьми не будет разли-

чий. Когда никто не хвалится — в этом суть почтительного отношения.

В случае полного поражения не наказывай никого, ибо тогда и высшие, и низшие чины признают свой позор. Если высшие будут упрекать себя, они расскаются в своих ошибках, если низшие будут упрекать себя, они обязательно постараются избежать повторения бесчестья. Когда все чины разделяют [ответственность] за бесчестье между собой, в этом суть уступчивости.

* * *

В древности те, кто служил на границе, в течение трех лет после этого были освобождены [от трудовой повинности], правитель сам наблюдал за трудом людей. Высшие и низшие чины таким образом помогали друг другу, и в этом была суть гармонии.

Когда они достигали своей цели [усмирения земель], они пели песни ликования, чтобы показать свою радость. Они убрали оружие войны, сооружали Башню духов и откликались на труд людей, чтобы показать, что пришло время отдыха.

3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЯДОВ

В целом, чтобы вести войну: определи строй и позицию; тщательно замечай достижения и ошибки; удерживай путешествующих воинов; объяви наставления и указы; расспроси население; разыщи ремесленников; думай и рассчитывай; полностью используй вещи; преобразуй ненависть [людей]; отгони сомнения; вскармливай силу; ищи и используй искусных; действуй, согласуясь с сердцами людей.

* * *

В целом, чтобы вести войну: объедини людей; изучи выгоды [местности]; усмири непокорных; [регулируй] продвижения и остановки; принимай прямые [возражения]; воспитывай чувство стыда; сдерживай законами; расследуй преступления. Мелких нарушителей следует казнить. Если казнить мелких нарушителей, как могут возникнуть [тяжкие] преступления?

* * *

Будь в согласии с Небом; сделай богатства обильными; доставь радость людям; используй преимущества Земли и цени по достоинству боевое оружие. Это называется «пять планов». Чтобы быть в согласии с Небом, следуй сезонам; чтобы увеличить богатства, грабь врага. Чтобы доставить радость людям, воодушеви их и приведи к гармонии [с их начальниками]. Чтобы использовать преимущества местности, защищай стратегические места. Что касается оружия, то для противостояния нападению есть луки и стрелы, булавы и копья — для защиты, простые алебарды и алебарды с наконечником — для поддержки.

Каждое из пяти видов оружия хорошо на своем месте: длинное защищает короткое, короткое спасает длинное. Когда их используют поочередно, можно выстоять в битве. Когда их используют вместе, армия будет сильна. Когда увидишь положение [врага], можешь быть равным ему по силе. Это называется «взвешиванием».

* * *

Защищающаяся армия должна стоять широко, воодушевлять людей и приводить их к гармонии [с их начальниками]. Она должна двигаться только после того, как увидит наступающего врага. Полководец сосредоточен, сердца людей слиты с ним воедино.

Лошади, скот, колесницы, оружие, отдых и надлежащая пища — это сила армии. Наставление — это советчик армии; война — это хозяин армии. Полководец — это тело армии, отряды — это конечности, а «пятерки» — это пальцы.

* * *

В целом, война — это дело взвешивания сил, а бой — это дело мужества. Развертывание боевых порядков — дело искусства. Используй то, что хотят [люди], и осуществляй то, на что они способны; устрани то, чего они не желают и к чему не способны. Соверши обратное по отношению к врагу.

* * *

В целом, война — это вопрос обладания Небом, богатствами и превосходством.

Когда день и время битвы правильно названы и нет необходимости их менять; когда гадания по панцирю черепахи предсказывают победу; когда события происходят неуловимым и таинственным образом — это называется «обладать Небом».

Когда у людей есть [богатства], они есть [у государства]. Когда люди стараются ради них, это называется «обладать богатством».

Когда люди обучены [относительному] искусству формы, и полностью используют [силу] вещей при подготовке [к битве], это называется «достижением превосходства».

Когда люди воодушевлены, их называют «людьми, воюющими с улыбкой на устах».

* * *

Увеличение армии и укрепление [соединений]; умножение ее силы и постоянная тренировка [войск]; опора на [использование силы] вещей и отклик на внезапные [события] — это называют «грамотными приготовлениями».

Быстрые колесницы и легкая пехота, луки и стрелы, а также сильная оборона — вот что называется «увеличением армии». Тайна, молчание и огромная внутренняя мощь — вот что называется «укреплением армии». Умение двинуться вперед, умение двинуться назад — вот что называется «оживлением армии». Обучение при любой возможности опытными новичков — вот что называется «обучением армии». Слаженная работа всех ведомств — вот что называется «опорой на [использование силы] вещей». Понимание этого и следование этому — вот что называется «управлением армии».

* * *

Определяй [численность] своих войск в соответствии с местностью, располагай свои войска в соответствии с противником. Если в нападении, ведении боя, обороне, наступлении, отходе и остановке передний и задний края подчиняются приказам, а колесницы и пехота действуют согласованно, это называется хорошо спланированной кампанией. Если они не следуют приказам; не доверяют [командирам]; действуют несогласованно; расхлябаны, исполнены сомнений, утомлены, испуганы; избегают ответственности, несдержанны, понуры и

медлительны, это называется «гибельной кампанией». Если они страдают от излишней самонадеянности, если они боятся, стонут, ворчат и все время сомневаются в предстоящих действиях, их называют «уничтоженными и сломленными». Быть способным стать большим или малым, твердым или слабым, менять формирования, использовать большое количество малых соединений — и во всех отношениях соответствовать [врагу] — называется «[использованием] равновесия сил на войне».

* * *

В целом, чтобы вести войну: используй шпионов против дальних; наблюдай за ближними; действуй в соответствии с сезонами; грабь [врага]; уважай честных, презирай сомневающихся, воодушевляй справедливостью, действуй вовремя, управляй добротой. Если увидишь врага, оставайся спокоен; если увидишь волнение, не торопись. Если столкнешься с опасностью и трудностями, не забывай о людях. В государстве будь благороден и справедлив. В армии будь великодушен и воинственен. Если ударят мечи, будь решителен и находчив. В государстве должна быть гармония, в армии должны быть правила. Если ударят мечи, изучи [положение в битве]. В государстве проявляй участливость; в армии проявляй прямоту; в бою проявляй честность.

* * *

Что касается боевых порядков: в наступлении самое главное для рядов — быть рассеянными; а при начале сражения — быть плотными; оружие должно быть разнообразным. Приказы должны быть ясными: спокойствие — основа порядка; устрашающая сила становится могучей, когда она проявлена. Когда люди оберегают друг друга в соответствии со справедливостью, они хотят действовать. Когда расчеты окажутся успешными, люди подчинятся им. Если они искренне подчинятся в нужное время, то будут послушны и впредь. Когда вещи проявлены, глаз четко оценивает их. Когда расчеты готовы, разум укрепляется. Когда наступление и отход решительны — это кажется действием стихии. Слушая [дела] и наказывая [виновных], не меняй без причины их должностей и не заменяй их флагов.

Когда бы дела ни были завершены, они будут продолжаться; когда они соответствуют пути древних, они осуществляются. Если клятва дорога людям, они будут сильными, а ты сам сможешь различить роковые предзнаменования и благоприятные знаки.

Дао устранения роковых предзнаменований в следующем:

Одно называется «справедливостью». Доверяй честности [людей], приблизь их силой, установи основы [величественного правления], объедини силу Поднебесной. Тогда не будет никого, кто не был бы доволен, поэтому это называется «дважды использовать людей».

Другое называется [преимуществами, дарованными] «стратегическим равновесием сил». Усиливай крайности [у врага], захвати тех, кого он любит. Тогда, действуя извне, мы можем вызвать отклик изнутри.

* * *

Первое — оценка; второе — прямота; третье — язык; четвертое — искусство; пятое — огонь; шестое — вода; седьмое — оружие. Таковы семь дел управления.

Слава, выгода, позор и смерть — таковы четыре стража.

Быть выдержанным и спокойным, собрав устрашающую силу — [в этом путь] предотвращения нарушений и изменения побуждений. Во всех случаях это и есть Дао.

Только гуманность может привлечь людей; однако если кто-либо гуманен, но ненадежен, он, напротив, погубит себя. Обращайся с людьми как с людьми, будь прям с прямыми, используй слово — когда оно слово, огонь — когда он огонь.

* * *

Что касается Дао войны: после того, как поднял ци [людей] и установил способы управления [награды и наказания], окружи их заботой и поведи за собой своими речами. Укоряй их в соответствии с их страхами, поручай им задания в соответствии с их желаниями. Когда напал на врага и занял его землю, назначь людей в органы управления. Это относится к «методам войны».

* * *

Все человеческое ищи среди людей. Проверь и оцени их должности и действия [чтобы увидеть, совпадают ли они], ведь они должны преуспеть в осуществлении. Если они должны совершить что-то, убедись, что они не забыли об этом. Если трижды успешно проверишь их, сделай [их таланты] отмеченными. То, что соответствует человеческой жизни, называется законом.

* * *

В целом, Дао наведения порядка среди беспорядка заключается: первое — в гуманности; второе — в доверии; третье — в прямоте; четвертое — в единстве; пятое — в справедливости; шестое — в изменении [с помощью власти]; седьмое — в сосредоточении власти.

Дао установления законов заключается: первое — в принятии [ограничений]; второе — в законах; третье — в выдвижении [талантливых и честных]; четвертое — в настойчивости [в управлении]; пятое — в установлении порядка званий; шестое — в точности предписанного чиновникам.

Что касается армии, то, когда [сила] закона в руках одного, это называется «силой закона». Когда подчиненные боятся закона, он называется «законом». Когда армия не занимается мелкими делами, когда в битве она не обращает внимание на маленькие преимущества и когда в день столкновения она непостижимым образом выполняет задуманное, это называется «Дао».

* * *

В войне, если «прямое» оказывается бесполезным, необходимо [взять в руки] «силу закона». [Если люди] не подчиняются [добродетели], тогда необходимо установить закон. Если они не доверяют друг другу, объедини их. Если они медлительны, двигай ими; если они сомневаются, рассей [их сомнения]. Если люди не доверяют правителю, не изменяй того, что объявлено. Таково было управление, начиная с древности.

4. ЧЕТКИЕ ПОЗИЦИИ

Дао войны: позиции должны быть строго определены; административные меры — суровы; сила должна быть подвижной; «ци» воинов должна быть напряжена, а сердца [командиров и солдат] — слиты воедино.

* * *

Дао войны: давай чины и назначай на должности тех, кто понимает Дао и проявляет справедливость. Установи подразделения и соединения. Наведи порядок в рядах и колоннах. Добейся, чтобы [расстояние] между горизонтальными и вертикальными было правильным. Проследи, [соотносятся ли] имена и вещи.

Солдаты, которые стоят [в своих боевых порядках], должны выдвинуться и припасть к земле; те, [кто стреляет] сидя, должны выдвинуться и припасть на колено. Если они испуганы, сделай ряды плотными, если они в опасности, пусть они сядут. Если [враг] на расстоянии, они не испугаются его; если, когда он близко, они не смотрят на него, то не бросятся в рассыпную.

* * *

Когда полководец сходит с колесницы, командиры правого и левого флангов также сходят; все, носящие доспехи, сидят; клятва произнесена, после чего армия медленно продвигается. Все начальники, от полководца до командиров «пятерок», носят доспехи. Расположи легкие и тяжелые войска. Выпусти конницу, пусть пехота и воины в доспехах поднимут шум. Если они напуганы, стяни войска в плотные ряды. Те, кто стоит на коленях, должны сесть на корточки, сидящие на корточках должны лечь. Пусть они ползут вперед на четвереньках, потом дай им отдохнуть. Пусть они встанут, прокричат и подойдут к барабанам. Затем просигналь на колоколах команду «стой!». Затем пусть войска вернутся назад ползком. Схвати и без промедления казни любых дезертиров, дабы у других исчезла всякая мысль о бегстве. Кричи, чтобы повести их. Если они напуганы, не угрожай им казнями или жестокими наказаниями, но прояви великодушное спокойствие. Поговори с ними о том, для чего они живут, и следи за тем, как они выполняют свои обязанности.

* * *

Во всех трех армиях дисциплинарные меры не принимаются более, чем на полдня, в отношении кого бы то ни было. Заключение под стражу не превышает периода отдыха, а паек не урезается более, чем наполовину. Если устранишь их сомнения и заблуждения, их можно заставить повиноваться приказам.

* * *

В целом, бой выдерживают благодаря силе, а победы добиваются с помощью духа. Можно выдержать оборону, но победа достигается в опасности. Когда сердце в основе своей твердо, новая волна ци принесет победу. В доспехах находишься в безопасности; оружием добиваешься победы.

* * *

В целом, колесницы надежны, если близки друг к другу; пехота тверда, если воины присели к земле; доспехи прочны, если они тяжелы; победы же добиваются легким оружием.

* * *

Когда сердца воинов наполнены победой, все, что они видят, — это врага. Когда их сердца наполнены страхом, все, что они видят — это страх. Обязанность [командующего] обеспечить единство. Это можно увидеть только [с высоты] власти.

* * *

В войне: если углубляешься на территорию врага с легкими войсками — это опасно. Если углубляешься в землю врага с тяжелыми войсками — это бесполезно. Если пойдешь еще дальше с легкими — будешь разгромлен. Если пойдешь еще дальше с тяжелыми — можешь победить. Так соседствуют в войне легкие и тяжелые силы.

* * *

На привале будь внимателен к оружию и доспехам. На марше будь внимателен к рядам и колоннам. В битве будь внимателен к наступлению и остановкам.

* * *

В войне: если ты почтителен, [войска] будут послушны. Если ведешь их сам, они последуют за тобой. Если приказы раздражают, от них отмахнутся. Если приказы не назойливы, к ним отнесутся серьезно. Если бой барабанов быстр, они продвигаются быстро; если бой барабанов ленив, они еле идут. Если они одеты легко, будут легки, если ярко — будут заметны.

* * *

Если кони и колесницы крепки, доспехи и оружие превосходны, тогда даже легкие силы могут проникнуть глубоко. Если смешиваешь ранги, никто не захочет возвыситься. Если храбришься, многие умрут. Если ценишь жизнь, будет много сомнений; если чтишь смерть, они не одержат победы.

Люди будут умирать за любовь, без гнева, без [трепетания] пред устрашающей силой, за справедливость и за выгоду.

В целом, на войне: если людей хорошо наставлять, они будут легко относиться к смерти. Если они поверят, они будут умирать искренне.

* * *

В целом, на войне: действуй в соответствии с тем, [обладают ли войска духом] победы или нет. Согласуйся с Небом, согласуйся с людьми.

В целом, на войне: три армии не должны быть настороже больше трех дней; одно подразделение не должно находиться на посту больше, чем полдня; один солдат не должен стоять в карауле больше времени отдыха.

* * *

Те, кто блестяще преуспел в военном деле, использовали основу; те, кто преуспел еще больше, использовали концы¹⁰. Военное дело — это управление стратегией при сохранении неуловимости. Основа и концы — это всего лишь вопрос равновесия.

* * *

В целом, на войне: когда три армии объединятся, они одержат победу.

Что касается барабанов: существуют барабаны [направляющие развертывание] знамен и флагов; барабаны [наступления] колесниц; барабаны для конницы; барабаны для [управления] пехотой; барабаны для различных типов войск; барабаны для головы и барабаны для ног. Все семь должны быть правильно подготовлены и управляемы.

В целом на войне: когда боевой порядок уже достаточно прочный, не утяжеляй его. Когда главные силы наступают, не вводи в бой их все, ибо, сделав так, окажешься в опасности.

* * *

В целом, на войне не трудно сформировать боевой порядок; достичь того, чтобы воинам можно было приказать встать в боевой порядок — вот в чем трудность. Не трудно заставить их изготавиться, сумеь использовать их — вот в чем трудность. Не трудно знать о том, что делать; реализовать это — вот трудность. Воины со всех [четырех сторон] света имеют свою природу. Характеры в областях разнятся. В результате обучения у них складываются местные привычки, поэтому обычаи всех государств отличаются. [Только] через Дао можно изменить их обычаи.

* * *

В целом, на войне, вне зависимости от количества войск, даже если они уже победили, они должны себя вести так, как будто бы они не были победителями. Войска не должны хвастаться остротой своего оружия или говорить о прочности своих доспехов, или о стойкости своих колесниц, или о быстроте своих коней; равно как и не должны они считать себя высшими, поскольку они еще не обрели Дао¹¹.

* * *

Если одержал победу в войне, раздели достижения и похвалы с войсками. Если предстоит вновь вступить в битву, сделай награды исключительно щедрыми, а наказания — более

тяжелыми. Если не удалось направить их к победе, прими вину на себя. Если должен сражаться снова, принеси клятву и встань впереди войска. Не повторяй предыдущей тактики. Победишь ты или нет, не отступай от этого метода, ибо он называется «истинным» принципом.

В целом, на войне: спасай гуманностью; бейся справедливостью; принимай решения мудростью; сражайся мужеством; управляй доверием; воодушевляй выгодой; побеждай подвигами. Разум должен воплощать гуманность, а действия иметь основой справедливость. Полагаться на [природу] вещей — это мудрость; полагаться на великое — это мужество; полагаться на давние [отношения] — это путь к искренности. Добивайся цели в гармонии, и люди сами по себе будут почтительны. Если люди стыдятся ошибок, они постараются их исправить. Когда сердца людей довольны, они отдадут свои силы до конца.

* * *

В целом, на войне: бери слабого и тихого, избегай сильного и спокойного. Бери усталого, избегай хорошо обученного и находящегося настороже. Бери испуганного, избегай того, кто [изображает] страх. Начиная с древности, таковы правила управления [армией].

5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЙСК

Дао войны: когда задействуешь немногих, они должны быть сплоченными. Когда задействуешь многих, ими нужно хорошо управлять. С незначительными силами предпочтительнее тревожить врага; с большими силами предпочтительнее использовать правильную [тактику]. С большими силами продвись вперед и остановись, с малыми силами продвись вперед, а затем отойди. Если со значительными силами столкнешься с немногочисленным противником, окружи его на расстоянии, но оставь проход. [В противном случае], если разделишь [свои силы] и будешь атаковать ими поочередно, незначительное количество войск сможет противостоять большой массе. Если противник растерян, воспользуйся этим. Если вы боретесь за стратегическую позицию, брось свои флаги [как при бегстве, а

когда враг нападет], вернись и организуй контратаку. Если силы противника огромны, собери свои силы и дай ему окружить себя. Если враг немногочисленный и испуган, избегай его и оставь открытый проход.

* * *

В целом, на войне: ветер должен дуть в спину, горы должны быть позади, высоты — справа, а лощины — слева. Двигайся по влажной земле, пересекай разрушенные дороги. Перед тем, как стать лагерем, пройди маршем в два раза больше обычного; выбирай местность [для лагеря], подобную панцирю черепахи.

В целом, на войне: расположившись, наблюдай за действиями врага. Смотри на врага, а затем начинай движение. Если он ждет [нападения], действуй соответственно. Не бей «в наступление», но подожди, пока войска поднимутся. Если он атакует, укрепи свои силы и наблюдай за ним.

* * *

В целом, на войне: используй большие и малые количества, чтобы проверить их тактику; продвигайся вперед и отходи назад, чтобы оценить прочность их рядов. Создай опасность, чтобы проверить их страх. Будь спокоен, чтобы проверить, не расхлябаны ли они. Продвигайся вперед, чтобы проверить нет ли у них сомнений. Организуй внезапную атаку, чтобы проверить их дисциплину.

Неожиданно нанеси удар по его сомнениям. Ударь по его нерешительности. Заставь его сжать формирования. Нанеси внезапный удар по его порядкам. Воспользуйся [его] ошибками, чтобы избежать вреда. Затрудни выполнение его стратегии. Проникни в его мысли. Извлеки выгоду из его страха.

* * *

В целом, преследуя бегущего врага, не отдыхай. Если некоторые остановились на дороге, будь начеку!

* * *

Приближаясь к столице врага, необходимо иметь дорогу, по которой продвигаться; когда собираешься отходить, следует обдумать обратный путь.

В целом, на войне: если двигаться первым, то [легко] истощить силы. Если двигаться после [врага, то люди] могут быть напуганы. Если отдыхать, [люди могут] стать расхлябанными; если не отдыхать, они могут истощить силы. Однако, если отдыхать очень долго, они опять-таки могут испугаться.

* * *

Написание прощального письма называется «порвать с мыслями о жизни». Выбор лучших воинов и подготовка оружия называются «увеличение силы людей». Оставить позади себя канцелярию и взять минимум припасов — это называется «открыть сердца людей». Начиная с древности, правило было таково.

Примечания

1. Тянь Шу, потомок Тянь Ваня, был удостоен Цзин-ваном фамилии Сунь за заслуги. Сунь У (знаменитый Сунь-цзы) и также Сунь Бинь были потомками, а значит, и членами того же клана, что и Сыма Жан-цзюй.

2. Гуань Чжун (ум. ок. 645 г. до н. э.) был одним из первых, кто развил концепцию управления государством на основе «закона» (фа).

3. В то время Инспектор был ниже главнокомандующего, но выше всех остальных полководцев.

4. Данное положение, присутствующее в нескольких военных канонах, свидетельствует о возросшей власти и независимости полководца. Военная кампания стала столь сложным делом, что правитель уже не мог вмешиваться в ее ход. (При Шан и ранней Чжоу правитель сам командовал войсками.)

5. Тем самым он подчеркнул, что армия не представляет опасности для правителя государства.

6. «Ли цзи» («Книга ритуалов») — один из важнейших канонических текстов, входящих в конфуцианское «Пятикнижие».

7. Это явно контрастирует с классическим идеалом, когда правителю было достаточно лишь культивировать свою добродетель.

8. Правитель должен знать совершенномудрых прошлого, чтобы самому уметь привлекать их на службу. Эта классическая конфуцианская концепция впоследствии отрицалась легистами.

9. Комментаторы отмечают, что имеется в виду преобладание тех или иных мер. Конечно, древние династии тоже прибегали к силе оружия.

10. Основа — гуманность, гражданское управление. Концы — проявление справедливости, воинственности и силы.

11. Здесь Дао понимается как высшая цель — успокоение Поднебесной и достижение окончательной победы.

3

«Искусство
войны»
Сунь-цзы

孫子兵法

Исследование 189

Перевод 201

1. Начальные расчеты 201

2. Ведение войны 203

3. Планирование нападения 205

4. Боевая диспозиция 207

5. Стратегическая мощь 209

6. Пустота и полнота 211

7. Боевое сражение 214

8. Девять изменений 216

9. Маневрирование армии 218

10. Формы местности 221

11. Девять местностей 224

12. Огневые атаки 230

13. Использование шпионов 232

Примечания 233

Исследование

Из всех «Семи военных канонов» именно «Военная стратегия» Сунь-цзы, традиционно известная как «Искусство войны», получила наибольшую популярность на Западе. Впервые переведенную французским миссионером около двух столетий назад, ее внимательно изучал и Наполеон, и, возможно, некоторые представители нацистского главнокомандования. В течение двух последних тысячелетий она остается самым главным военным трактатом в Азии, где даже простые люди знают ее название. Китайские, японские, корейские военные теоретики и профессиональные солдаты в обязательном порядке читали ее, и многие ее принципы получили применение во время военных кампаний в Японии, начиная с VIII века. Больше тысячи лет концепции книги вызывали непрерывные дискуссии и страстные философские споры, приковывая внимание весьма влиятельных в различных сферах деятельности фигур. Хотя книга много раз переводилась на английский, а переводы Л. Джайлса и С. Гриффита не утратили значения до сих пор, новые варианты продолжают регулярно выходить в свет.

СУНЬ-ЦЗЫ И АВТОРСТВО ТЕКСТА

Долгое время считалось, что «Искусство войны» является древнейшим и наиболее глубоким военным трактатом Китая, а все остальные книги — в лучшем случае «второразрядными». Традиционалисты приписывали книгу историческому персонажу Сунь У, активная деятельность которого в конце VI в. до н. э.,

начиная с 512 г. до н. э., отражена в «Ши цзи» и в «Вёснах и Осенях У и Юэ»¹. Они утверждали, что книга должна датироваться этим временем, поскольку содержит теории и военные концепции самого Сунь У. Однако другие ученые, во-первых, определили многочисленные исторические анахронизмы в сохранившемся тексте, как-то: термины, события, технологии и философские понятия; во-вторых, подчеркивали отсутствие каких-либо свидетельств (которые должны были быть в «Цзо чжуань» — классической летописи политических событий того времени), подтверждающих стратегическую роль Сунь У в войнах между У и Юэ; и, в-третьих, обратили внимание на расхождение концепций и тактики крупномасштабной войны, обсуждаемых в «Искусстве войны», с реалиями конца VI в. до н. э. Военные действия в ту пору не отличались тем размахом, который они приобрели в период «Борющихся царств».

Сторонники традиционной интерпретации видят главное доказательство своей правоты в том, что различные пассажи из «Искусства войны» можно встретить во многих других военных трактатах, что, по их мнению, не могло бы произойти, не будь текст более ранним. Такое повальное заимствование означает, полагают они, что «Искусство войны» — самый ранний военный трактат, ценившийся выше любой другой работы, устной или письменной. Появление некоторых аналитических концепций, таких, как, например, классификация местностей, тоже связывается с Сунь-цзы; а их использование составителями «Сыма фа» считается бесспорным доказательством исторической первичности «Сунь-цзы». Возможность того, что сам Сунь-цзы основывался на каких-то текстах и материалах, даже не принимается во внимание.

Однако, не говоря уже о вероятности более поздних наслоений и изменений, традиционная трактовка по сути игнорирует факт более чем двухтысячелетнего ведения боевых действий и существования военной тактики до 500 г. до н. э. и приписывает создание военной стратегии одному Сунь-цзы. Сжатый, часто абстрактный характер его пассажей считается свидетельством того, что книга была составлена на раннем этапе развития китайского письма, но можно выдвинуть в равной степени «неотразимый» аргумент — что столь философски изощренный стиль возможен лишь при наличии огромного опыта боевых сраже-

ний и традиции серьезного изучения военной тематики, а основные концепции и сюжеты книги говорят скорее в пользу обширной военной традиции, прогрессирующих знаний и опыта, чем «творения из ничего».

За исключением ныне уже изжившей себя версии скептиков, полагавших текст поздней подделкой, существует несколько гипотез относительно времени создания «Искусства войны». Первая приписывает книгу историческому деятелю Сунь У и полагает, что окончательная редакция была проведена вскоре после его смерти в начале V в. до н. э.. Вторая, основывающаяся на самом тексте, относит его к середине — второй половине периода «Борющихся Царств»; то есть к IV или III вв. до н. э. Третья, также базирующаяся на самом тексте, а также на недавно открытых источниках, помещает его где-то во второй половине V в. до н. э. Едва ли когда-нибудь будет установлена подлинная дата, ибо традиционалисты проявляют исключительную эмоциональность в защите аутентичности Сунь-цзы. Однако вполне вероятно, что такая историческая личность существовала, и сам Сунь У не только служил стратегом и, возможно, командующим, но и составил канву книги, носящей его имя. Затем учение передавалось из поколения в поколение в его семье или в школе ближайших учеников; оно дополнялось и постепенно обретало все более широкое распространение. Самый ранний вариант был, возможно, отредактирован знаменитым потомком Сунь-цзы Сунь Бинем, который также широко использовал его учение в своих «Военных методах».

В «Ши цзи» представлены биографии многих выдающихся стратегов и полководцев, включая Сунь-цзы. Однако, «Вёсны и Осени У и Юэ» предлагают более интересный ее вариант:

На третьем году правления Хэлюй-вана полководцы из У хотели напасть на Чу, но никаких действий не последовало. У Цзы-сюй² и Бо Си говорили друг другу: «Мы готовим воинов и расчеты от имени правителя. Эти стратегии будут выгодны для государства, и поэтому правитель должен напасть на Чу. Но он не отдает приказов и не желает собирать армию. Что же нам делать?»

Спустя какое-то время правитель царства У спросил У Цзы-сюя и Бо Си: «Я хочу послать армию. Что вы думаете об этом?» У Цзы-сюй и Бо Си ответили: «Мы хотели бы получить приказы». Правитель У полагал, что эти двое затаили глубокую ненависть к Чу. Он очень боялся, что они поведут армию только для того, чтобы быть

уничтоженными. Он взошел на башню, повернулся лицом к южному ветру и тяжёло вздохнул. Спустя какое-то время он вздохнул снова. Никто из министров не понял мыслей правителя. У Цзы-суй догадался, что правитель не примет решения, и тогда рекомендовал ему Сунь-цзы.

Сунь-цзы, по имени У, был родом из царства У. Он преуспел в военной стратегии, но жил вдали от двора, поэтому простые люди не знали о его способностях. У Цзы-суй, будучи сведущим, мудрым и пронырливым, знал, что Сунь-цзы может проникнуть в ряды врага и уничтожить его. Однажды утром, когда он обсуждал военные дела, он рекомендовал Сунь-цзы семь раз. Правитель У сказал: «Раз вы нашли оправдание тому, чтобы выдвинуть этого мужа, я хочу видеть его». Он спрашивал Сунь-цзы о военной стратегии и каждый раз, когда тот излагал ту или иную часть своей книги, не мог найти достаточно точных для похвалы слов.

Очень довольный, правитель спросил: «Если возможно, я хотел бы подвергнуть вашу стратегию маленькой проверке». Сунь-цзы сказал: «Это возможно. Мы можем произвести проверку с помощью жёницы из внутреннего дворца». Правитель сказал: «Согласен». Сунь-цзы сказал: «Пусть две любимые наложницы вашего величества возглавят два подразделения, каждая поведет одно». Он приказал всем трёмстам жёницам надеть шлемы и доспехи, взять мечи и щиты и построиться. Он обучил их военным правилам, то есть идти вперед, отходить, поворачиваться налево и направо и разворачиваться кругом в соответствии с боем барабана. Он сообщил о запретах и затем приказал: «С первым ударом барабана вы должны собраться, со вторым ударом — наступать с оружием в руках, с третьим — построиться в боевой порядок». Тут жёницы, прикрыв рты руками, рассмеялись.

Затем Сунь-цзы лично взял в руки палочки и ударил в барабан. Он отдавал приказания три раза и объяснял их пять раз. Они смеялись, как и прежде. Сунь-цзы понял, что жёницы будут продолжать смеяться и не остановятся.

Сунь-цзы был в ярости. Глаза у него были широко открыты, голос подобен рыку тигра, волосы на голове стали дыбом, а завязки шапочки порвались на шее. Он сказал Знатку законов: «Принесите топоры палача».

[Затем] Сунь-цзы сказал: «Если инструкции не понятны, если разъяснениям и приказам не доверяют, то это вина полководца. Но когда инструкции повторены три раза, приказы объяснены пять раз, а войска по-прежнему не выполняют их, то это вина командиров. Согласно предписаниям военной дисциплины, каково наказание?» Знаток законов сказал: «Обезглавливание!» Тогда Сунь-цзы приказал отрубить головы командирам двух подразделений, то есть двум любимым наложницам правителя.

Правитель У взошел на площадку, чтобы наблюдать, как раз в тот момент, когда двух его любимых налоговщиков собирались обезглавить. Он спешно отправил чиновника вниз с приказом: «Я понял, что полководец может управлять войсками. Без этих двух налоговщиков еда не будет мне в радость. Лучшие не обезглавливать их».

Сунь-цзы сказал: «Я уже назначен полководцем. Согласно правилам для полководцев, когда я командую армией, даже если приказы отдаете вы, я могу их не выполнять». [И обезглавил их].

Он снова ударил в барабан, и они двигались налево и направо, вперед и назад, разворачивались кругом согласно предписанным правилам, не смея даже прищуриться. Женщины молчали, не осмеливаясь взглянуть друг на друга. Затем Сунь-цзы доложил правителю У: «Армия уже хорошо повинуется. Я прошу ваше величество взглянуть на них. Когда бы вы ни захотели использовать их, даже если бы вы пожелали заставить их пройти через огонь и воду, это не составит трудностей. Их можно использовать для приведения Поднебесной в порядок».

Однако правитель У неожиданно оказался недоволен. Он сказал: «Я знаю, что вы превосходно руководите армией. Даже если благодаря этому я стану гегемоном, я не желаю достигать цели такой ценой. Полководец, пожалуйста, распустите армию и возвращайтесь к себе. Я не желаю продолжать».

Сунь-цзы сказал: «Ваше величество любит только слова, но не может постигнуть их смысл». У Цзы-стой утешал: «Я слышал, что армия — это неблагодарное дело, и ее нельзя произвольно проверять. Поэтому, если кто-либо формирует армию, но не выступает с карательным походом, военное Дао не проявится. Сейчас, когда ваше величество искренне ищет талантливых людей и хочет собрать армию для того, чтобы наказать жестокое царство Чу, стать гегемоном в Поднебесной и устрашить удельных князей, если вы не назначите Сунь-цзы главнокомандующим, кто сможет перейти Хуай, пересечь Сы и пройти тысячу ли, чтобы вступить в сражение?» Тогда правитель У воодушевился. Он приказал бить в барабаны, чтобы собрать штаб армии, созвал войска и напал на Чу. Сунь-цзы взял Шу, убив двух полководцев-перебежчиков: Гай Юя и Чжю Юна.

В биографии, содержащейся в «Ши цзи», дальше говорится, что «на западе он одержал победу над могущественным царством Чу и дошел до Ин. На севере устрашил Ци и Цзинь, и его имя стало знаменитым среди удельных князей. Это произошло благодаря силе Сунь-цзы». Некоторые военные историки связывают его имя с последовавшими после 511 г. до н.э. — годом первой встречи Сунь-цзы с Хэлюй-ваном — кампаниями про-

тив царства Чу, хотя он более не разу не упоминается письменными источниками в качестве главнокомандующего войсками. По-видимому, Сунь-цзы осознал, насколько трудно выжить в постоянно меняющейся, нестабильной политической обстановке того времени. Он удалился от дел, показав тем самым пример последующим поколениям, и оставил после себя свои идеи и книгу.

Биография в «Ши цзи» еще в одном моменте отличается от содержащейся в «Вёснах и Осенях У и Юэ». Согласно ей, Сунь-цзы был уроженцем царства Ци, а не У. В таком случае родиной его было бы государство, в котором сохранялось наследие Тай-гуна, — государство, изначально находившееся на периферии политического мира Древней Чжоу, но впоследствии прославившееся своими учеными мужами и интеллектуальным богатством. Поскольку в «Искусстве войны» четко просматривается влияние даосских идей, и вообще трактат является весьма тонким и глубоким в философском плане, Сунь-цзы вполне мог быть родом из Ци.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ «ИСКУССТВА ВОЙНЫ»

«Искусство войны» Сунь-цзы, дошедшее через века до наших дней, состоит из тринадцати глав различного объема — каждая из которых, очевидно, посвящена конкретной теме. Хотя многие современные китайские военные специалисты продолжают считать работу органическим целым, отмеченным внутренней логикой и развитием сюжетов от начала к концу, родство между предположительно связанными частями часто трудно установить. Возможно, таковое просто отсутствует. Тем не менее, основные концепции получают повсеместную и логически выверенную обработку, что лишний раз подтверждает: книга, скорее всего, явилась плодом трудов одного человека или же школы единомышленников.

Среди военных трактатов, найденных в могиле ханьской династии в Линь-и, был и вариант «Искусства войны», в основном совпадающий с тем, что был известен прежде, но дополненный таким весьма важным материалом, как «Вопросы правителя У»³. Перевод, предлагаемый ниже, основан на тща-

тельно откомментированной классической версии, ибо она отражает понимание текста и взгляды на него на протяжении последнего тысячелетия, равно как и те идеи, которые определяли действия и поступки сильных мира сего в реальной жизни. Традиционный текст подвергался изменениям только в тех случаях, когда материалы, найденные в захоронении, проясняли прежде непонятные пассажи, хотя влияние таких изменений на содержание в целом остается минимальным.

Поскольку «Искусство войны» — исключительно понятный текст, разве что сжатый и порой загадочный, требуется лишь краткое введение к основным темам.

* * *

В то время, когда было создано «Искусство войны», военные действия уже превратились в угрозу существованию практически всех государств. Поэтому Сунь-цзы понимал, что мобилизация народа для войны и введение в действие армии должны осуществляться со всей серьезностью. Его целостный подход к ведению войны глубоко аналитичен и требует тщательной подготовки и формулирования общей стратегии перед началом кампании. Целью фундаментальной стратегии должно стать создание условий для того, чтобы население процветало и было довольным, дабы его желание подчиняться правителю не могло быть даже поставлено под сомнение.

Далее, необходимы дипломатические инициативы, хотя военной подготовкой пренебрегать нельзя ни в коем случае. Главной целью должно стать подчинение других государств без вступления в военный конфликт — здесь находит свое отражение идеал полной победы. При любой возможности следует достигать этого дипломатическим давлением, разрушением планов и союзов противника, а также срывом его стратегии. Правительство должно прибегать к войне, только если враг угрожает государству нападением или отказывается уступить, не будучи принужден к подчинению силой. Но даже при выборе в пользу последней, целью любой военной кампании должно стать достижение максимальных результатов с минимальными риском и потерями и уменьшение, насколько это возможно, страданий людей.

Повсеместно в «Искусстве войны» Сунь-цзы подчеркивает необходимость самоконтроля, настаивая на избегании столкно-

вений без глубокого анализа ситуации и собственных возможностей. Недопустимы спешка, страх, трусость, а также гнев и ненависть при принятии решений в государстве и при командовании. Армия никогда не должна необдуманно вступать в бой, не должна она и подталкиваться к войне или мобилизовываться без крайней необходимости. Следует проявлять сдержанность, но при этом использовать все способы для обеспечения победы. Кроме того, полководец обязан избегать некоторых ситуаций и типов местности, если иного пути нет — поступать так, чтобы они стали преимуществами. Затем, особое внимание Сунь-цзы призывает уделять реализации выбранной стратегии кампании и применению соответствующей тактики.

В основе концепции Сунь-цзы лежит управление врагом, создающее возможности для легкой победы. Ради достижения такой цели он составляет классификацию типов местности и их использования; выдвигает различные способы распознавания, управления и ослабления врага; концептуализирует тактическую ситуацию в контексте многочисленных взаимоопределяющих элементов; выступает за использование как «правильных» (чжэн), так и «необычных» (ци) войск для достижения победы. Врага заманивают в ловушки выгодой, его лишают храбрости, ослабляя и изматывая перед атакой; в его ряды проникают войска, неожиданно собранные в самых уязвимых местах. Армия должна всегда вести себя активно, даже занимая оборону, чтобы создать и использовать момент тактического преимущества, который обеспечит победу. Избегание столкновения с большими силами свидетельствует не о трусости, а о мудрости, ибо сражаться в невыгодном положении — значит обречь себя на поражение.

Основной принцип следующий: «наступать там, где не ждут; атаковать там, где не подготовились». Он может быть реализован только при соблюдении полной секретности всех действий, абсолютном самоконтроле, железной дисциплине в армии, а также «непостижимости». Война — это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использования уловок и хитростей. Когда такой обман хитроумно задуман и эффектно применен, противник не будет знать, где атаковать, какие силы использовать и, таким образом, будет обречен на фатальные ошибки.

Чтобы быть неведомым для противника, следует всеми возможными способами искать и добывать сведения о нем самом, в том числе активно задействуя шпионов. Фундаментальное правило состоит в том, чтобы никогда не полагаться на добрую волю других или на случайные обстоятельства, но с помощью знаний, изучения врага и оборонительной подготовки не дать противнику возможности внезапно напасть и добиться победы простым принуждением.

На протяжении всей книги Сунь-цзы обсуждает важнейшую проблему командования армией: как создать отлаженную машину управления, контролирующую дисциплинированные, послушные войска. Здесь многое зависит от духа воинов, от их «ци» — жизненной энергии. Не меньшее значение имеют воля и побуждение: когда люди хорошо обучены, должным образом накормлены, одеты и экипированы, когда их дух воспламенен, они будут яростно сражаться. Однако если физическое состояние или материальные условия притупили их дух; если в отношениях между командирами и подчиненными нет доверия; если по какой-либо причине люди утратили стимулы, армия будет разбита. Командующий должен управлять ситуацией так, чтобы избегать врага, когда тот силен духом — например, в начале дня — и использовать любую возможность, когда дух врага ослабевает и войска не желают сражаться — например, при возвращении в лагерь. Затянувшаяся война может привести только к истощению сил; поэтому точные расчеты — это необходимое условие быстрой реализации стратегии всей кампании. Определенные ситуации, как, например, попадание в местность смерти, где предстоит отчаянная схватка, требуют от армии величайших усилий. Других же — ослабляющих армию и опасных — следует избегать. Награды и наказания создают основу для контроля за состоянием войск. Но необходимо прилагать все усилия для поощрения желания сражаться и самоотдачи. Поэтому все вредные влияния, гадание и распускание слухов должны быть устранены.

Наконец, Сунь-цзы искал возможности для маневрирования армией и занятия ею такой позиции, где бы ее тактическое преимущество было столь значительно, что воздействие ее атаки, импульс ее «стратегической мощи» [ши] был бы подобен потоку воды, обрушивающемуся вниз с вершины горы. Развертыва-

ние войск в удобные построения [син]; создание желаемого «неравновесия сил» [цюань]; сосредоточение сил в уязвимых местах; использование преимуществ местности; стимулирование духовного состояния людей — все должно быть направлено к этой главной цели.

1. НАЧАЛЬНЫЕ РАСЧЕТЫ

Сунь-цзы сказал:

Война — это великое дело государства, основа жизни и смерти, Путь [Дао] к выживанию или гибели. Это нужно тщательно взвесить и обдумать.

* * *

Поэтому определяй ее в [соответствии] со следующими пятью явлениями, измеряй ее расчетами и ищи ее подлинную природу. Первый называется Дао, второй — Небо, третий — Земля, четвертый — Полководец и пятый — Закон [военной организации и дисциплины].

Дао заставляет людей пребывать в полной гармонии с правителем. [Поэтому] они будут умирать вместе с ним, они будут жить вместе с ним и не бояться опасности.

Небо охватывает инь и ян, холод и жару и порядок сезонов.

Земля охватывает далекое и близкое, трудное и легкое, обширное и сжатое, смертельную и надежную местность⁴.

Полководец заключает в себе мудрость, доверие, гуманность, мужество и строгость.

Закон [военной организации и дисциплины] заключает в себе организацию и предписания, Дао командования и снабжения.

Нет таких полководцев, которые не слышали бы об этих пяти. Те, кто понимает их, будут побеждать; те, кто не понимает их, не будут побеждать.

* * *

Поэтому, измеряя с помощью расчетов, ища подлинную природу, спроси:

Кто из правителей обладает Дао?

Кто из полководцев обладает наибольшими способностями?

Кто обрел [преимущества] Неба и Земли?

Чьи законы и приказы выполняются более тщательно?

Чьи войска сильнее?

Чьи командиры и воины лучше обучены?

Чьи награды и наказания понятнее?

Из этого я узнаю победу и поражение!

* * *

Если полководец следует моим расчетам и ты используешь его, он обязательно одержит победу, поэтому его следует удерживать. Если полководец не следует моим расчетам, и ты используешь его, он обязательно будет разбит, поэтому убери его.

* * *

Усвоив эти расчеты, сложи их со стратегической мощью [ши], дополненной боевой тактикой, отвечающей внешним обстоятельствам. Что касается стратегической мощи, [она] управляет тактическим неравновесием сил [цюань] в соответствии с выгодой, которую надлежит обрести.

* * *

Война — это Дао обмана. Поэтому, даже если [ты] способен, показывай противнику свою неспособность. Когда ты должен ввести в бой свои силы, притворись бездеятельным. Когда [цель] близко, показывай, будто она далеко; когда же она действительно далеко, создавай впечатление, что она близко.

* * *

Изобрази выгоду, чтобы завлечь его. Сотвори беспорядок [в его силах] и возьми его.

Если он полон, приготовься; если он силен, избегай его.

Если он в гневе, беспокой его; будь почтителен, чтобы он возомнил себя непобедимым.

Если враг отдохнувший, заставь его напрячь силы.

Если он объединен, разъедини его.

Нападай там, где он не приготовился.

Иди вперед там, где он не ожидает.

Таковы пути, которыми военные стратеги одерживают победы. Но о них нельзя говорить наперед.

* * *

Тот, кто еще до сражения определяет в храме предков, что одержит победу, находит, что большинство обстоятельств в его пользу. Тот, кто еще до сражения определяет в храме предков, что не одержит победы, находит немного обстоятельств в свою пользу.

Если тот, кто нашел, что большинство обстоятельств говорит в его пользу, победит, а тот, кто нашел, что немного обстоятельств говорит в его пользу, будет разбит, к чему вести речь о том, кто не находит никаких обстоятельств в свою пользу?

Если я посмотрю на это таким образом, победа и поражение будут очевидны.

2. ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

Сунь-цзы сказал:

Стратегия использования сил такова: если есть тысяча колесниц нападения, каждая запряженная четырьмя лошадьми, одна тысяча колесниц поддержки, покрытых кожаными доспехами, сто тысяч воинов в кольчугах, а провизия доставляется на тысячу ли, то тогда расходы внутренние и внешние, на прием советников и гостей, на материалы, такие, как клей и лак, а также на обеспечение колесницами и доспехами составят тысячу золотых в день. Только тогда можно собрать войско в сто тысяч.

* * *

Если используешь воинов в битве, но победа долго не приходит, их оружие притупляется, а рвение — ослабевает. Если осаждаешь города, их силы истощаются. Если ввергаешь войско в длительную войну, запасов государства не хватит.

Когда оружие притупилось, а дух — угнетен, когда наши силы истощены, а запасы — израсходованы, тогда удельные кня-

зья воспользуются нашей слабостью и поднимутся. Даже если у тебя есть мудрые полководцы, они ничего не смогут поделывать.

Поэтому я слышал об успехе быстрых военных походов и не слышал об успехе затяжных. Ни одно государство неизвлекло выгоды из длительной войны.

Те, кто недостаточно понимает опасности войны, не могут понять и выгоду от войны.

* * *

Тот, кто преуспел в использовании армии, не набирает людей дважды и не перевозит провиант трижды. Если получаешь снаряжение из своего государства и опираешься на захват провианта у врага, то запасов будет достаточно.

Государство истощается войной, если провиант доставляется далеко. Когда провиант доставляется далеко, народ разоряется.

Те, кто близок к армии, будут дорого продавать свои товары. Когда товары дороги, средства народа иссякнут. Когда средства иссякли, чрезвычайно трудно заставлять выполнять военные повинности.

Когда силы истощены, а средства иссякли, дома на центральных равнинах опустеют. Расходы народа будут составлять семь десятых от того, чем он обладает. Расходы правителя — сломанные колесницы, павшие лошади, доспехи, шлемы, стрелы и арбалеты, [большие подвижные] щиты с алебардами и копьями, деревенский скот и большие повозки — составят шесть десятых его богатств.

Поэтому мудрый полководец должен отнимать провиант у врага. Один мешок зерна противника стоит двадцати наших; одна единица фуража стоит двадцати наших.

* * *

То, что [побуждает людей] уничтожить врага — это ярость, что [побуждает их] наживаться — это богатства. Если при сражении на колесницах захватили десять или более колесниц, награди того, кто сделал это первым. Смени знамена врага на наши; смешай его колесницы со своими и используй их вместе. Хорошо обращайся с пленниками, дабы их [можно было] использовать. Это называется «победить врага и стать сильнее».

Армия любит побеждать и не любит затяжной войны. Поэтому полководец, понимающий войну, является хозяином судьбы людей, хранителем безопасности государства.

3. ПЛАНИРОВАНИЕ НАПАДЕНИЯ

Сунь-цзы сказал:

Метод использования войск следующий: наилучшее — сохранить столицу государства [врага], на втором месте — разрушить его столицу. Наилучшее — сохранить его армию, на втором месте — разбить ее.

Наилучшее — сохранить соединения врага, на втором месте — уничтожить их. Наилучшее — сохранить подразделения врага, на втором месте — уничтожить их.

Наилучшее — сохранить «пятерки» врага, на втором месте — уничтожить их. Поэтому одержать сто побед в ста сражениях — это не вершина превосходства. Подчинить армию врага, не сражаясь — вот подлинная вершина превосходства.

* * *

Поэтому высшее искусство войны — разрушить планы врага; затем — разрушить его союзы; затем — напасть на его армию; и самое последнее — напасть на его укрепленные города.

Города осаждают только тогда, когда это неизбежно. Подготовка больших подвижных оборонительных щитов, укрепленных осадных повозок и других приспособлений и устройств потребует три месяца. Постройка земляных укреплений до полного завершения требует еще три месяца. Если полководец не сможет преодолеть нетерпения и заставит воинов ползти по стенам, как муравьев, он погубит треть своих командиров и солдат, а город не будет взят. В этом гибельные последствия осады города.

Поэтому тот, кто преуспел в военном деле, подчиняет чужие армии, не вступая в битву, захватывает чужие города, не осаждая их, и разрушает чужие государства без продолжительного сражения. Он должен сражаться под Небом с высшей целью «сохранения». Тогда его оружие не притупится и плоды победы можно будет удержать. В этом стратегия наступления.

* * *

Стратегия ведения войны такова: если сил в десять раз больше, чем у врага, окружи его; если в пять раз больше, атакуй его; если в два раза больше, раздели свои силы. Если силы равны, можешь с ним сразиться. Если сил меньше, перехитри его. Если враг тебя превосходит, избегай его. Поэтому малочисленное упорствующее войско станет пленником большого.

* * *

Полководец — это поддерживающая опора государства. Если его знания крепки, государство обязательно будет сильным. Если в опоре появятся трещины, государство неизбежно ослабеет.

* * *

Поэтому есть три случая, когда армия ставится в трудное положение своим правителем:

Он не знает, что три армии не должны продвигаться, но требует, чтобы они наступали, или не знает, что три армии не должны отходить, и приказывает отступать. Это называется «запутыванием армии».

Он не понимает военных дел трех армий, но [указывает им] по аналогии с [гражданским] управлением. Тогда командиры будут растеряны.

Он не понимает тактического равновесия сил в трех армиях, но берет на себя ответственность за командование. Тогда командиры будут в сомнении.

Когда три армии в растерянности и сомнении, возникает опасность, что удельные князья [воспользуются ситуацией]. Это называется «разрушенная армия приближает к победе другого».

* * *

Вот пять признаков, по которым можно узнать о победе:

Тот, кто знает, когда можно сражаться, а когда нельзя, одержит победу.

Тот, кто понимает, как использовать большие и малые силы, одержит победу.

Тот, у кого верхи и низы горят одним и тем же желанием, одержит победу.

Тот, кто, будучи полностью готов, ждет неподготовленного, одержит победу.

Тот, у кого полководец способный, а правитель не мешает ему, одержит победу.

Таковы пять Путей [Дао] узнать победу.

* * *

Поэтому сказано, что тот, кто знает врага и знает себя, не окажется в опасности и в ста сражениях. Тот, кто не знает врага, но знает себя, будет то побеждать, то проигрывать. Тот, кто не знает ни врага, ни себя, неизбежно будет разбит в каждом сражении.

4. БОЕВАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

Сунь-цзы сказал:

В древности те, кто преуспел в войне, прежде делали непобедимыми себя, чтобы ждать [момента, когда] можно покорить врага.

Непобедимость заключается в себе самом; возможность победить зависит от врага.

Поэтому тот, кто преуспел в войне, может сделать непобедимым себя, но не обязательно может заставить врага покориться.

Поэтому сказано, что стратегию победы над врагом можно познать, но не всегда можно применить.

* * *

Тот, кто не может победить, занимает оборонительную позицию; кто может победить — атакует. При этих обстоятельствах, если занимать оборону, сил будет более, чем достаточно, в то время как при нападении их будет не хватать.

* * *

Тот, кто умеет обороняться, зарывается в самые глубины Земли. Тот, кто умеет нападать, обрушивается с самых высот Неба. Так они могут сохранить себя и достичь полной победы.

Предвидение победы, которое не превосходит того, что могут видеть многие, не есть вершина превосходства. Добиться победы, после которой в Поднебесной похвалят тебя, не есть вершина превосходства.

Так, умение поднять осенний лист не может считаться большой силой; способность видеть луну и солнце не может считаться острым зрением; способность слышать звук грома не может считаться тонким слухом.

Те, кого древние считали преуспевшими в войне, покоряли тех, кого можно было покорить. Поэтому победы преуспевших в войне не требовали мудрости или мужества. Поэтому их победы были свободны от ошибок. Тот, кто свободен от ошибок, отправляется побеждать тех, кто уже побежден.

Поэтому тот, кто преуспел в войне, первым делом выбирает позицию, где он не может быть разбит, вместе с тем не упуская [любой возможности] разбить врага.

Поэтому победоносная армия сначала осознает условия победы, а затем ищет битвы; проигравшая армия сначала сражается, а затем ищет победу.

* * *

Тот, кто преуспел в использовании войск, культивирует Дао⁵ и сохраняет законы; поэтому он может управлять победой и поражением.

* * *

Что касается военных методов: первый называется измерением; второй — оценкой [сил]; третий — расчетом [количества людей]; четвертый — взвешиванием [относительных сил]; пятый — победой.

Местность порождает измерение; измерение производит оценку [сил]. Оценка [сил] порождает расчет [количества людей]. Расчет [количества людей] порождает взвешивание [сил]. Взвешивание [сил] порождает победу.

* * *

Поэтому победоносная армия подобна тонне в сравнении с унцией, а побежденная армия подобна унции в сравнении с тонной. Битва победоносной армии подобна внезапному освобождению.

дению стесненного потока, низвергающегося в пропасть с высоты тысячи саженей. В этом заключается стратегическая диспозиция сил.

5. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОЩЬ

Сунь-цзы сказал:

Управление многими подобно управлению немногими. Это вопрос разделения сил. Введение в бой многих подобно введению в бой немногих. Это вопрос формы и названия.

* * *

То, что позволяет силам трех армий непоколебимо противостоять врагу, не будучи побежденными — это прямота в бою и изворотливость в маневре.

Когда бы армия ни атаковала, это подобно удару точильного камня о яйцо, это подобно пустоте и полноте.

* * *

В целом, в битву вступают с обычными войсками, а одерживают победу с помощью необычных. Поэтому тот, кто пускает в бой необычные войска, неистощим как Небо, безграничен, как реки Хуанхэ и Янцзы. Солнце и луна достигают конца и появляются вновь. Четыре времени года умирают и возрождаются.

Тонов не более пяти, но все изменения пяти тонов невозможно услышать. Цветов не более пяти, но все изменения пяти цветов невозможно увидеть. Вкусов не более пяти, но все изменения пяти вкусов невозможно перепробовать. В войне стратегическая мощь исчерпывается правильным и необычным, но изменения правильного и необычного невозможно исчерпать. Они порождают друг друга, подобно бесконечному циклу. Кто может истощить их?

* * *

Стратегическую мощь [можно увидеть] в натиске сдерживаемой воды, переворачивающей камни. [Действие] можно видеть в нападении хищной птицы, разбивающей кости [своей жертвы].

Поэтому стратегическая мощь тех, кто преуспел в войне, предельно заострена, их расчеты тщательны. Их стратегическая мощь подобна натянутому до предела арбалету, их расчеты подобны нажатию на спусковой крючок.

* * *

Неистовый бой кажется беспорядочным, но их нельзя привести в беспорядок. В суматохе и растерянности их построение — круговое, и победить их невозможно.

* * *

[Притворный] беспорядок рождается из порядка; видимость страха рождается из мужества; [мнимая] слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок — это вопрос количества; мужество и страх — вопрос стратегической мощи; сила и слабость — вопрос развертывания [войск].

Поэтому тот, кто умеет управлять врагом, развертывает соединения так, что враг должен отозваться. Он предлагает то, что враг может схватить. Выгодой он завлекает его, со своими войсками он ждет его.

* * *

Тот, кто преуспевает в войне, ищет опоры в стратегической мощи, а не в людях. Поэтому он может выбирать воинов и использовать их стратегическую мощь.

* * *

Тот, кто использует стратегическую мощь, командует людьми в сражении так, как будто бы они были катящимися бревнами и камнями. Природа деревьев и камней такова, что они неподвижны, когда лежат, и катятся на крутом склоне. Если они квадратные, они останавливаются, если круглые, продолжают катиться. Так, стратегическая мощь того, кто преуспел в ведении людей в бой, подобна катящимся вниз с горы высотой в тысячу саженей круглым валунам. Такова стратегическая мощь армии.

6. ПУСТОТА И ПОЛНОТА

Сунь-цзы сказал:

Тому, кто первым приходит на поле сражения и ожидает врага, будет легко; тот, кто приходит после и должен спешить в бой, будет утомлен. Поэтому тот, кто преуспел в войне, подчиняет других и не дает подчинить себя.

* * *

Для того, чтобы заставить врага поступить против его воли, завлекай его какой-либо [ясной] выгодой. Для того, чтобы предотвратить выступление врага, покажи ему [возможный] вред этого.

* * *

Поэтому, если противник свежий, можешь утомить его; если он сыт, можешь заставить его голодать; если он отдыхает, можешь беспокоить его. Выйди вперед на позиции, к которым он должен спешить. Поспешь вперед туда, где он не ожидает этого.

* * *

Чтобы пройти тысячу ли и не устать, пересекай незанятые территории. Чтобы обеспечить достижение цели при атаке, нанеси удар по незащищенным позициям. Чтобы быть уверенным в прочности обороны, укрепляй позиции, которые противник не может атаковать.

Поэтому когда кто-то умеет нападать, враг не знает, где организовать оборону; когда кто-то умеет обороняться, враг не знает, где атаковать. Непостижимо! Непостижимо! Это приближается к бесформенному. Возвышенное! Возвышенное! Это достигает беззвучности. Поэтому он может быть властителем судьбы врага.

* * *

Чтобы осуществить наступление, которому невозможно воспрепятствовать, нанеси удар по незащищенным позициям. Чтобы осуществить отступление, которому нельзя помешать, иди с непревосходимой скоростью. Поэтому, если я хочу вступить в

битву, то даже если у противника высокие валы и глубокие рвы, он не сможет избежать боя, ибо я нападаю на цели, которые он должен спасать.

Если я не хочу вступать в битву, то даже если я просто прочерчу линию на земле и стану защищать ее, враг не сможет втянуть меня в бой, ибо мы мешаем его движению.

* * *

Поэтому, если я определяю расположение сил [син] противника, в то время как мои войска неразличимы, я могу собрать [их], когда силы врага разделены. Если мы собраны в единую силу, а противник разделен на десять частей, то мы нападём на него с превосходящей в десять раз мощью. Тогда нас будет много, а врагов — мало. Если мы сможем напасть такими большими силами на малое количество врагов, вступившие с нами в битву будут сжаты со всех сторон.

* * *

Место, где мы будем сражаться с врагом, не должно быть известным ему. Если он не знает о нем, он будет вынужден подготовить множество узлов обороны. Если узлов обороны, подготовленных врагом, будет много, тогда сил, с которыми он вступит в бой, будет мало. Тогда, если он изготовится спереди, сзади будет мало воинов. Если они защищают тыл, впереди будет мало сил. Если он готовится обороняться слева, то справа будет мало воинов. Если он готовится обороняться справа, то тогда слева будет мало воинов. Если у него не будет незащищенных позиций, то тогда в любом месте воинов будет немного. Немногие готовятся против многих; многие заставляют немногих готовиться против них.

* * *

Поэтому, если знать место и день сражения, можно пройти тысячу ли и собрать воедино силы для боя. Если не знать ни места, ни дня сражения, тогда ни левый не придет на помощь правому, ни правый не поможет левому; передние не смогут помочь задним, а задние — передним. Тем более, когда дальние находятся на расстоянии в десятки ли, а ближние отстоят на несколько ли. Как я понимаю, даже если армия Юэ многочислен-

на, как этим можно достичь победы? Поэтому я утверждаю, что победа возможна. Даже если враг превосходит нас числом, ему можно не дать сразиться.

* * *

Поэтому оценивают противника, чтобы рассчитать успех и потери. Подталкивают его, чтобы знать его передвижения и остановки. Определяют его расположение [сил], чтобы знать смертельные и надежные территории. Испытывают его, чтобы знать, где у него избыток, а где — недостаток. Поэтому, военное развертывание в наивысшей точке приближается к бесформенному. Если оно бесформенно, то даже самый тайный шпион не сможет распознать его, мудрый не сможет составить план против него.

* * *

В соответствии с формой врага мы изменяем свою армию, но армия не в состоянии постичь эти изменения. Все воины знают форму [сил], благодаря которой мы добиваемся победы, но никто не знает той формы [сил], с помощью которой мы управляем победой. Поэтому победоносная боевая [стратегия] не повторяется, пути противостояния врагу — неисчислимы.

* * *

Форма сил армии подобна воде. Форма воды — избегать высот и стремиться вниз. Форма сил армии — избегать полноты и наносить удар по пустоте. Вода образует поток в соответствии с местностью, армия идет к победе в соответствии с врагом. Поэтому у армии нет какого-то постоянного стратегического расположения сил; у воды нет постоянной формы.

Тот, кто способен изменяться и преобразовываться в соответствии с врагом и вырывать победу, зовется «возвышенным»! Поэтому [ни один из] пяти циклов не господствует постоянно; четыре времени года не сохраняют постоянно своего места; солнце светит более продолжительное и более короткое время; луна убывает и прибывает.

7. БОЕВОЕ СРАЖЕНИЕ

Сунь-цзы сказал:

Стратегия использования армии такова: [с того времени, как] полководец получает приказ от правителя, объединяет армии и собирает войска вплоть до столкновения с врагом и разбивки лагеря, нет ничего более трудного, чем боевое сражение. В боевом сражении самое трудное — это превратить обходной путь в прямой, превратить неблагоприятную обстановку в преимущество.

Поэтому, если заставить врага пойти круглым путем и заманить его выгодой, то даже если выступил после него, прибудешь раньше его. Это — следствие понимания тактики окружного и прямого.

* * *

Поэтому сражение между армиями может быть выгодным, сражение между армиями может быть опасным. Если вся армия борется за преимущество, не прибудешь вовремя. Если урезать армию ради преимущества, обоз и снаряжение сильно пострадают.

Поэтому, если сбросишь доспехи, чтобы идти вперед днем и ночью, не останавливаясь на отдых, проходя за день вдвое больше обычного, и пройдеши сто ли, чтобы бороться за выгоду, полководцы трех армий будут захвачены в плен. Первыми придут сильные, а истощенные — последними. С такой тактикой только один из десяти достигнет [поля боя]. Когда за выгоду борются за пятьдесят ли, командующий верхней армией будет в трудном положении. С такой тактикой половина людей дойдет [до цели]. Если борются за выгоду за тридцать ли, то две трети армии дойдут [до цели].

Поэтому, если у армии нет обоза и снаряжения, она погибнет; если нет провианта, она погибнет; если нет запасов, она погибнет.

* * *

Тот, кто не знает замыслов удельных князей, не может наперед заключать союзы. Тот, кто не знаком с горами и лесами,

ущельями и впадинами, формой болот и низин, не может вести войско. Тот, у кого нет местных проводников, не может использовать преимущества местности.

* * *

Поэтому армия устанавливается обманом, продвигается ради преимущества и изменяется через разделение и соединение. Поэтому ее скорость подобна ветру, ее медлительность подобна лесной чаще; ее вторжение и грабеж подобны огню; ее неподвижность подобна горам. Ее трудно познать, как темноту; в движении она подобна грому.

* * *

Когда грабишь какую-либо местность, раздели добычу с войсками. Когда расширяешь свою территорию, раздели выгоду. Держи под контролем стратегическое равновесие сил и продвигайся. Тот, кто первым поймет тактику обходного и прямого, одержит победу. Такова стратегия боевого сражения.

* * *

В «Управлении армией» сказано: «Так как они не могли слышать друг друга, придумали гонги и барабаны; так как не могли видеть друг друга, придумали знамена и флаги». Гонги и барабаны, знамена и флаги — это средство слить воедино глаза и уши людей. Когда люди объединены, мужественные не будут наступать в одиночестве, пугливые не будут отступать одни. Вот правило управления большими силами.

Поэтому в ночной битве сделай гонги и барабаны многочисленными, а при дневном сражении сделай многочисленными знамена и флаги, чтобы изменить уши и глаза людей.

* * *

Ци трех армий можно вырвать с корнем; разум у полководца можно отнять. Поэтому утром ци врага — пылающая; в течение дня ци становится вялой; к сумеркам ци истощается. Тот, кто умело использует армию, избегает пылающей ци противника и наносит удар, когда ци вялая или истощена. В этом путь управления ци.

* * *

Пребывая в порядке, ожидай беспорядка; в спокойствии ожидай шума. В этом путь управления разумом.

* * *

С теми, кто рядом, ожидай далекого; с отдохнувшими ожидай усталого; с сытыми ожидай голодного. В этом путь управления силой.

* * *

Не препятствуй флагам, когда они в порядке; не нападай на хорошо организованное войско. В этом путь управления изменениями.

* * *

Стратегия ведения войны такова: не приближайся к высоким горам; не сталкивайся с тем, позади кого холмы. Не преследуй мнимо отступающих. Не нападай на воодушевленные войска. Не заставляй армию быть приманкой. Не препятствуй армии, идущей домой. Если окружаешь армию, должен оставаться выход. Не дави на изнуренного врага. Такова стратегия ведения войны.

8. ДЕВЯТЬ ИЗМЕНЕНИЙ

В целом, стратегия ведения войны такова. После того, как полководец получил приказы от правителя, объединил армии и собрал войска, он следует правилам:

Не разбивай лагерь на обманчивой местности.

Объединяйся с союзниками на удобной местности.

Не оставайся на отрезанной местности.

Составь стратегические планы для окруженной местности.

Сражайся на местности смерти.

Есть дороги, по которым не ходят.

Есть армии, на которые не нападают.

Есть укрепленные города, которые не штурмуют.

Есть местности, из-за которых не соперничают.

Есть приказы правителя, которые не выполняют.

Поэтому полководец, обладающий пониманием преимуществ девяти изменений, знает, как использовать армию. Если полководец не обладает пониманием преимуществ девяти изменений, то даже будучи знакомым с местностью, он не сможет использовать армию.

Тот, кто командует армией, но не знает способов девяти изменений, даже будучи знаком с пятью преимуществами, не сможет управлять людьми.

* * *

Поэтому мудрые размышляют над взаимопроникновением выгоды и потери. Если они оценивают выгоду [в трудном положении], усилия могут быть оправданы. Если оценивают вред [в возможной выгоде], трудности могут быть разрешены.

Поэтому подчиняя удельных князей угрозой вреда; займи их многочисленными делами; и пусть удельные князья спешат за выгодой.

* * *

Стратегия ведения войны такова: не полагайся на то, что враг не придет, полагайся на средства, которыми располагаешь, чтобы принять его. Не полагайся на то, что враг не нападет; полагайся на то, чтобы наши позиции были неуязвимы для нападения.

* * *

У полководца пять опасностей [черт характера]:

Стремящийся умереть может быть убит.

Стремящийся выжить может быть пленен.

[Легко] приходящий в ярость и необдуманно [действующий] может быть оскорблен.

Желающий быть добросовестным и чистым может быть опозорен.

Любящий людей может оказаться в затруднении.

Эти пять опасных качеств — крайности для полководца, возможное бедствие при ведении войны. Уничтожение армии и смерть полководца неизбежно проистекают от этих пяти, поэтому их нужно изучить.

9. МАНЕВРИРОВАНИЕ АРМИИ

Сунь-цзы сказал:

Что касается расположения армии и понимания врага:

Пересекая горы, двигайся долинами, ищи надежную позицию и занимай высоты. Если враг удерживает высоты, не карабкайся вверх, чтобы вступить в бой. Таково расположение армии в горах.

Перейдя реку, держись на расстоянии от врага. Если он переходит реку, чтобы напасть, не встречай его в воде. Когда половина его сил переправилась, это удобный момент, чтобы нанести удар. Если хочешь вступить в бой с врагом, не располагай свои войска около реки, чтобы встретить его, а ищи удобную позицию и займи высоты. Не становись против течения⁶. Таков путь расположения армии там, где есть реки.

Когда переходишь через соленые болота или трясину, сделай все возможное, чтобы побыстрее уйти отсюда, не медли. Если вступишь в битву на болоте, займи травянистое место, и пусть лес будет сзади. Таков путь расположения армии в болотах и трясинах.

На равнинах располагай силы на удобной местности, справа пусть будут возвышенности, впереди — опасная местность, сзади — надежная местность. Таково правило расположения на равнинах.

Эти четыре [расположения], выгодных для армии, обеспечили Хуан-ди победу над «четырьмя императорами»⁷.

* * *

Армия любит высоты и ненавидит низины, ценит солнечное [ян] и презирает темное [инь]. Она любит жизнь и занимает полноту. Армия, побеждающая сто болезней, одержит победу.

* * *

Там, где холмы и возвышенности, необходимо занять сторону ян, так, чтобы они были сзади и справа. Это выгодно для армии и [использует естественную] помощь местности.

* * *

Когда в верховьях дожди, река пенится. Если хочешь переправиться, подожди, пока река успокоится.

* * *

Необходимо быстро уходить из опасных мест, таких, как отвесные ущелья с горными проходами, «небесный колодец», «небесная темница», «небесная сеть», «небесная яма» и «небесная расщелина»⁸. Не приближайся к ним. Когда мы держимся от них на расстоянии, противник [вынужден] оставить их в своем тылу.

* * *

Когда армия сталкивается с оврагами и ущельями, заболоченной местностью с тростником и высокой травой, горными лесами или густым и спутанным кустарником, необходимо тщательно прочесать их, ибо там могут быть спрятаны засады и шпионы.

* * *

Если [враг] недалеко от нас ведет себя тихо, он опирается на помощь оврагов. Если, издали, он вызывает на бой, значит он хочет, чтобы ты наступал, [ибо] занимает выгодную и удобную ровную местность.

* * *

Если зашевелились деревья, враг приближается. Если в густой траве много [заметных] препятствий, это для того, чтобы вызвать наше подозрение. Если взлетают птицы, там засада. Если животные испуганы, враг готовит внезапную атаку.

* * *

Если пыль поднимается кверху столбом, это значит, что идут колесницы. Если она стелется низко и широко, это наступает пехота. Если она рассеивается тонкими струйками, значит собирают хворост. Если она редкая и то приближается, то удаляется, значит разбивают лагерь.

Тот, кто говорит почтительно, но усиливает приготовления, будет наступать. Тот, кто говорит воинственно и продвигается поспешно, отступит.

Тот, чьи легкие колесницы первыми разворачиваются веером в стороны, готовится [к битве].

Тот, кто ищет мира, не ставя никаких предварительных условий, [следует] стратагеме.

Тот, чьи войска мечутся, но [кто] ставит свою армию в боевой порядок, выполняет заранее намеченное.

Тот, [чьи войска] то наступают, то отходят, заманивает.

* * *

Те, кто стоит, облокотясь на оружие, голодны. Если те, кто носит воду, пьют первыми, значит они испытывают жажду. Если они видят ясную выгоду, но не знают, наступать или нет, значит они устали.

* * *

Там, где птицы собираются в стаи, никого нет. Если противник перекликается ночью, он напуган. Если армия волнуется, значит полководцу недостает жесткости. Если знамена и флаги перемещаются с места на место, противник в смятении. Если его командиры в ярости, значит, враг утомлен.

* * *

Если они убивают лошадей и едят мясо, значит, в армии мало зерна. Если они развешивают черпаки и кувшины и не возвращаются в лагерь, это значит, что они готовятся к отчаянной схватке.

* * *

Тот, у кого воины постоянно собираются малыми группами то здесь, то там, перешептываясь между собой, утратил власть над армией. Тот, кто часто раздает награды, находится в глубоком затруднении. Кто часто накладывает наказания, находится в сложном положении. Тот, кто вначале жесток, а потом боится людей, являет собой образец глупости.

* * *

Тот, кто направляет посланников с предложениями, хочет передышки.

* * *

Если войска противника подняты и приближаются к нашим силам только для того, чтобы занять позиции, и не вступают в битву, за ними нужно внимательно наблюдать.

* * *

Для армии многочисленность — не самое главное, ибо малочисленность всего лишь означает невозможность угрожать и нападать. Достаточно оценить собственные силы, оценить положение врага и захватить его. Только тот, кому недостает ума и кто пренебрежительно относится к врагу, обязательно попадет в плен.

* * *

Если накладываешь наказания на войска до того, как они стали преданы тебе, они не будут подчиняться. Если они не подчиняются, их будет трудно использовать. Если не накладываешь наказания после того, как войска стали преданы тебе, их нельзя использовать.

* * *

Поэтому, если командуешь ими с помощью гражданских методов и объединяешь их военными методами, это называется «уверенно схватить их».

* * *

Если приказы постоянно применяются для наставления людей, люди будут повиноваться. Если приказы применяются для наставления людей не постоянно, люди не будут повиноваться. Тот, чьи приказы постоянно выполняются, установил взаимопонимание между людьми.

10. ФОРМЫ МЕСТНОСТИ

Сунь-цзы сказал:

Основные формы местности следующие: доступная, висящая, тупиковая, сжатая, обрывистая и обширная.

Если мы можем идти вперед и противник тоже может продвигаться, это называется «доступной местностью». На такой местности первым делом занимай высоты и [сторону] ян, а также обеспечь пути для подвоза провианта. Тогда, если мы вступим в битву, за нами будет преимущество.

Если мы можем продвигаться вперед, но вернуться будет трудно, это называется «висящей местностью». В этой ситуации, если противник не подготовлен, иди вперед и побеждай его. Если противник подготовлен, а мы безуспешно предприняли вылазку, вернуться назад будет трудно, и выгоды не будет.

Если ни нам, ни противнику не выгодно идти вперед, это называется «тупиковой местностью». В этом положении, даже если противник пытается завлечь нас выгодой, мы не идем вперед. Отведи [наши силы] и отходи. Если мы нанесем удар тогда, когда половина войск противника продвинулась вперед, это будет выгодно.

Что касается «сжатой» местности, то если мы вступаем на нее первыми, необходимо занять ее всю и ждать противника. Если противник занимает ее первым и всю, не следуй за ним. Если он занимает ее не всю, тогда следуй за ним.

Что касается обрывистой местности, то если мы занимаем ее первыми, мы должны держать высоты и сторону ян, чтобы ждать противника. Если противник займет ее первым, отведи [наши силы] и уходи. Не преследуй противника.

Что касается обширной местности, то если стратегические силы равны, будет трудно вызвать [противника] на бой. Вступить в сражение не будет выгодным.

Таковы шесть Дао местности. Полководец, облеченный ответственностью командования, не может не изучать их.

* * *

Поэтому есть [шесть типов злополучных] армий: бегущая, распущенная, тонущая, разрушающаяся, беспорядочная и разгромленная. Эти шесть не от Неба и Земли, а от ошибок полководца.

Когда стратегические силы равны, а один нападает на десятерых, это называется «бегущая».

Если войска сильны, а командиры — слабы, это называется «распущенная».

Если командиры сильны, а войска — слабы, это называется «тонущая».

Если высшие командиры в ярости и не подчиняются, самовольно, не сдерживая гнева, вступают в бой, а полководец не знает их способностей, это называется «разрушающаяся».

Если полководец слаб и недостаточно строг, не устойчив в своих распоряжениях и руководстве; если командиры и войска не выполняют постоянных [обязанностей], а постановка войск в боевой порядок идет кое-как, это называется «беспорядочная».

Если полководец, неспособный оценить противника, вступает в бой с малыми силами против многочисленных; нападает со слабыми на сильных, а в армии нет проверенных отборных частей, это называется «разгромленная».

Таковы шесть Дао поражения. Полководец, облеченный ответственностью командования, не может не изучать их.

* * *

Формы местности — это помощь армии. Наблюдение за врагом, организация победы, изучение оврагов и ущелий, далекого и близкого — все это составляет Дао главнокомандующего. Тот, кто знает и использует все это в бою, непременно одержит победу. Тот, кто не знает этого или не использует в бою, непременно будет разбит.

* * *

Если Дао Войны определено [говорит] о победе, то даже если правитель требует избегать сражения, сражаться разрешено. Если Дао Войны говорит о том, что не одержишь победы, то даже если правитель требует вступить в сражение, избегать сражения разрешено.

Поэтому [командующий], который не наступает только для того, чтобы снискать славу, и не [воздерживается от сражения] только для того, чтобы [избежать смертного приговора] за просчеты и отступление, но желает лишь сохранить людей и принести правителю выгоду — сокровище для государства.

* * *

Когда полководец смотрит на войска, как на своих детей, они пойдут за ним в самые глубокие долины. Когда он относит-

ся к войскам, как к своим любимым детям, они будут жаждать умереть вместе с ним.

Но если с ними хорошо обращаются, а их нельзя использовать, если их любят, но ими нельзя командовать, или, когда они в смятении, ими нельзя управлять, то их можно сравнить с высокомерными детьми. Такую армию нельзя использовать.

* * *

Если я знаю, что с нашими войсками можно нападать, но не знаю, что на врага нельзя нападать, это только полпути к победе. Если знаю, что противника можно атаковать, но не знаю, что наши войска не могут нападать, это только полпути к победе.

Знать, что на противника можно напасть, и знать, что наша армия способна совершить нападение, но не знать, что местность для сражения неудобная, это только полпути к победе. Поэтому тот, кто действительно знает армию, никогда не будет введен в заблуждение, когда он выступает, и никогда не будет доведен до крайности, предпринимая действия.

Поэтому сказано: если знаешь врага и знаешь себя, твоя победа будет несомненна. Если знаешь Небо и знаешь Землю, твоя победа будет полной.

11. ДЕВЯТЬ МЕСТНОСТЕЙ

Сунь-цзы сказал:

Стратегия ведения войны такова: существуют рассеивающие местности, ненадежные местности, спорные местности, пересекающиеся местности, узловыe местности, трудные местности, местности-ловушки, окруженные местности и местности смерти.

Когда удельные князья сражаются на собственной земле, это «рассеивающая местность».

Когда они вступают на чужие земли, но не глубоко, это «ненадежная местность».

Если, когда мы занимаем местность, это выгодно нам, а когда ее занимает противник — выгодно ему, тогда это «спорная местность».

Когда мы можем продвинуться, и противник тоже может идти навстречу, это «пересекающаяся местность».

Земля удельных князей окружена с трех сторон так, что кто бы ни пришел первым, получит выгоду в Поднебесной; это — «узловая местность»⁹.

Когда кто-либо заходит вглубь чужой земли, обходя многочисленные города, это «трудная местность».

Где горы и леса, овраги и ущелья, топи и болота, а по дороге трудно держать связь, это — «местность-ловушка».

Когда вход сжат со всех сторон, а возвращение возможно только окружным путем, и противник может напасть на нас небольшими силами, это — «окруженная местность».

Когда, самоотверженно сражаясь, выживают, а если не сражаются, то погибают, — это «местность смерти».

* * *

Поэтому не вступай в сражение на рассеивающей местности.

Не останавливайся на ненадежной местности.

Не атакуй на спорной местности.

На пересекающейся местности не допускай, чтобы войска оказались отрезанными.

На узловой местности объединяйся и заключай союзы, [с соседними удельными князьями].

На трудной местности отбирай провизию.

По местности-ловушке проходи [быстро].

На окруженной местности используй стратегию.

На местности смерти вступай в битву.

* * *

В древности те, кто умел вести войну, могли препятствовать тому, чтобы передние формирования противника и тыл поддерживали связь друг с другом; чтобы крупные и мелкие части опирались друг на друга; чтобы знатные и низкие приходили друг другу на помощь; чтобы высшие и низшие чины доверяли друг другу. Они умели способствовать тому, чтобы войска были разделены и не могли соединиться, а если бы даже соединились, ими нельзя было бы управлять. Они выступали, когда было выгодно; когда не выгодно, останавливались.

* * *

Если я спрошу: когда противник многочисленный, единый и собирается наступать, как мы должны ответить на это? Я скажу, сперва захвати то, что он любит, и тогда он будет слушать тебя.

* * *

В этом природа армии: быстро продвигаться; использовать отсутствие противника; идти неожиданным путем; атаковать там, где он не подготовился.

* * *

В целом, Дао наступательной войны состоит в том, чтобы, проникнув глубоко [на чужую землю], держать силы в единстве, тогда защищающиеся не смогут победить тебя.

* * *

Если добывать продовольствие в плодородной местности, у трех армий будет достаточно пищи. Если внимательно заботиться о них и не перетруждать их, то ци [войско] соберется воедино, а силы его будут непревзойденными.

* * *

Когда собираешь армию и выстраиваешь стратегию, никто не должен проникнуть в ее тайны.

* * *

Бросай их туда, откуда нет выхода, и они будут умирать, не отступая. Когда нет возможности избежать смерти, командиры и солдаты отдадут все свои силы.

* * *

Когда командиры и солдаты проникли в глубь [чужой земли], они будут держаться друг за друга. Когда нет выхода, они будут сражаться.

Поэтому, даже если солдаты не предостережены, они подготовлены; без всяких усилий они поддерживают друг друга; без всяких сомнений они близки друг другу; без всяких приказаний

на них можно положиться. Запрети предсказания, устрани сомнения, и они умрут без колебаний.

* * *

Если у наших воинов нет большого имущества, это не потому, что они презирают богатство. Если они не живут долго, это не потому, что они ненавидят долголетие. В день, когда отданы приказания, слезы тех солдат, кто сидит, намочат рукава, а слезы тех, кто лежит, скатятся по щекам. Однако если поставить их в безнадежное положение, они проявят мужество Чжу или Гуя.

* * *

Поэтому тот, кто умело ведет войну, подобен шуайжань [змее]. Шуайжань живет на горе Чан. Если ударить ее по голове, отзовется хвост; если ударить по хвосту, отзовется голова. Если ударить посередине, отзовутся и хвост, и голова. Если спрошу, можем ли мы сделать армию подобной этой змее, я скажу — можем. Например, люди У и Юэ ненавидят друг друга; но если они пересекают реку в одной лодке, и внезапно налетает сильный ветер, они будут помогать друг другу, как левая и правая рука.

* * *

Поэтому недостаточно связать коней и зарыть в землю колесницы по самые оси [чтобы предотвратить бегство солдат]. Сплоти их мужество, чтобы они стали как одно, с помощью Дао управления. Осуществи правильное соединение твердого и легкого с помощью формы местности.

* * *

Поэтому тот, кто преуспел в ведении войны, ведет войско за руку, как будто бы это один человек, так что оно беспрекословно повинуетя.

* * *

Для полководца важно быть спокойным и непостижимым для других; прямым и дисциплинированным, способным приглушать слух и зрение солдат и командиров, держа их в неведе-

нии. Он вносит изменения в управление и замыслы, чтобы люди не узнали о них. Он скрывает свое положение и идет окольным путем, чтобы другие не могли предвидеть его действия.

* * *

Момент, когда полководец назначен командовать войсками, подобен тому, как если бы они взобрались на высоту и оставили лестницы. Полководец продвигается вместе с ними вглубь землю князей и затем спускает крючок¹⁰. Он командует ими, как будто ведет стадо овец — вперед, назад, но никто не знает, куда они идут.

* * *

Собрать силы трех армий, бросить их в опасность — в этом долг полководца.

* * *

Девять изменений местности — преимущества, проистекающие из сжатия и растяжения, из формы человеческих чувств. Все это нужно изучить.

* * *

В целом, Дао наступательной войны в следующем:

Когда войска зашли далеко, они будут объединены, а когда недалеко, они [будут склонны] рассеиваться.

Когда [армия] покинула государство, пересекла границу [врага] и ведет войну, это «отрезанная местность».

Когда четыре стороны открыты, это «узловая местность».

Когда продвинулся далеко, это «трудная местность».

Когда продвинулся недалеко, это «ненадежная местность».

Когда позади тебя — крепость, а впереди — узкое пространство, это «окруженная местность».

Когда идти некуда, это «местность смерти».

Поэтому на рассеивающей местности я собираю воедино их волю.

На ненадежной местности я велю им собраться.

На спорной местности я выдвигаю тыловые части вперед.

На пересекающейся местности я уделяю внимание обороне.

На узловой местности я укрепляю наши союзы.

На трудной местности я обеспечиваю постоянное снабжение продовольствием.

На местности-ловушке я [быстро] продвигаюсь вдоль дорог.

На окруженной местности я закрываю все проходы.

На местности смерти я показываю врагу, что мы готовы погибнуть.

* * *

Так, природа армии в том, чтобы обороняться, когда она окружена; чтобы яростно сражаться, когда нет другого выхода; чтобы следовать приказаниям при вынужденных [обстоятельствах].

* * *

Поэтому тот, кто не знает замыслов удельных князей, не может заранее заключать союзы. Тот, кто не знает расположения гор и лесов, оврагов и ущелий, трясин и болот, не может управлять армией. Тот, у кого нет местных проводников, не воспользуется преимуществами местности. Тот, кто не знает одного из этих девяти, не может командовать армией гегемона или подлинного правителя.

* * *

Когда армия гегемона или подлинного правителя нападает на большое государство, оно не может собрать свои силы. Когда она направляет на врага свою устрашающую силу, его союзы распадаются. Поэтому она не борется ни с какими союзами в Поднебесной. Она не укрепляет власть других в Поднебесной. Верь в свои силы, обрати на врага свою устрашающую силу. Тогда его города могут быть взяты, его государство может быть подчинено.

* * *

Раздавай награды, не требуемые законом; отдавай исключительные приказания. Управляй силами трех армий, как будто командуешь одним человеком. Давай им задания, не объясняй им причин. Подчиняй их [будущей] выгодой, но не сообщай о [возможном] бедствии.

* * *

Ставь их в безнадежное положение, и они будут невредимы; веди их в глубь местности смерти, и они будут жить. Только когда войска зашли в такую [местность], они смогут сотворить победу из поражения.

* * *

Ведение военных действий основывается на соответствии и подробном [изучении] замыслов врага. Если в таком случае кто-либо направляет [свою силу] на противника, наносит удар на удалении в тысячу ли и убивает полководца, о нем говорят как об «искусном и умеющем завершать военные дела».

* * *

Поэтому в тот день, когда правитель собирает армию, закрой проходы, уничтожь бирки и не позволяй посланцам врага пройти. Проводи обсуждение стратегии в верхнем зале храма, чтобы дела были выполнены.

* * *

Если враг открывает дверь, следует ворваться.

* * *

[Нападай] в первую очередь на то, что он любит. Не утверждай заранее время сражения; оценивай врага и реагируй на его изменения, чтобы определить стратегию битвы.

* * *

Поэтому вначале будь как невинная девушка [у себя дома]; затем — когда враг открывает дверь — будь подобен бегущему зайцу. Противник не сможет противостоять.

12. ОГНЕВЫЕ АТАКИ

Сунь-цзы сказал:

Существует пять видов огневых атак: первый, когда сжигают людей; второй, когда сжигают провиант; третий, когда сжи-

гают обозы; четвертый, когда сжигают арсеналы; пятый, когда сжигают боевые порядки.

* * *

Применение огневых атак зависит от соответствующих условий. Оснащение для огневых атак нужно полностью приготовить до того, как оно потребуется.

Проведение огневых атак имеет свое благоприятное время года, а разжигание огня — соответствующие дни. Что касается времени года, то это сухие периоды; что касается дня, то это когда луна находится в цзи, би, и или чжэнь. Когда луна в этих четырех фазах, поднимается ветер.

* * *

В целом, в огневой атаке необходимо отвечать на пять изменений огня:

Если огонь возник в [лагере врага], следует незамедлительно ответить [атакой] извне.

Если огонь пущен, но армия противника спокойна, подожди, не нападай.

Когда пламя достигло апогея, если можешь, нападай; если нет, воздержись.

Если атаку огнем можно начать извне, не полагаясь на [содействии] изнутри, выбери подходящий момент и начинай.

Если огонь пущен по ветру, не атакуй с подветренной стороны.

* * *

Ветер, поднявшийся днем, сохранится; поднявшийся ночью, прекратится.

* * *

Армия должна знать пять изменений огня, чтобы противостоять им в благоприятное для их использования время. Поэтому помощь огня при нападении очевидна, помощь воды при ведении атаки также значительна. Водой можно отрезать, но нельзя захватить.

* * *

Поэтому, если кто-либо побеждает в битве и успешно нападает, но не использует этих средств, это беда, а его самого называют «расточительным и медлительным». Поэтому сказано, что мудрый полководец обдумывает их; хороший полководец использует их.

* * *

Если не выгодно, не выступай. Если цели нельзя достигнуть, не используй армию. До тех пор, пока не будет угрожать опасность, не вступай в войну. Правитель не может собирать армию только из-за своего гнева. Полководец не может вступать в битву только из-за крушения своих надежд. Когда выгодно, продвигайся; когда невыгодно, остановись. Гнев может обратиться в счастье, раздражение может обратиться в радость, но уничтоженное государство невозможно возродить; мертвецов нельзя вернуть к жизни.

Поэтому просвещенный правитель осторожен с войной, хороший полководец почтителен к ней. В этом Дао обеспечения безопасности государства и сохранения армии в целости.

13. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ШПИОНОВ

Сунь-цзы сказал:

Когда посылают в поход армию в сто тысяч на расстояние в тысячу ли, затраты народа и расходы правящего дома будут составлять тысячу золотых в день. Тех, кому причинят беспокойство и ущерб внутри и вовне, кто будет лежать в истощении на дорогах и не сможет заниматься земледельческим трудом, будет семьсот тысяч семей.

Армии находятся в отдалении на протяжении нескольких лет, чтобы в течение одного дня сражаться за победу, и при этом [полководцы] скупаются на ранги и вознаграждения в сто золотых и, оттого, не знают положения врага. Это предел негуманности. Такой человек — не полководец над людьми, не помощник правителю, не вершитель победы.

* * *

Средством, благодаря которому просвещенные правители и мудрые полководцы выступали и покоряли других, а их достижения превосходили многих, было упреждающее знание.

Упреждающее знание нельзя получить от демонов и духов, нельзя получить из явлений или небесных знамений; оно должно быть получено от людей, ибо оно есть знание подлинного положения противника.

* * *

Поэтому существует пять видов шпионов, которых следует использовать: местные шпионы, внутренние шпионы, обращенные [двойные] шпионы, мертвые [невозвратимые] шпионы и возвратимые шпионы. Когда использованы все пять и никто не знает их путей, это называется «таинственным методом». Они — сокровище для правителя.

Местные шпионы — используй людей, проживающих в соответствующих областях.

Внутренние шпионы — используй людей, которые занимают пост в государстве врага.

Двойные агенты — используй шпионов противника.

Невозвратимые шпионы — используются для распространения дезинформации вне государства. Снабди наших [невозвратимых] шпионов [ложными сведениями], и пусть они передадут их агентам врага.

Возвратимые шпионы — возвращаются с информацией.

Поэтому из всех дел в трех армиях нет более близких полководцу, чем отношения со шпионами; нет наград более щедрых, чем даваемые шпионам; нет дел более секретных, чем касающиеся шпионов.

* * *

Не обладая мудростью совершенномудрого, нельзя использовать шпионов; не будучи гуманным и справедливым, нельзя задействовать шпионов; не будучи непостижимым и вдумчивым, невозможно уловить суть разведывательных донесений. Это непостижимо, непостижимо! Нет мест, где бы не использовали шпионов.

* * *

Если еще до начала миссии она была раскрыта, шпион и те, кому он передал сведения, должны быть казнены.

* * *

В целом, что касается армий, по которым хочешь нанести удар, городов, на которые хочешь напасть, людей, которых хочешь уничтожить, первым делом узнай имена командующего обороной, его помощников, членов штаба, личной охраны и слуг. Пусть наши шпионы разведают это.

* * *

Необходимо искать шпионов врага, которые пришли шпионить против нас. Соблазни их выгодой, приблизь к себе и удержи. Так можно приобрести и использовать двойных агентов. Благодаря полученным от них сведениям, можно приобрести местных и внутренних шпионов. Благодаря полученным от них сведениям, невозвратимые шпионы могут распространить заблуждения, тем самым обманывая врага. Благодаря полученным от них сведениям, можешь использовать возвратимых шпионов, когда потребуется.

Правитель должен знать эти пять правил работы со шпионами. Это знание зависит от обращенных шпионов: поэтому необходимо быть щедрым по отношению к ним.

* * *

В древности, когда поднималось царство Инь, у них был И Чжи в государстве Ся. Когда поднималось Чжоу, у них был Люй Я [Тай-гун] в Инь. Поэтому просвещенные государи и мудрые полководцы, умеющие заполучить умных шпионов, обязательно достигнут великих результатов. В этом — сокровенный путь военных действий, то, на что, выступая в поход, полагаются три армии.

Примечания

1. У и Юэ — царства, находившиеся к югу от Янцзы и считавшиеся жителями Срединной равнины полуварварскими.

2. У Цзы-суй — стратег, сыгравший большую роль в усилении царства У. Некоторые комментаторы объясняют отсутствие упоминаний о Сунь-цзы в «Цзо чжуань» тем, что У Цзы-суй был настолько влиятельной фигурой и, вдобавок, прямым начальником Сунь-цзы, что просто затмил своего подчиненного.

3. Данный текст, возможно, представляет собой аутентичную запись первой беседы правителя У с Сунь-цзы и подтверждает, что изначально «Искусство войны» состояло из тринадцати глав, как об этом и сказано в «Ши цзи».

4. Классификация местностей — один из краеугольных камней концепции Сунь-цзы. Этому вопросу специально посвящены несколько глав.

5. Дао можно понимать здесь в двояком смысле: как следование конфуцианским добродетелям (гуманности и справедливости) или же как осуществление военных принципов, ведущих к победе.

6. Имеется в виду не располагаться ниже врага по течению, чтобы избежать опасности быть затопленным, если враг соорудит плотину.

7. Подразумевается покорение Желтым Императором четырех злых правителей, находившихся по четырем сторонам света (Черный Император — на севере, Белый Император — на западе и т.д.) Эти сражения считались мифологическим началом военных столкновений в Китае.

8. «Небесный колодец» — долина, со всех четырех сторон окруженная горами или высокими холмами. «Небесная темница» — долина, окруженная горами или холмами с трех сторон. Армию, неосмотрительно зашедшую в нее, легко заблокировать. «Небесная сеть» — местность с

густой и пышной растительностью, затрудняющей движение людей и колесниц. «Небесная яма» — болотистая местность, где увязнут люди и повозки. «Небесная расщелина» — территория, где есть скрытые проходы, враг может воспользоваться ими и подойти незамеченным.

9. Местность, где пересекаются дороги и транспортные пути.

10. Аналогия со спусковым крючком арбалета. Командующий освобождает сдерживаемые силы войск.

4

У-ЦЗЫ

吳

子

Исследование 239

Перевод 252

1. Планирование для государства 256

2. Оценка противника 261

3. Управление армией 265

4. Дао полководца 269

5. Изменения 272

6. Воодушевление командиров 276

Примечания 279

Исследование

В отличие от полупоупендарного Сунь-цзы, У Ци — которого последующие поколения также называли У-цзы — был известным историческим деятелем. Его достижения и подвиги, военные и гражданские, изображаются как выдающиеся, и вскоре после его смерти его имя встало рядом с именем Сунь-цзы. Согласно «Ши цзи», когда бы ни обсуждались военные теории, Сунь и У неизменно упоминались вместе, и знаменитая биографическая глава Сыма Цяня канонизировала эти узы.

У Ци был человеком сложного характера, и даже автор «Ши цзи» относится к нему отнюдь не с безусловным пиететом. Он был исключительно одарен и выступал в защиту основополагающих конфуцианских догм, хотя его поведение явно контрастировало с ними. Он утверждал гуманность в качестве необходимой основы правления, и при этом, по преданию, убил свою жену. Он пренебрег трауром в связи с кончиной матери — величайшее преступление в глазах конфуцианцев — полагая, что клятва выше сыновних чувств и их почтительного проявления. Хотя он приобрел большую власть и потому не мог не поддерживать сохранение жесткой социальной градации, сам он отказывался от положенных полководцу привилегий и делил с войсками все трудности и лишения.

Родившись около 440 г. до н. э. в бурную эпоху, ставшую свидетельницей тех первых столкновений, которым в будущем суждено было вылиться в непрерывные войны и которые, в конце концов, привели к сокращению количества могущественных государств Китая с семи до одного, У Ци осознал, что

государства могут выживать, только наращивая военную мощь и утверждая сильное правление. Согласно свидетельствам, в молодости он учился у двух последователей конфуцианства, возможно, в течение целых трех лет. Затем он путешествовал в поисках восприимчивого к его идеям правителя, но, в конце концов, утратил благосклонность сильных мира сего, несмотря на большие успехи. Наконец, около 361 г. до н. э. он был убит в Чу, став жертвой заговора, вызванного теми поистине драконовскими мерами, которыми он управлял армией и государством.

Согласно позднейшим историческим сочинениям, У Ци не только не проиграл ни одного сражения, но и чрезвычайно редко попадал в тяжелое положение, составив тем самым летопись удивительных побед над превосходящим противником. Многие считают его первым великим полководцем Китая — выше даже Тай-гуна и Сыма Жан-цзюя. Ему приписываются выдающиеся достижения в управлении и контроле за областью Западная Хэ, усмирении Юэ (южно-китайская область), командовании войсками царства Лу во время сокрушающей победы над Ци, а также многократные победы над набиравшим силу царством Цинь при командовании войсками Вэй и стабилизация управления в Чу. Поэтому его идеи и методы, нашедшие отражение в трактате «У-цзы», являются не только теоретическими, но и глубоко проверенными на практике.

Репутация У-цзы как одного из создателей концепции управления — особенно как реформатора организации государства и системы порядка, вначале на посту Защитника Западной реки, а затем главного министра в Чу — поставила его в один ряд со знаменитым легистом Шан Яном. Многочисленные истории свидетельствуют о его несокрушимой уверенности в своих силах, одном из немногих достоинств из тех, которые он провозглашал и которым при этом обладал сам. Рассказы о нем во множестве присутствуют в трудах, появившихся столетие спустя после его смерти, таких, как «Чжань го цэ» («Планы сражающихся царств»), «Хань Фэй-цзы» и «Люй-ши чунь цю».¹

Трактат «У-цзы» не только входит в «Семь военных канон», но и традиционно ценится как одно из главных достижений китайской военной мысли. Хотя и менее безапелляционный по духу в сравнении с «Искусством войны», он касается многих

вопросов ведения войны и подготовки к ней и предлагает общие стратегии, применимые в конкретных случаях. На протяжении столетий конфуцианские ученые — со своими классическими предрассудками относительно стиля и изящества — пренебрегали «У-цзы» из-за относительной простоты языка; они также осуждали его за утверждаемую в нем якобы жестокость, а на самом деле — реалистичность. При этом текст предельно внятен и всеобъемлющ.

Основная часть «У-цзы» была, возможно, составлена самим У Ци, затем дополнена и доработана его учениками — по памяти или дворцовым записям. Большая часть оригинала утеряна, а то, что сохранилось, собрано в краткое, довольно систематичное и удивительно многогранное целое. Хотя ранние версии текста относятся, видимо, как минимум к IV в. до н. э., он принял дошедшую до нас форму при ханьской династии. К счастью, в отличие от других военных канонных, текстуальные расхождения немногочисленны, и в различных изданиях встречаются лишь незначительные разночтения. Естественно, некоторые пассажи сходны с аналогичными из других, предположительно более поздних трудов; но основная концепция и понятия отличаются несомненной оригинальностью.

Жизнь У Ци и те ценности, которые он превозносил, тесно переплетены, и вследствие своей безусловной исторической значимости его биография из «Ши цзи», — составленная около 100 г. до н. э., — заслуживает быть приведенной здесь.

У Ци, уроженец Вэй, любил оружие. В свое время он учился у Цзэнцзы², затем отправился на службу к правителю царства Лу. Когда Ци напало на Лу, правитель Лу хотел назначить У Ци полководцем, но так как жена последнего была родом из Ци³, он был недоверчив. Тогда У Ци, который хотел стать знаменитым, убил свою жену, чтобы показать, что его ничто не связывает с Ци. В конце концов, правитель назначил его полководцем, и он напал на царство Ци, уничтожая его войска.

Кто-то в Лу, ненавидевший У Ци, сказал правителю: «У Ци жесток и подозрителен. Когда он был молод, у его семьи была тысяча цзиней золота. Он путешествовал в поисках должности, но нигде не преуспел, и, наконец, истощил богатство семьи. Когда жители его местности стали смеяться над ним, он убил больше тридцати насмешников и затем отправился на восток, через ворота стен, окружающих Вэй. Покидая мать, он прокусил себе руку [так, что потекла

кровь] и поклялся: «Пока я не стану министром, я не вернусь в Вэй». Затем он отправился слушать Цзэн-цзы. Он пробыл у него недолгое время, когда у него умерла мать, но он не вернулся домой. Цзэн-цзы возненавидел его [за отказ соблюдать траур] и прервал с ним все отношения. Тогда У Ци отправился в Лу и изучал военное искусство, чтобы служить вам. Вы усомнились в его намерениях, тогда он убил свою эсену, чтобы получить пост полководца. Ньин Лу — маленькое государство, но если оно приобретет славу победителя, другие удельные князья объединятся против него. Более того, Лу и Вэй — побратимы, поэтому, если вы используете У Ци, вы потеряете дружбу Вэй».

Правитель стал относиться к У Ци с подозрением и сместил его. В это время У Ци услышал, что Вэнь-хоу из царства Вэй — достойный правитель, и захотел служить при его дворе. Вэнь-хоу спросил Ли Кэ: «Что за человек этот У Ци?» Ли Кэ ответил: «Ци эсаден и безнравственен, но в ведении войны даже знаменитый полководец Сыма Жан-цзюй не превосходит его». Услышав это, Вэнь-хоу назначил его полководцем. У Ци [возглавлял армию] при нападении на Цинь и взял пять городов.

Будучи полководцем, У Ци продолжал носить такую же одежду и есть такую же пищу, что и люди низших чинов. Когда он ложился спать, он не стелил циновки, а на марше не сидел верхом и не ехал в колеснице. Он сам убирал за собой после еды и делил с войсками все трудности и лишения.

Однажды, когда у одного из солдат вскочил волдырь, он лично высосал гной. Мать солдата узнала об этом и зарыдала. Ей сказали: «Ваш сын — простой солдат, а полководец сам высосал у него гной. Чего же вы рыдаете?» Мать ответила: «Еще раньше князь У-гун высосал гной у его отца. Его отец без колебаний пошел на войну и погиб от рук врагов. Сейчас, после того, как это случилось с моим сыном, я не знаю, где он умрет. Поэтому я и плачу».

Так как Вэнь-хоу понял, что У Ци умело использует армию, что он добросовестный и справедливый и способен добиться полной преданности войска, он назначил его Защитником Западной реки, дабы отразить нападение царств Цинь и Хань.

Когда Вэнь-хоу умер, У Ци продолжал служить его сыну, У-хоу. У-хоу отправился на лодке вниз по Западной реке. На середине реки он обернулся и воскликнул: «Разве это не изумительно! Величие прекрасных гор и рек, это жемчужина Вэй!» У Ци ответил: «[Подлинная жемчужина] — это добродетель, а не обрывистые ущелья. В древности у трех Мяо было озеро Дуитин слева и озеро Пэйли справа, и Юй уничтожил их. Там, где проливался Цзе из династии Ся, слева были реки Хуанхэ и Ци, справа горы Тай и Хуа, на юге скалы Ицюз, а на севере — склоны Янчан. Но в управлении государством он не опирался на гуманность, и

Тан сверг его. В государстве тирана Чэю из династии Инь были горы Мэнмэнь слева, горы Тайхан справа, горы Чан на севере и великая Хуанхэ, несшая воды на юг, но в управлении государством он не опирался на добродетель, и У-ван убил его. Поэтому [жемчужина государства] — это добродетель, а не крутизна ущелий. Если вы не будете совершенствовать добродетель, все люди в лодке перейдут в государство врага». «Прекрасно!» — сказал У-хоу. Затем он дал У Ци удел и назначил Защитником Западной реки, и слава его выросла невероятно.

В царстве Вэй был учрежден пост министра, и на должность назначили Тянь Вэнь. У Ци был огорчен, поэтому он обратился к Тянь Вэню: «Могли мы обсудить заслуги и подвиги?» Тянь Вэнь согласился. У Ци спросил: «Кто лучше командует тремя армиями, добываясь, чтобы командиры и солдаты умирали с радостью в бою и чтобы враждебные государства не осмеливались интриговать против нас — вы или я?» Тянь Вэнь ответил: «Я не столь способен, как вы». Тогда У Ци спросил: «Кто из нас лучше, вы или я, в управлении чиновниками, в обретеннии поддержки народа, в заполнении амбаров и складов?» Тянь Вэнь снова ответил: «Я не так хорош, как вы». «На посту Защитника Западной реки, когда войска Цинь не осмеливаются строить поселения на восточных землях, а Хань и Чэю ведут себя покорно, как уважаемые гости, кто лучше?» Тянь Вэнь признал: «Вы». Тогда У Ци продолжил: «Во всех этих трех вы хуже меня, однако ваша должность выше, почему?» Тянь Вэнь сказал: «Правитель молод, государство в сомнении, а главные министры недостаточно надежны, в то время как простой народ не доверяет [правителю]. В это время пост должен принадлежать вам или мне?» И после того, как У Ци в течение долгого времени не вымолвил ни слова, добавил: «Он должен принадлежать вам. Поэтому я поставлен над вами». Тогда У Ци понял, что он не так хорош, как Тянь Вэнь.

После смерти Тянь Вэня первым министром стал Гун Шу. Он женился на вэйской принцессе и [хотел] причинить вред У Ци. Слуга Гун Шу сказал ему: «От него несложно избавиться». Гун Шу спросил, как, и его слуга ответил: «У Ци сдержан, неподкупен и тщеславен. Первым делом вы должны, таким образом, сказать У-хоу: “У Ци — достойный, а ваше государство маленькое. Более того, у вас есть плодородные земли, примыкающие к сильному царству Цинь. Поэтому я опасюсь за преданность У Ци”. Тогда правитель спросит: “Что мы должны делать?” А вы должны сказать: “Испытайте его, предложив [жениться] на принцессе. Если Ци намерен остаться, он, конечно, возьмет ее в жены; если нет, он обязательно откажется. Так вы догадаетесь о его желаниях”. Затем вы должны вызвать У Ци и прийти вместе с ним, а перед этим разозлить принцессу так, чтобы она с презрением к вам относилась. Когда У Ци увидит, что принцесса пренебрежительна к вам, он обязательно откажется от нее».

Затем, когда У Ци увидел, что прищесса с пренебрежением относится к министру Вэй, он действительно отклонил предложение У-хоу. У-хоу стал подозревать его и больше не доверял ему. У Ци, опасаясь, что его обвинят в каком-нибудь преступлении, покинул государство и отправился в Чу.

Правитель Чу Дао-ван слышал, что У Ци славен достойным, поэтому когда тот прибыл, он назначил его первым министром. У Ци сделал законы понятными, рассмотрел постановления, убрал лишние ведомства и разогнал дальних родственников правящего дома, чтобы учить и поддерживать военных. Он уделял основное внимание укреплению армии и борьбе с защитниками «горизонтальных и вертикальных» союзов⁵. На юге он усмирив Бай Юэ. На севере он захватил Чэнь и Цай и заставил отойти силы «трех Цзинь». На западе он [успешно] атаковал Цинь. Другие удельные князья были обеспокоены возрастающей мощью Чу, в то же время все члены правящего дома мечтали навредить ему. Когда Дао-ван умер, его родственники и главные министры восстали и напали на У Ци. Он побежал к телу правителя и спрятался под ним. Когда его преследователи стреляли в него из луков, стрелы, поражая его, попадали также и в тело Дао-вана.

Когда Дао-ван был погребен и на трон взошел молодой принц, он приказал Министру справедливости казнить всех тех, кто стрелял в У Ци и попал в тело правителя. Тех, кто был признан виновным и казнен, а также их истребленных родственников⁶ было более семидесяти».

Придворный историограф говорит: «В наше время установился обычай, когда речь заходит об армии и формированиях, всегда говорить о тринадцати главах Сунь-цзы и стратегии У Ци. Ныне многие имеют их. Поэтому я не обсуждал их, но вместе этого говорил о том, к чему привели их деяния. Есть такая пословица: "Тот, кто может совершить поступок, необязательно может говорить об этом; тот, кто может говорить о чем-нибудь, необязательно может исполнить это". Придуманная Сунь Бинем стратегия против Пан Цзюаня была великолепна, но он не смог уберечь самого себя от жестокого телесного наказания. У Ци [пытался] убедить Вэй-хоу, что стратегические выгоды [обеспеченные естественными условиями местности] не так хороши, как добродетель. Однако его действия в Чу, суровые и жестокие, а также недостаток добродетели привели к тому, что он потерял жизнь. Разве это не трагично!»

Даже умирая, У Ци сумел применить успешную стратегию и отомстить уже после смерти, ибо он знал, что, пытаясь убить его, враги осквернят тело правителя и будут казнены.

Современные ученые, например, Ч. Гудрич, удивленные, видимо, присутствием в биографии таких компрометирующих ма-

териалов, как убийство У Ци своей жены, изучали его биографию внимательнейшим образом и пришли к выводу, что в основе ее — сплав недостоверного и не заслуживающего доверия материала, который был доступен придворному историографу. Мнения об исторических заслугах У Ци разделились, большая часть его биографических данных рассматривается либо как романтическое приукрашивание, либо как анахронизм или просто сомнительный материал. Однако поскольку в обширной литературе двух столетий, последовавших за смертью У Ци, он упоминается многократно, похоже, что У Ци действительно обладал приписываемыми ему способностями и был удачливым стратегом и командующим. Краткое рассмотрение наиболее значимых сведений из этой литературы не только позволит узнать о личности и характере, но и даст возможность понять те принципы и идеалы, которым он следовал.

У Ци, подчеркивавший, как и Шан Ян, главенство закона и необходимость изменений в управлении ради достижения могущества государства, выше всего ценил верность (прежде всего — верность слову). Изложенная в трактате «Хань Фэй-цзы» история вместе с комментариями самого Хань Фэй-цзы, так говорит об этом:

Однажды У Ци вышел из дома и столкнулся со своим старым другом. Он остановил его и пригласил на трапезу. Друг ответил: «Я приду. Я скоро вернусь и отобедаю вместе с тобой». У-цзы сказал: «Я буду ждать». К ночи друг все не приходил, но У Ци ждал его и не притрагивался к пище. На следующее утро он послал своего человека разыскать друга, и только когда тот пришел, он поел вместе с ним.

[Комментарий Хань Фэй-цзы]: «Когда верность проявляется в малом, устанавливается великая верность. Поэтому правитель собирает вокруг себя верных. Когда наградам и наказаниям не верят, запреты и указы не будут выполняться. Пример тому явил Вэй-гуи, который, нападая на Юаня и Ци Чжэня, спасал голодных. Поэтому У Ци ждал своего друга и не ел один».

Другой эпизод из «Хань Фэй-цзы» рассказывает, как У Ци расстался с женой из-за ее маленького проступка (а не убил, как говорится в «Ши цзи»). Его шурин объясняет этот поступок фанатичным подчинением закону:

У Ци, родом из Цзо-ши в Вэй, приказал жене соткать шелковую ленту. Когда он измерил ее и обнаружил, что она уже, чем должна была быть, он заставил ее переделать работу. «Хорошо», — сказала она. Когда лента была готова, он измерил ее снова, но она опять не

была должного размера. У Ци был в ярости. Жена сказала: «Когда я начинала, я установила основу, она не могла измениться». У Ци прогнал ее. Она попросила старшего брата просить у У Ци возможности вернуться, но он сказал: «У Ци — человек закона. Он опирается на закон и потому может совершать большие дела в большом государстве. Поэтому первым делом он должен установить закон в отношениях с женой, а затем использовать его [в управлении]. Оставь надежду вернуться». Младший брат жены был в большой милости у правителя, поэтому она просила заступничества у правителя. У Ци не стал ничего слушать, он покинул Вэй и отправился в Цзин [Чу].

По другой версии, разрыв с женой произошел из-за слишком большого усердия жены, сделавшей больше — а не меньше — того, что хотел У Ци:

У Ци, показывая жене шелковую ленту, сказал: «Сделай мне точно такую же». Когда работа была закончена, он сравнил две ленты и нашел, что та, которую сделала его жена, исключительно хороша. У Ци сказал: «Я приказал соткать ленту, чтобы она была похожа на эту, но твоя получилась намного красивее. Как это так?» Жена ответила: «Материал один и тот же, но я старалась сделать ее лучше». У Ци сказал: «Это не то, о чем я просил». Он приказал ей сменить одежды и вернуться [в свою семью]. Ее отец просил [принять ее обратно], но У Ци заявил: «В семье Ци не бросают слов на ветер».

Такое объяснение вполне сходится с легистской идеей о том, что никто не должен выходить за рамки предписанной роли. Этот принцип военные стратеги провозглашали основной добродетелью, необходимой в боевых сражениях.

Другое требование стратегов — нерушимость наград и наказаний, ибо она воплощает доверие к административной системе. Успешное воодушевление людей предполагает не только использование и наград, и наказаний, но и абсолютную уверенность в том, что они неизменны в каждом конкретном случае. У Ци твердо верил в силу «двойной рукояти», как определил это Шан Ян, и особенно в способность наград явить собой самый сильный стимул для людей, такой, который побудит их рисковать жизнью. Хотя обучение, организация, тренировка и взывание к чувству стыда должны предшествовать овладению духом людей, следующий эпизод показывает, что залог успеха и достижения цели — вера людей в полководца и его слово:

Когда У Ци находился на посту Защитника Западной реки, [у государства Цинь] на границе была маленькая сторожевая башня. У Ци хотел напасть на нее, ибо она приносила много вреда крестьянам.

Однако нужды для собирания закованых в доспехи войск не было. Тогда он установил у северных ворот ось экипажной повозки и издал указ: «Тот, кто сможет вынести ее через южные ворота, получит в награду лучшие земли и прекрасный дом». Вначале никому не удавалось выполнить это, но, наконец, кто-то смог передвинуть ее. Когда он вернулся [от южных ворот], У Ци вознаградил его в соответствии с указом. После этого он положил огромный мешок с красными бобами за восточными воротами и издал указ, который гласил: «Тот, кто сможет вынести его через западные ворота, будет награжден, как и первом случае». Люди соревновались, чтобы выполнить это. Тогда У Ци отдал приказ: «Завтра мы атакуем башню, кто первым вскарабкается на нее, получит чин дафу⁷ и будет награжден лучшими землями и домом». Люди сражались за то, чтобы вскарабкаться на башню, и взяли ее в одно утро.

В биографии, включенной в «Ши цзи», говорится, что У Ци учился у Цзэн-цзы; однако поскольку это хронологически невозможно, это, вероятно, был сын Цзэн-цзы Цзэн Шэнь, у которого У Ци учился три года. Если сведения Сыма Цяна достоверны и Цзэн Шэнь действительно стал презирать У Ци за нарушение долга сыновней почтительности — главной заповеди проповедовавшегося Цзэн-цзы конфуцианства — У Ци, возможно, бросил учебу ради военных штудий, к которым изначально питал склонность. Однако повсюду в «У-цзы» он выступает в защиту политики, основанной на четырех фундаментальных конфуцианских добродетелях: гуманности, справедливости, нормах поведения и Дао Неба. Здесь явно учитывается новая реальность периода «Борющихся Царств», когда правители государств в большой степени зависели от согласия населения участвовать в любом военном предприятии. Знаменитая (хотя, возможно, и вымышленная) дискуссия с У-хоу во время плавания вниз по Западной реке, упоминаемая в других текстах, убеждает, что У Ци верил в добродетель больше, чем в простое стратегическое преимущество. В другом диалоге с правителем сразу по восшествии того на престол У Ци говорит о «доступности правителя» и о том, что он должен твердо держать в руках власть и не позволять знати бесчинствовать:

У-хоу спросил У-цзы о первом годе правления. У Ци ответил: «Сказано, что правитель государства должен быть при начале осторожен». «Как следует быть осторожным при начале?» «Сделать его прямым». «Как сделать его прямым?» «Сделать мудрость просвещенной. Если мудрость не просвещена, как вы сможете воспринять пря-

мое? Прислушайтесь ко всему и выбирайте из услышанного так, чтобы сделать мудрость просвещенной. Поэтому в древности, когда правитель впервые собирал двор, каждый из дафу произносил речь, каждый чиновник был принят, а если простой народ просил о приеме, его выслушивали. Если знатные спрашивали о чем-то, они неизменно получали ответ, и не было отказа никому, пришедшему из любой из четырех сторон света. Это называется "не быть закрытым и удаленным". В вознаграждениях древние поступали так, что не был обделен никто, а в наказаниях они были предельно точны. Правитель должен был проявлять гуманность. Он думал о выгоде правителя и искоренении бедствий народа. Это можно назвать "не терять людей". Сам правитель должен был быть прямым, ближайшие министры — избранными. Дафу не мог управлять более, чем одним ведомством, а управление людьми не возлагалось только лишь на один клан. Это можно назвать "не [терять] равновесие между властью и силой". Вот в чем смысл "Весен и осеней" и основа первого года правления».

Драматический пассаж в «Люй-ши чуныцю» передает прощальные слова У Ци, произнесенные им, когда он покидал Вэй, и дает иную, по сравнению с представленной в «Ши цзи» биографией, версию истории с клеветой:

Когда У Ци управлял областью Западной Реки, Ван Цо оклеветал его перед вэйским У-хоу. У-хоу послал человека вызвать его ко двору. Когда У Ци достиг ворот, он остановил повозку и слез с нее. Он посмотрел на Западную Реку, и слезы покатились у него из глаз. Слуга спросил его: «Я наблюдал за вами. Вы отвергли весь мир, словно отбросили пару соломенных сандалий. Сейчас же, когда вы покидаете область Западной реки, вы плачете. Почему?» У Ци вытер слезы и ответил: «Ты не понимаешь. Если бы правитель действительно знал меня и использовал мои способности, Цинь можно было бы победить, а с областью Западной реки он стал бы подлинным Ваном. Но сейчас правитель слушает клеветников и не знает меня. Недалеко то время, когда область Западной реки будет принадлежать Цинь. С этого начнется закат царства Вэй». Впоследствии У Ци покинул Вэй и направился в Чу. День за днем Вэй слабело, а Цинь с каждым днем набирало силу. У Ци понял это первым и поэтому плакал.

На основании всего этого можно сделать вывод, насколько искренне верил У Ци в свои идеалы и насколько ревностно, отдавая все силы, следовал им в жизни.

Располагаем мы и некоторыми сведениями о деятельности У Ци в Чу. Они подтверждают, что Дао-ван сразу же облек его большой властью. В поисках путей укрепления государства и

армии У Ци предложил ряд мер, вошедших в явное противоречие со сложившимся в государстве балансом сил и интересов:

Сперва У Ци обсуждал с чуским Дао-ваном обычаи Чу. «Главные министры слишком могущественны, наследной знати слишком много. Поэтому сверху они давят на правителя, а внизу угнетают народ. Это — путь к обширанию государства и ослаблению армии. Было бы лучше через три поколения забирать назад все титулы и содержание у наследной знати; урезать жалование и привилегии у ста чиновников и ликвидировать все ненужные ведомства, чтобы поддерживать отобранных, хорошо подготовленных чиновников». Дао-ван в течение года следовал этим предложениям, но затем умер. У Ци был разорван на части в Чу⁸.

Другая версия, представленная в «Люй-ши чуньцю» (III в. до н. э.), описывает популистские мероприятия У Ци и политику, направленную на ослабление влияния инертной аристократии:

У Ци обратился к правителю Чу: «То, чего у Чу в избытке — это земли, то, чего недостаточно — это людей. Если ваше величество использует то, чего недостаточно, для приращения того, что в избытке, я ничего не смогу поделать». Тогда правитель приказал знати поселиться на обширных и пустых землях. Но они нашли это слишком несправедливым. Когда правитель Чу умер, вся знать собралась [в столице]. Тело правителя лежало в верхнем зале. Знать принялась стрелять в У Ци из луков. У Ци выкрикнул: «Я покажу вам, как пользоваться оружием». Он вытащил стрелу и побежал. Распростершись под телом правителя, он воткнул в него стрелу и прокричал: «Министры восстали против правителя». И умер. Согласно законам Чу, каждый, кто обнажил оружие перед телом правителя, должен был быть подвергнут жестокому наказанию, с уничтожением семьи в трех коленах. О мудрости У Ци можно определенно сказать как о поразительной.

Китайская традиция долгое время считала военное искусство относящимся к категории «противных добродетели» (ни дэ) — концепция, берущая начало с мифического Лао-цзы и выраженная во многих военных сочинениях, включая «У-цзы». Это ясно из двух бесед, приведенных в «Шо юань»:

Когда У Ци служил Защитником Юань, как-то во время инспекционной поездки он прибыл в Си и спросил Цюй И-цзю: «Правитель, не зная, что я человек незначительный, назначил меня Защитником Юань. Как бы вы наставили меня?» Цюй-гун ничего не ответил.

Спустя год правитель сделал его Главным Церемониймейстером. Во время инспекционной поездки он прибыл в Си. Он спросил Цюй И-

цзю: «Я спрашивал вас, но вы не наставили меня. Сейчас правитель, не зная, что я человек незначительный, назначил меня Главным Церемониальным мастером. Не могли бы вы оценить мои поступки?» Цюй-гун спросил: «Что вы собираетесь делать?» У Ци сказал: «Я хочу уравнивать ранги знатности в Чу и даже уравнивать вознаграждения; урезать то, чего в избытке, и расширить то, чего недостаточно; а также готовить доспехи и оружие, чтобы в нужный момент бороться за Поднебесную». Князь Цюй сказал: «Я слышал, что в прошлом те, кто умел управлять государством, не изменяли старого и не вмешивались в сложившееся. Сейчас вы собираетесь уравнивать ранги знати в Чу и даже уравнивать вознаграждения, урезать то, чего в избытке, и увеличить то, чего недостаточно. Это изменение старого и вмешательство в сложившееся. Далее, я слышал, что оружие — это неблагоприятное средство и что война противоречит добродетели. Сейчас вы тайно замышляете противное добродетели и пользуетесь неблагоприятными средствами. Протягивать руку к тому, от чего люди отказались — это верх противоречивости; применять вольные и не считающиеся с правилами методы — невыгодно. Более того, когда вы возглавляли войска в Лу, вам не следовало добиваться своих замыслов в отношении Ци, но вы осуществили их. Когда вы возглавляли войска в Вэй, вам не следовало осуществлять свои замыслы против Цинь, но вы добились этого. Я слышал, что сказано: «Если кто-либо не является человеком несчастья, ему не суждено попасть в беду». Раньше я находил удивительным, что мой правитель, столь часто вступая в противоречие с Дао Неба, до сих пор не столкнулся с бедой. О, похоже он ожидал вас». У Ци испуганно сказал: «Это еще можно изменить?» Цюй-гун сказал: «Нельзя». У Ци сказал: «Я действую от имени других». Цюй-гун сказал: «Пленишк, которому определили наказание, не может изменить себя. Вам лучше быть честным и искренне заяться [делами правления], ибо царство Чу никогда ничего не ценит так, как выдвижение достойного.

А вот фрагмент трактата «Хуайнань-цзы»

От имени Цинь Шан Ян ввел систему круговой поруки, и народ был возмущен. От имени Чу У Ци издал приказы урезать права знати и вознаграждения, и министры восстали. Шан Ян в установлении законов и У Ци в ведении войны были лучшими в мире. Но законы Шан Яна [со временем] привели Цинь к гибели, ибо он был проициателен, когда дело касалось носа и кисти⁹, но не знал основ порядка и беспорядка. У Ци своими военными методами ослабил Чу. Он в совершенстве владел искусством развертывания войск, но не знал о равновесии сил в дворцовой войне.

Из этих пассажей следует, что У Ци действительно обладал большой властью и пытался провести типично легистские ре-

формы. Определить, обладал ли он таким же влиянием при вэйском дворе, труднее, ибо Ли Кэ и другие министры, очевидно, проводили ту же линию; видимо, власть У Ци ограничивалась областью Западной реки, где он был фактическим правителем.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И СТРАТЕГИИ

Сегодняшний текст «У-цзы» состоит из шести глав, посвященных темам, важнейшим для военного дела: «Планирование для государства», «Оценка противника», «Управление армией», «Дао полководца», «Изменения» и «Воодушевление командиров». Хотя в каждой из глав обсуждаются разные темы, с точки зрения базовых элементов стратегии, содержание глав в целом все-таки отвечает этим, достаточно традиционным, заголовкам.

Необходимость укрепления армии

У Ци жил в то время, когда война стала профессией, оружие из бронзы было уже на пике совершенства, начали появляться бронзовые мечи и различные типы оружия из железа. Колесницы — экипаж которых по-прежнему состоял из трех человек (возницы, лучника и копьеносца), запряженные четырьмя лошадьми — теоретически оставались основной наступательной силой, хотя их эффективность снижалась, и постепенно они стали использоваться как транспортное средство и командный пункт. Арбалеты получили широкое распространение, и армию теперь составляли мобилизованные крестьяне и «ши» (рыцари, теперь уже — командиры), которые прежде несли на своих плечах основную тяжесть войны.

Как бы ни был короток период, посвященный У Ци формальному конфуцианскому обучению, он, несомненно, был весьма существенным для него, ибо У Ци воспринял те фундаментальные принципы, которые в дальнейшем полагал главными для хорошего правления. Однако, являясь убежденным поборником гуманности и справедливости, У-цзы в равной мере подчеркивал необходимость военной мощи и соответствующей подготовки. Без эффективных боевых формирований конфуцианские добродетели стали бы пустым местом, и зло правило бы миром:

В древности глава клана Чэи Сан совершенствовал добродетель, но пренебрегал военными делами и тем самым погубил свое государство. Глава клана Юй Ху полагался на людей и любил смелость, и поэтому утратил алтари предков. Просвещенный правитель, зная это, обязательно будет поощрять культуру и добродетель у себя в государстве и совершать военные приготовления в соответствии с ситуацией вое. Поэтому, если, противостоя врагу, не наступаешь, значит, ты не обрел мужества. Если мертвый лежит застывший и ты оплакиваешь его, значит ты не обрел гуманности [«Планирование для государства»].

Поэтому командующего следует выбирать внимательно, ибо он должен обладать полными и разносторонними способностями и осуществлять эффективное руководство как в военной, так и в гражданской областях. Естественно, мужество — первооснова, но и другие качества — особенно мудрость и самоконтроль — также необходимы.

Мера во всем

В эпоху У-цзы армия всецело зависела от лошадей, ибо они определяли как мобильность войск, так и качественное состояние главной наступательной силы — колесниц. У Ци подчеркивал, что хорошее отношение к лошадям — это первое, а люди — второе. Но заботиться нужно и о тех, и о других; здесь и обеспечение пищей в положенное время, и достаточный отдых, и сооружение временных укрытий, а также разносторонняя и длительная подготовка. Все оснащение для армии, а особенно для лошадей, должно быть хорошего качества и своевременно чиниться. Только тогда армия сможет выполнять свои задачи, а люди — приказы без неприязни.

Народ

Война перестала быть уделом знати, требовала уже массовой мобилизации, и армия в основном состояла из призванных на службу гражданских лиц, поэтому прочная поддержка и добровольное подчинение народа стали жизненно необходимы. У Ци был сторонником просвещенной политики в конфуцианском духе, которая обеспечивала бы народу достойный уровень благосостояния, добивалась бы его эмоциональной поддержки и прививала бы главные добродетели. Когда налоги легки, а

государство заботится о людях, оно найдет у них отклик и сможет противостоять любой угрозе. Только в таком случае в государстве, армии, боевых порядках и среди людей будет царить гармония.

Обучение и объединение

Гармония и организация дополняют друг друга: без гармонии организация не будет связывать людей, а без организации гармония будет неэффективна. У Ци лишь вкратце касается необходимой для создания этой базовой организации гражданской иерархии; основное внимание он уделяет необходимости порядка и разграничения полномочий и постоянно требует отбора и назначения достойных людей. Самоуверенность их на вершине государственной пирамиды может привести к беде, принятие же мудрых советов ведет к победе.

Меры, необходимые для создания дисциплинированных и эффективных войск, достаточно просты: организуй правильно, подготавливай долго и воодушевляй глубоко. Дальнейшее является делом стратегии и тактики, и большая часть книги У Ци посвящена таким военным вопросам, как структура соединений, методы контроля, боевые порядки и выбор людей. Он также заостряет внимание на общих вопросах подготовки войск, основанной на традиционном делении их на три армии, и их использовании в обычных порядках. Постоянная тренировка обеспечивает скоординированное, четкое продвижение на поле боя. Единство позволяет применить стратегию, тогда как беспорядок уничтожает всякую тактику и превращает битву в бойню. Небольшие, хорошо организованные силы обычно наносят поражение превосходящим, но лишенным связи и управления войскам. Все силы должны быть полностью объединены в одно целое и немедленно выполнять приказания одного человека. Тогда армия не сломается в столкновении и одержит победу.

Выбор, оценка и мотивация людей

Людей следует выбирать, оценивать и облекать ответственностью, как в ходе боя, так и в гражданской сфере в соответствии с их индивидуальными способностями и опытом. Так как отношение к людям и мотивация являются самым главным в искус-

стве управления, У Ци настаивает на использовании разнообразных психологических приемов для воодушевления воинов. Для успокоенного, хорошо управляемого населения самым главным мотиватором стало бы чувство стыда, ибо люди, дабы избежать позора, предпочтут лучше погибнуть в сражении, чем жить в бесчестии. Позитивной стороной этого станет то, что самоотверженность в сражении и готовность умереть сохранит жизнь не только одному, но и армии в целом.

В отличие от знаменитых мыслителей — легистов периода «Борющихся Царств», У Ци хорошо понимал, что сами по себе награды и наказания недостаточны для обеспечения дисциплины и утверждения желаемых форм поведения. Щедрые награды легко могут явить обратную сторону, вдохновляя на индивидуальные, а не на коллективные действия, побуждая солдат нарушать строй ради личной славы и выгоды. Введение исключительно суровых наказаний для устранения недовольства также окажется неэффективным, ибо нарушители предпочтут скорее убежать, чем оказаться лицом к лицу с последствиями проступка или поражения. Только тогда, когда все способы использованы правильно — включая почитание и поддержку семей погибших в сражении — можно создать дисциплинированную, сильную духом и мощную силу.

Ведение войны и вступление в сражение

Ключом к победе является беспристрастная оценка ситуации, включая взаимоотношение сил, а также понимание и использование потенциальных тактических преимуществ. У Ци дает многочисленные советы насчет способов оценивания врага и его полководца и соотносит национальный характер с боевыми качествами. Он также анализирует общие типы ситуаций в сражении, обсуждая их возможное развитие, разъясняя случаи, когда требуется нападать, а когда отступать и обороняться. Наконец, он перечисляет обстоятельства, при которых противник получает значительное преимущество либо сталкивается с трудностями, и рекомендует соответствующие контрмеры.

Отход от правил обеспечения порядка, тренировки и материального снабжения и другие просчеты создают бреши, которые использует противник. Любой признак внутреннего беспорядка или недовольства, любые изъяны и даже исключи-

тельная сила полководца противника — все это дает реальную возможность для нападения. Шпионы должны добывать необходимую информацию. Следует также проводить пробные атаки, чтобы выведать тактику врага и степень единства его сил. Возможное поведение в бою можно предсказать, исходя из национального характера и местных особенностей. С учетом этого можно разработать специальную тактику.

Некоторые ситуации — например, встреча с уставшим противником — предельно ясны и требуют от полководца без колебаний начать атаку; в других же вступление в сражение будет безумием. Послушных, отдохнувших, единых, укрепленных и правильно управляемых сил противника следует избегать, по крайней мере, до тех пор, пока не применены маневры, хитрость и другие способы. На некоторых типах местности следует быть особенно осторожным, если их не удастся обратить в выгодные. Немногочисленные и находящиеся в трудном положении армии должны всецело использовать естественные преимущества, как то: узкие долины, суровые погодные условия и водные преграды.¹⁰

1. ПЛАНИРОВАНИЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА

У Ци, в одеянии конфуцианца, был принят вэйским Вэнь-хоу для разговора о трудностях войны. Вэнь-хоу сказал:

— Я не люблю военного дела.

У Ци ответил:

— Благодаря видимому я могу проникнуть в сокровенное. Благодаря прошлому я могу оценить будущее. Как ваше величество может говорить, что эта тема не соответствует его мыслям? Сейчас, на протяжении четырех сезонов вы покрываете киноварным лаком кожи убитых животных, раскрашиваете их разными цветами, расписываете их слонами и единорогами. Однако, нося их зимой, не согреешься; нося летом, не будешь ощущать прохлады.

Вы делаете длинные алебарды с наконечниками длиной двадцать четыре фута и короткие алебарды длиной в двенадцать футов. Ваши покрытые кожей колесницы закрывают вход в двери; их колеса — сплошные, а втулки защищены¹¹. Если смотреть на них, они не кажутся красивыми; а для охоты они безусловно недостаточно мобильны. Я не знаю, как использовать их!

Если вы готовите их для того, чтобы нападать или обороняться, но не ищите людей, способных управлять ими, это подобно тому, как если бы несучка бросилась на лисицу или щенок кинулся бы на тигра. Даже если они обладают воинственным духом, они погибнут!

В древности глава клана Чэн Цзан совершенствовал добродетель, но пренебрегал военными делами, и тем самым погубил свое государство. Глава клана Юй Ху полагался на людей и лю-

бил смелость, и поэтому утратил алтари предков. Просвещенный правитель, зная это, обязательно будет поощрять культуру и добродетель у себя в государстве, и в то же время, в соответствии с внешней ситуацией, будет совершать военные приготовления. Поэтому, если, противостоя врагу, не наступаешь, значит, ты не обрел мужества. Если мертвый лежит застывший и ты оплакиваешь его, значит ты не обрел гуманности.

Тут Вэй-хоу сам разостлал циновку для У Ци, а его жена поднесла ему кубок вина. Затем князь совершил возлияния в храме предков, объявив, что он собирается принять У Ци на службу, и назначил его командующим войсками, защищающими Западную реку. Здесь он семьдесят шесть раз участвовал в битвах с другими удельными князьями, одержав в шестидесяти четырех полную победу, остальные сведя вничью. Он расширил земли Вэй во всех четырех направлениях, присоединив к ним несколько тысяч ли. Все это подвиги У Ци.

* * *

У-цзы сказал:

— В древности те, кто планировал государственные дела, первым делом наставляли сто родов и добивались поддержки простого народа.

Существует четыре разногласия: если разногласия в государстве, армию нельзя вывести в поле. Если разногласия в армии, нельзя развернуть строй. Если нет согласия между боевыми порядками, их нельзя вести в бой. Если нет согласия в ведении боя, нельзя рассчитывать на полную победу.

Поэтому, когда правитель, познавший Дао, собирается вести людей, он первым делом приводит их к согласию, и только потом начинает великие дела. Он не полагается только на свои расчеты, но объявляет о них в храме предков, гадает о выгодах по панцирю большой черепахи и ищет их подтверждения у Неба и четырех сезонов. Только если все показания благоприятны, он начнет собирать армию.

Когда люди знают, что правитель ценит их жизни и скорбит по их смерти, если им случается столкнуться с опасностью, они будут считать смерть в наступлении славой, а сохранение жизни путем отступления — позором.

* * *

У-цзы сказал:

— Дао — это то, благодаря чему все поворачивается к основе и возвращается к началу. Справедливость — это то, благодаря чему совершают поступки и достигают результатов. Расчеты — это то, благодаря чему устраняют вред и добиваются выгоды. Существование — это то, благодаря чему выполняют долг и сохраняют достижения. Если поведение не согласуется с Дао, а действие не согласуется со справедливостью, а при этом кто-то живет в знатности и роскоши, несчастья неизбежно обрушатся на него.

Поэтому совершенномудрый удерживает людей на Пути [Дао], отдает приказы посредством справедливости, движет ими посредством норм поведения [ли] и утешает их гуманностью. Культивируй эти четыре добродетели — и будешь процветать. Пренебрегай ими — и погибнешь.

Поэтому, когда Чэн Тан убил жестокого тирана Цзе, люди Цзе возрадовались, а когда чжоуский У-ван напал на подлого правителя Чжоу [из династии Инь], народ Инь не осудил его. Так как их действия согласовывались с Небом и Человеком, они смогли процветать.

* * *

У-цзы сказал:

— Управляя государством и приказывая армии, необходимо наставлять их в соответствии с нормами поведения [ли], воодушевлять их справедливостью и воспитывать в них чувство стыда. Ибо если люди обладают чувством стыда, то в лучшем случае этого будет достаточно, чтобы вести войну, а в худшем — чтобы сохранить государство.

Одержат победу в битве легко, удержать победу трудно. Поэтому сказано, что когда государства воюют в Поднебесной, тот, кто одержит пять побед, столкнется с несчастьем; кто одержит четыре победы, истощит свои силы; кто одержит три победы, станет гегемоном; кто одержит две победы — станет правителем; кто одержит одну победу — станет императором. Поэтому, тех, кто благодаря многочисленным победам покорил мир, очень мало; тех же, кто погиб при этом — много.

* * *

У-цзы сказал:

— Есть пять причин, по которым поднимаются войска: подвиг, выгода, вражда, смута и голод. Названий [армий] также пять: «справедливая армия», «сильная армия», «уязвленная армия», «свирепая армия» и «поедающая себя армия». Подавление жестоких и порочных и спасение людей от хаоса — это «справедливость». Опора на [мощь] войска при нападении называется «силой». Поднятие армии из чувства гнева называется «уязвленностью». Пренебрежение законами и ненасытный поиск выгоды называется «свирепостью». Когда в стране разруха и люди истощены, начинать войну и поднимать армию — это называется «поеданием себя». У каждой из них — свое Дао. В случае справедливой ее подчиняют пристойностью. В случае сильной ее подчиняют почтительностью. В случае уязвленной ее подчиняют сладостью речи. В случае свирепой ее подчиняют обманом. В случае поедающей себя ее подчиняют рассчитанной тактикой.

* * *

У-хоу спросил:

— Могу я спросить о Пути [Дао] повелевания войсками, оценивания людей и защиты государства?

У Ци ответил:

— Просвещенные правители древности неуклонно соблюдали нормы поведения [ли] в отношениях со своими министрами; проявляли различия между рангами; расселяли и собирали чиновников и людей; считались с обычаями народа, чтобы наставлять его, а также выбирали и приближали талантливых, чтобы быть готовыми к неожиданному.

В прошлом князь Хуань-гун из Ци собрал пятьдесят тысяч воинов и стал гегемоном над другими князьями¹². Князь Вэнь-гун из Цзинь призвал сорок тысяч в свои отборные части и затем осуществил свое желание [стать гегемоном]. Князь Му-гун из Цинь возглавил тридцать тысяч воинов и покорил врагов-соседей.

Поэтому правитель сильного государства должен различать своих людей. Среди них те, кто обладает мужеством и силой, должны быть собраны в один отряд. Те, кто радостно идет в бой

и отдает все силы, чтобы проявить верность и мужество, должны быть собраны в другой отряд. Те, кто может высоко карабкаться и совершать дальние переходы, кто быстр и проворен, должны быть собраны вместе. Чиновники, утратившие положение и желающие выслужиться, должны быть собраны в один отряд. Те, кто бросил свои города или бежал и хочет смыть позор, должны быть собраны вместе. Эти пять составят отборный костяк армии. Стремя тысячами таких людей изнутри можно ударить и прорвать любое окружение, а извне можно ворваться в любой город и уничтожить защитников.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Я хотел бы услышать о пути, позволяющем боевым порядкам быть непоколебимо прочными, обороне неизменно крепкой, а победе в сражении — гарантированной.

У Ци ответил:

— Это легко прояснить, но почему Вы спрашиваете только об этом? Если вы сделаете так, что наверху будут достойные, а внизу — недостойные, то боевой порядок будет непоколебимо прочен. Если народ спокойно занимается сельским хозяйством и послушен местным чиновникам, оборона будет неизменно крепка. Когда сто родов приветствуют своего правителя и осуждают соседние государства, тогда вы обязательно победите в сражении.

* * *

У-хоу занимался государственными делами, и никто из его многочисленных министров не мог сравниться с ним. Распустив их, он принял довольный, самоуверенный вид. У Ци вошел и сказал:

— Однажды в древности, когда чуский правитель Чжуанван планировал дела государства, он понял, что никто из его министров не сравнится с ним по талантам. Распустив их, он принял озабоченный вид. Шэнь-гун спросил его: «Чем вы, мой правитель, столь озабочены?» Тот ответил: «Я слышал, что в мире нет недостатка в совершенномудрых, в государстве нет недостатка в достойных. Тот, кто получит их в учителя, станет властелином Поднебесной, тот, кто получит их в друзья, станет гегемоном.

У меня нет талантов, однако никто из моих министров не может даже сравниться со мной. Наше государство Чу в большой беде». Это озаботило правителя Чу, а вы довольны этим. Поэтому я очень боюсь!

У-хоу был растерян.

2. ОЦЕНКА ПРОТИВНИКА

Князь У-хоу обратился к У Ци:

— Ныне Цинь угрожает мне с запада, Чу окружает меня на юге, с Чжао я сталкиваюсь на севере, Ци поднимается на нас на востоке, Янь отрезает мне путь назад, а Хань занимает земли впереди. Если защищаться от армий шести государств на всех направлениях, наше положение выглядит очень неблагоприятно. Я обеспокоен. Что с этим поделать?

У Ци ответил:

— Подлинное сокровище на Пути [Дао] обеспечения безопасности государства — это предусмотрительность. Если вы обеспокоены, несчастий можно избежать. Позвольте мне обсудить нравы и обычаи этих шести царств.

Так как армии Ци многочисленны, они непрочны. Армии Цинь — разделены, а воины сражаются каждый сам по себе. В армии Чу порядок, но они не упорны. Армия Янь умеет обороняться, но не легка. В армиях трех Цзинь есть порядок, но они бесполезны.

Нрав людей Ци — суровый, их страна процветает; но правитель и министры надменны и расточительны, вредят простому народу. Чиновники — многочисленны, награждения несправедливы. Каждое соединение разрывается, передний край крепок, а задний — вял. Поэтому, хоть они и многочисленны, но непрочны. Дао нападения на них состоит в том, чтобы разделить их на три части, изматывать и преследовать их слева и справа, постоянно угрожать и идти за ними, и тогда они могут быть разбиты.

Характер людей Цинь — сильный, земля — гористая, а правление — жестокое. Наградам и наказаниям верят; люди ни в чем не уступают, они вспыльчивые и вздорные. Поэтому они рассыпаются и сражаются каждый сам по себе. Дао нападения на них состоит в том, чтобы сперва завлечь их выгодой. Воины

Цинь жадны, они бросят своих полководцев и пойдут за ней. Если это использовать, можно обрушиться на их рассеянные ряды, спрятать засады, улучшить момент, и тогда их полководца можно пленить.

У людей Чу нрав слабый, земли обширны, правление мешает [народу], и люди — устали. Поэтому, хотя у них порядок, они не могут долго удерживать свои позиции. Дао нападения на них состоит в том, чтобы нанести внезапный удар и вызвать беспорядок в лагере. Первым делом лишить их «ци» — немного сжимаемая и быстро отходя, утомляя их и истощая силы, и не давая сражения. Тогда их армию можно разбить.

Нрав людей Янь — искренний и прямой. Люди там трудолюбивы; они любят мужество и справедливость и редко хитрят. Поэтому они будут упорны, но не легки. Дао нападения на них состоит в том, чтобы нанести удар и давить; сделать выпад и отойти на расстояние; затем вновь ударить и отстать, тогда верхи будут сомневаться, а низы будут в страхе. Будь внимателен к нашим колесницам и коннице, избегая открытой местности, и тогда их полководца можно пленить.

Три Цзинь — срединные государства. Нрав людей — гармоничный, а правление — справедливое. Население устало от войны, но умеет держать оружие в руках и не боится своих командиров. Награды малы, а так как командиры не желают сражаться не на жизнь, а на смерть, армия хоть и управляется, но бесполезна. Дао нападения на них состоит в том, чтобы давить на их боевые ряды, а когда появятся главные силы — противостоять им. Когда они повернут, преследуй, чтобы утомить их. Такова стратегическая мощь этих царств.

В своей армии необходимо иметь воинов с отвагой тигров, силы которых хватит, чтобы легко поднять треножник, и быстрых, как кони варваров. Чтобы напасть на противника и захватить его полководца, нужны такие люди. Если они есть, отбери их и собери [в специальные отряды]; будь к ним благосклонен и уважителен. Их называют «судьбой армии». Тех, кто умело владеет пятью видами оружия¹³, кто силен и быстр, полон решимости уничтожить врага, следует наградить и уважить, ибо они смогут решить исход битвы. Если ты великодушен к их родителям, женам и детям; вдохновляешь их наградами и устрашаешь наказаниями, эти сильные воины, находясь в строю, будут твер-

до и упорно стоять там, где потребуется. Если сумеешь распознать и оценить таких людей, то сможешь атаковать вдвое более сильного противника.

У-хоу воскликнул:

— Хорошо!

* * *

У-цзы сказал:

— При оценке противника в восьми случаях вступают в сражение, не прибегая к гаданиюю.

Первый, когда при суровом ветре и жестоком холоде враг встает рано и уходит, едва отдохнув, взламывая лед, чтобы перейти водные преграды, не боясь никаких трудностей.

Второй, в палящий зной в середине лета, когда он поднимается поздно и без отдыха в спешке идет вперед, не обращая внимания на голод и жажду, желая только достичь далекой цели.

Третий, когда армия долго в походе, запасы провианта истощены, сто родов возмущены и гневаются, появляются многочисленные неблагоприятные знамения, а полководец не в состоянии избежать их последствий.

Четвертый, когда запасы армии истощены, хвороста и сена мало; погода облачная и дождливая и даже если противник желает грабить, ему негде это сделать.

Пятый, когда воинов немного; условия местности и водные преграды неблагоприятны; люди и лошади слабы и изнурены, а от союзников нет помощи.

Шестой, когда путь далек, а солнце садится; командиры и солдаты долго шли и полны страха; они устали и не ели, сняв доспехи, они отдыхают.

Седьмой, когда полководец слаб, командиры неуверенны, среди командиров и солдат нет единства; три армии все время испуганы, и нет никакой помощи.

Восьмой, когда боевые порядки врага не выстроились; разбивка лагеря не закончилась, или же они преодолевают опасную местность и узкие ущелья, наполовину скрыты, а наполовину видны.

В этих восьми случаях нападай на врага без сомнений.

Есть шесть условий, при которых, не прибегая к гаданиюю, следует избегать столкновения.

Первое, когда земли у противника обширны, а народ благополучен и многочисленен.

Второе, когда правитель любит народ, а его милость простирается [на всех].

Третье, когда наградам доверяют, а наказания справедливы; и те, и другие используются в нужное время.

Четвертое, когда люди получают ранги по заслугам, а в государстве противника на должности назначают достойных и используют способных.

Пятое, когда силы врага огромны, а доспехи и оружие — отборны.

Шестое, когда противник получает помощь от всех соседей и поддержку сильного государства.

Во всех этих случаях мы не равны противнику, поэтому следует без колебаний избегать его. Это то, что называется «видеть возможность и наступать, видеть трудность и отходить».

* * *

Князь У-хоу спросил:

— По внешнему виду врага я хотел бы знать о его внутреннем состоянии; наблюдая за его движением, я хотел бы знать, где он остановится, дабы определить победу и поражение. Могу я услышать об этом?

У Ци ответил:

— Если противник приближается бездумно и безрассудно, если знамена и флаги перемешаны и в беспорядке, если люди и кони глядят по сторонам, тогда один отряд может атаковать десять, и они будут беспомощны.

Если удельные князья еще не собрались, между правителем и министрами нет согласия; рвы и валы не построены, запреты и указы не изданы, а три армии возмущаются — желая наступать, но будучи неспособными это сделать, желая отступить, но не осмеливаясь — тогда можно атаковать с вдвое меньшими силами и не потерять и ста воинов.

* * *

У-хоу спросил:

— Существует ли Дао обязательного нападения на противника?

У Ци сказал:

— Ведя войну, необходимо выяснить слабые и сильные стороны врага и спешить, [чтобы воспользоваться] его слабым местом. Если противник только что прибыл издалека и его боевые построения еще не в порядке — напасть на него. Если враг поел, но еще не разбил лагерь — напасть на него. Если враг суетится — напасть на него. Если он слишком занят — напасть на него. Если он еще не воспользовался выгодами местности — напасть на него. Если он потерял время и не воспользовался моментом — напасть на него. Если он совершил длительный переход, и задние ряды не отдохнули — напасть на него. Если он переходит реку, и только половина сил перешла на другую сторону — напасть на него. Если он на узких и стиснутых дорогах — напасть на него. Если флаги и знамена врага беспорядочно движутся — напасть на него. Если его построения часто переходят с места на место — напасть на него. Если полководец отделен от своих солдат — напасть на него. Если враг напуган — напасть на него. При этих условиях нужно отобрать лучшие части, чтобы обрушиться на врага, разделить оставшиеся силы и продолжать наступление — проводя атаку быстро и решительно.

3. УПРАВЛЕНИЕ АРМИЕЙ

У-хоу спросил:

— Что является самым главным в ведении войны?

У Ци ответил:

— Прежде нужно прояснить четыре [принципа] легкости, два — тяжести, и один — веры.

Князь спросил:

— Что вы имеете в виду?

Тот ответил:

— Необходимо использовать местность так, чтобы она была легка для лошадей; лошадей так, чтобы они легко несли колесницы; колесницы так, чтобы они легко несли людей; людей так, чтобы они легко вступали в сражение. Если хорошо знать предательскую и удобную местность, то местность будет легка для лошадей. Если у них есть в нужное время зерно и сено, лошади будут легко нести колесницы. Если оси хорошо смазаны, колес-

ницы будут легко нести людей. Если оружие острое, а доспехи — прочные, люди будут легко вступать в сражение. За наступление должны полагаться щедрые награды, за отступление — тяжелые наказания; их следует применять своевременно, тогда им будут верить. Если вы сможете достичь этого, то это будет ключом к победе.

* * *

У-хоу спросил:

— Что обеспечит победу солдатам?

У Ци ответил:

— Управление — это главное.

У-хоу спросил снова:

— А разве не число?

— Если законы и приказания неясны, а наградам и наказаниям не доверяют; если звук гонга не заставляет людей остановиться, а бой барабана не заставляет идти вперед, тогда, даже если у вас будет миллион человек, что от них проку? То, что понимается под «управлением», это когда в лагере люди соблюдают нормы поведения, а в бою проявляют устрашающую силу. Когда они наступают, им невозможно противостоять; когда они отступают, их невозможно преследовать. Их наступление и отход взвешены; левые и правые смотрят на сигнальные флажки. Даже будучи отрезанными от основных сил, они сохраняют боевой строй; даже будучи рассеянными, они вновь встают в ряд. Они поддерживают друг друга в спокойной обстановке, они вместе в случае опасности. Их можно собрать вместе, но нельзя разъединить. Их можно использовать, но нельзя утомить. Куда бы их не послали, никто в Поднебесной не сможет выстоять против них. Они называются «войсками отца и сына».

* * *

У-цзы сказал:

— В целом, Дао командования армией состоит в том, чтобы в походе знать меру продвижения и остановки; не нарушать распорядка еды и питья и не истощать силы людей и лошадей. При этих трех условиях войска могут следовать приказам вышестоящих. Когда приказам вышестоящих следуют, осуществляется управление. Если продвижение и отдых несоразмерны, если

люди не пьют и не едят вовремя, и если, когда лошади устали, а у людей нет сил, им не разрешают разбить лагерь и отдохнуть — они не смогут выполнить приказы полководца. Когда приказам полководца не следуют, в лагере войска будут в беспорядке, а на поле боя они будут разбиты.

* * *

У-цзы сказал:

— На поле битвы — которое вскоре станет могилой — если солдаты сражаются не на жизнь, а на смерть, они останутся живы, а если ищут возможности выжить, погибнут. Хороший полководец будет действовать так, как будто бы [они были] в тонущей лодке или заперты в горящем доме — для мудрого нет времени, чтобы составить план, а для отважного — чтобы ожесточиться. Только схватка с врагом может помочь! Поэтому сказано, что величайшее зло, которое может быть в управлении армией — это колебания, а бедствия, обрушивающиеся на три армии, рождаются из сомнений.

* * *

У-цзы сказал:

— Люди постоянно гибнут из-за неумения и терпят поражения от незнания. Поэтому среди правил ведения войны, первое — это обучение и разъяснение. Один человек, обученный военному делу, может обучить десять человек. Десять человек, изучивших военное дело, могут преподать его ста. Сто таких людей могут обучить тысячу. Одна тысяча — десять тысяч, а десять тысяч, обученных военному делу, научат этому все три армии.

С близкими ожидай далеких, с бодрыми ожидай усталых, с сытыми ожидай голодных.

Построй их в круговые порядки, затем измени их на квадратные. Пусть они сядут, потом встанут; движутся, затем остановятся. Пусть они поворачивают налево и направо, идут вперед и назад. Пусть они разделяются и соединяются, собираются и рассыпаются. Когда все эти изменения им знакомы, дай им оружие. Это называется «делами полководца».

* * *

У-цзы сказал:

— Основное правило войны, которому следует обучать, состоит в том, чтобы низкие ростом несли алебарды с наконечниками и копья, а высокие — луки и арбалеты. Сильные должны нести флаги и знамена; отважные — колокола и барабаны. Слабых используют на вспомогательных работах, а мудрые должны заниматься расчетами.

Уезды и деревни следует собирать вместе, а подразделения по пять и десять человек должны составить основу взаимной помощи и поруки. Когда раздается один удар барабана, они должны приготовить оружие; два удара — занять тот или иной порядок; три удара — они должны быстро поесть; четыре удара — построиться к последнему смотру; пять ударов — они должны выступить. Только после того, как раздастся согласованный барабанный бой, следует поднимать знамена.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Есть ли Дао движения и остановки трех армий?

У Ци ответил:

— Не сталкиваться с «небесным горном» или «головой дракона». «Небесный горн» — это горловина глубокой долины. «Голова дракона» — это основание высокой горы. Следует держать знамя зеленого дракона слева, знамя белого тигра — справа, знамя красной птицы — впереди, знамя черной черепахи — позади, а огонь — наверху, откуда ведется управление. Когда собираешься вступить в битву, определи направление ветра. Если ветер благоприятствует, издай клич и иди по ветру; если ветер встречный, займи прочную оборону и жди врага.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Есть ли правила ухода за колесницами и конницей?

У Ци ответил:

— Лошадей следует правильно размещать, чтобы трава и вода были подходящими, и кормить их так, чтобы они не были ни голодны, ни пресыщены. Зимой они должны находиться в теплых конюшнях, а летом — под прохладой навесов. Гриву и

хвост им надо подрезать, а о копытах — заботиться. Необходимо использовать шоры для глаз и щитки для ушей, чтобы они не пугались и не боялись. Обучай их галопу и погоне, пусть они беспрекословно повинуются при движении и остановке. Люди и лошади должны быть привязаны друг к другу; только тогда их можно использовать.

Снаряжение для колесниц и конницы — седла, уздечки, удила и поводья — должны быть прочными и в необходимом количестве. Обычно лошади не получают ранений в конце сражений, им всегда наносят ранения в начале. Точно так же им не столько вредит голод, сколько перенасыщение. Когда солнце садится, а путь еще длинный, всадники должны часто спешиваться, ибо пусть лучше устанут люди, чем утомятся кони. Необходимо всегда направлять движение, чтобы сохранить силы на случай внезапного нападения врага. Каждый, кто поймет это, сможет беспрепятственно пересечь Поднебесную.

4. ДАО ПОЛКОВОДЦА

У-цзы сказал:

— Командующий тремя армиями должен сочетать гражданские и военные способности. Руководство армией требует жесткости и легкости одновременно. Часто, обсуждая дела полководца, люди говорят лишь о его мужестве. Но мужество — лишь одно из многих качеств полководца, ибо мужественный необдуманно вступит в сражение с врагом. Необдуманно вступать в сражение с противником, не зная его преимуществ и недостатков, нельзя. Есть пять принципов, которым полководец должен уделять пристальное внимание: первый — приведение в порядок; второй — подготовленность; третий — храбрость; четвертый — осторожность; пятый — простота. Приведение в порядок — это управление многочисленным войском словно несколькими людьми. Подготовленность — это значит выходить из городских ворот так, как будто бы видишь врага. Храбрость означает вступать в сражение, на заботясь о своей жизни. Осторожность означает, что после битвы все так, как будто в битву только идти. Простота означает, что законы и приказы кратки и точны.

Принять мандат [командования] без колебаний, уничтожить врага и только потом говорить о возвращении — вот должная форма поведения полководца. Поэтому, когда армия идет вперед, его единственной мыслью должна быть мысль о славе, кою принесет смерть, а не о позорном выживании.

* * *

У-цзы сказал:

— В целом, в войне есть четыре жизненных силы: ци, местность, действия и мощь. Когда войска трех армий — миллион солдат — развернуты в правильный порядок в соответствии с различными силами каждого, это называется «жизненной силой ци». Когда дорога узкая, а путь — опасный; когда горы круты и десять человек защищают место, где не сможет пройти и тысяча — это называется «жизненной силой земли». Когда используют тайных шпионов; с немногими изматывают врага, вынуждая его рассыпаться; возбуждают ненависть между правителем и министрами и вражду верхов и низов — это называется «жизненной силой действий». Когда у колесниц прочные оси и надежные болты; у лодок удобные руль и весла; командиры хорошо знакомы с боевыми порядками, а лошади обучены преследованию и маневрированию, это называется «жизненной силой мощи». Тот, кто знает эти четыре, может быть полководцем. Его устрашающей силы, добродетели, гуманности и мужества должно хватить, чтобы руководить подчиненными и управлять войсками. Более того, он должен внушать страх противнику и разрушать сомнения. Когда он отдает приказы, никто не осмеливается не подчиниться. Где бы он ни был, ему не страшны заговоры. Приобретя его, государство станет сильным; потеряв его, оно погибнет. Вот что относится к «хорошему полководцу».

* * *

У-цзы сказал:

— Различными барабанами, гонгами и колоколами устрашают уши; флагами и знаменами, флажками и стягами устрашают глаза; запретами, приказами, наказаниями и штрафами устрашают умы. Когда уши устрашены звуками, они не могут не стать восприимчивыми. Когда глаза устрашены цветом, они не могут не стать различающими. Когда умы устрашены карами,

они не могут не стать строгими. Если не установлены эти три вещи, то, даже имея поддержку государства, неизбежно будешь разбит врагом. Поэтому сказано, что, где бы ни были знамена полководца, все последуют за ним; куда бы не указал полководец — туда пойдут все, невзирая на смерть».

* * *

У-цзы сказал:

— Самое главное в сражении следующее. Первым делом надо попытаться предугадать замыслы полководца противника и оценить его способности. По положению использовать тактику, тогда не устанешь, но сможешь достичь результата. Если полководец глуп и доверчив, его можно обмануть и перехитрить. Тому, кто жаден и не беспокоится о своей репутации, можно поднести дары и подкупить его. Того, кто легко меняет свои решения и не имеет настоящего плана, можно измотать и довести до несчастья. Если верхи надменны и чванливы, а низы возмущены и бедны, их следует разделить. Если наступление и отход противника неуверенны, и войскам не на кого положиться, их можно обратить в бегство. Если командиры ненавидят полководца и хотят вернуться домой, то, если закрыть легкие пути и оставить открытыми ловушки, на них можно напасть и захватить. Если местность, по которой враг наступает, легка, а дорога назад трудна, его можно заставить идти вперед. Если путь вперед труден, а дорога назад — легка, следует приблизиться и атаковать. Если противник разбил лагерь в низкой, заболоченной местности, откуда нет стока воды, то, если несколько раз прошел сильный дождь, можно пустить воду и затопить его. Если враг разбил лагерь в дикой местности или на поросшем густой травой и кустарником поле, то, если вдруг поднимется сильный ветер, можно поджечь поле и уничтожить его. Если же он не разбивает лагеря долгое время, полководец и командиры расслаблены и ленивы, а армия не подготовлена — можно подкрасться и неожиданно обрушиться на него.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Когда наши армии стоят друг против друга, но я не знаю их полководца, какие методы можно применить, чтобы проникнуть в его [замыслы]?

У Ци ответил:

— Прикажи самым отважным из низов встать во главе небольшого легкого отряда и проверить его. [Когда враг ответит], они должны бежать назад, а не сражаться. Затем изучи наступление противника, являются ли его действия слаженными, и сохраняется ли при этом организованность; если он, преследуя отступающих, показывает, что не может их поймать, или, если ему подвернулась выгода, показывает, что не видит ее — такого полководца можно назвать «мудрым полководцем». Не вступай с ним в сражение.

Если войска противника приближаются с шумом и криками, их знамена и флаги перемешаны, одни воины продвигаются сами по себе, а другие — останавливаются; оружие то поднято вверх, то выставлено вперед; если они преследуют наши войска так, будто боятся, что не настигнут нас, а видя преимущество, бояться не воспользоваться им — это означает, что полководец у врага глуп. Даже если его войска многочисленны, его можно захватить.

5. ИЗМЕНЕНИЯ

Князь У-хоу спросил:

— Если колесницы прочны, лошади — великолепны, полководец — отважен, а солдаты — сильны, но, внезапно столкнувшись с врагом, они приходят в беспорядок и нарушают строй, что можно сделать?

У Ци ответил:

— В целом, существует правило битвы, гласящее, что днем флаги, знамена, знаки и стяги отмеривают, а ночью барабаны, гонги, флейты и свистки взвешивают. Когда сигналият «налево», следует идти налево; когда «направо», то направо. Когда раздастся бой барабана, войска идут, когда звук гонга — останавливаются. Когда флейта играет первый раз, они должны занять строй, играет два раза — собраться вместе. Казни любого, кто не следует приказам. Когда три армии подчиняются твоей устрашающей силе, а командиры и солдаты повинуются приказаниям, тогда в сражении не будет врага сильнее тебя, и никакая оборона не выстоит, если ты нападешь.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Если враг многочисленный, а нас мало, что я могу сделать?

У Ци ответил:

— Избегай врага на удобной местности, нападай на узких участках. Поэтому сказано, что для того, чтобы один мог напасть на десятерых, нет места лучше, чем узкое ущелье. Чтобы десять могли напасть на сотню, нет места лучше, чем глубокий овраг. Чтобы тысяча могла напасть на десять тысяч, нет места лучше, чем опасный проход. Поэтому, если неожиданно напасть с малыми силами — ударяя в гонги и барабаны — на сжатой со всех сторон дороге, то даже если враг очень велик, он будет, как пойманная рыба. Поэтому сказано: с большими силами располагайся на удобной местности, с малыми силами располагайся, используя естественные преграды, на узкой местности.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Когда силы врага исключительно многочисленны, воинственны и отважны. Когда позади них овраги и опасные проходы, справа горы, слева — река. Когда у них глубокие рвы и высокие валы, а позиции защищают арбалетчики с тугими самострелами. Когда их отступление подобно движению горы, а наступление подобно буре. Когда запасов провианта у них много, а выстоять против них очень трудно. Что нужно сделать?

У Ци ответил:

— Поистине великий вопрос! Здесь дело не в силе колесниц и конницы, но все зависит от [обладания] стратегией совершенномудрого. Если подготовить тысячу колесниц и десять тысяч конницы, а в поддержку им дать пехотинцев, их можно разделить на пять частей, каждая из которых пойдет по своему направлению. Если пять отрядов вместе выступят по пяти различным направлениям, противник будет растерян и не будет знать, где собрать свои силы. Если враг укрепляет оборону, чтобы объединить свои войска, быстро пошли шпионов, чтобы разведать его замыслы. Если он прислушивается к нашим доводам, он оставит позиции и уйдет. Если он не прислушивается, он убьет наших посланцев и сожжет договор. Тогда раздели силы и начинай сразу пять сражений. Однако, если

победишь в каком-либо из пяти сражений, не преследуй отступающего противника. Если не победишь, отходи в быстрой спешке, тем самым показывая, что отступаешь. Затем перестройся и быстро напади на врага. Пусть один отряд завяжет бой спереди, другой сзади, а два других бесшумно двигаются справа и слева, чтобы внезапно атаковать. Если пять отрядов ударят одновременно, они получают преимущество. Таково Дао нападения на сильного врага.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Враг рядом и теснит нас. Даже если я хотел бы отступить, у меня нет пути. Мои воины перепуганы. Что я могу сделать?

У Ци ответил:

— В таком случае поступают следующим образом. Если у нас войск много, а у противника мало, раздели свои силы и нападай. Если наоборот, у него войск много, а у нас мало, тогда гибкостью изматывай его, не давая передохнуть. Тогда, даже если враг многочисленный, его можно заставить покориться.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Если я столкнулся с врагом в глубокой долине, где ущелья и овраги окружают нас со всех сторон, а его войска многочисленны, в то время как у нас их мало. Что я должен делать?

У Ци ответил:

— Быстро переходи через холмистые районы, леса, долины, высокие горы и обширные болота. Не медли. Если вдруг в горах или долине армии столкнуться друг с другом, необходимо первым ударить в барабаны и поднять шум — и под прикрытием этого выдвинуть вперед лучников и арбалетчиков, чтобы они стреляли в противника и захватывали пленных. Внимательно следи за порядком у врага; если он перепуган, атакуй без сомнения.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Слева и справа высокие горы, а местность очень узкая и тесная. Если встретившись с врагом, мы не осмеливаемся вступить в бой, но и не можем отступить, что тогда?

У Ци ответил:

— Это называется «войной в долине». Даже если у нас много войск, они бесполезны. Пусть самые талантливые командиры противостоят врагу, а легкая пехота с лучшим оружием встанет впереди. Раздели колесницы и построь конницу, укрыв их на расстоянии нескольких ли по всем четырем направлениям так, чтобы они не были видны. Враг, безусловно, сожмет оборонительные ряды, не осмеливаясь ни наступать, ни отходить. Затем покажи свои флаги и расположи знамена, спустись с горы и стань лагерем. Враг обязательно будет испуган, и наши колесницы и конница должны будут все время тревожить его, не давая передышки. Таково Дао войны в долине.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Если мы сталкиваемся с противником на обширной заболоченной местности, где колесницы погружаются в воду по самые дышла; конница и колесницы продвигаются с трудом; у нас не приготовлены лодки и весла, поэтому мы не можем ни наступать, ни отходить, что нам следует сделать?

У Ци ответил:

— Это называется «войной на воде». Не используй колесницы и конницу, пусть они останутся с краю. Заберись на возвышение и осмотри по сторонам. Необходимо оценить условия и протяженность водной преграды и измерить глубину воды. Затем можно использовать необычную стратегию¹⁴ для достижения победы. Если противник начал переходить через водную преграду, нападай, когда перешла половина войск.

* * *

Князь У-хоу спросил:

— Когда долго шел дождь, так, что лошади проваливаются в грязь, а колесницы застревают, враг атакует со всех четырех сторон и три армии перепуганы, что я должен делать?

У Ци ответил:

— В целом, не следует использовать колесницы, когда погода дождливая, а земля болотистая, их нужно использовать в жаркую и сухую погоду. Ищи возвышенности и избегай низин. Когда двигаешь отборные колесницы, наступая или отходя, смотри на дорогу. Если противник выступает, иди по его следам.

* * *

У-хоу спросил:

— Если вдруг появляются жестокие разбойники — опустошая наши поля и земли, захватывая скот и лошадей — что следует делать?

У Ци ответил:

— Когда появляются жестокие разбойники, необходимо внимательно оценить их силы и занять прочную оборону. Не отвечай на их выпады [вступая в бой]. Когда к концу дня они соберутся уходить, их груз будет тяжел, а сердца неизбежно перепуганы. Отходя, они будут бежать, и обязательно будут отставшие. Тогда следует преследовать и атаковать, и их можно будет разбить.

* * *

У-цзы сказал:

— Дао нападения на врага и осады городов заключается в следующем: когда города пали, войди в каждый дворец, позаботься о чиновниках и собери инструменты [управления]. Однако, куда бы ни направлялась армия, не срубай деревьев, не разрушай дома, не забирай зерно, не убивай животных, не сжигай запасов. Тем самым покажешь населению, что не таишь зла. Прими тех, кто хочет подчиниться, и успокой их.

6. ВООДУШЕВЛЕНИЕ КОМАНДИРОВ

Князь У-хоу спросил:

— Если наказания сделать суровыми, а награды — понятными, этого достаточно для победы?

У Ци ответил:

— Что касается суровости и ясности, я не могу ответить на все. В любом случае, это не то, на что можно положиться. Только когда объявляешь приказы и отдаешь команды, и люди рады слышать их; когда поднимаешь армию и собираешь войска, и люди рады сражаться; когда скрещивается оружие и звенят клинки, и люди радостно умирают — вот те три вещи, на которые правитель может положиться.

У-хоу спросил:

— Как достичь этого?

У Ци ответил:

— Необходимо выделить людей по заслугам и почтить их великим пиром, в то же время воодушевляя тех, кто еще не отличился.

Тогда князь У-хоу приказал постелить циновки в три ряда в храме предков и устроил пир для командиров и главных чиновников. Прославленных своими заслугами он усадил в первый ряд и угощал лучшими блюдами и тремя видами мяса на драгоценной утвари. Следующих по заслугам он усадил в средний ряд и угощал прекрасными яствами, но утварь была скромнее. Тех, кто ничем не отличился, он усадил в третий ряд и угощал скромными яствами на простой утвари. Когда пир закончился и они вышли, он так же почтил родителей и семьи достойных за воротами храма, опять-таки по заслугам. Ежегодно он отправлял посланников, чтобы призвать семьи тех, кто погиб на службе государству, и помогал их родителям. Делая так, он показывал, что их не забыл.

Он поступал так три года, и тут Цинь собрало армию и подошло к области Западной реки. Когда воины Вэй слышали об этом, тех, кто надел доспехи и с радостью атаковал врага, не дожидаясь приказаний вышестоящих, были десятки тысяч.

* * *

Князь У-хоу призвал У Ци и сказал:

— Ваши предыдущие наставления возымели действие.

У Ци ответил:

— Я слышал, что у людей есть сила и есть слабости, что их ци приливает и отливает. Если государь желает проверить пятьдесят тысяч прежде не имевших заслуг людей, я хотел бы возглавить их и повести на врага. Если Цинь не победит, удельные князья будут смеяться над ним, и оно утратит власть над миром.

Если в лесу спрятался кровожадный разбойник, то даже если тысяча человек будет идти по его следу, они будут оглядываться, как совы, и смотреть по сторонам, как волки. Почему? Каждый боится, что тот вдруг выскочит и кинется именно на него. Так, один человек, забывающий о жизни и смерти, может испугать тысячу. Сейчас я могу взять пятьдесят тысяч и сделать из них такого же кровожадного разбойника. Если повести их против Цинь, мы обязательно создадим трудности для врага!

Тогда князь У-хоу согласился с ним, дав ему еще пятьдесят отборных колесниц и три тысячи всадников. Они разбили пятисоттысячную армию Цинь, и это было результатом политики воодушевления воинов.

За день до сражения У Ци сказал трем армиям:

— Все командиры и вспомогательные войска должны биться с врагом, преследовать его и захватывать колесницы, всадников и пехоту. Если колесницы не захватят колесниц противника, конница не пленит его всадников, а пехота не возьмет в плен его пеших воинов, то, даже если мы одержим полную победу, ни у кого не будет заслуг.

Поэтому в день битвы его приказания ни для кого не были обременительны, а его устрашающая сила потрясла Поднебесную.

Примечания

1. «Чжань го цэ» — исторический труд, составленный в I в. до н. э. ханьским историографом Лю Сяном. Посвящен политическим и военным перипетиям эпохи «Борющихся Царств».

«Люй-ши чунь цю» («Весны и Осени господина Люя») — сочинение III в. до н. э.. По свидетельству «Ши цзи», «написан по заказу Люй Бу-взя, первого министра царства Цинь. Книга была призвана стать сборником всех видов знания. В книге отражены взгляды основных философских школ Древнего Китая». Согласно легенде, Список был вывешен на воротах столицы, вместе с тысячью золотых, обещанных в награду тому, который сможет убрать из текста или добавить хотя бы один иероглиф. — «Китайская философия», М., 1994, с. 195.

2. Конфуций умер в 479 г. до н. э. Цзэн цзы (505–436 гг. до н. э.) был одним из его учеников. Поэтому очевидно, что У Ци мог учиться только у сына Цзэн-цзы — Цзэн Шэня.

3. Высокопоставленный чиновник из Ци устроил свадьбу У-цзы со своей дочерью, ибо был восхищен, когда встретился с ним во время своего пребывания в Лу.

4. Ли Кэ и Си-мэнь Бао были ближайшими сподвижниками Вэнь-хоу в проведении реформ в царстве Вэй.

5. Комментаторы отмечают сомнительность этого факта. Если речь действительно идет о защитниках союзов «по горизонтали» и «по вертикали», то они появились лишь пятьдесят лет спустя. Данное положение свидетельствует, по мнению многих, о поздней редакции текста.

6. Тяжкие преступления влекли за собой уничтожение не только виновных, но и их родственников, вплоть до третьей степени родства.

7. Обладать чином «дафу» мог только принадлежащий к знати и имеющий воинский ранг.

8. Иная версия смерти У Ци.

9. Кистью писали иероглифы на дощечках, ножом же исправляли ошибки (соскабливая неправильно написанное).

10. Первое русское исследование трактата У Ци см.: Конрад Н.И. У-цзы. Трактат о военном искусстве. М., 1958.

11. Колеса закрывались, чтобы воины противника не могли препятствовать движению колесниц, просовывая копья между спицами.

12. Хуань-гун был первым гегемоном, властвовавшим под предлогом поддержки Чжоу.

13. Классификация пяти видов оружия различна. В «Хуайнань-цзы», философском трактате II в. до н. э., перечисляются: нож, меч, копье, алебарда и стрелы.

14. Стратагема (моу) — план, включающий в себя обман или хитрость и представляющий ловушку для врага.

5

Вэй Ляо-цзы

尉繚子

Исследование 285

Перевод 299

1. Небесные знамения 299

2. Обсуждение войны 300

3. Обсуждение установлений 301

4. Устрашающая сила в сражении 305

**5. Тактическое равновесие сил
в нападении 308**

**6. Тактическое равновесие сил
в обороне 311**

7. Двенадцать предупреждений 313

8. Военные планы 314

9. Принципы командования 318

10. Истоки обязанностей 319

11. Управление основой 320
12. Тактическое равновесие сил на войне 322
13. Приказы о суровых наказаниях 323
14. Приказы для «пятерок» 324
15. Приказы о разделении и ограждении местности 325
16. Приказы о связывании «пятерок» 326
17. Приказы по управлению армией 326
18. Приказы по продвижению 327
19. Приказы полководца 329
20. Приказы авангарду 329
21. Военные наставления I 331
22. Военные наставления II 333
23. Приказы по армии I 336
24. Приказы по армии II 338

Примечания 341

Исследование

Как предполагают, трактат «Вэй Ляо-цзы» назван по имени реального исторического лица по фамилии Вэй (соответствующий иероглиф пишется иначе, чем обозначающий царство Вэй), чье имя было Ляо. Иероглиф «цзы», означающий «учитель», «мудрец» был добавлен составителями книги. По одному из свидетельств, он в свое время учился у Шан Яна — знаменитого теоретика легизма и государственного деятеля, выступавшего за создание сильной централизованной власти, контролирующей людей и ресурсы государства. Согласно другой версии, Вэй Ляо был главным советником первого императора Цинь в период жесточайшей борьбы за объединение Китая.

Как бы то ни было, Вэй Ляо был великолепным стратегом и тонким мыслителем, понимавшим, что лишь единение военного и гражданского может обеспечить выживание государству в смутную эпоху «Борющихся Царств». Он ни разу не иллюстрирует свои рассуждения примерами из личного военного опыта; нет исторических свидетельств, которые подтверждали бы, что он был полководцем, а книга почти лишена реальных тактических «рецептов», так что создатель ее предстает «чистым» теоретиком. Однако его обширные военные познания становятся очевидными благодаря включению пассажей из «Шести секретных учений», «Искусства войны» и других военных трактатов¹, а также детальному описанию организации и дисциплины в армии.

Согласно одной из традиций, Вэй Ляо жил во второй половине IV в. до н. э., в эпоху, когда нищие советчики безразборчи-

во искали желающих их выслушать правителей, независимо от моральных качеств и государственной принадлежности последних. Хотя большинство их проповедовало доктрину верности и искренности, сами проповедники удивительным образом были напрочь лишены этих качеств, по крайней мере, до тех пор, пока не встречали должного уважения и не получали соответствующей должности. Однако, как показывает пример знаменитого полководца У Ци, если ситуация менялась, и милость превращалась в немилость, они не испытывали особенных угрызений совести, переходя на службу к другому режиму.

Вэй было одним из государств, столкнувшихся с новой и страшной реальностью периода «Борющихся Царств». Одно из трех образований, возникших после распада Цзинь, царство Вэй не только сохранило достаточно сил, чтобы считаться одним из семи гегемонов, но поначалу даже увеличивало боевую мощь. Его западная граница проходила вдоль будущей Великой стены, а центральная часть находилась к северу от владений чжоуского вана. Однако звезда Вэй начала блекнуть при Хуэй-ване (370–319 гг. до н. э.), когда оно потерпело два сокрушительных поражения и вынуждено было перенести столицу в Далян. Главное поражение случилось в 341 г. до н. э. при Малине в сражении с Цинь, хотя последующие два десятилетия также ознаменовались несколькими неудачами в борьбе с Цинь — набиравшим силу царством, объединившим Китай в 221 г. до н. э. — и южным царством Чу. После переноса столицы правитель назвал государство Лян и стал именовать себя «правителем Лян».

В главе, открывающей «Вэй Ляо-цзы», приводится ответ Вэй Ляо Хуэй-вану, жаждавшему политических и военных знаний, которые не только бы укрепили пошатнувшуюся оборону Вэй, но и дали бы возможность победить врагов и отомстить за потери. Когда Мэн-цзы — известный конфуцианец — посетил Хуэй-вана примерно в то же время, правитель начал беседу словами: «На востоке я потерпел поражение от Ци, а мой старший сын погиб там. На западе мы уступили несколько сот ли земли царству Цинь. На юге на нас нападает Чу. Я стыжусь этого».

Хуэй-ван без лишних церемоний начал беседу с Вэй Ляо с той же темы: «Правда ли, что Желтый Император, благодаря наказаниям и добродетели, одержал сто побед [не потерпев ни одного поражения]?» Вэй Ляо сразу же подчеркнул в ответе, что

все зависит от усилий человека: «Наказания использовались при нападении [на восставших], добродетель использовалась для сохранения [народа]. Это не то, что называется «небесными знаменами, [благоприятными] часами и днями, инь и ян, обращением лицом или спиной». [Победы] Желтого императора были следствием человеческих усилий, вот и все». Вэй Ляо покинул царство, не сумев сохранить за собой пост в Вэй, ибо правитель мало верил в политику, которая, в дополнение к военным мерам, требовала бы культивирования добродетели и следования ей.

Единственное другое упоминание о Вэй Ляо содержится в «Ши цзи», в главе, описывающей восхождение Цинь к власти восемьдесят лет спустя. Человек, о котором сказано только, что он «Вэй Ляо, родом из Даляна (столица Вэй)», дает советы молодому правителю Цинь, в будущем — объединителю страны Цинь Ши Хуан-ди. В 237 г. до н. э. он отнял бразды правления у министров и сразу же начал изгонять всех советников, пришедших из других царств, и бывших в милости вассалов:

Правитель хотел изгнать всех пришедших чиновников. Ли Сы² направил наверх петицию [против этого], и правитель приостановил приказ об изгнании. Затем Ли Сы убедил правителя Цинь первым делом взять Хань, чтобы устроить другие государства. Тогда он приказал Ли Сы составить план нападения Хань. Правитель Хань был обеспокоен и вместе с Хань Фэй-цзы стал замысливать, как ослабить Цинь.

[В это время] Вэй Ляо, уроженец Даляна, посоветовал правителю Цинь: «В сравнении с [обширностью] циньских границ, другие правители все равно что начальники областей и уездов. Я боюсь только, что они объединятся и что-нибудь устроят. Так погибли Чэжи Бо, Фу Чай и Минь-ван. Я прошу Ваше величество не скупиться на расходы, дабы подкупить первых министров и, тем самым, расстроить их замыслы. Потребуется не более тридцати тысяч цзиней, и государства могут быть уничтожены». Правитель Цинь последовал этому совету, никогда не соблюдал ритуал на аудиенциях с Вэй Ляо и послал ту же одежду и ел ту же пищу, что и он.

Ляо сказал [другим]: «Что касается особенностей правителя Цинь, его нос подобен осе, глаза удлинены, плечи как у стервятника, а голос — волчий. У него мало доброты и великодушия для других, но у него сердце тигра или волка. В затруднении он легко спускается до других, но когда он достигает своих целей, он так же легко уничтожает людей. Я простой человек, но когда он смотрит на меня, он очень почтителен. Если я действительно смогу помочь правителю Цинь

достичь его цели стать Владыкой Поднебесной, тогда все в Поднебесной станут пленниками. Я не смогу быть пригодным ему». И он удался. Правитель Цинь понял это, остановил его, назначил полководцем и использовал его расчеты и стратегии. Ли Сы было поручено вести дела правления.

Более не сохранилось каких-либо упоминаний о деятельности Вэй Ляо или о его роли в судьбе Цинь, хотя те меры, что он предлагал, были, по всей видимости, применены со значительным успехом.

Картина еще более затрудняется тем, что в свое время было два текста с названием «Вэй Ляо-цзы», помещенных в разные библиографические разделы «Хань шу». Один, отождествляемый с тем Вэй Ляо, который якобы учился у Шан Яна, помещен в раздел «смешанных» трактатов, а другой находится среди «военных» трактатов. Текст, включенный в нынешние «Семь военных канонов», хотя и последователен в своей основе, по-видимому, включает в себя оба источника. (В первых двенадцати главах, носящих более философский и общий характер, обсуждается основная стратегия, а в других двенадцати уделяется внимание вопросам организации, дисциплины, командования и структуры.) Эта дихотомия вызвала к жизни различные концепции о возможных авторах и их отношении к данным текстам, о чем будет сказано ниже.

Научный интерес к «Вэй Ляо-цзы» с недавнего времени возрос, ибо некоторые главы, хорошо сохранившиеся на бамбуковых дощечках, были найдены в 1972 году в ханьском захоронении около Линь-и. Хотя отмечены многочисленные, но небольшие лексические расхождения, — особенно в выборе частиц, — и текст на бамбуковых дощечках несколько более философичен, чем известный прежде «Вэй Ляо-цзы», в целом лишь в нескольких местах традиционное прочтение текста существенно меняется.

Стиль и историческое содержание трактата позволяют предположить, что он был составлен в конце IV в. до н. э., а на основании бамбуковых табличек можно заключить, что текст принял окончательную форму до воцарения династии Хань в 206 г. до н. э.³ Это разбивает уверения скептиков, считавших его поздней подделкой. Таким образом, можно утверждать, что «Вэй Ляо-цзы» выстроен на основе бесед Вэй Ляо с Хуэй-ваном в IV

в. до н. э., и, возможно, содержит дополнительный детализированный материал по военной организации, добавленный кем-либо из семьи Вэй Ляо или его школы в течение столетия после его смерти.

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРЫ

Вэй Ляо хорошо знал историю развития военного дела и знаменитые битвы IV в. до н. э. К тому времени, когда он был впервые принят Хуэй-ваном, он должен был глубоко изучить причины поражения Вэй при Гуйлине и Малине, а также всевозможные стратегии. Исследовав состояние государства, он заключил, что лишь решительные, обдуманнные и взвешенные меры дают ему надежду выжить и даже, быть может, достичь явно недостижимых целей, установленных правителем. Поэтому в своих беседах — изображенных в «Вэй Ляо-цзы» — он требует строгого принуждения и серьезных перемен в самых основах государства.

Основа: народ и сельское хозяйство

Так как царство Вэй в предшествующих войнах понесло огромные территориальные, военные и экономические потери, увеличение количества населения стало делом первостепенной важности. С точки зрения Вэй Ляо, процветание государства зависит от полноты использования его сельскохозяйственных ресурсов. Чтобы повысить урожай, надо осваивать новые земли и воспитывать трудолюбивых земледельцев. Государственная политика, почитающая сельское хозяйство и привлекающая недовольных, лишившихся крова и побежденных, одновременно бы достигла обеих целей. Увеличение сбора зерна быстро обеспечило бы экономическое благосостояние населения и государства. Когда люди накормлены, обуты, одеты и обеспечены кровом, они будут здоровы, сильны, довольны и благодарны тому доброму правителю, который дал им все это. Они будут радостно и внимательно выслушивать любые наставления.

Гуманистические ценности и авторитарное правление

Правление должно базироваться на всех основополагающих конфуцианских гуманистических ценностях, хотя в «Вэй Ляо-цзы» нет упоминаний ни о Конфуции, ни о том, что этим идеалам следует его школа. Правитель должен являть собой образец следования Дао, лично культивировать и олицетворять добродетель. Он должен урезать свои желания и идти по пути умеренности и самоограничения⁴. Его деяния должны быть справедливыми, а мысли — возвышенными. Целью его политики должна стать помощь народу, а не самовозвышение и упоение личной властью. Нормы благопристойности, искренность, сыновняя почтительность, семья, дружба и чувство стыда — все эти ценности следует распространять среди населения. Когда уважаются земледельческие сезоны, когда правитель устанавливает легкие налоги и сводит к минимуму отработки, люди могут посвятить досуг добродетели. Поскольку их вера в правителя возрастает, их можно наставлять и вознаграждать за соответствующее поведение. Когда преподаны законы, нормы поведения и справедливость, появляется чувство стыда, и правитель может наказывать соответственно за недостойное поведение. Пока государство не истощает силы людей, можно ожидать и нравственного поведения, и согласия в обществе.

Хотя Вэй Ляо и верил в конфуцианские гуманистические ценности, он выступал в то же время в поддержку поистине драконовских мер для сохранения такой ситуации, когда только одобренные государством в качестве полезных и приемлемых ценности могут иметь право на существование. Поэтому он предлагал сурово подавлять все, что идет вразрез с сельским хозяйством и войной, основами основ государства. Должна быть создана такая атмосфера, при которой у народа даже мысли не возникло бы о желаниях, свободе и излишествах.

Необходимо использовать талантливых чиновников для надзора за деятельностью государства и людей, причем благосостояние народа должно стать их первой заботой. Коммерческую деятельность и погоню за выгодой, хотя и неизбежные в экономике государства, следует соответствующим образом направлять и удерживать в рамках, дабы они не вредили народу и всей сис-

теме ценностей. Во всех сферах деятельности следует добиваться гармонии, сотрудничества и единства.

Завоевание и путь к победе

Если государство утвердит добродетель и обеспечит благосостояние народа, оно сможет излить свою мощь вовне и уничтожить врагов, не прибегая к оружию. Для успеха в войне необходимо сочетание многих условий, но главное — это тренировки, расчет и оценка. Поэтому:

В целом, на войне есть те, кто добивается победы благодаря Дао; те, кто добивается победы благодаря устрашающей силе; и те, кто добивается победы благодаря собственной мощи. Проведение тщательных обсуждений и оценка противника, создание такого положения, при котором противник теряет ци, а его войска рассеиваются, так что даже если у него их много, он не может их использовать — это победа благодаря Дао.

Точность в законах и установлениях, ясность наград и наказаний, улучшение оружия и снаряжения, приручение людских сердец — это победа благодаря устрашающей силе.

Разрушение армий и уничтожение полководца, стрельба из арбалетов с навесных башен, ошеломление населения и захват земли, возвращение только после успеха — это победа благодаря собственной мощи. (Глава 4. «Устрашающая сила в сражении»)

Вэй Ляо распространяет применение классических гуманных методов и на действующую армию, выражая тем самым освященную временем конфуцианскую идею о том, что карательные меры нужно применять против злых правителей и их приспешников, а не против населения, за исключением, правда, случаев, когда армия подвергается нападению. Используемая в военной политике, эта концепция подразумевает сохранение полей и садов врага, отказ от разграбления городов и истребления населения, от порчи его домашней утвари. Предлагая столь гуманные меры, Вэй Ляо давал тем самым ответ на поистине беспрецедентную всеобщую резню, наблюдавшуюся в ту эпоху, когда количество погибших в сражении исчислялось сотнями тысяч, и на жестокую политику государств, подобных Цинь, в котором ранги присуждались за количество добытых в бою голов. Поэтому, осуждая, в отличие от Сунь-цзы, опустошение и грабеж, Вэй Ляо предлагал то, что, по его мнению, свело бы к минимуму сопротивление врага и вдохновило бы его на подчи-

нение гуманному правителю. Хотя «Вэй Ляо-цзы» — не единственный среди «Семи военных канонов» трактат, выступающий в поддержку подобных мер, его автор сознательно дистанцировался от общей практики того времени, и не столько в силу главной веры в добродетель, сколько в силу стратегических преимуществ такой политики.

Организация и единство

Вэй Ляо убежден в необходимости строгой иерархической организации, основанной на системе взаимной поруки, сводящей людей в «пятерки» и «десятки», и устанавливает такую систему на всех уровнях. Правитель обладает верховной властью, хотя на поле боя его заменяет полководец. Гражданское население, как и вся армия, должны подчиняться, как «конечности подчиняются разуму». Система круговой поруки, изобретенная Шан Яном, подразумевает, что все члены пятерки или подразделения ответственны за проступок одного. Хоть в мирное время, хоть в бою, несообщение о преступлении другого, неспособность предотвратить смерть товарища или нежелание сражаться со всей решимостью наказываются с той же суровостью, как если бы нерадивый сам совершил преступление. В противоположность конфуцианству, при такой системе отец не имеет права покрывать преступления сына, и наоборот. Систематические муштра и военная подготовка обеспечивают единство в «пятерках»⁵, подчинение солдат приказаниям, полное понимание ими своих обязанностей друг перед другом и перед командирами, а также их способность совершать маневры и вступать в бой с врагом, не впадая в панику и считая битву своим основным делом.

Награды и наказания

Каждый военный теоретик считал своим долгом подчеркнуть первостепенное значение наград и наказаний для общества и армии. Значительная часть «Вэй Ляо-цзы» посвящена важнейшим принципам создания эффективной системы наград и наказаний, большинство которых схожи с отраженными в других военных и легистских сочинениях того времени. Он предписывает установление жестоких наказаний и (в отличие от идей Шан Яна⁶) щедрых наград, причем первые должны обязательно применять-

ся и к верхам, а последние даваться и самым нижним чинам. Преступления не должны прощаться, хотя некоторые могут быть искуплены храбрыми действиями.

Правила поведения, равно как и законы и указания, должны быть ясными и доноситься до каждого. Никакие отклонения — типа спонтанных проявлений отваги и мужества — недопустимы. Награды должны даваться по боевым заслугам, а ранги присуждаться тем, кто проявил себя в битве. Отсрочек в наказаниях и награждениях быть не должно, ибо это снижает их эффективность.

Стратегические и тактические концепции

Если мы согласимся, что трактат «Вэй Ляо-цзы» был создан в середине — второй половине периода «Борющихся Царств», то станут очевидными развитие и разработка тех вопросов, которые уже ставились в «Сыма фа», «Искусстве войны», «У-цзы», «Мо-цзы» и «Военных методах» Сунь Биня. Особенно примечательно, что уже в самом начале Вэй Ляо отодвигает в сторону не только процветавшую в его время тактику инь-ян, но даже помощь Неба и духов. Человеческие усилия — единственное средство достижения целей, поэтому правитель должен создать правила и законы, соответствующие существующему положению вещей, и полностью использовать человеческий фактор. Это возможно только при развитии всех внутренних сил государства — экономических и военных — что отчасти сродни взаимоотношению «син» (формы) и «ши» (стратегической выгоды, проистекающей из умелого развертывания войск).

Действующая армия, по концепции Вэй Ляо, должна обладать идеальной дисциплиной и абсолютным единством, чтобы быть гибкой, комплексной и эффективной. Тактика основывается на избранных принципах, выдвинутых и в других военных трактатах, и предполагает: скорость, хитрость, концентрацию сил, нападение на слабые места и избежание сильных мест противника, действия на основе разведывательных сведений, захват и удержание инициативы, а также активное, а не пассивное поведение. Взгляды Сунь-цзы на правильные и необычные силы, предполагающие, что правильные силы начинают прямую атаку, а необычные проводят фланговую атаку или совершают обходный маневр, эволюционировали в концепцию их

взаимопроникновения, когда одно переходит в другое. Если дисциплина, скорость, командный опыт, а также правильные и необычные войска сливаются воедино, с небольшими силами можно достичь великих побед.

Вэй Ляо и история текста

Трактат «Вэй Ляо-цзы» был, несомненно, составлен между концом IV и концом III вв. до н. э., или в середине — конце периода «Борющихся Царств». Однако современные ученые по-прежнему спорят о том, связаны ли ранние тексты с каким-либо из исторических Вэй Ляо, когда они обрели окончательную форму, и достаточно ли точно нынешний текст передает содержание оригинала. Так как предположения, основывающиеся на разных письменных источниках, приводят к диаметрально противоположным выводам, они заслуживают краткого упоминания.

Китайские ученые классической традиции отмечают, что в «Хань шу» в разделе «разных» сочинений содержится трактат «Вэй Ляо-цзы», состоящий из 29 глав, с аннотацией Бань Гу, сообщающей, что автором является Вэй Ляо, живший в период «Шести Царств» («Борющихся Царств»), а другая, аналогичная по названию книга из 31 главы, находится в «военном» разделе «Бин син-ши». До находки в 1972 году в Линьи бамбуковых табличек практически все сочинения, начиная с династии Сун, либо утверждали, что входящий в «Семь военных канонов» текст является подделкой, либо оплакивали утрату значительной части материала, что привело к сокращению оригинала до 24 частей. Те критики, кто считал «Шесть секретных учений» очевидной подделкой из-за развития в сочинении доктрин, несовместимых с путем истинно совершенномудрых, то же самое ставили в вину и «Вэй Ляо-цзы»; особенно возражали они против пассажа, в котором сказано, что настоящий командующий может «убить» половину своих людей. Один из более поздних критиков, Яо Цзи-хэн, нашел в «Вэй Ляо-цзы» неточную цитату из Мэн-цзы — «сезоны Неба не столь хороши, как преимущества Земли» — и счел это доказательством того, что автор много заимствовал из канонических сочинений, чтобы подделать книгу, входящую в раздел «разных сочинений» «Хань шу». Традиционалисты также признавали существо-

вание двух различных текстов и спорили о том, какой же стал основой для ныне существующего трактата. Комментируя включение текста в раздел «разных сочинений», Янь Ши-гу называет Вэй Ляо учеником Шан Яна. В итоге ряд исследователей стали уделять исключительное внимание именно легистской составляющей содержания текста и напрочь забыли о даосском и конфуцианском влиянии.

Другие были убеждены, что большая часть текста из раздела «военных сочинений» была сохранена и корректно передана, а текст из «разных сочинений» полагали утраченным. Третьи считали, что существовала лишь одна книга, но в разных вариантах. Последнюю точку зрения мы рассмотрим ниже.

Запутанный вопрос о возможной связи «Вэй Ляо-цзы» с известными историческими персонажами неотделим от проблемы передачи текста. По одной версии, ввиду отсутствия убедительных доказательств обратного, особенно после находки бамбуковых дощечек, сочинение следует приписать странствующему советнику Вэй Ляо, ибо существуют записи о его беседах с Хуэй-ваном. (В таком случае легко объясняется возможность позднейших добавлений, ревизий и дополнений.) В пользу ее приводят следующие доводы: упоминание Вэй Ляо в начале сочинения; подобострастный стиль, характерный для бесед правителя и подданного; слабость и невежество владыки и явно незавидное положение государства, а также характер исторических ссылок.

Другие ученые полагают, что концепции «Вэй Ляо-цзы», вкупе с характером и масштабом описанных в тексте военных действий, позволяют датировать его концом периода «Борющихся Царств», и автором его является тот самый Вэй Ляо, который осмелился давать советы правителю Цинь. Возможно, фамилия этого Вэй Ляо на самом деле была Ляо, и он занимал почетную должность «вэй», что значит «комендант». Это объясняло бы демонстрируемое во II части прекрасное знание военной машины Цинь, но, к сожалению, не факт службы советником у Хуэй-вана, ибо политические реалии двух государств были слишком различны.

Чжан Ле, написавший несколько статей о времени создания и истории военных трактатов, считает, что текст создан в конце периода «Борющихся Царств» и объясняет это несколькими интересными причинами. Во-первых, так как Хуэй-ван и Шан Ян

были известными историческими фигурами, если бы Вэй Ляо был как-то связан с последним и поддерживал его, едва ли бы он осмелился искать аудиенции у Хуэй-вана. Во-вторых, конфуцианские понятия справедливости и гуманности и государственная политика, санкционирующая агрессивную войну (под предлогом покорения зла) соединились лишь в конце периода «Борющихся Царств» у Сюнь-цзы⁷. Ранее же, в период правления Хуэй-вана, Шан Ян, в отличие от конфуцианцев, таких, как Мэн-цзы, выступал за полное устранение добродетели и связанных с ней понятий из общественной и политической жизни и за опору на силу, награды и наказания. В «Вэй Ляо-цзы», напротив, соединяются добродетель и сила, и говорится о суровости наказания и щедрости наград — последнее прямо противоречит Шан Яну. Поэтому исторический автор мог жить только после Шан Яна и Сюнь-цзы. В третьих, автор принимает и развивает другие идеи Сюнь-цзы, например, об опоре на людей, а не на Небо, и об обогащении народа. Наконец, отмечая беспокойство самого Вэй Ляо, зафиксированное в «Ши цзи», Чжан полагает, что причиной его является страх, который тот испытывал, взывая к добродетели и справедливости в эпоху чрезвычайной воинственности и жестокости. Поэтому Чжан приходит к выводу, что текст был создан в конце периода «Борющихся Царств» и что его следует приписать более позднему историческому лицу — советнику молодого правителя.

В одной из первых статей о бамбуковых дощечках и современном тексте «Вэй Ляо-цзы» Хэ Фа-чжоу делает некоторые общие выводы. Во-первых, он полагает, что текст на дощечках, четыре главы в «Цюнь шу цзи яо»⁸ и текст в разделе «разных сочинений» изначально были идентичны. Однако вариант текста, входящий в «Семь военных канонов», исходит из включенного в категорию «военных произведений». Далее, анализ сохранившихся текстов приводит его к выводу, что оба сочинения, включенные в «Хань шу», были вариациями одной и той же книги, разве что находящееся в разделе «разных сочинений» отмечено более глубоким конфуцианским и даосским влиянием. Соответственно, военная тематика в тексте, находящемся среди военных трактатов, получила большее развитие, язык был упрощен, но рассматриваемые вопросы и выводы в целом совпадают.

Он также задает весьма интересный вопрос: если книга является подделкой, почему она приписана неизвестному софис-

ту, проводящему непонятные беседы с правителем, известным большей частью своими ошибками и просчетами?

Так как в «Вэй Ляо-цзы» содержатся различные советы и рекомендации, которые могли быть адресованы только слабому правителю — а не деспоту такого сильного государства, как Цинь — Хэ заключает, что текст скорее всего представляет собой запись действительно имевшей место аудиенции, а не вымысел. Подтверждение этому он находит также в исторических событиях и личностях, о которых говорит Вэй Ляо — тот, в частности, приводит в пример У Ци. Хэ полагает, что Вэй Ляо всего лишь развивал идеи и практики, уже использовавшиеся традицией управления в Вэй и первыми легистами. Далее, ослабление Вэй заставило Хуэй-вана прибегать к советчикам извне, не обращая внимания на их интеллектуальную ориентацию, тем самым стимулировался обмен идеями и концепциями между конфуцианцами, даосами, легистами и другими — такими, как Вэй Ляо.

Р. Уэйтс в своей содержательной статье суммирует многие из рассматривавшихся выше толкований и дает свою собственную интерпретацию. Он находит свидетельства помещения текста «Вэй Ляо-цзы» в раздел военных сочинений под категорией «преимущества формы и положения» (син-ши) недостаточными и спрашивает, действительно ли тексты, сохранившиеся до наших дней, те самые, которые видели создатели «Хань шу». Далее, он полагает, что текст был приписан Вэй Ляо лишь из соображений повышения авторитетности и что на самом деле для этого нет никаких оснований. На основе конфуцианских и даосских материалов и сохранившихся диатриб против гадания Уэйтс предполагает, что текст появился чуть позднее Мэн-цзы.

Наконец, в своем критическом вступлении к вышедшему в 1989 году «Вэй Ляо-цзы цяньшо» Сюй Юн также подробно анализирует связанный с текстом материал — для того, правда, только, чтобы оживить в высшей степени оригинальную теорию о том, что два человека, живших в разное время, могли быть одним лицом. Неудовлетворенный аргументами, на основании которых текст приписывается раннему или позднему Вэй Ляо, Сюй утверждает, что вероятность появления двух человек с одинаковыми именами в течение всего одного столетия периода «Борющихся Царств» невероятно мала. Во второй части книги подробно

описываются формы военной организации и принципы управления армией Цинь. Идея о том, что гуманность может быть единственным справедливым оправданием для ведения войны, идея, которой пронизана первая часть книги, оформилась, считает Сюй, лишь к концу «Борющихся царств». Так как Сюй Юн полагает книгу однородной по структуре, он возводит ее к одному мыслителю. Но тогда возникает проблема поистине невероятного долголетия Вэй Ляо: он должен был служить при двух дворах, в течение почти столетия. И Сюй корректирует даты правления Хуэй-вана. Он говорит, что Хуэй-ван царствовал до 310 г. до н. э., то есть жил еще девять лет после традиционно приписываемого времени кончины. Тогда, если молодой Вэй Ляо — уроженец Вэй — получил аудиенцию в то время, когда Хуэй-ван искал совета у всех подряд, включая Мэн-цзы, его последующая встреча с молодым правителем Цинь могла состояться, когда ему уже было за девяносто. Более о нем ничего не слышно, ибо он скорее умер от старости, чем получил какой-либо пост. Поэтому первые двенадцать глав сохранившегося сочинения, идущие от текста из раздела «разных сочинений» — это творение его юности, а последние двенадцать из текста, входящего в раздел «военных сочинений», были написаны в последние годы его жизни. Таким образом, согласно Сюй Юну, все шестьдесят глав существовали во времена Бань Гу, — хотя сам он, возможно, и разделял их на два сочинения. Впоследствии текст дополняли и перекраивали в течение веков, пока он, в конце концов, не принял ту форму, в которой дошел до наших дней.

1. НЕБЕСНЫЕ ЗНАМЕНАНИЯ

Лянский Хуэй-ван спросил Вэй Ляо-цзы:

— Правда ли, что Желтый Император, благодаря наказаниям и добродетели, одержал сто побед [не потерпев ни одного поражения]?

Вэй Ляо-цзы ответил:

— Наказания использовались при нападении [на восставших], добродетель использовалась для сохранения [народа]. Это не то, что называется «небесными знаменами, [благоприятными] часами и днями, инь и ян, обращением лицом или спиной». [Победы] Желтого Императора были следствием человеческих усилий, вот и все. Почему так было?

Если есть укрепленный город, и его атакуют с востока и с запада, но не могут взять, атакуют с юга и севера, но не могут взять, может ли быть, что при нападении со всех четырех сторон был упущен [благоприятный] момент? Если все еще не можешь взять город, то оттого, что стены высоки, рвы глубоки, оружие и снаряжение полностью подготовлены, материалы и зерно накоплены в больших количествах, а у храбрых воинов врага — единый план. Если стены низкие, рвы неглубокие, а оборона слабая, город можно взять. С этой точки зрения «момент», «сезоны» и «небесные знаменания» не так важны, как человеческие усилия.

Согласно «Небесным знаменаниям»⁹, расположение войск, когда позади них вода, называется «отрезанной армией». Расположение войск, когда впереди хребет горы, называется «брошенной армией». Когда У-ван напал на шанского Чжоу, он расположил войска так, что позади него была река Цзи¹⁰, а впереди — склон горы. Имея 22 500 человек, он напал на сотни

тысяч воинов правителя Чжоу и уничтожил династию Шан. Однако, разве правитель Чжоу не расположил войска согласно небесным знамениям?

Полководец из Чу по имени Гун-цзы Синь собирался вступить в сражение с Ци. [Согласно верованиям], тот, над кем хвост кометы, одержит победу и его нельзя атаковать. Гун-цзы Синь сказал: «Что может знать комета? Те, кто сражается не сводя глаз с кометы, будут разбиты и завоеваны». На следующий день он вступил в сражение с Ци и нанес им тяжелое поражение. Желтый Император сказал: «Ставить демонов и духов на первое место не столь хорошо, как проверять прежде свои знания». Это означает, что небесные знамения есть ни что иное, как человеческие усилия.

2. ОБСУЖДЕНИЕ ВОЙНЫ

Сначала узнают о плодородии и бесплодии почвы, а затем строят города. Чтобы построить городские стены, определяют удобную местность. По городским стенам определяют нужное [количество] людей. По [количеству] людей определяют необходимый запас зерна. Когда все три взаимно установлены, тогда внутри будет надежная оборона, а вовне — победа в сражении. Когда одерживают победы вовне и совершают приготовления внутри, победа и приготовления используются как две половины бирки, подходящие друг к другу.

Управление армией настолько же таинственно, как и [глубины] Земли, настолько же темно и неведомо, как и [высоты] Неба, и оно рождается из пустоты. Поэтому его нужно открыть. Великое — не мало, малое — не велико.

Тот, кто просвещен относительно запретов, прощений, открытия и прекращения, привлечет согнанных со своих мест людей и оживит безлюдные земли.

Когда земли обширны и вспаханы, государство процветает; когда народ многочисленен и послушен, государство управляется. Когда государство процветает и управляется, то даже если люди не достают камни из-под колесниц и не обнажают оружия, их устрашающая сила поддерживает порядок в Поднебесной. Поэтому сказано, что «победа армии исходит от двора». Когда одерживают победу, не надевая доспехи, это победа правителя;

когда победа приходит после развертывания [армии], это победа полководца.

Армию нельзя собирать исходя из личного гнева. Если победу можно предвидеть, тогда можно собирать войска. Если победу нельзя предвидеть, [сборы] следует остановить. Если беда возникает в пределах ста ли, не трать на сбор сил более одного дня. Если беда возникает в пределах тысячи ли, не трать на сбор более одного месяца. Если беда возникает в пределах четырех морей, не трать на сборы более одного года.

Что касается полководца: наверху он неподвластен Небу, внизу он неподвластен Земле, в середине он неподвластен людям. Он должен быть так величав, чтобы его невозможно было привести в ярость. Он должен быть так чист, чтобы его нельзя было соблазнить богатством. Если разум его расстроен [чувствами], если его глаза не видят, а уши не слышат — с такими недостатками вести армию тяжело!

Куда бы ни отправлялась армия — идет ли она по выюющим, как кишки овцы, безлюдным дорогам, или ухабистыми, подобно зубьям пилы, тропами; пробирается ли по горам или вступает в долину — она будет победоносной. Развернутая в квадратные либо круговые построения, она будет победоносной.

Тяжелая армия подобна горам, подобна лесам, подобна рекам и водным преградам. Легкие силы подобны трескучему огню; словно земляной вал, они давят на врага, как облака окутывают его. Это не позволяет войскам противника разделиться, а разделенным мешает собраться вновь вместе. Те, кто слева, не могут [прийти на помощь тем], кто справа, а те, кто справа, не могут [прийти на помощь тем], кто слева.

Оружие подобно чаще деревьев, арбалеты подобны козым рогам. Каждый, без исключения, идет с высоко поднятой головой и проявляет мужество. Отбросив сомнения, самоотверженные и управляемые, они решительно идут вперед.

3. ОБСУЖДЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЙ

Что касается войны, первым делом надо дать установления. Когда установления даны, солдаты не будут в беспорядке. Когда солдаты не в беспорядке, наказания будут ясны. Куда бы гонг и барабан ни направили их, сто человек будет соперничать друг с

другом; чтобы проникнуть в ряды врага и посеять панику, будет стараться тысяча человек; а чтобы победить армию врага и убить полководца, десять тысяч человек разом поднимут оружие, и никто в Поднебесной не сможет противостоять им в бою.

В древности солдаты были разбиты на подразделения по пять и десять человек, а колесницы — на группы и ряды. Когда звучали барабаны и развевались знамена, никогда не случалось, чтобы первыми, взобравшимися на стены, не были выдающиеся воины государства, наделенные огромной силой! Первыми, кто готов встретить смерть, также всегда были выдающиеся воины государства, наделенные огромной силой. Если враг теряет одного, а мы — сотню, это добавляет сил врагу и сокращает наши. В течение веков полководцы не были способны это предотвратить.

Когда новобранцы армии бегут в родные места, или бегут при виде сражения, вред предателей огромен. В течение веков полководцы не были способны это предотвратить.

То, что поражает людей за сто шагов — это луки и стрелы. То, что может убить человека на расстоянии пятидесяти шагов — это копья и алебарды. Когда полководец командует наступление, а командиры и войска оглядываются друг на друга, ломают стрелы, крушат копья и качают алебардами, а также находят более выгодным отойти назад, то если начинается битва — это самоубийство. В течение веков полководцы не были способны это предотвратить.

Когда солдаты нарушают построение по пять и по десять, колесницы выходят из рядов и групп, гибкие войска покидают своих полководцев и бегут, а армия бросается врассыпную — это то, чего в течение веков полководцы не были способны предотвратить. Поэтому, если полководец способен предотвратить эти четыре вещи, он сможет переходить через высокие горы, пересекать глубокие реки и нападать на сильные войска. Быть неспособным предотвратить эти четыре вещи — это все равно, что потерять лодку и весла, переправляясь через Янцзы и Хуанхэ. Этого нельзя делать!

Люди не получают удовольствия от смерти, не презирают жизнь, [но] если команды и приказы ясны, а закон и установления тщательно разработаны, их можно заставить наступать. Когда, перед [битвой], награды сделаны ясными, а после битвы

наказания решительны, то когда [войска] идут вперед, они способны использовать преимущества, а когда продвигаются, они добьются успеха.

Прикажи, чтобы [командир] был поставлен над сотней, «сыма» — над тысячью, а полководец — над десятью тысячами. С небольшим числом войск сможешь наказать тогда множество, со слабыми — наказать сильных. Если проверишь мои слова, то [обнаружишь], что предложенных способов достаточно, дабы обеспечить, чтобы среди трех армий, если казнить одного, никто не избежал наказания. Отцы не осмелятся покрывать сыновей, а сыновья — отцов, насколько же это будет так для жителей государства?

Если воин поднимает меч на площади, чтобы ударить, среди десяти тысяч не будет ни одного, кто бы не сторонился его. Если скажу, что дело не в том, что один человек храбр, а в том, что десять тысяч не такие, как он, то в чем причина? Быть готовым к смерти и искать спасения жизни — это несравнимо. Если слушаешь моих советов, то [обнаружишь] их достаточными, чтобы превратить три армии в готового умереть разбойника. Никто не встанет перед ними, никто не будет преследовать их. Они, будучи армией гегемона, смогут приходить и уходить в одиночестве.

Кто вел воинство в сто тысяч человек, и никто в Поднебесной не противостоял ему? Хуань-гун.

Кто вел воинство в семьдесят тысяч человек, и никто в Поднебесной не противостоял ему? У Ци.

Кто вел воинство в тридцать тысяч человек, и никто в Поднебесной не противостоял ему? Сунь-цзы.

Сейчас, среди армий разных государств, ведомых полководцами, нет ни одной, которая бы не насчитывала двухсот тысяч человек. И если они не способны преуспеть в доблести, то это потому, что они не понимают запретов, прощения, открытия [пути к жизни] и прекращения [чрезмерной жестокости]. Если сделаешь приказы ясными так, что один человек станет победителем, то и десять тогда будут победителями. Если десять могут быть победителями, то и сто, тысяча, десять тысяч могут быть победителями. Поэтому я говорю, что если улучшить наше оружие и снаряжение, возвращать воинский дух, то когда [наши силы] будут освобождены, они будут подобны нападающей птице, подобны обрушивающейся вниз на тысячу саженей воде.

Государство, которое находится в трудном положении, направляет вместе с послами свои лучшие сокровища другим государствам, отдает в заложники своих любимых сынов и уступает пограничные земли, чтобы приобрести помощь Поднебесной. Если о войсках [должных прийти на помощь] сказано, что их будет сто тысяч, на самом деле их не будет более нескольких десятков тысяч. Когда войска выступают, нет такого полководца, которому бы [правитель] не сказал: «Не будьте ниже кого бы то ни было и не вступайте первым в сражение». В действительности, с такими войсками нельзя вступать в битву.

Если мы оценим население в пределах наших границ, увидим, что без [системы] «пятерок» им невозможно приказывать. Приказами управляют войсками в сто тысяч, а правитель должен обеспечить их одеждою и едой. Если они не побеждают в битве и не стойки в обороне, это не их вина, ибо это вызвано внутренними причинами. Различные государства Поднебесной, помогающие нам в сражении, подобны старым истощенным лошадям со спутанными гривами, которые хотят сравниться с мифическими быстроногими скакунами. Что они могут добавить к нашей ци?

Мы должны использовать все запасы Поднебесной для нашей пользы, мы должны управлять всеми установлениями в Поднебесной как своими собственными. Мы должны исправить наши команды и приказы и сделать ясными награды и наказания. Мы должны сделать так, чтобы, не занимаясь земледелием, нечего было бы есть; не сражаясь в битве, нельзя было бы получить ранг. Мы должны сделать так, чтобы люди толкали друг друга, стремясь на поле и в сражение. Тогда во всей Поднебесной у нас не будет врагов! Поэтому я говорю, что, когда приказы объявлены, а команды отданы, им будут доверять во всем государстве.

Если среди населения есть те, кто говорит, что может уничтожить врага, не позволяй им праздно бросаться словами, но проверь их способность сражаться.

Чтобы смотреть на земли других и овладевать ими, разделить подданных другого правителя и лелеять их — для этого нужно быть способным приближать к себе достойных. Если не способен привлечь к себе и использовать достойных людей врага, но хочешь обладать Поднебесной, нужно сокрушить

его армии и убить полководцев. Но тогда, даже если одержишь победу в сражении, государство значительно ослабевает. Даже если овладеешь землей, государство значительно обеднеет. Все это происходит от того, что установления в государстве исчерпали себя.

4. УСТРАШАЮЩАЯ СИЛА В СРАЖЕНИИ

В целом, на войне есть те, кто добивается победы благодаря Дао; те, кто добивается победы благодаря устрашающей силе и те, кто добивается победы благодаря собственной мощи. Проведение тщательных обсуждений и оценка противника, создание такого положения, при котором противник теряет ци, а войска — рассеиваются, так, что даже если у него их много, он не может их использовать — это победа благодаря Дао.

Точность в законах и установлениях, ясность наград и наказаний, улучшение оружия и снаряжения, приручение людских сердец — это победа благодаря устрашающей силе.

Разрушение армий и уничтожение полководца, стрельба из арбалетов с навесных башен, ошеломление населения и захват земли, возвращение только после успеха — это победа благодаря собственной мощи. Когда правители и князья знают это, три пути к победе будут завершены.

То, с чем сражается полководец — это люди; то, с чем сражаются люди — это их ци. Когда ци полна, они будут сражаться; когда ци уничтожена, они будут побеждены.

Перед тем, как наказать [врага]; перед тем, как воины скрепят оружие, есть пять средств схватить врага:

1. Обсудить путь к победе при дворе.
2. Обсудить получение мандата [полководцем].
3. Обсудить переход границ.
4. Обсудить, как сделать рвы глубокими, а валы высокими.
5. Обсудить мобилизацию и развертывание войска и применение наказаний [по отношению к врагу].

В этих пяти случаях вначале оцени противника, а потом выступай. Тогда можно напасть на его пустоту и схватить его.

Тот, кто умело ведет войну, способен захватить других и не дать захватить себя. Захват — это искусство ума. Приказы [объе-

диняют] умы людей. Если не понимаешь своих войск, приказы нужно часто менять. Когда приказы часто меняют, то, даже если они отданы, войска не верят им.

Поэтому правило отдачи приказов таково: даже малые ошибки нельзя показывать, даже малые сомнения нельзя проявлять. Поэтому, когда верхи не [отдают] сомнительных приказов, войска не будут слышать две различные [версии]. Когда не будет никаких вопросов относительно действий, у большинства не будет разных намерений. Не было такого, чтобы люди не верили разуму своего полководца и были бы способны проявить свои силы. Никогда не было такого, чтобы кто-либо, неспособный проявить свои силы, мог сражаться не на жизнь, а на смерть в бою.

Поэтому в государстве должны быть справедливые формы ритуала [ли], верность, дружба и любовь, и тогда оно сможет голод заменить сытостью. В государстве должны быть сыновняя почтительность, родительская любовь, честность и чувство стыда, и тогда оно сможет смерть заменить жизнью. Когда древние вели людей, они на первое место ставили ритуал и верность, а лишь затем шли ранги и вознаграждения. Они ставили на первое место честность и чувство стыда, а лишь затем шли наказания и штрафы; дружеские отношения и любовь были первыми, а ограничения для людей — вторыми.

Поэтому тот, кто вступает в битву, должен сам вести людей, быть опорой им и побуждать командиров и солдат к действию, подобно тому, как разум управляет четырьмя конечностями. Если люди не воодушевлены, командиры не будут умирать с честью. Если командиры не будут умирать с честью, войска не будут сражаться. Чтобы воодушевлять воинов, богатство народа нельзя не сделать достаточным. Ранги знатности, различия в смерти и трауре, поступки людей нельзя не сделать очевидными. Необходимо управлять людьми в соответствии с их потребностью жить, и делать ясными различия в соответствии с их поступками. Плоды земли и награды, угощение родственников едой и вином, общее веселье в деревенских ритуалах, общая печаль в смерти и в трауре, сердечные проводы войск — вот то, что воодушевляет людей.

Добейся, чтобы члены пятерок и десятков были как родня, а воины в соединениях и их командиры были как друзья. Когда они останутся, они будут как прочная круговая стена, когда

они продвигаются, они будут как ветер и дождь. И тогда колесницы не повернут назад, воины не побегут. В этом путь создания основы для сражения.

Земля — это средство обеспечения населения; [укрепленные] города — это средство защитить землю; битва — это средство защитить города. Поэтому тот, кто следит, чтобы люди пахали землю, не будет голодать; тот, кто следит за обороной земель, не окажется в опасности; тот, кто отдает все силы сражению, не будет окружен. Эти три были основной заботой правителей прошлого, и среди них военные дела были главным.

Поэтому правители прошлого уделяли внимание пяти военным делам. Когда амбары не полны зерна, воины не выступают. Когда награды и поощрения не щедры, люди не воодушевлены. Когда лучшие воины не отобраны, войска не будут сильны. Когда оружие и снаряжение не подготовлены, сила армии будет невелика. Когда награды и наказания несоответствующие, войска не будут им доверять.

Если уделять внимание этим пяти, тогда, заняв оборону, [армия] сможет удержать позиции, а, выступив в поход, захватить земли врага.

Что касается остающихся в государстве и выступающих в поход, то ты хочешь, чтобы остающиеся были «тверды». При развертывании войск хочешь, чтобы ряды были прочны. При начале атаки желаешь, чтобы они прилагали величайшие усилия. А идя вперед в битву, жаждешь, чтобы все были как один.

Государство [настоящего] правителя обогащает народ, государство гегемона обогащает чиновников. Государство, которое выживает, обогащает высоких чиновников, а государство, которое вот-вот погибнет, обогащает лишь свои склады и амбары. Это называется «верх полон, а низ протекает». Когда придет беда, спастись будет невозможно.

Поэтому я говорю, что, если приближать достойных и назначать на посты способных, то [даже] если времена неблагоприятны, обстоятельства будут выгодными. Если сделать законы ясными и быть внимательным, отдавая приказание, то даже без гадания по панцирю черепахи или по стеблям тысячелистника удача повернется лицом.

Если ценишь успех и прилагаешь усилия, то и без молитвы получишь благословение. Более того, сказано: «сезоны Неба не

столь хороши, как выгоды Земли; выгоды Земли не столь хороши, как гармония между людьми». То, что ценит совершенно-мудрый — это человеческие усилия, вот и все!

Когда армия с трудом идет на марше, полководец должен явить личный [пример]. В жару он не раскрывает зонта, в холод не носит много одежд. На трудной местности он должен слезть с коня и идти пешком. Только после того, как армия утолила жажду, он может пить сам. Только после того, как приготовлена еда для армии, он может есть сам. Только после того, как армия соорудила валы, он может отдыхать. Он должен делить с армией трудности и отдых. Тогда, даже если армия долго находится в поле, она не станет ни равнодушной, ни утомленной.

5. ТАКТИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ СИЛ В НАПАДЕНИИ

В войне достигают победы благодаря спокойствию; государство одерживает победу благодаря единству. Тот, чьи силы разделены, будет слабым; против того, кто полон сомнений, восстанут. Если силы слабы, наступление и поход не будут смелыми, а преследование врага не закончится пленением хоть кого-нибудь. Полководцы, командиры, начальники и войска должны быть единым телом в действии и на отдыхе. Но если полководец сомневается, а войска склоняются к неповиновению, то даже если все рассчитано, они не выступят, или, если движение уже начато, ими невозможно будет управлять. Когда рты произносят пустые слова, полководец ведет себя неправильно, а войска не закалены, то, если они начнут атаку, неизбежно будут разбиты. Это называется «поспешной, непослушной армией». С такой нельзя вступать в войну.

Полководец — это разум армии, а все остальные — конечности и суставы. Когда разум искренен, тогда конечности и суставы обязательно сильны. Когда разум исполнен сомнений, тогда конечности и суставы дрожат. Поэтому, если полководец не управляет своим разумом, войска будут, как затекшие члены. Тогда, даже если армия победит, это будет счастливая случайность, а не [следствие] тактического равновесия сил в нападении.

Люди не могут одинаково бояться двух вещей. Если они боятся нас, они будут ненавидеть врага; если они будут бояться врага, они будут ненавидеть нас. Тот, кого ненавидят, будет разбит; тот, кто являет свою устрашающую силу, одержит победу. Когда полководец может осуществить Дао [устрашающей силы], командиры будут бояться его. Когда командиры боятся своего полководца, люди будут бояться командиров. Когда люди боятся командиров, тогда враг будет бояться нас. Поэтому те, кто хочет узнать Дао победы и поражения, первым делом должны знать о равновесии сил «страха» и «ненависти».

Тот, кого не любят и не помнят [люди], не может быть использован мной; тот, кого не уважают и не боятся, не может быть назначен мной. Любовь проистекает снизу, устрашающая сила устанавливается сверху. Если они любят [своего полководца], у них не будет двойных мыслей; если они утрачены [своим полководцем], они не будут восставать. Поэтому вопрос искусства командования — это вопрос любви и устрашающей силы.

О том, кто вступает в битву, но не уверен, что победит, нельзя сказать, что он «сражается». О том, кто атакует, но не уверен, что захватит врага, нельзя сказать, что он «атакует». Если бы это было иначе, наградам и наказаниям недостаточно бы доверяли. Доверие [должно быть установлено] до того, как станет необходимо; делами [должно управлять] до того, как появятся первые признаки. Поэтому войска, раз соединившись, не должны рассыпаться без надобности. Когда армия выступает, она не должна возвращаться с пустыми руками. Она будет искать врага, как потерянного сына; она будет атаковать врага, как будто спасать тонущего человека.

У того, кто занимает ущелье, недостаточно разума для сражения. У того, кто с ходу бросается в битву, недостаточна полнота ци. У того, кто воинственен в бою, недостаточно солдат, чтобы одержать победу.

В целом, тот, кто, вступая в войну, слишком полагается на справедливость, любит первым начинать сражения. Тот, кто борется исходя лишь из собственной злобы, отвечает только тогда, когда этого уже не избежать. Даже если сердце исполнено ненависти, а войска уже собраны, ожидай врага и отвечай на его пе-

ремещения. Во время сражения необходимо ждать, когда враг начнет наступление. Когда воцаряется временное затишье, нужно подготовиться [к внезапной атаке].

Есть армии, которые добиваются победы при дворе; армии, которые побеждают на полях и равнинах, и армии, которые достигают победы на площадях. Есть такие, которые сражаются и добиваются победы; такие, которые подчиняются и проигрывают, и такие, которые избежали поражения, когда враг неожиданно испугался, и победа далась благодаря повороту событий. О такой победе благодаря «повороту событий» сказано, что она — неполная. Та, что не является полной победой, не может считаться следствием использования тактики. Поэтому просвещенный правитель в день наступления будет [следить за] тем, чтобы барабаны и гонги звучали согласованно, а мощь армии была упорядочена. Тогда он одержит победу, не ища ее.

Среди армий есть такие, которые оставляют оборонительные позиции, теряют устрашающую силу и, тем не менее, одерживают победу, ибо у них есть методы. Есть такие, которые заранее определили использование оружия так, что их ответ врагу всеобъемлющ, а общее управление — безупречно.

Поэтому, для пяти человек — старший, для десяти — главный, для ста — начальник, для тысячи — командир, а для десяти тысяч — полководец. [Такая организация] уже всеобъемлюща, уже безупречна. Если человек умирает утром, другой заменяет его тем же утром; если человек умирает вечером, другой встает на его место в тот же вечер. [Мудрый правитель] взвешивает тактическое равновесие своих сил и сил врага, оценивает полководцев и только после этого собирает армию.

Поэтому, когда собирают армию за тысячу ли, требуется десять дней, а когда за сто ли — один день, причем местом сбора должна быть вражеская граница. Когда войска собраны, и полководец прибыл, они должны проникнуть вглубь земли врага, перерезать дороги и занять города и селения. Пусть войска заберутся на стены и поставят врага в опасное положение. Пусть несколько отрядов мужчин и женщин давят на врага, используя условия местности, и атакуют все стратегические препятствия. Если занимаешь [земли вокруг] города и перекрываешь ведущие к нему дороги, вслед за этим можно атаковать и сам город.

Если полководцы и армии врага не верят друг другу, командиры и солдаты не могут быть в гармонии и есть те, кого не затрагивают наказания, мы разобьем их. Еще до того, как подоспеет помощь, город падет.

Если броды и мосты не построены, стратегические препятствия не приведены в порядок, опасные места в крепостных стенах не укреплены, а железные «ежи» не выставлены, то, даже если город врага грозен с виду, у него нет никакой защиты.

Если войска с дальних застав еще не вошли [в город], пограничные войска и находящиеся в других государствах силы не возвратились, то даже если у врага есть люди, у него нет людей! Если шесть домашних животных не собраны вместе, если пять знаков не убраны, если богатства и вещи для использования не отобраны, то даже если у врага есть запасы, у него нет запасов!

Когда город пуст, а запасы истощены, мы должны воспользоваться пустотой и напасть на врага. Искусство [войны] говорит: «Они уходят одни, они приходят одни. Еще до того, как воины врага могут скрестить оружие с ними, они уже добились [победы]». Вот что это значит.

6. ТАКТИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ СИЛЫ В ОБОРОНЕ

Когда защитники идут вперед, то, если они не [занимают] ни внешние стены городов, ни пограничные земли, а когда отходят назад, не [устанавливают] смотровых башен и защитных сооружений для ведения оборонительной войны, они не преуспели в [обороне]. Доблестные герои и отважные воины, прочные доспехи и острое оружие, мощные арбалеты и крепкие стрелы — все это должно быть внутри внешних стен. Все [зерно], хранящееся в земляных погребах и амбарах снаружи стен должно быть собрано, а дома [за пределами внешних стен] должны быть разрушены и превращены в укрепления. Это заставит нападающих тратить в десять, в сто раз больше сил, а обороняющиеся не затратят и половины их. Наступающему врагу будет причинен огромный вред, но полководцы в течение веков не знали об этом.

Защитники не должны пренебрегать стратегическими местами. Правило для обороны городских стен таково: на каждый

чжан¹¹ необходимо поставить десять человек — не включая ремесленников и поваров. Те, кто выходит [сражаться], не защищают город; те, кто защищает город, не выходят [сражаться]. Один человек [в обороне] может противостоять десяти [нападающим]; десять могут противостоять ста; сто могут противостоять тысяче, а тысяча — десяти тысячам. Поэтому сооружение внутренних и внешних стен [города] из рыхлой земли [впоследствии утрамбованной] позволит не тратить попусту силы людей, ибо это необходимо для обороны.

Если стена длиной в тысячу чжанов, ее должны защищать десять тысяч человек. Рвы должны быть глубокими и широкими, стены — толстыми и прочными, солдаты и люди — подготовленными, хворост и еда — запасены, арбалеты должны быть тугими, стрелы — крепкими, а копья и алебарды — удобными. Вот способ сделать оборону прочной.

Если нападающих не меньше ста тысяч, а [у защитников] есть армия снаружи, она обязательно придет на помощь, и защищать нужно именно город. Если армии снаружи, могущей прийти на помощь, нет, то это не тот город, который нужно защищать.

Если стены прочны, а помощь — приближается, тогда даже глупцы и несведущие женщины — все без исключения — будут защищать стены, истощая силы врага и заставляя его истекать кровью. Чтобы город мог выдержать осаду в течение года, сила защитников должна превышать силу нападающих, а [сила] армии, идущей на помощь, должна превосходить силу защитников.

Если стены прочны, но помощь может не прийти, тогда глупцы и несведущие женщины — все без исключения — будут защищать укрепления, но они будут плакать. Это обычное человеческое чувство. Даже если прикажешь открыть запасные амбары, чтобы утешить и успокоить их, уже не сможешь их остановить. Необходимо побуждать всех отважных героев и храбрых воинов, закованных в прочные доспехи, вооруженных острым оружием, тугими арбалетами и крепкими стрелами, сражаться впереди, а молодых, слабых, покалеченных и больных — проявлять свои силы позади.

Если армия в сто тысяч располагается под городскими стенами, идущая на помощь армия должна прорвать [окружение], а

защитники города должны выйти и атаковать. Когда они совершают вылазку, они должны охранять опасные места. Но армия, пришедшая на подмогу, не должна перекрывать линии подвоза припасов позади осаждающих. Силы изнутри и снаружи должны действовать согласованно.

В таком положении желание сражаться проявляй лишь наполовину. Если проявишь его лишь наполовину, это смутит врага и можно будет ждать помощи. Противник поставит своих сильных воинов сзади, а слабых — впереди. Тогда он не сможет ни продвинуться, ни остановить защитников. Вот что такое «тактическое равновесие силы в обороне».

7. ДВЕНАДЦАТЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ

Устрашающая сила основана на неизменности. Благодеяние основано на соответствии сезонам. Восприимчивость основана на понимании дел. Война основана на управлении ци. Нападение основано на измерении внешнего. Оборона основана на расчете внешнего. Умеренность основана на измерении и расчете. Избегание трудных положений основано на предвидении и подготовке. Внимательность основана на уважении к малому. Мудрость основана на управлении большим. Устранение вреда — основано на способности быть решительным. Подчинение войск основано на уважении к другим.

Сожаление основано на доверии сомнительному. Зло основано на чрезмерных наказаниях. Предрассудки часто основаны на потакании желаниям. Неблагоприятные события основаны на нежелании слышать о своих ошибках. Излишества основаны на истощении сил людей. Непросвещенность основана на советах, отдаляющих [от действительности]. Поверхностность основана на необдуманном выступлении. Упрямство и невежество основаны на устранении от себя достойных людей. Несчастье основано на любви к выгоде. Вред основан на приближении темных людей. Несчастье — это когда нет места, которое можно защищать. Опасность основана на недостатке [ясных] команд и приказаний.

8. ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

При ведении войны не нападай на города, которые не нарушали законов, и не убивай людей, которые не совершали преступления. Тот, кто убивает отцов и старших братьев; кто забирает богатство и добро других; кто поработывает сыновей и дочерей других, тот всегда слывет разбойником. Поэтому война — это средство наказать жестоких и беспутных и остановить несправедливых. Когда бы ни велась война, крестьяне не покидают свои поля, купцы не покидают свои лавки, а чиновники не покидают место службы — все это зависит от планов одного человека. Тогда даже без того, чтобы оружие обагрилось кровью, Поднебесная выражает покорность.

Государство в десять тысяч колесниц [занимается] сельским хозяйством и войной. Государство в тысячу колесниц спасает [других] и защищает [себя]. Государство в сто колесниц служит и поддерживает [другие государства]. Те, кто занимается сельским хозяйством и войной, не ищут примера извне; те, кто спасает других и защищает себя, не ищут помощи извне; те, кто служит и поддерживает другие государства, не ищут богатств извне. Если [чьих-либо богатств] недостаточно, чтобы наступать и начинать сражение, и не хватает, чтобы оставаться в пределах границ и защищать свое государство, необходимо восполнить [недостаток] рынками.

Рынки — это средство обеспечить наступательную и оборонительную войну. Если у государства в десять тысяч колесниц нет союзников — государств в тысячу колесниц, оно должно иметь рынки, способные снабдить сто колесниц.

Казни дают возможность просветить воинов. Если после казни одного вся армия содрогнется, убей его. Если после награждения одного десять тысяч возрадуются, награди его. Казня, цени великое; награждая, цени малое. Если кто-то должен быть казнен, то даже если он почитаем и могущественен, убей его, ибо это наказание, достигающее сути. Когда награды получают даже пастухи и конюхи, это награды, простирающиеся до самых низов. Способность использовать наказания, достигающие сути, и награды, простирающиеся до самых низов — это величие полководца. Поэтому правители ценят своих полководцев.

Когда полководец берет барабан, взмахивает барабанными палочками и идет навстречу опасности для решающего сражения, когда воины встречаются и скрещивают обнаженное оружие, то если он бьет в наступление и войска отзываются, дабы вырвать победу, он будет вознагражден за заслуги и слава его будет утверждена. Если он бьет в наступление, а войска не слушаются, тогда он сам умрет, а государство погибнет. Поэтому жизнь и смерть, безопасность и угроза — все спрятано в концах барабанных палочек! Как можно не ценить полководца?

Взять барабан и держать в руках палочки, сделать так, чтобы солдаты вступили в бой и раздался лязг оружия, и правитель достиг большого успеха благодаря военным делам — я не вижу в этом ничего трудного. Древние говорили: «Нападать с колесницами с защитным покрытием, обороняться без такого снаряжения, как “ежи” — такая армия не преуспееет ни в чем!» Смотреть и не видеть, слушать и не слышать — это происходит оттого, что в государстве нет рынков.

Рынки полны всяких товаров. [Государство должно] покупать на рынке дешевые товары и продавать возросшие в цене, чтобы ограничить знать и народ. Люди едят один доу зерна, а лошади едят три доу овса, как же может быть так, что у людей сытый вид, а лошади — истощены? На рынке есть товары, которые можно доставить, но нет управляющего. Если поднимаешь лучшую армию в Поднебесной, но не управляешь разными товарами, это не то, что называется «умением вести войну».

Чтобы [удерживать людей на службе] сразу после сборов и до того времени, как их доспехи и шлемы изъедят черви, они должны быть такими людьми, каких мы можем использовать. Хищная птица преследует воробья, и он летит в руки человеку или же прячется в чьем-нибудь жилище. И вовсе не потому, что воробей не хочет жить, а потому, что позади есть то, чего он боится.

Когда Тай-гун-вану было семьдесят, он убил коров в Чаокэ и продал мясо в Мэнцзине. Ему было более семидесяти, но правитель не слушал его, а все люди считали его сумасшедшим. Позднее, когда он встретился с Вэнь-ваном, он командовал армией в тридцать тысяч, и одной битвой Поднебесная была усмирена. Без его понимания или без военных планов, как они могли

бы достичь такого объединения? Поэтому сказано: «Если у хорошей лошади есть наездник, можно преодолеть большое расстояние; если достойные и знатные люди объединяются, можно осуществить великое Дао».

Когда У-ван напал на Чжоу, армия перешла [Желтую реку] у Мэнцинь. Справа было знамя вана, слева — топор наказаний, посередине — триста воинов, готовых умереть, и тридцать тысяч солдат. Чжоу выставил несколько сот тысяч, а [бесчестные министры] Фэй Ляо и Оу Лай лично вели воинов с алебардами и боевыми топорами. Линия их войск была длинной в сто ли. У-ван не истощил сил ни воинов, ни народа, солдаты не обагрили кровью оружия, но они покорили династию Шан и казнили Чжоу. Не было ничего благоприятного или неправильного; это был лишь случай совершенства и несовершенства в человеческих делах.

Полководцы нынешнего поколения выбирают «единственные дни» и «пустые рассветы», предсказывают по звезде Сяньчи, определяют полные и неблагоприятные дни, гадают по панцирю черепахи, ищут благоприятное и роковое, наблюдают за изменениями планет, созвездий и ветра — желая тем самым вырвать победу и добиться успеха. Я считаю это весьма трудным!

Ни Небо наверху, ни Земля внизу, ни люди посередине не управляют полководцем. Поэтому оружие — это инструмент зла. Битва противоречит добродетели. Пост полководца — это место смерти. Поэтому только когда этого нельзя избежать, используй их. Нет ни Неба наверху, ни Земли внизу, ни правителя позади, ни врага впереди. Армия одного человека подобна волку и тигру, подобна дождю и ветру, подобна грому и молнии. Потрясающая и таинственная, она внушает благоговейный страх всей Поднебесной.

Армия, которая одержит победу, подобна воде. Вода — самая мягкая и самая слабая из всех вещей, но, с чем бы она не столкнулась — будь то холмы или курганы — все будет сокрушено ею потому, что ее природа собрана воедино, а ее давление всецело подчинено цели. Если обладать остротой знаменитого меча Мо Е, прочностью шкуры носорога, войсками трех армий, правильными и необычными методами — никто в Поднебесной не сможет противостоять тебе в битве.

Поэтому сказано, что, если возвышаешь достойных и используешь талантливых, даже если день и час [неблагоприятны], дела будут по-прежнему благоприятны. Если делаешь законы ясными и осторожен с приказами, без гадания по панцирю черепахи или стеблям тысячелистника достигнешь желаемых результатов. Если считаешь заслуги и ценишь усилия, то без молитвы обретешь счастье. Также сказано, что «сезоны Неба не столь хороши, как преимущества Земли; преимущества Земли не столь хороши, как гармония между людьми». Совершенно мудрые древности считали главным человеческие усилия, и это все.

Когда У Ци вступил в сражение с Цинь, где бы он ни встал лагерем, армия не вытаптывала поля. Молодые деревья укрывали от заморозков и росы. Почему он так поступал? Потому что он не ставил себя выше других. Если хочешь, чтобы люди отдавали жизни, не надо требовать от них [внешнего] почтения. Если хочешь, чтобы люди отдавали свои силы, не надо требовать от них совершения ритуалов. Поэтому в древности воин, носящий шлем и доспехи, не совершал поклонов, тем самым показывая людям, что его ничто не тревожит. Раздражать людей и при этом требовать, чтобы они умирали и отдавали свои силы — об этом никто не слышал с древности до сего дня.

Когда полководец получает мандат, он забывает о своей семье. Когда он командует армией, и она разбивает лагерь в поле, он забывает о тех, кто близок ему. Когда он берет барабанные палочки и бьет [наступление], он забывает о самом себе.

Когда приближалось время битвы, помощники У Ци предлагали ему свои мечи. У Ци сказал: «Полководец единолично управляет знаменами и барабанами. Когда приходит тяжелое испытание, он разрешает сомнительное, управляет войсками и направляет их мечи. Таков труд полководца. Носить один меч — не дело полководца».

Когда три армии встали в боевой порядок, они должны идти в течение дня, и [на следующий день] также совершить быстрый марш, чтобы покрыть расстояние, на которое требуется три дня. Пройдя трехдневное расстояние, они должны быть подобны открывшемуся истоку реки. Наблюдая за врагом впереди, необходимо использовать его силу. Если враг белый, бери его белым; если враг красный, бери его красным.

Когда У Ци вступил в сражение с Цинь, еще до того, как армии скрестили оружие, один человек — никто не мог сравниться с ним в храбрости — отправился вперед, убил двух человек и вернулся с их головами. У Ци немедленно приказал его обезглавить. Командующий одной из армий возразил, сказав: «Это превосходный воин. Вы не можете казнить его». У Ци сказал: «В том, что он превосходный воин — нет сомнений. Но он сделал не то, что я приказал». И казнил его.

9. ПРИНЦИПЫ КОМАНДОВАНИЯ

Полководец — слуга закона, правитель над десятью тысячами вещей. Закон не может быть личным владением одного. Когда закон — не личное владение одного, все десять тысяч вещей возникнут и будут управляться, все десять тысяч соберутся и будут послушны.

Благородный муж не останавливает преступников дальше, чем за пять шагов. Даже если они стреляют в него из лука, он не преследует их. Он проявляет себя в раскрытии природы преступления. Не прибегая к колючим ветвям, он может полностью понять причину преступления.

Если подвергаешь кого-либо порке, выжигаешь клеймо на ребрах, сжимаешь в тисках пальцы, чтобы узнать о природе преступления, то даже герой государства не сможет выдержать такой жестокости и оговорит себя.

В наше время говорят: «Тот, у кого есть тысяча золотых, не умрет; тот, у кого есть сотня золотых, не подвергнется телесному наказанию». Если слушаешься моих советов и используешь их, то тогда даже человек, обладающий мужеством Яо и Шуня, не сможет отвести [от себя обвинения], даже имеющий десять тысяч золотых не сможет использовать самую маленькую серебряную монетку [чтобы избежать наказания].

Сегодня тех, кто находится под стражей, ожидая наказания, не менее нескольких десятков в каждой из маленьких темниц, не менее нескольких сотен в каждой из средних тюрем; не менее нескольких тысяч в каждой из больших. Десять человек запутывают своими делами сто человек; сто человек вовлекают тысячу; а одна тысяча человек обманывает десять тысяч. Те, которые впу-

таны — это родители и братья; затем родственники по женской линии; затем знакомые и старые друзья. Поэтому все крестьяне покидают поля, торговцы покидают свои лавки, чиновники покидают свои посты. Все эти хорошие люди вовлечены из-за способа расследования. «Искусство войны» говорит: «Когда армия в десять тысяч человек выступает, ежедневные расходы составят тысячу золотых». Когда десять тысяч человек таким образом впутаны и посажены в тюрьму, и даже правитель не в состоянии расследовать положение вещей — я полагаю это опасным.

10. Истоки обязанностей

Чиновничьи ведомства — это средство управления делами и основа правления. Правила, разделяющие народ на четыре категории¹² — это область приложения сил власти. Знатность, ранг, богатство и жалованье должны быть установлены соответственно, ибо они объединяют аристократов и бедных. Хорошее обращение с честными и наказание злых, исправление законов для объединения людей, сбор налогов и податей — все это инструменты управления народом.

Справедливое распределение земли и ограничение налагаемых на людей налогов и податей устанавливает меру того, что собирается и раздается. Управление ремесленниками и изготовителями инструментов — это дело старших ремесленников. Разделение земли и занятие стратегических мест — это средство устранения избыточного и прекращения расточительности. Сохранение законов, расследование дел и принятие решений — дело подчиненных. Разъяснение законов и проверка их исполнения — дело правителя. Разъяснение обязанностей чиновников, возложение тяжелой и легкой ответственности — это дело министров и правительства.

Сделать награды и воздаяния ясными, быть строгим в применении казней и наказаний — вот способы остановить зло. Быть осторожным в начале и в конце и сохранять единственное Дао — вот в чем суть правления. Когда [сведения] снизу достигают верхов, а [заботы] верхов проникают вниз, это — самое лучшее взаимопонимание. Зная, насколько велики запасы государства, можно рассчитать использование излишков. Знать о слабостях

других — это [путь] к воплощению силы. Знать о движениях других — это [путь] к установлению спокойствия. Ведомства делятся на гражданские и военные, и только правитель осуществляет контроль над теми и другими.

Ритуальные сосуды созданы для церемоний Сына Неба. Когда странствующие советчики и шпионы не имеют возможности [проникнуть], в этом метод исправления обвинений. У удельных князей — свои ритуалы почитания Сына Неба, и правители, и народ из поколения в поколение продолжают признавать мандат правления. Если кто-либо изменяет ритуалы или создает новые, мешает сложившемуся или противоречит прославленной добродетели правителя, тогда, в соответствии с ритуалом, правитель может напасть на него.

Чиновники без дел, которые нужно решать; правитель без рангов и наград, [которые нужно] вручать; народ без преступлений и тяжб; государство без купцов и торговцев — насколько совершенно правление государя! Государь должен уделить внимание тому, что я столь ясно изложил.

11. УПРАВЛЕНИЕ ОСНОВОЙ

В целом, в чём Дао управления людьми? Я утверждаю, что без пяти злаков будет нечем наполнить их желудки, без шелка и пеньки будет не во что их одеть. Так, для того, чтобы наполнить их желудки, существуют злаки, чтобы одеть их, существуют нити. Мужья выпалывают сорняки и пахут землю, жены ткут. Если у людей нет второстепенных занятий, амбары будут полны зерна. Мужчины не должны заниматься ни гравировкой, ни декоративной резьбой; женщины не должны заниматься ни вышиванием, ни декоративным вязанием.

[Покрытые резьбой] деревянные сосуды испускают зловоние, [покрытая гравировкой] металлическая утварь отвратительно пахнет. Совершенно мудрый пьет из глиняных [горшков] и ест из глиняных [сосудов]. Поэтому, когда утварь делается из глины, в Поднебесной нет излишних трат. Сегодня [люди считают] природу металла и дерева не холодной, раз они украшают [ими] свои одежды. Изначальная природа лошадей в том, чтобы есть траву и пить воду, но люди дают им бобы и зерно. Это такое управление, которое утратило осно-

ву, и следовало бы установить правила, которые бы контролировали расходы.

Если весной и летом мужчины выходят на южные поля, а осенью и зимой женщины шьют одежду, люди не будут бедны. Нынче, когда короткая и грубая одежда даже не покрывает тела, а желудки не наполняет даже осадок вина и шелуха зерен, [основа] правления утрачена.

В древности земли не [делили] на плодородные и скудные, людей не [делили] на усердных и ленивых. Как древние смогли достичь этого, как мы могли утратить это сейчас? Мужчины не пахут поля до конца, женщины каждый день прекращают ткать, как же они могут не быть в голоде и холоде? Наверное, у древних управление было полным, а сейчас оно останавливается.

То, что я называю «хорошо управлять», означает, что нужно заставить людей не быть себялюбивыми. Если люди не себялюбивы, тогда вся Поднебесная как одна семья. Если каждый не будет пахать и прясть, они будут страдать от холода все вместе, будут испытывать голод все вместе. Тогда, даже если у них десять сыновей, они не будут [расходовать] ни одной лишней чашки риса, а если у них один сын, их расходы не уменьшатся ни на одну чашку риса. Тогда как могут возникнуть ропот и пьянство, разрушающие добрый народ?

Когда люди потворствуют друг другу в легкомысленности и развращенности, возникают несчастья от алчности сердец и погони за [вещами]. Порочность начинается с одного, и вот уже люди из себялюбия ищут, как бы накопить излишки еды и собрать богатства. Если люди совершают одно преступление, их ловят и подвергают телесному наказанию — разве это действия, достойные правителя народа? Те, кто умеет управлять, держат в руках законы, побуждая людей не крохоборствовать. Когда те, кто внизу, не крохоборы, не будет никого, кто бы совершал зло.

Вернись к основе, соотносись с принципами, отдавая приказания, исходи из единого Дао, и тогда алчные сердца исчезнут. Соперничество будет прекращено, тюрьмы будут пусты, поля — полны, а зерна будет в изобилии. Тогда расселишь людей и охватишь отдаленных. Тогда за пределами твоих границ в Поднебесной не будет трудностей, а в самом государстве не будет ни жестокости, ни волнений. В этом совершенство управления.

Голубое небо — никому не ведомо, где оно кончается! Из древних императоров и совершенномудрых правителей кто может быть образцом? Прошедшие века нельзя вернуть, будущих веков нельзя ждать. Ищи их в себе.

Для того, кто зовется «Сыном Неба», есть четыре качества: «просвещенность», «великолепие», «речистость» и «отсутствие врагов». Таковы качества Сына Неба.

Диких животных не используют для жертвоприношений, беспорядочное учение не создает знающего ученого. Нынче люди говорят: «Сто ли моря не могут утолить жажду одного человека, источник глубиной в три фута не может утолить жажду трех армий». Я скажу: «Желания происходят от отсутствия меры, порочность происходит от отсутствия запретов». Высочайший правитель действует, подобно духу, потом опирается на вещи, потом опирается на то, что не отрывает людей от их сезонных работ и не захватывает их богатства. Запреты должны обрести полноту среди военных, награды должны обрести полноту среди гражданских.

12. ТАКТИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ СИЛ НА ВОЙНЕ

Искусство войны гласит: «Тысяча человек дают возможность осуществить тактическое равновесие силы [цюань], десять тысяч человек являют боевую доблесть. Если применить в отношении врага мощь тактической силы первым, он не сможет ввести в действие свои войска. Если применить первым боевую доблесть, враг не сможет вступить в сражение, выказывая свою устрашающую силу полностью». Поэтому для армии важно быть первой. Если она победит в этом, она покорит врага. Если она не победит в этом, она не покорит его.

Когда мы уходим, враг приходит; когда мы приходим, враг уходит. Взаимопроникновение этого порождает победу и поражение. Суть сражения такова.

Необходимая искренность коренится в духовной просвещенности. Тактическое равновесие силы коренится в безбрежности Дао. Если имеешь что-то, делай вид, что не имеешь; если не имеешь чего-то, показывай, что обладаешь этим. Тогда как может противник доверять проявлению?

Причина, по которой о правителях прошлого досих пор говорят, в том, что они призывали честных и устраняли обманывающих.

Они всегда сохраняли свое сердце гуманным и благородным, но были решительны в немедленном применении наказаний.

Тот, кто понимает Дао войны, сперва постарается уберечься от поражения, причиной которого является незнание того, где остановиться. Почему необходимо обязательно наступать, чтобы добиться успеха? Если наступаешь необдуманно и ищешь битвы с врагом, а он — напротив — планирует остановить продвижение, победой будет управлять противник. Поэтому искусство войны гласит: «Если враг ищет нас, преследуй его; когда видишь его, атакуй. Когда нападающие не осмеливаются противостоять нам, организуй атаку, и они неизбежно потеряют свою тактическую силу».

Те, у кого перехватили [инициативу], лишены ци; те, кто боится, неспособны создать оборону; у тех, кто потерпел поражение, нет людей. Все это случаи, когда армия лишена Дао. Когда решаешь идти вперед, и нет сомнений, следуй своему решению. Если разрушил [расчеты] врага, и тебе никто не противостоит, возвращайся домой. Если можешь ясно видеть и занять возвышенности, тогда устраши врага [чтобы он покорился]. В этом суть Дао войны.

Тех, кто не имеет охраны при обсуждении планов, можно подслушать. Тех, кто идет вперед, чтобы оскорбить и посмеяться [над твоими войсками], но лишен порядка, можно разбить. Те, чьи атаки подобны воде, рвущейся вперед, подобны удару молний, могут обратить армию врага в бегство. Следует успокоить тех [в войсках], кто удручен, устранить их тревоги и разрешить дела, опираясь на мудрость. Будь выше врага, обсуждая замыслы при дворе; будь величественнее и суровее, чем он, обсуждая замыслы при получении мандата [командования]; поднимай боевой дух, говоря о пересечении вражеских границ. Тогда государство врага можно заставить покориться без сражения.

13. ПРИКАЗЫ О СУРОВЫХ НАКАЗАНИЯХ

Если полководец, командуя тысячей или более человек, выходит из сражения, сдает позиции или покидает поле боя и предаст войска, его называют «государственным разбойником». Он должен быть казнен, семья его — уничтожена, его имя вычерк-

нуто из анналов, могилы его предков — вскрыты, а их кости выставлены на площади. Его дети обоих полов должны быть отданы в рабство государству. Если командир ста или более людей выходит из сражения, сдает позиции или покидает поле боя и предаёт войска, его называют «войсковым разбойником». Он должен быть казнен, его семья — истреблена, а дети обоих полов отданы в рабство государству.

Если добьешься, чтобы люди боялись тяжелых наказаний внутри государства, тогда вне государства они будут легко смотреть на врага. Так, правители древности вначале делали ясными установления и приказы, а потом проявляли устрашающую силу и накладывали тяжелые наказания. Когда наказания тяжелые, они будут их бояться внутри государства. Когда они их боятся внутри государства, они будут стойкими за его пределами.

14. ПРИКАЗЫ ДЛЯ «ПЯТЕРОК»

Правила организации в армии должны быть таковы: пять человек составляют «пятерку», все ее члены связаны взаимной поручкой. Десять человек составляют «десяток», все его члены связаны взаимной поручкой. Пятьдесят человек составляют отряд, все его члены связаны взаимной поручкой. Сто человек составляют соединение, все его члены связаны взаимной поручкой.

Если член «пятерки» нарушает порядок или совершает преступление, и другие сообщают об этом, они освобождаются от наказания. Если они знают об этом, но не сообщают, наказывается вся «пятерка». Если член «десятка» нарушает порядок или совершает преступление, и другие сообщают об этом, они освобождаются от наказания. Если они знают об этом, но не сообщают, наказывается весь «десяток». Если член отряда нарушает порядок или совершает преступление, и другие сообщают об этом, они освобождаются от наказания. Если они знают об этом, но не сообщают, наказывается весь отряд. Если один из входящих в соединение нарушает порядок или совершает преступление, и другие сообщают об этом, они освобождаются от наказания. Если они знают об этом, но не сообщают, наказывается все соединение.

Все командиры от уровня «десятка» до полководцевлевой и Правой армий, высшие и низшие, отвечают друг за друга. Если кто-либо нарушает порядок или совершает преступление, те, кто донесет об этом, освобождаются от наказания, а те, кто знает, но не доносит, будут все считаться такими же преступниками.

Когда «пятерки» и «десятки» правильно связаны, а высшие и низшие чины едины, никакие пороки не останутся нераскрытыми, ни одно преступление не останется невыявленным. Отцы не смогут покрывать своих сыновей, старшие братья не смогут покрывать своих младших братьев. Насколько же меньше люди в государстве, которые живут и едят вместе, смогут нарушать порядок и покрывать друг друга?

15. ПРИКАЗЫ О РАЗДЕЛЕНИИ И ОГРАЖДЕНИИ МЕСТНОСТИ

Средняя, левая, правая, передняя и тыловая армии каждая имеет свое место — каждая окружена с четырех сторон временными стенами — и между ними не разрешены проходы и связь.

У полководца свое место; у начальника свое место; у командующего «сотней» свое место. Они должны соорудить ямы и перемычки и отдать ясный приказ об ограждении, так, чтобы тот, кто не является членом сотни, не мог пройти. Если кто-либо, не являющийся членом сотни, проходит, командир должен казнить его. Если он не сделает этого, то разделит вину за проступок.

Вдоль дорог, пересекающих лагерь, через каждые 120 шагов выставь наблюдательные посты. Оцени людей и местность. Посты на дорогах должны видеть друг друга. Запрети проход через дороги и очисти их. Если у воина нет бирки или опознавательного знака, выданного командиром или другим начальником, он не может пройти. Собиратели хвороста, фуражиры и пастухи составляют «пятерки» и передвигаются в «пятерках». Если они передвигаются не в «пятерках», они не могут пройти. Если у командира нет опознавательного знака, если солдаты не в «пятерках», [стражи] ворот должны казнить их. Если кто-либо заходит за ограничительные линии, казни его. Тогда, если в армии никто не нарушает порядок и не переступает через запреты, не будет ни одного преступника, который не был бы обнаружен.

16. ПРИКАЗЫ О СВЯЗЫВАНИИ «ПЯТЕРОК»

Приказы, которыми связывают «пятерку», гласят: «Пять человек составляют “пятерку”. Они все вместе получают бирку от командования. Если в [сражении] они потеряют людей, но захватят [или убьют] такое же количество врагов, они возместят потерю. Если они захватят врагов и не потеряют никого из своих, они будут вознаграждены. Если они потеряют своих и не захватят [или убьют] равного количества врагов, они будут убиты, а их семьи — истреблены.

Если они потеряют своего командира, но захватят командира врага, это возместит потерю. Если они захватят командира врага, не потеряв своего, они будут награждены. Если они потеряют своего командира, но не захватят командира врага, они будут убиты, а их семьи — истреблены. Однако, если они вновь вступят в сражение и принесут голову командира врага, их наказание будет отменено.

Если они потеряют своего полководца, но захватят [или убьют] другого, этим они сносят позор. Если они захватят полководца, не потеряв своего, они будут награждены. Если они потеряют полководца, но не убьют полководца противника, с ними поступят по “Закону об оставлении позиций и бегстве”.

«Закон казней на поле боя» гласит: «Командир “десятка” может казнить девять остальных. Командир “сотни” может казнить командиров “десятков”. Командир тысячи может казнить командиров “сотни”. Командующий десятью тысячами может казнить командующих тысячами. Полководцылевой и Правой армий могут казнить командующих десятью тысячами. Верховный Полководец может казнить любого».

17. ПРИКАЗЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ АРМИЕЙ

Для управления войсками используйте приказы, повелевающие им разделиться на три [армии]. Левая армия будет иметь зеленые флаги, а войска будут носить зеленые перья. Правая армия будет иметь белые флаги, а войска будут носить белые перья. Средняя армия будет иметь желтые флаги, а войска будут носить желтые перья.

Войска будут иметь пять эмблем. У передней линии будут зеленые эмблемы, у второго ряда — красные эмблемы, у третьего ряда — желтые эмблемы, у четвертого ряда — белые эмблемы, у пятого ряда — черные эмблемы.

Следующее [правило] управления войсками состоит в том, что каждый, потерявший эмблему, будет казнен. У первых пяти линий эмблемы на голове, у следующих пяти линий эмблемы на шее, у следующих пяти — на груди, у следующих пяти — на животе, у последних пяти — на поясе. Таким образом никогда не случится, что у войск будет кто-то, кроме своих командиров, а у командиров будет кто-то, кроме своих войск. Если кто-либо увидит нарушение, но не спросит об этом, или увидит беспорядок, но ничего не сделает, чтобы его остановить, его вина будет такой же, как и вина провинившегося.

Когда звучат барабаны, приказывая [войскам] идти вперед и вступать в сражение, те ряды, что наступают, встречаются лицом к лицу с опасностью, а те, что отступают, вызывают презрение у людей. Те, что продвигаются вперед на пять линий, будут вознаграждены; те, что отходят назад на пять линий, будут казнены. Так можно понять, что наступление и отступление, продвижение вперед и назад — это заслуга командиров. Поэтому сказано: «Если бьешь в барабаны, и они наступают, как удар грома; идут, как ветер и дождь — никто не осмелится противостоять им впереди, никто не осмелится преследовать их сзади». Это говорит о том, что они управляются.

18. ПРИКАЗЫ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ

Гонги, барабаны, колокола и флаги — для каждого из четырех существуют свои правила использования. Когда звучат барабаны, армия должна продвигаться; когда барабаны ударяют снова, армия должна атаковать. Когда звучат гонги, она должна остановиться; когда гонги ударяют снова, они должны отходить. Колокола используются для передачи приказов. Когда флаги указывают налево, [армия должна] идти налево; когда флаги указывают направо, то направо. Необычные войска поступают наоборот.

Барабан бьет один раз, и левая [нога делает шаг вперед]; бьет снова, и правая [нога делает шаг]. Когда для каждого шага — один удар, это бой марша. Если на десять шагов один удар — это бой быстрой ходьбы. Если бой не прерывается — это бой бега. Тон «шан» обозначает барабан полководца. Тон «цзяо» обозначает барабан командира. Маленький барабан принадлежит «сотнику». Когда три барабана звучат одновременно, это значит, что полководец, командир и «сотник» едины. Необычные войска поступают наоборот.

Если барабанщик пропускает удар, его казнят. Тех, кто поднимает шум, казнят. Тех, кто не подчиняется гонгам, барабанам, колоколам и флагам, а двигается самовольно, казнят.

Когда методам ведения боя научены сто человек, после того, как наставления закончены, объедини их [с другими], чтобы всего была тысяча человек. Когда обучение тысячи человек завершено, объедини их [с другими], чтобы всего было десять тысяч человек. Когда обучение десяти тысяч завершено, соедини их в три армии. Когда войска трех армий могут разделяться и соединяться, они могут воплотить правила ведения большого сражения. Когда их обучение завершено, проверь их выполнением маневра.

В квадратном построении они победоносны; в круговом построении они тоже победоносны; в построении выступом они тоже победоносны; если они столкнутся с трудной местностью, они победоносны. Если враг высоко в горах, карабкайся вслед за ним. Если враг в глубине, бросайся вслед за ним. Ищи врага, как будто разыскиваешь потерявшегося сына, преследуй его без малейших сомнений. В таком случае сможешь разбить врага и управлять его судьбой.

Необходимо принимать решения заранее и рассчитывать загодя. Если планы не установлены прежде, если намерения не определены заранее, тогда ни наступлением, ни отходом нельзя будет управлять. Когда возникают сомнения, поражение неизбежно. Правильная армия любит быть первой, необычная армия любит прибывать после. Иногда быть первым, иногда быть последним — [в этом путь] управления врагом. В течение веков полководцы, не знавшие этого правила, после получения мандата идти вперед начинали атаку первыми, полагаясь лишь на храбрость. Не было ни одного, кто бы не потерпел поражения.

Кажется, что враг колеблется, а на самом деле нет; кажется, что враг движется самонадеянно, а на самом деле нет; его движение порой медленное, порой быстрое, на самом же деле не медленное и не быстрое. Это три затруднения в битве.

19. ПРИКАЗЫ ПОЛКОВОДЦА

Когда полководец собирается получить мандат, правитель должен первым делом обсудить военную стратегию в храме предков, затем объявить приказы при дворе. Правитель сам вручает полководцу топоры «фу» и «юэ» со словами: «Левая, Правая и Средняя армии имеют каждая свои обязанности. Если кто-либо выйдет за пределы обязанностей, желая получить более высокий ранг, он будет предан смерти. В армии не может быть двух [источников] приказов. Любой, кто отдает второй приказ, должен быть казнен. Любой, кто мешает осуществлению порядка, должен быть казнен. Любой, кто не подчиняется порядку, должен быть казнен».

Полководец армии объявляет: «Для тех, кто должен выходить за ворота [столицы] государства, время [сбора] назначено на полдень. В лагере мы установим на главных воротах водяные часы. Те, кто прибудет позже назначенного времени, будут казнены».

«Когда полководец армии вошел в лагерь, он закрывает ворота и расчищает проходы. Любой, кто осмеливается проходить по ним, будет казнен. Любой, кто осмелится говорить громко, будет казнен. Те, кто не следует приказаниям, будут казнены».

20. ПРИКАЗЫ АВАНГАРДУ

Войска, называемые «авангардом», уходят вперед от главных сил на сто ли, собираясь в назначенном месте в назначенное время. Они несут с собой трехдневный запас пищи. Они продвигаются впереди основной армии. Знамена существуют для объединения перед вступлением в битву. Тогда, когда знамя вступления в битву поднято, воины авангарда совершают ритуал и разворачиваются в стратегические построения для сражения. Их называют «спешащими в битву».

Выдвинутая армия движется впереди авангарда. Когда знамя вступления в битву поднято, она отходит на вдвое большее [по сравнению с авангардом] расстояние от основных сил — на сто ли впереди авангарда — собираясь в назначенном месте в определенное время. Они несут шестидневный запас пищи. Им приказано подготовиться к битве и расположить войска так, чтобы занять стратегические позиции. Если сражение обернется выгодой [для армии], они преследуют отходящего врага; если войска в тупике, они обрушиваются [на врага]. Если авангард встретит кого-нибудь, кто повернул назад, должен казнить его. Так называемые «армии разных полководцев», состоящие из четырех необычных сил, вырвут победу.¹³

В армии есть «десятки» и «пятерки», а также [правила] разделения и соединения. Перед [вступлением в сражение] обязанности определены, а отобранные войска должны занять стратегические высоты, проходы и мосты. Когда поднято знамя соединения для сражения, все должны собраться. Основная армия выступает с назначенным ежедневным рационом и полным боевым снаряжением. Приказы отданы и войска продвигаются; любого, кто не подчиняется приказам, казнят.

Рассредоточь войска по стратегическим пунктам в пределах четырех границ государства. После того, как выдвинутая армия и авангард уже выступили, люди внутри страны не могут передвигаться. Те, кто получил приказания правителя, кому даны соответствующие бирки и отличительные знаки, называются «командирами, действующими в соответствии со своими обязанностями». Командиры, которые не действуют в соответствии со своими обязанностями, но передвигаются, должны быть казнены. Когда знамя соединения для вступления в битву поднято, эти командиры — действующие в соответствии со своими обязанностями — инспектируют войска и используются для обеспечения взаимной слаженности действий. Таким образом тот, кто хочет вести войну, должен первым делом охранять внутреннее.

21. ВОЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ I

Приказы по обучению воинов: расставь солдат по своим местам и прикажи занять боевой порядок. Те, кто идет вперед или назад против приказа, должны быть наказаны за неподчинение инструкциям.

Передние линии обучает [командир] передних линий; задние линии обучает [командир] задних линий; ряды слева обучает [командир] левых рядов; ряды справа обучает [командир] правых рядов. Когда все пять человек [в линии] успешно обучены, их командир получает награду. Неспособность успешно обучить всех влечет [наказание], ибо совершено преступление неподчинения приказам. Если выбывший из строя сообщает об этом членам «пятерки», и они все вместе доносят об этом, то они освобождаются от наказания.

Когда «пятерка» занимает боевой порядок перед сражением, если кто-либо не наступает или не встречается лицом к лицу с врагом, инструктор [будет наказан], как если бы он преступил закон. «Десяток» отвечает за всех десятерых. Если они потеряют одного человека, а оставшиеся девять не бьются в отчаянной схватке с врагом, тогда их инструктор [будет наказан], как если бы он преступил закон. От «десятка» и до «десяти тысяч», если кто-либо не следует приказам, их инструкторы [будут наказаны], как если бы они совершили что-либо, нарушающее закон. Чтобы сделать наказания и штрафы ясными, а поощрения и награды правильными, они должны быть в рамках закона обучения солдат.

У командиров разные флаги, у соединений различные эмблемы. Левая армия носит эмблемы на левом плече; Правая армия носит эмблемы на правом плече; Средняя армия носит эмблемы на груди. Обозначь эмблему как принадлежащую «определенному воину в доспехах» и «определенному командиру». От первых до последних в [каждом подразделении] из пяти линий почетные эмблемы носят на голове, все прочие — ниже.

Командир «пятерки» обучает других четырех, как использовать доску вместо барабана, кусок черепицы вместо гонга, ветку вместо флага. Когда он ударяет в барабан, они должны наступать; когда он опускает флаг, они должны бежать впе-

ред; когда он ударяет в гонг, они должны отходить. Когда он указывает [налево], они должны идти налево; когда он указывает [направо], они должны идти направо. Когда в барабаны и гонги ударяют одновременно, они должны сесть.

Когда командир «пятерки» закончил обучение, они должны быть объединены [с другой «пятеркой»] под руководством командира «десятка». Когда командир «десятка» закончил их обучать, они должны быть объединены под началом командира отряда. Когда командир отряда закончил их обучать, они должны быть объединены под началом коменданта армии¹⁴. Когда комендант закончил их обучать, они должны быть объединены под началом полководца. Когда полководец закончил их обучение, они должны быть объединены под руководством Верховного полководца.

Когда Верховный полководец закончил их обучать, он располагает их в боевой порядок на местности. Он устанавливает три главных поста, на расстоянии ста шагов друг от друга, и приказывает войскам удаляться от них. Они отходят на сто шагов и упражняются во владении оружием. Они быстро проходят еще сто шагов, а затем бегут сто шагов. Они обучаются боевой тактике, чтобы достичь меры [установленной полководцем]. Затем необходимо использовать награды и наказания.

Комендант армии и все низшие командиры каждый имеет свой флаг. Когда сражение выиграно, смотрят на ранги захваченных флагов, чтобы воодушевлять сердца ясными наградами.

Победа в войне зависит от устрашающей силы. Устрашающая сила зависит от объединения сил. Объединение сил зависит от исправления наказаний. Через исправление наказаний разъяряются награды.

Сегодня, когда люди поворачиваются спиной к пограничным воротам и решают вопрос жизни и смерти, если они научены умирать без колебаний, этому есть причина. [Тренировка и обучение] сделали защитников неприступными; вступающих в сражение — жаждущими биться; плохие расчеты — неприменимыми; плохих людей — безмолвными; приказы — выполняемыми безоговорочно; армию — наступающей решительно; легкие отряды — подобными ударам грома, — чтобы обрушиваться на испуганного врага. Возвышай имеющих заслуги, различай добродетельных, делая отличия ясными, как между черным и бе-

лым. Сделай так, чтобы люди следовали приказам вышестоящих так, как четыре конечности следуют разуму.

Если передовые отряды разрушают линии врага, сеют панику в его рядах и сокрушают его прочность, как рвущаяся вода, для этого есть основа. Она называется «обучением армии». Оно дает возможность открыть рубежи, сохранить алтари государства, устранить бедствия и вред и воплотить военную добродетель.

22. ВОЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ II

Я слышал, что правящий людьми должен обрести Дао несомненной победы. Поэтому, для того, чтобы быть способным объединять других и стать великим и всеохватывающим, чтобы установить указы и правила и сделать свою устрашающую силу преобладающей в мире, существуют двенадцать главных средств:

Первое, «связанные преступлением», означает ответственность всех членов «пятерки» за совершенное преступление.

Второе, «ограничение местности», означает запрещение и закрытие проходов через дороги для поимки шпионов и нарушителей.

Третье, «сохранение колесниц», означает, что командиры колесниц и пехоты взаимосвязаны, трое [воинов в колеснице] и «пятерки» скреплены узами битвы.

Четвертое, «открытие и закрытие», означает, что земля разграничивается, и каждый воин умирает там, где должен, где его место.

Пятое, «установление границ», означает, что левый и правый фланги удерживают друг друга, передние и задние ждут друг друга, а стена колесниц создает непроходимую оборону, чтобы противостоять врагу и остановить [его].

Шестое, «команды различны», означает, что передние ряды, чья основная задача — наступать, отличаются тем самым от задних рядов, которые не могут состязаться за то, чтобы первыми взобраться на стены и не могут переступить через свои позиции.

Седьмое, «пять эмблем», означает, что ряды отличаются эмблемами, так что войска не будут в беспорядке.

Восьмое, «сохранение отрядов», означает, что отряды расходятся и следуют друг за другом, каждый имеет свое определенное место.

Девятое, «гонги и барабань», означает, что войска побуждаются к успеху и подчиняются добродетели.

Десятое, «расположение колесниц», означает, что строй непроницаем, копы выставлены вперед, а глаза лошадей закрыты шорами.

Одиннадцатое, «воины смерти», означает отбор способных и мудрых воинов для управления боевыми колесницами. Они мчатся вперед и назад, поперек и по кругу, применяя гибкую тактику, чтобы достичь превосходства над врагом.

Двенадцатое, «сильные войска», означает управление флагами и сохранение отрядов. Без флагов они не двигаются.

Когда обучение этим двенадцати успешно закончено, никто из нарушающих порядок не может быть прощен.

Если армия слаба, они смогут укрепить ее, Если правитель неизвестен, они смогут почтить его. Если приказы ослабнут, они смогут вернуть их к жизни. Если люди станут переселенцами, они смогут привлечь их. Если людей много, они смогут управлять ими. Если земля обширна, они смогут защитить ее. Без колесниц, пересекающих границы, и без доставания из хранилищ разных доспехов, твоя устрашающая сила заставит Поднебесную покориться.

У воинов есть пять обязательств: ради полководца они забывают о своих семьях; переходя границу, они забывают своих родственников; встретясь с врагом, они забывают самих себя; когда им суждено умереть, они будут жить; и последнее — это стремление к победе. Сто человек, жаждущих испытать боль от ранения оружием, могут проникнуть в ряды врага и вызвать беспорядок в строю. Тысяча человек, жаждущих испытать боль от ранения оружием, могут захватить врага и убить его полководца. Десять тысяч человек, жаждущих испытать боль от ранения оружием, могут пересечь Поднебесную по своему желанию.

У-ван спросил Тай-гуна:

— В короткое время я хочу полностью овладеть основами ведения войны.

Тай-гун ответил:

— Ваши награды должны быть как горы, ваши наказания — как долины. Высший не совершает ошибок, следующий за ним исправляет свои ошибки. Любой, кто должен быть наказан и

просит о помиловании, должен умереть. Любой, кто должен быть награжден и просит о ненаграждении, должен умереть.

Нападай на государство в соответствии с изменениями в нем. Изобрази богатство, чтобы узнать об их бедности. Изобрази усталость, чтобы узнать об их болезни. Если правитель безнравственный, а народ — недоволен, в таких случаях есть основа для нападения.

В целом, когда бы ни собиралась армия, сперва необходимо оценить стратегическое равновесие сил внутри и вне границ, чтобы высчитать, можно ли начинать поход. [Необходимо узнать], подготовлена ли армия или у нее есть недостатки, в избытке или в недостатке у нее продовольствия. Необходимо определить пути наступления и возвращения. Только затем можно собирать армию, чтобы напасть на пребывающего в хаосе, будучи уверенным, что в его государство можно войти.

Если земля обширна, а города маленькие, первым делом следует занять земли. Если города большие, а земля — узкая, первым делом следует напасть на города. Если государство большое, а население маленькое, тогда возьми стратегически важные места. Если государство незначительно, а населения много, тогда насыпь высокие холмы, чтобы возвышаться над ними. Не уничтожай источники богатства и не вмешивайся в полевые работы. Будь великодушен к государственным [чиновникам], установи занятия [людей] и облегчи их бедность, тогда этого будет достаточно, чтобы охватить все Поднебесную.

Сегодня борющиеся царства нападают друг на друга и собирают большие походы на добродетельных. От «пятерок» до отрядов, от отрядов до армий — ни у кого нет единых приказов. Они вынуждают людей быть в растерянности; они склоняются к высокомерию и расточительности. Их расчеты являют собой бедствие; у них постоянные разногласия, поэтому чиновники тратят время на расследование дел. Все это представляет собой затруднения и, более того, приводит к поражению. Даже после захода солнца дороги остаются длинными, а когда [солдаты] возвращаются в лагерь, они удручены. Армия стара, полководцы алчны. Когда полководец старается, чтобы получить богатство, его легко будет разбить.

Когда полководец легкомысленен, укрепления — низки, а умы людей — в разброде, на них можно напасть. Если полково-

дец тверд, а укрепления высоки, но войска испуганы, их можно окружить. В целом, когда окружаешь кого-нибудь, создай видимость небольшой выгоды для врага, чтобы он слабел день ото дня. Тогда обороняющиеся вынуждены будут урезать пайки, пока им не будет нечего есть. Когда войска сражаются друг с другом ночью, они испуганы. Если войска избегают своих обязанностей, они недовольны. Если они лишь ждут, что кто-то придет и спасет их, а когда приходит время битвы, они возбуждены, значит, они все утратили волю и удручены. Потеря духа уничтожает армию; ошибочные расчеты уничтожают государство.

23. ПРИКАЗЫ ПО АРМИИ I

Оружие — это неблагоприятное средство. Война противоречит добродетели. Все дела должны иметь свое основание. Поэтому, когда подлинный правитель нападает на жестокого и беспорядочного, в качестве основания он использует гуманность и справедливость. [Сейчас] борющиеся царства утверждают свою устрашающую силу, сопротивляются своим врагам и замышляют друг против друга. Поэтому они не могут оставить свои армии.

Армия использует военное в качестве ростка, а гражданское — в качестве семени. Она делает воинственное внешним, а гражданское — внутренним. Тот, кто сможет исследовать и измерить эти два, познает победу и поражение. Гражданское — это средство распознать выгоду и вред, определить безопасность и угрозу. Военное — это средство противостоять сильному врагу, яростно атаковать и обороняться.

Тот, кто един, одержит победу; тот, кто разрознен, будет разбит. Когда ряды непроницаемы, они прочны. Когда передние ряды рассыпаны, они могут достичь [цели]. Тот, у кого войска больше боятся своего полководца, чем врага, одержит победу. Тот, у кого войска больше боятся врага, чем своего полководца, будет разгромлен. Поэтому, чтобы знать, кто победит, а кто проиграет, сравни своего полководца с полководцем врага. Полководец врага и наш — как весы и равновесие. Если он тверд и спокоен, [войска] хорошо управляемы; если он жесток и поспешен, войска в беспорядке.

Высылание войск вперед и рассредоточение армии имеют свои установленные приказы; разбросанность и плотность линий и порядков имеют свои установленные правила; расположение рядов от переднего до последнего имеет свои предназначения и удобства. Установленные приказы не используются, когда преследуют бегущего врага или неожиданно нападают на город. Если передний и задний края в беспорядке, [армия] теряет [свою целостность]. Если кто-либо вызывает беспорядок в линиях, обезглавь его.

Стандартное рассредоточение имеет место всегда, когда воины стоят лицом к врагу. Есть также ряды, обращенные вовне, обращенные внутрь, стоящие и сидящие. Обращенные внутрь ряды дают возможность сохранить центр; обращенные вовне ряды дают возможность подготовиться к угрозе извне. Стоящие ряды дают возможность передвигаться; сидящие ряды — остановиться. Смешанные ряды — когда одни солдаты стоят, другие сидят, откликаясь друг на друга в соответствии с необходимостью идти или остановиться, а полководец находится в середине. Оружие сидящих воинов — мечи и топоры; оружие стоящих воинов — алебарды с наконечниками и арбалеты; полководец также находится в середине.

Тот, кто успешно бьет врага, вначале вступает в битву с правильными войсками, затем [использует необычные], чтобы управлять врагом. Вот способ достижения несомненной победы.

Установи топоры «фу» и «юэ» [для наказаний], покажи эмблемы и флаги [используемые в качестве наград]. Те, кто проявил доблесть, должны быть награждены; те, кто не подчинился приказам, должны умереть. Сохранение или разрушение государства, жизнь или смерть воинов — все находится на концах барабанных палочек [полководца]. Даже если в Поднебесной есть те, кто преуспел в командовании армией, никто не сможет разбить их.

Перед тем, как тетивы луков отпущены и стрелы летят в цель, перед тем, как ударили длинные лезвия, те, кто кричал первыми, называются «пустыми», те, кто кричал после, называются «полными», а те, кто хранит молчание, называются «тайнственными». «Пустые» и «полные» — это воплощение войны.

24. ПРИКАЗЫ ПО АРМИИ II

Специальные отряды отсылаются от основной армии, чтобы сделать предварительные приготовления для обороны. Они должны выставить вдоль границы наблюдательные посты на расстоянии от трех до пяти ли. Когда они слышат, что основная армия готовится к наступлению, строит оборону и вступает в битву, они должны прекратить всякое движение, чтобы обеспечить безопасность государства.

Когда войска из глубины должны выступить на охрану границ, командир обязан обеспечить их флагами, барабанами, алебардами и доспехами. В день выступления любой, кто прибудет после того, как командир уже покинул место, должен быть предан суду за опоздание на пограничную службу.

Срок пограничной службы для солдат — один год. Любой, кто покинет свой пост до того, как будет заменен, должен быть наказан согласно закону о бегстве из армии. Если его родители, жена или дети знали об этом, они разделят вину за преступление вместе с ним. Если они не знали об этом, их надо простить.

Если солдат прибывает в расположение армии после своего командира, его родители, жена и дети должны разделить вину за преступление вместе с ним. Если солдат покидает свой пост, чтобы вернуться домой на один день, а родители, жена или дети не удержат его или не сообщат об этом, они должны разделить вину за преступление вместе с ним.

Если они потеряют в сражении командира или если командир бросит своих подчиненных и сам сбежит, обезглавь их всех. Если командир с переднего края покинул своих подчиненных и бежал, любой командир из тыла, способный убить его и вновь собрать его подчиненных, должен быть награжден. Любой [из таких войск], не проявивший доблести в армии, должен отслужить три года на границе.

Если три армии вступили в решающее сражение, и полководец погибает, все подчиненные ему командиры, возглавляющие соединения от пяти человек и больше, которые не были способны биться насмерть с врагом, должны быть обезглавлены. Все войска, находившиеся около полководца, слева и справа в [защитных рядах], должны быть обезглавлены. Что касается остальных командиров и солдат, те, кто имеет военные заслуги, должны

быть понижены на одну ступень. Те, кто не имеет военных заслуг, должны отслужить три года на границе.

Если «пятерка» потеряла воина в битве, или член «пятерки» погиб в бою, а они не вернули его тело, члены «пятерки» лишаются всех заслуг. Если они вернули его тело, их преступления должны быть прощены.

Выгода и вред армии связаны с [соответствием] имен и вещей в государстве. Сегодня, если чье-нибудь имя появляется в [военном] ведомстве, а на самом деле человек у себя дома, то тогда ведомство не обретает сущности, а домашний очаг не получает имени. Когда войска собраны, чтобы составить армию, они будут обладать пустым именем без сущности. Вне государства они не смогут отразить врага, а внутри не смогут защитить государство. Это путь, когда армия становится небоеспособной, а полководец теряет свою устрашающую силу.

Я полагаю, что когда солдаты бросают свои отряды и возвращаются домой, другие члены «пятерок» в жилищах и их командиры должны быть наказаны за использование их пайка, ибо имена [беглецов] показывают полноту армии. Так, человек как бы в армии, а в действительности расходуется двойная норма. Тогда запасы государства пустеют, а пашни народа истощаются. Как же можно избежать ужаса поражения?

Сегодня, если законы удерживают их от бегства, это предотвращает потери армии и является первой военной победой. Когда «пятерки» и «десятки» взаимно привязаны к позиции так, что в сражении войска и командиры будут помогать друг другу, это вторая военная победа. Если полководец в состоянии утвердить устрашающую силу, солдаты — овладеть его инструкциями и следовать им, при этом команды и приказы ясны, и им доверяют, а нападение и оборона осуществляются правильно, это третья военная победа.

Я слышал, что в древности те, кто умело вел войну, могли уничтожить половину своих воинов и командиров. Следующие могли убить одну треть, а низшие — одну десятую. Устрашающая сила того, кто мог пожертвовать половиной своих войск, сотрясала всех в пределах четырех морей. Сила тех, кто мог пожертвовать третью своих войск, могла быть направлена против удельных князей. Приказы тех, кто мог пожертвовать одной десятой, выполнялись среди его войск и командиров. Поэтому я

говоря, что миллион воинов, не следующих приказам, не столь хороши, как десять тысяч, которые сражаются. Десять тысяч, которые сражаются, не столь хороши, как сто человек, которые действительно воодушевлены.

Когда награды подобны солнцу и луне, верность подобна четырем сезонам, приказы подобны топорам «фу» и «юэ», а правила подобны [острому мечу] Гань-цзян, я никогда не слышал, чтобы командиры и солдаты не следовали приказам!

Примечания

1. Трактат «Вэй Ляо-цзы», очевидно, был создан позднее «Искусства войны» Сунь-цзы; «Мо-цзы», «Военных методов» Сунь Биня и «У-цзы». В нем широко используются многие концепции У Ци.

2. Ли Сы — первый министр в Цинь и ближайший советник Цинь Ши Хуан-ди.

3. В пользу этого вывода свидетельствует как стиль написания иероглифов, так и наличие в тексте на табличках тех иероглифов, которых, будь он создан при Хань, авторы должны были бы избегать. (После восшествия на престол императора иероглифы его имени становились табуированными).

4. Это показывает, что в трактате фигурируют и даосские концепции, хотя влияние легизма остается преобладающим.

5. Деление на «пятерки» на протяжении всей китайской истории оставалось основой военной организации.

6. Шан Ян полагал, что наказаний должно быть много, а наград — мало.

7. Сюнь-цзы (Сюнь Куан) — (ок. 313 — ок. 238 гг. до н. э.). Один из крупнейших философов и мыслителей Древнего Китая, представитель конфуцианской школы.

8. «Цюнь шу цзи яо» — компендиум, составленный при династии Тан и включающий в себя важнейшие главы из канонов, исторических и философских сочинений.

9. Многие комментаторы отмечают, что в данном случае указано название утерянной книги.

10. Скорее, река Цин, ибо она протекает через Муе, где произошло решающее сражение.

11. Чжан — мера длины, равная 3.3 метра.

12. Четыре категории — чиновники, крестьяне, ремесленники и торговцы.

13. Комментаторами предлагается различное объяснение этих четырех сил, например: главная армия, выдвинутая армия, авангард и дивизион (последнее явно искусственно). Другие полагают, что это могут быть четыре типа построения или же просто крайние позиции. Каждое подразделение армии может быть использовано как «необычное».

14. Комендант армии — командир среднего звена, в подчинении у которого было около 800 человек.

6

Три
стратегии
Хуан
Ши-гуна

黃石公三略

Исследование 347

Перевод 360

I. Высшая стратегия 360

II. Срединная стратегия 371

III. Низшая стратегия 375

Примечания 380

Исследование

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ТРЕХ СТРАТЕГИЙ»

Китайская традиция приписывала три военных сочинения — «Шесть секретных учений», «Три стратегии Хуан Ши-гуна» и эзотерическое произведение «Инь фу» — знаменитому полководцу, стратегу и политическому мыслителю Цзян Шану, более известному по имени Тай-гун. Как и с большинством древних китайских книг, с текстом «Трех стратегий» связаны многочисленные вопросы относительно его подлинности. Однако, даже если бы книга была «лишенной ценности подделкой» — по словам недолголюбивавших ее конфуцианцев — она все равно требовала бы серьезного изучения по причине своей древности, разнообразного содержания и очевидного влияния на последующих военных теоретиков Китая, а впоследствии и Японии. Современный текст по своему языку, проблематике и стилю кажется созданным в конце I в. до н. э., хотя четыре иные концепции, разбираемые ниже, весьма расходятся в вопросе датировки.

«Три стратегии» приобрели историческую значимость в период успехов Чжан Ляна в установлении и сплочении власти династии Хань во время смут и восстаний, положивших конец недолгому правлению жестокой династии Цинь. История внезапного появления текста — классический пример полуполюгендарных китайских исторических описаний, хотя и предпринимались

«Сокрытые символы» или «Единение с сокрытым» — *Прим. ред.*

попытки воссоздать вероятную линию его передачи, уходящую сквозь мрак времен к самому Тай-гуну. Согласно этой традиции, «Три стратегии» содержат речи почтенного мудреца, произнесенные им после того, как он был поставлен правителем Ци — государства на окраине Чжоуской цивилизации — вслед за завоеванием шанской династии. В дальнейшем, обрывочные, случайные высказывания — записанные «на полях» — были собраны, отредактированы и систематизированы. Возможно, эта задача была выполнена историком циского двора, а сам труд сохранялся последующими поколениями в секрете из-за его огромной военной ценности. Предполагается, что составив «Шесть секретных учений», Тай-гун дополнил их после установления мира в Поднебесной. Это объяснило бы более общий характер материала и отсутствие таких собственно военных тем, как приказы на поле боя и тактика.

Книга выплыла на поверхность, будучи переданной Чжан Ляну неизвестным старцем за десятилетие до того, как первый стал знаменитым и могущественным. В «Ши цзи» есть описание этого события:

Однажды, когда Чжан Лян неторопливо прогуливался по мосту Ся-пэй, он столкнулся со стариком в бедной одежде — удалившимся на покой цзюнь-цзы. Когда старец подошел к тому месту, где стоял Чжан Лян, он намеренно сбросил свою туфлю с моста. Глядя на Чжана, он приказал: «Иди вниз и принеси мою туфлю». Чжан Лян был удивлен этим и хотел ударить старика, но, видя его возраст, подавил свое желание.

Чжан спустился вниз под мост и взял туфлю. Когда он вернулся, старик приказал: «Надень ее мне на ногу». Так как Чжан уже сходил и принес туфлю, он встал на колени и надел ее. Когда туфля была на ноге у старика, тот улыбнулся и пошел дальше. Чжан Лян был очень удивлен и продолжал смотреть на него. Пройдя несколько сот шагов, старик вернулся и сказал: «Сын мой, тебя можно научить. Через пять дней, на рассвете, встречай меня здесь». Чжан Лян подумал, что это страшно, но преклонил колени в знак согласия.

Пять дней спустя, на рассвете, Чжан отправился на мост. Однако старик был уже там и обрушился на него с упреками: «Когда назначена встреча со стариком, как ты смеешь приходить после него?» Затем он пошел прочь, сказав: «Через пять дней мы встречаемся здесь опять». Пять дней спустя, когда петух прокричал в первый раз, Чжан Лян пошел туда. Однако старик опять был там и снова был в гневе.

«Как ты смеешь приходить после меня?» Уходя, он прокричал: «Приходи через пять дней!»

Через пять дней, еще до того, как прошла половина ночи, Чжэан Лян пошел туда. Немного спустя пришел старик и был очень рад: «Вот так и должно быть». Затем, достав книгу, он продолжил: «Если ты прочтешь эту книгу, то сможешь стать учителем правителей. Десять лет спустя ты будешь процветать. Через тринадцать лет ты увидишь меня на северном берегу реки Цзи. Желтая скала у подножия горы Гу-чэн — это и буду я». Затем он ушел, не говоря ни слова, и больше его не видели. Наутро Чжэан Лян взглянул на книгу и понял, что это военная стратегия Тай-гуна. Он считал ее исключительной и постоянно изучал ее.

Старик мог быть гордым потомком придворного историка царства Ци, «достойного», чья семья сохранила секретное учение для последующих поколений. Согласно военному историку, генералу Сюй Пэй-гэню, такое предположение основывается на хорошем знании местности — настолько детальном, что старец отождествил себя с большой желтой скалой (хуан ши), отсюда и произошло название книги: «Три стратегии Князя Желтой скалы». Так как Ци было одним из последних царств, завоеванных печально известной Цинь, Князь Желтой скалы вполне мог желать гибели ненавистной династии. Передача важнейшей книги по стратегии молодому беглецу, на которого охотились за попытку покушения на императора, была бы, в таком случае, весьма подходящим жестом.

Существует, таким образом, пять основных теорий происхождения «Трех стратегий». Первая, традиционная и описанная выше, приписывает их самому Тай-гуну. Вторая является вариацией первой и приписывает текст его ученикам или военным последователям. Она предполагает, что изначальный текст со временем подвергся обширной переработке в пред-цинский период, что объясняет устаревший характер идей и концепций и возможность его влияния на Сунь-цзы и Вэй Ляо-цзы (а не наоборот). Третья полагает, что под влиянием сочинений Тай-гуна Хуан Ши-гун сам написал книгу незадолго до известных событий. Это объяснило бы также концепцию книги и ее язык, а особенно — явно просматривающееся влияние даосизма. Четвертая версия, отождествляемая преимущественно с консервативными учеными классической школы, утверждает, что книга — подделка периода Вэй-Цзинь (220–420 гг. до н.э.) или даже еще более по-

здняя. Некоторые ученые, такие, как, например, Чжэн Юань, считали «Три стратегии» «изобилующей пустыми словами даосизма и потому бесполезной книгой», другие подвергали ее критике за жестокость или нападали на безыскусность языка.

Наконец, последняя теория принадлежит современному ученому Сюй Бао-линю, который, основываясь на концепциях, языке и исторических ссылках, содержащихся в тексте, приходит к выводу, что сочинение написано около конца периода Ранней Хань, возможно, отшельником — последователем школы Хуан-Лао, прекрасно знавшим военное дело. Далее, по его мнению, книгой, переданной Чжан Ляну, были не «Три стратегии», а «Шесть секретных учений», отражающие военную мысль Тайгуна — как об этом и сказано у Сыма Цяня во включенной в «Ши цзи» биографии. (Книга Хуан Ши-гуна, известная сейчас как «Три стратегии Хуан Ши-гуна», изначально называлась «Записи Хуан Ши-гуна» и обрела нынешнее название лишь при династии Суй). Это объясняет упоминание могущественных фамилий, узурпировавших власть, преобладание, среди всего прочего, идей школы Хуан-Лао, а также заострение внимания на государственных делах во время мира. Хотя аргументы Сюя и кажутся несколько натянутыми, при отсутствии археологических свидетельств обратного, его общие выводы, полагаем, должны быть, все-таки, приняты, а «Три стратегии» — признаны последним из подлинно древних сочинений, созданным на рубеже старой и новой эры.¹

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ГЛАВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Стиль «Трех стратегий» гораздо мягче в сравнении с «Шестью секретными учениями» и другими сочинениями, авторство которых установлено, — быть может оттого, что многотрудная и монументальная задача объединения империи и установления просвещенного правления была уже выполнена династией Хань. Хотя многие темы и идеи предыдущих пяти военных канонов также нашли отражение в «Трех стратегиях», основное внимание здесь уделяется управлению, а также военной администрации и контролю. За исключением короткого пассажа, развивающего

теорию «сильных позиций», в целом стратегия кампании и тактика боя почти не обсуждаются. Вместо этого в тексте подробно рассматриваются концепции управления, организации сил и объединения народа; характеристики способного полководца; методы создания прочной материальной базы; мотивация подчиненных и солдат; применение наград и наказаний; пути проявления величия и вопрос о равновесии между твердым и мягким.

Четыре основных линии рассуждения — их различия явно примиряются, и в конечном счете они удивительным образом сплетаются воедино — ясно прослеживаются в «Трех стратегиях». Дальнейшие исследования требуются, чтобы определить, намеренно ли автор создал такой синтез на новой интеллектуальной основе идей школы Хуан-Лао, как заявляет Сюй Бао-линь, или современные исследователи лишь поддаются искушению усматривать целостность там, где ее нет, после длительных размышлений и обширного анализа текста. Вообще говоря, фундаментальные понятия конфуцианства — такие, как справедливость, гуманное правление, обеспечение благосостояния народа, правление с помощью добродетели, использование достойных — лежат в основе всего сочинения.

Основные меры, предлагавшиеся легистами — такие, как укрепление государства, суровое насаждение законов, строгое применение наград и наказаний, твердая власть и авторитет правителя — дополняют по сути конфуцианскую концепцию сочинения, что делает его по духу и взглядам ближе скорее Сюнь-цзы, чем Конфуцию и Мэн-цзы. Даосские идеи, воспевающие пассивность, гармоничность, отсутствие соперничества, сохранение жизни, Дао и Дэ (добродетель), и осуждающие зло войны — пронизывают книгу. Однако они достаточно модифицированы, и в тексте мы находим тому подтверждение — утверждается принцип справедливой войны и борьбы за гармонию.

Сочинения предшествующих военных стратегов — особенно «Вэй Ляо-цзы» и «Шесть секретных учений» (которое иногда упоминается как «Военные речи») — дают основные концепции управления, организации и контроля. Многие из слившихся воедино конфуцианских и легистских политических воззрений, таких, как утверждение народа в качестве основы и строгое применение наград и наказаний, насчитывали уже долгую тради-

цию среди стратегов ко времени создания текста. Некоторые из них достигают в «Трех стратегиях» своего апогея. Несомненно, что текст в философском плане гораздо замысловатее обычных сочинений по военному управлению. Безусловно, он требует дальнейшего изучения. Мы вынуждены оставить детальный анализ для специальных монографий, и предпослать ему лишь краткое перечисление наиболее ярких моментов в качестве введения в мир Хуан Ши-гуна.

Иерархия стратегий

В своем нынешнем виде сочинение состоит из трех частей, названных в традиционной манере «высшей», «срединной» и «низшей». К сожалению, возможны две интерпретации данных терминов: это обозначение или места в сочинении, или первенства в приоритетах. Пассаж в самой книге, который скорее может быть интерполяцией комментатора, чем отражением мысли автора, показывает, что каждая часть необходимо соответствует определенному периоду нравственного и политического упадка. Не существует никаких указаний на то, что иерархия глав может соотноситься с различными типами правления и «эпохами добродетели», как можно было бы ожидать.

В течение тысячелетий китайские интеллектуалы рассматривали историю через призму повторяющихся династийных циклов, накладывающихся на подлежащую им модель нравственного упадка. Начиная с эпохи совершенномудрых императоров, цивилизация становилась все многограннее, притворнее и порочнее, что достигло своей кульминации в период, когда случайные люди узурпировали власть, и ученым пришлось создавать и развивать концепцию добродетели в тщетной попытке обуздать зло. Каждая философская школа трактовала этот упадок со своей, удобной ей, точки зрения. В предельно упрощенной форме, конфуцианцы считали создание культуры и цивилизации важнейшей заслугой мудрецов и легендарных героев прошлого, средством достижения и сохранения порядка в обществе, где добродетель должна преобладать, а нравственность — править. Даосы, во главе с Лао-цзы, порицали концепции добродетели и задач цивилизации, считая, что они лишь способствовали ускорению упадка спонтанности, простоты и естественной гармонии. Легисты извлекли другой урок из

этого падения, рассматривая его как доказательство необходимости драконовских мер: закон и власть должны препятствовать беспорядкам в обществе, способствовать созданию сильного государства и гарантировать безопасность правителя.

Человеческий опыт, приобретенный благодаря диаметрально противоположным формам правления, каждая из которых отличалась от другой ценностями и главными политическими мероприятиями, в изобилии давал впечатляющий материал для иллюстрации каждой теории. Напрашивается мысль, что Хуан Ши-гун относил каждую из трех стратегий к особому способу управления, в соответствии с уровнем жестокости и агрессивности правящей элиты. Однако нынешний текст не дает оснований для таких утверждений, и действительно, «Высшая стратегия» «устанавливает нормы благопристойности и награды», что явно не является методом совершенномудрых.

В соответствии с легистским учением, утверждающим, что законы должны составляться заново для каждой эпохи, Хуан Ши-гун говорит, что все три учения необходимы для соответствующих периодов упадка. В каждой части правителю даются различные советы для достижения целей правления:

Совершенномудрый объемлет Небо, Достойный берет за образец Землю, а мудрец находит учителей в древности. Поэтому «Три стратегии» написаны для периода упадка. «Высшая стратегия» устанавливает нормы благопристойности и награды, проводит различие между творящими зло и героями и проясняет победу и поражение. «Средняя стратегия» различает добродетель и поведение и обнаруживает изменения в равновесии силы. «Нижняя стратегия» упорядочивает Дао и добродетель, изучает безопасность и угрозу и делает очевидными бедствия от нанесения вреда достойным.

Поэтому, если правитель глубоко понимает «Высшую стратегию», он сможет использовать достойных и захватить врагов. Если он глубоко понимает «Среднюю стратегию», он сможет использовать своих полководцев и управлять ими, а также объединять людей. Если он глубоко понимает «Нижнюю стратегию», он сможет распознать источники процветания и упадка и понять правила управления государством. Если его подчиненные глубоко понимают «Среднюю стратегию», они смогут добиться заслуг и сохранить себя.

Однако знакомство с содержанием книги позволяет предположить, что подобная интерпретация лишена достаточного текстуального основания. Хотя каждая из стратегий и делает упор

на различных моментах, по существу, в основе всех трех лежат одна и та же тематика и интересы. Первая глава охватывает большую часть сочинения, а в двух остальных вводятся некоторые новые вопросы и расширяются уже выдвинутые положения. Является ли это результатом того, что текст был искажен, или же передача его была несовершенной и значительные фрагменты были утеряны — этого мы никогда не узнаем. Несоразмерность частей текста необычна, но, с другой стороны, автор мог просто выражать свои мысли, не заботясь о симметричности и величине глав.

Концепции управления

Проникнутые идеей исторического «упадка», «Три стратегии» посвящены теме совершенствования добродетели и одновременно — энергичным мерам борьбы с упадком. Так же, как «Шесть секретных учений» и «У-цзъ», они подчеркивают важность заботы о народе, его послушания, поддержки и объединения под властью нравственного правителя и мощного государственного аппарата. Поскольку высшим идеалом является совершенномудрый правитель, автор поддерживает конфуцианскую политику обеспечения благосостояния народа и обретения его добровольной преданности. Правитель, а также полководец, должны действовать так, чтобы облегчить нужду, устранить зло и увеличить богатство. Затем, они должны уменьшить налоги и трудовые повинности, не мешать полевым работам и утверждать стабильность и спокойствие. Так как априори признается, что хорошо управляемое государство может мобилизовать население в случае военной угрозы, то, наряду с собственно стратегией и тактикой, на первый план выходят вопросы гражданского управления и руководства. Рекруты обеспечивают основу военной мощи, и преимущественное внимание уделяется оборонительным действиям.

Проявление власти

И «Высшая» и «Низшая стратегии» обсуждают многочисленные проблемы, возникающие, когда правитель уже утратил контроль над ситуацией, зло царит в ведомствах и ветвях власти, а партии и клики растаскивают государственные богатства. «Три стратегии» предупреждают о недопустимости этого, следуя легистской доктрине, что правитель должен иметь столько власти,

сколько возможно. Основным способом противодействия усилению великих фамилий, родственников правителя и даже могущественных военных, является использование достойных и мудрецов. (Это представляет собой отход от классических легистских принципов, согласно которым на моральные качества и индивидуальный талант нельзя полагаться. Моисты и конфуцианцы, напротив, подчеркивали огромное значение мудрецов для государства, что автору «Трех стратегий» видится «соответствием непостижимому», «соответствием Дао».) Когда добрые признаны и выдвинуты, а злые отступают и несут наказание, возникают как основа для справедливого, эффективного и гуманного правления, так и преданность народа двору.

Военные приготовления, управление и казни

Как уже отмечалось, даосское влияние просматривается во всей книге — от идеи всеобщего объединения в практике Дао до повсеместного признания, что война — это бедствие и зло и что она нарушает «естественную направленность к жизни». В отличие от «Шести секретных учений», где война рисуется делом огромной важности для нации, в «Трех стратегиях» уделяется внимание негативной, отрицательной стороне войны. Армию надо использовать осторожно: однако, когда необходимо сохранить государство, поддержать основание цивилизации и защитить жизнь, ее использование соответствует Дао. Так как колебания и сомнения обрекают военные предприятия на неудачу, если решение о ведении войны принято, необходимо действовать: «Мудрый правитель не получает удовольствия от ведения войны. Он начинает ее, чтобы покарать самых порочных и наказать восставших. Оружие — неблагоприятное средство, Дао Неба питает к нему отвращение. Однако, когда войны не избежать, она соответствует Дао Неба». Знаменитая фраза Лао-цзы («армия — это неблагоприятное средство») явно изменена для того, чтобы быть включенной в контекст идей школы Хуан-лао, отраженных в «Трех стратегиях».

Основой для ведения военных действий всегда остается народ. Во многих государствах люди разорены и недовольны в то время, как народ подлинного правителя должен быть воспитан, одет и, тем самым, привязан к своему правителю и государству. Всех беженцев и преследуемых, равно как и достойных и та-

лантливых людей, нужно приветствовать и обихаживать, тем самым укрепляя государство. Если всех оказывающихся под властью правителя объединять, они составят прочное и нерушимое целое.

Мотивация народа

В «Трех стратегиях» довольно подробно обсуждается вековая проблема мотивации и воодушевления. Внимание уделено разным слоям общества: простолюдинам, чиновникам, министрам, полководцам, командирам и солдатам.

Выделяется даже около двадцати индивидуальных типов на характерно-поведенческой основе, и каждый из этих типов предлагается использовать для выгоды государства. Стабильность и процветание признаются важнейшим, ибо без стабильности невозможно обладание, а без процветания невозможны награды. Если люди должны отдать все силы для государства, они должны видеть в качестве перспективы соответствующее вознаграждение; если они должны умереть для государства, их нужно воодушевить обещанием богатств их семьям и почета.

Награды должны быть целевыми и ясными, ибо ценности и требования людей различны. Например, хотя многие жаждут богатства, честных и неподкупных можно привлечь только славой, почетом и постом. Нужно четко определить и применять в сочетании как материальные, так и моральные стимулы. Покорность завоевывается через гуманность, просвещение и расчёт; умы — через удовольствие; тела — через принятие норм благопристойности и законов государства. Любого человека можно привлечь и использовать, играя на его чувствах и желаниях. Однако, достойных привлечет только добродетель; поэтому правитель и полководец должны все время совершенствоваться.

Военные и политические концепции

Хотя Хуан Ши-гун уделяет основное внимание вопросам административного управления, некоторые важнейшие военные концепции, содержащиеся в «Трех стратегиях», также заслуживают внимания: это руководство армией, быстрота, авторитет, единство и равновесие, «твердое и мягкое».

Начиная с периода «Весен и Осеней», главнокомандующему все в большей степени вверялось не только военное руковод-

ство, но и полная власть как над воинами и командирами, так и над связанным с ними многочисленным сопровождением, состоящим из гражданских лиц. За некоторыми исключениями, мероприятия, обсуждаемые для использования в гражданской сфере, применимы и в сфере военной. Когда командующий принял мандат, его авторитет не должен вызывать сомнений. Вследствие огромной власти и широты обязанностей, только человек, обладающий большими знаниями, решительностью и разнообразными способностями, мог справиться с порученным делом. Он должен владеть собой, не суетиться и не колебаться. Он должен быть восприимчивым к предложениям и критике, хотя авторитет его должен оставаться беспрекословным. Его власть должна быть несомненной и твердой, а гнев — справедливым и страшным.

Идею «быстроты, а не затягиванья» выдвинул Сунь-цзы, и в «Трех стратегиях» многократно подчеркивается преимущество скорости и решительности: «Сражение должно быть подобно дующему ветру; атаки должны быть подобны текущей реке». Сомнения, неуверенность в принятых решениях, обращение к духам и прибегание к гаданию или чему-нибудь еще — все это может свести на нет готовность армии и замедлить действия так, что спасти ситуацию будет уже невозможно.

В древности, как и поныне, авторитет был существенной и часто единственной основой власти и средств управления людьми. «Вэй» — возможно, лучше всего перевести это как «устрашающая сила», — термин, который обычно используется для характеристики облика авторитетной личности. Согласно Конфуцию, «вэй» — это образ справедливого человека, надевающего доспехи, воздействующий на других людей. Это высшая власть полководца или правителя, владеющего всей мощью дрожащей от страха империи.

Практически все легисты и военные мыслители искали пути укрепления устрашающей силы, признавая ее огромную роль в управлении людьми и принуждении врага рассыпаться и бежать с поля боя. Без нее полководец не дееспособен, ибо он обязательно утратит преданность людей.

Вечной основой реальной власти в государстве является безусловный контроль за наградами и наказаниями. Хотя теория и практика строгого, сурового и систематического использования

наград и наказаний наиболее связана с легистской школой, каждый военный теоретик признавал их жизненную необходимость. Когда им непоколебимо верят, величие и устрашающая сила полководца установлены: «Армия принимает награды как свою форму, а наказания как свою сущность. Когда награды и наказания ясны, величие полководца установлено».

Второй важнейший элемент устрашающей силы полководца и правителя — искусное использование команд и приказов. Приказы не должны ни бездумно отдаваться, ни отменяться; в противном случае они утратят свою силу и влияние. Устрашающая сила зависит от восприятия и выполнения приказов, а само выполнение опирается на страх, уважение и добровольное подчинение людей. Очевидно, что необходимо всеми силами сохранять такое равновесие, ибо как только появляется трещина сомнений, крах авторитета неминуем.

Одно из первых положений «Высшей стратегии» представляет собой цитату предположительно из древнего военного сочинения: «Мягкое может управлять твердым, слабое может управлять сильным». Возможно, автор хотел озадачить читателя, ведь приводя эту даосскую парадигму, он как бы отрицает сложившуюся военную истину, согласно которой ключом к победе являются сила и твердость. Признание Лао-цзы способности мягкого покорять твердое — нашедшее отражение в нескольких главах «Дао-дэ цзина» — ведет его к убеждению, что необходимо занять пассивное и низкое положение, дабы не стать хрупким или излишне сильным и открытым. Хуан Ши-гун распространил эти идеи и на военную сферу. Однако он не утверждает исключительной силы только мягкости и слабости, но в равной степени выступает за применение твердого и сильного — каждого в свое время и при определенных условиях. Такое обдуманное использование, по мнению Хуан Ши-гуна, соответствует Дао Неба и необходимо тому, кто хочет преуспеть в искусстве управления государством.

В другом фрагменте вновь цитируются «Военные речи», чтобы подтвердить идею о необходимости всех четырех: мягкости, твердости, слабости и силы. Метание от одной крайности к другой приведет к нестабильности, и государство погибнет. Поэтому «добродетель», определяемую как мягкость, необходимо практиковать, однако нельзя забывать и о сильной армии и под-

готовке к справедливой войне. Некоторые комментаторы, например, минский Лю Инь, также указывают на возможность прибегнуть к обману и хитрости — посредством чего можно скрыть мягкость и явить твердость, и наоборот. Однако в «Трех стратегиях» данная тема не развивается, и исследователи, цитирующие соответствующие пассажи в качестве якобы неопровержимого свидетельства того, что сочинение написано членом школы Хуанлао (а не стратегом — эклектиком), по-видимому, выдают желаемое за действительное. Даосская мысль имела давние связи с военной мыслью, уходящие в глубь веков к самому Сунь-цзы, и потому наличие в тексте «даосских фрагментов» не может само по себе являться убедительным доказательством.

I

ВЫСШАЯ СТРАТЕГИЯ

Метод главнокомандующего заключается в приобретении сердец храбрецов, награждении и выдаче жалования отличившимся, а также воодушевлении войск своей волей. Поэтому, если у него те же предпочтения, что и у войск, нет ничего, чего бы он не достиг. Если у него та же ненависть, что и у войск, нет никого, кого бы он не сверг. Управление государством и обеспечение безопасности семьи — [это вопрос] приобретения людей. Потеря государства и уничтожение семьи — [это вопрос] потери людей. Все люди хотят исполнения своих желаний.

В «Военных речах» сказано: «Мягкое может управлять твердым, слабое может управлять сильным». Мягкое — это добродетель. Твердое — это разбойник. Слабое — это то, чему помогут люди. Сильное — это то, чем возмутятся. У мягкого есть случаи, когда оно устанавливается; у твердого есть случаи, когда оно применяется; у слабого есть случаи, когда оно используется; у сильного есть случаи, когда оно прирастает. Сочетай эти четыре вещи и управляй ими соответственно.

Пока ни начало, ни конец не стали очевидными, никто не в состоянии познать их. Небо и Земля одухотворены и просвещены, они изменяют и преобразуют мириады вещей. Изменения и движение полководца не должны быть одними и теми же. Он должен изменяться и преобразовываться в соответствии с врагом. Он не предшествует делам; когда враг движется, он немедленно движется за ним. Поэтому он может формулиро-

вать неистощимые стратегии и методы управления, поддерживать и венчать устрашающую силу Неба, приносить спокойствие и порядок на восемь направлений, собирать и усмирять Девять варваров. Такой стратег — учитель для императора или подлинного правителя.

Поэтому я утверждаю, что каждый жаждет силы, но немногие способны сохранить непостижимое. Если кто-либо может сохранить непостижимое, он может защитить свою жизнь. Совершенномудрый сохраняет его, чтобы откликаться на малейшее изменение дел. Если он освободит его, оно распространится в пределах четырех морей. Если он соберет его, оно не наполнит и чаши. Он живет в нем, но без жилища. Он охраняет его, но без городских стен. Он прячет его в своей груди, и вражеские государства подчиняются.

В «Военных речах» сказано: «Если кто-либо может быть мягким и твердым, его государство будет процветать день ото дня! Если кто-либо может быть слабым и сильным, его государство будет все более и более значительным! Если — только мягким и только слабым, его государство неизбежно придет в упадок! Если — только твердым и только сильным, его государство неизбежно будет уничтожено!»

Дао управления государством заключается в опоре на достойных и на народ. Если доверять достойным, как если бы они были твоим желудком и сердцем, и использовать людей, как если бы они были твоими четырьмя конечностями, все замыслы будут завершены. Если твои действия продолжают друг друга так же естественно, как согласуются друг с другом суставы костей, то это — Дао Неба, естественное. В этом искусстве нет лакун.

Сущность армии и государства лежит в изучении умов людей и выполнении ста обязанностей правления.

Дай мир тем, кто в опасности. Дай счастье тем, кто в страхе. Верни тех, кто восстал. Будь снисходителен к тем, у кого горе. Расследуй [жалобы] тех, кто просит о помиловании. Возвышай низших. Подавляй сильных. Уничтожай врага. Обогащай жадных. Используй тщеславных. Прячь боязливых. Привлекай стратегов. Расследуй клеветников. Упрекай нарушителей. Уничтожай непослушных. Сдерживай страстных. Понижай надменных. Призывай тех, кто изъявил покорность. Даруй жизнь тем, кто подчинился. Освободи сдавшихся.

Если защищаешь стратегическую позицию, защищай ее. Если получаешь опасное ущелье, закрой его. Если берешь трудную местность, установи лагерь [чтобы удерживать ее]. Если охраняешь город, отсеки его [чтобы дать в удел полководцу]. Если захватываешь землю, раздели ее [в награду командирам]. Если захватываешь богатства, распредели их [среди своих войск].

Когда враг двигается, наблюдай за ним; когда приближается, готовься. Если враг силен, будь почтительным [чтобы сделать его самонадеянным]. Если враг хорошо отдохнул, оставь его. Если враг наносит оскорбление, подожди [пока его ци придет в упадок]. Если враг вспыльчивый, успокой его. Если враг восстал, будь к нему справедлив. Если враг искренен, веди его [чтобы он покинул порочного правителя].

Соотносись [с врагом], чтобы начать действовать и подавить его. Опирайся на стратегическую силу [ши], чтобы уничтожить его. Распространяй ложные речи и заставь его ошибиться. Расставь сеть, чтобы поймать его.

Когда добиваешься чего-то, не удерживай [для себя]. Если занимаешь землю, не воздвигай постоянной обороны. Если захватываешь [город], не [оставайся в нем] долго. Если возводишь [нового правителя], не забирай государственные алтари. Поэтому, когда действуешь, те, кто получает от этого выгоду — это командиры. Как можно узнать, в чем подлинная выгода? Они становятся удельными князьями, сам ты становишься императором. Сделай так, чтобы города готовились защищать себя, а командиры находились на своих местах.

В течение веков правители проявляли почтение к предкам через церемонии, но немногим удавалось общаться с людьми так, как должно с ними общаться. Те, кто почитает своих предков, сохраняют надлежащие семейные связи, а те, кто обращается с людьми так, как должно с ними обращаться, становятся правителями. Обращаться с людьми так, как должно, значит уделять внимание сельскому хозяйству и шелководству и не беспокоить людей во время полевых работ. Это означает установление минимальных налогов и повинностей и нерастрачивание их имущества. Если установишь незначительные трудовые повинности, если не будешь перетруждать

людей, тогда государство будет процветать, а семьи будут довольны. Только затем нужно отбирать чиновников, чтобы управлять и наблюдать за ними.

Те, что зовутся «командирами» — это люди характера и доблести. Поэтому сказано: «Привлеку людей характера и доблести, и государство врага будет разорено». Эти доблестные люди — ствол государства. Простой народ — корни государства. Если есть ствол, а корни крепки, дела правления будут совершаться, не вызывая негодования.

Суть использования армии состоит в уважении к нормам благопристойности [ли] и щедрости вознаграждений. Когда следуют нормам благопристойности, можно привлечь мудрых чиновников. Когда вознаграждения щедрые, командиры, исполненные долга, будут легко относиться к смерти. Поэтому, когда, раздавая вознаграждения достойным, не скупятся на расходы, а, награждая способных, не медлят, тогда силы подчиненных будут объединены, а силы врага уменьшатся [ибо способные покинут его].

Путь использования людей состоит в том, чтобы награждать их рангами и щедро даровать им богатства, ибо тогда чиновники придут по своему желанию. Встречай их согласно нормам благопристойности, воодушевляй их справедливостью, и тогда они будут отдавать жизнь [за государство].

Те, кто возглавляет армию, должны делить свои пристрастия и предпочтения с командирами и солдатами и встречать вместе с ними безопасность и угрозу, ибо тогда на врага можно напасть. Тогда армия добьется полной победы, а враг будет полностью уничтожен. В древности, когда выдающиеся полководцы командовали армиями, был случай, когда полководцу поднесли бочонок сладкого вина. Он вылил его в реку и пил вместе с командирами и солдатами из ее вод. Бочонок вина не может придать сладкий вкус водам реки, но командиры трех армий были воодушевлены на сражение и смерть, ибо сладость и вкус вина дошли до каждого².

В «Военных речах» сказано: «Пока колодцы для армии не выкопаны полностью, полководец не упоминает о жажде. Пока охрана лагеря не выставлена, полководец не говорит об усталости. Пока кухонные печи армии не зажжены, полководец не говорит о голоде. Зимой он не надевает меховой шубы, летом

он не пользуется веером, а в дождь не раскрывает зонт». Это называется должной формой поведения полководца.

Он вместе с ними, когда безопасно, он един с ними при опасности. Поэтому его войска можно смешать, но нельзя разделить. Они могут быть использованы, но не могут устать. Своими благодеяниями он непрерывно собирает их вместе, а его замыслы объединяют их. Поэтому сказано: если постоянно совершать благодеяния, с одним можно взять десять тысяч.

В «Военных речах» сказано: «Основа устрашающей силы полководца — это его команды и приказы. Основа полной победы в битве — это военное управление. Причина, по которой командиры легко относятся к битве, заключается в использовании приказаний». Поэтому полководец никогда не отменяет приказов. Награды и наказания должны быть такими же несомненными, как Небо и Земля, ибо только тогда полководец может использовать людей. Когда командиры и солдаты следуют приказам, армия может пересечь границу.

Тот, кто объединяет армию и держит в руках ее стратегическую мощь [ши], является полководцем. Те, кто осуществляет завоевания и уничтожает врага, называются войском. Поэтому растерянный полководец не может быть использован для сохранения армии, а восставшие войска не могут быть использованы для нападения на врага. Если такой полководец атакует город, его невозможно взять, если такая армия осаждает город, он не падет. Если оба безуспешны, тогда сила командиров будет истощена. Если она истощена, полководец останется один, а войска восстанут. Если они попытаются занять оборону, они не будут в безопасности, если они вступят в битву, они повернутся и побегут. Они называются «старой армией».

Когда войска «старые», устрашающая сила полководца отсутствует. Когда у полководца отсутствует устрашающая сила, командиры и войска презирают наказания, и армия теряет «пятерки». Когда армия теряет «пятерки», командиры и солдаты бегут со своих позиций. Когда они бегут, противник не дремлет. Когда противник не дремлет, армия неизбежно погибнет.

В «Военных речах» сказано: «Образцовый полководец, руководя армией, управляет людьми так, как он хотел бы, чтобы относились к нему.

Он распространяет свою доброту и увеличивает благодеяния, и сила его командиров обновляется с каждым днем. В сражении они подобны поднявшемуся ветру; их атака подобна освобождению перегороженной реки». Поэтому нашу армию можно увидеть, но ей невозможно противостоять, ей можно подчиняться, но ее нельзя покорить. Если лично поведешь своих людей, они станут самыми храбрыми в Поднебесной.

В «Военных речах» сказано: «Армия использует награды в качестве своей формы и наказания в качестве своей сущности». Когда награды и наказания ясны, устрашающая сила полководца осуществлена. Когда приобретены нужные чиновники, командиры и войска покорны. Когда те, кто облечен [ответственностью], являются достойными, вражеские государства будут в ужасе.

В «Военных речах» сказано: «Куда бы ни шли достойные, перед ними нет врагов». Поэтому к командирам нужно относиться почтительно, к ним нельзя относиться надменно. Полководец может быть доволен, но не может быть обеспокоен. Замыслы могут быть различными, но не могут подвергаться сомнению. Когда командиры надменны, их подчиненные не будут покорны. Когда полководец обеспокоен, его подчиненные и войска не будут доверять друг другу. Когда замыслы подвергаются сомнению, враг будет уверен в себе. Если попытаться начать атаку при таких условиях, возникнет беспорядок.

Полководец — это судьба государства. Если он может управлять армией и добиться победы, государство будет в безопасности и покое.

В «Военных речах» сказано: «Полководец способен быть чистым; способен быть тихим; способен быть спокойным; способен быть управляемым; способен воспринимать критику; способен судить в споре; способен привлечь и использовать людей; способен выбрать и принять совет; способен знать обычаи государства; способен нанести на карту горы и реки; способен распознать ущелья и трудности; способен управлять военной властью».

Поэтому сказано, что мудрость гуманных и достойных, мысли и расчеты совершенномудрых и просвещенных, слова носильщиков хвороста в лесу, споры при дворе, дела восхождения и упадка — все это то, о чем обязан знать полководец.

Если полководец может думать о своих командирах, как о своей жажде, его расчетам будут следовать. Если он пренебрегает советами, храбрые уйдут от него. Если расчетам не следуют, стратеги восстанут. Если к добру и злу относятся одинаково, доблестные командиры потеряют терпение. Если полководец опирается только на себя, его подчиненные будут уклоняться от ответственности. Если он хвастается, у его помощников будет мало достижений. Если он верит клевете, он потеряет сердца людей. Если он жаден, предательство не будет иметь препятствий. Если он увлекается женщинами, войска и командиры станут распущенными. Если полководец совершает одну из этих ошибок, войска не будут подчиняться. Если две ошибки, в армии будет беспорядок; если три, подчиненные покинут его; если четыре, несчастье распространится на все государство!

В «Военных речах» сказано: «Для замыслов полководца необходима секретность. Для командиров и войск необходимо единство. Для нападения на врага необходима быстрота». Когда замыслы полководца секретны, попытки предательства рассеиваются. Когда командиры и войска объединены, тогда сердца армии — как одно. Когда нападение на противника быстрое, у него не будет времени подготовиться. Когда у армии есть эти три, ее расчеты сорвать невозможно.

Если о замыслах командования становится известно, армия не может проявить стратегическую мощь [ши]. Если внешние шпионы следят за внутренними делами, несчастье, которое обрушится на армию, невозможно удержать. Если богатство проникает в лагерь, собирается тьма злодеев. Если у полководца есть эти три, армия неизбежно будет разбита.

Если полководец не обдумывает тщательно характера своих действий, стратеги покинут его. Если полководец лишен мужества, командиры и войска будут в страхе. Если полководец опрометчиво ведет армию, она не будет устрашать. Если он обращает свой гнев [на невиновных], вся армия будет испугана. Как сказано в «Военных речах»: «Обдумывание и мужество — это то, что ценит полководец; движение и гнев — это то, что использует полководец». Эти четыре — очевидные правила для полководца.

В «Военных речах» сказано: «Если у армии недостаточно запасов, командиры не придут. Если в армии нет [щедрых] наград, командиры не пойдут в битву [с должным воодушевлением]».

В «Военных речах» сказано: «За вкусной наживкой обязательно будет пойманная рыба. За щедрыми наградами обязательно будут мужественные командиры». Поэтому нормы благопристойности — это то, к чему повернутся командиры, а награды — это то, за что они будут умирать. Если призовешь их тем, что их привлекает, и покажешь то, за что они будут умирать, тогда те, кого ты ищешь, придут. Но если обращаешься с ними уважительно, а после сожалеешь об этом, они не останутся с тобой. Если награждаешь их, а после сожалеешь об этом, тогда командиры не будут подчиняться твоим командам. Если неустанно используешь благопристойность и награды, командиры будут соревноваться друг с другом за право умереть.

В «Военных речах» сказано: «Государство, собирающееся собрать армию, в первую очередь делает благодеяния обильными. Государство, собирающееся напасть и захватить другое, в первую очередь заботится о народе». Покорение многих с помощью немногих — это [вопрос] благодеяний. Покорение сильных с помощью слабых — это [вопрос] людей. Поэтому хороший полководец, заботясь о командирах, относится к ним не иначе, чем к самому себе. Тогда он может направлять три армии, как если бы у них был один разум, и победа будет полной.

В «Военных речах» сказано: «Ключ к ведению войны — прежде изучить положение врага, посмотреть в его амбары и арсеналы, оценить запасы продовольствия, определить силу и слабость, отыскать его естественные преимущества, увидеть его пустоты и трещины». Поэтому, если у государства нет армии в походе, а оно перевозит зерно, значит, оно страдает от пустоты. Если люди идут на отчаянный риск, значит, они бедны.

Если они перевозят провизию на тысячу ли, у командиров будет голодный вид. Если они должны собрать дрова и траву, прежде, чем смогут поесть, у армии не хватает еды, чтобы пройти одну ночь. Поэтому, если кто-либо перевозит провизию за тысячу ли, значит, у него не было урожая один год; за две тысячи ли — у него не было урожая два года; за три тысячи ли — у

него не было урожая три года. Это называется «пустым государством». Когда государство пусто, народ разорен. Когда народ разорен, население и чиновники отдалены. Когда враг нападает извне, люди воруют внутри. Это называется «временем краха».

В «Военных речах» сказано: «Когда деяния правителя необычайно жестоки, его подчиненные будут спешить принять суровые меры. Когда налоги обременительны, повинности многочисленны, штрафы и наказания бесконечны, а люди вредят и крадут друг у друга, это называется “погибшим государством”».

В «Военных речах» сказано: «Когда втайне жадные [проявляют] внешнюю неподкупность; уклончивые и похваляющиеся достигают славы; чиновники воруют у государства, чтобы подкупать и приманивать, вызывая смятение чинов; а люди приукрашивают себя и принимают подобострастное выражение лица, чтобы получить высокий пост, это называется “началом воровства”».

В «Военных речах» сказано: «Когда государственные чиновники образуют группы и клики, и каждый выдвигает тех, кто ему знаком; когда государство призывает и назначает злых и развращенных, преследуя гуманных и достойных; когда чиновники поворачиваются спиной к государству и радуют лишь о себе, а люди одного звания ими разделены, это называется “источником беспорядка”».

В «Военных речах» сказано: «Когда сильные кланы собирают злых, когда почитаются люди, не имеющие заслуг, и нет никого, кто не страшился бы их величия; когда эта практика распространяется и переплетается с притворной добродетелью, выражающейся в благодеяниях, и они вырывают власть у занимающих должности; когда они вредят тем, кто ниже их, а в государстве шум и клевета, и при этом министры покрывают друг друга и молчат, это называется “порождением беспорядка в корнях”».

В «Военных речах» сказано: «Поколение за поколением они действуют предательски, разворовывая местные ведомства. В выдвижении и уходе от дел они ищут лишь удобства для себя, они поддельвают и искажают документы, тем самым создавая опасность для правителя. Такие называются “предателями государства”».

В «Военных речах» сказано: «Когда чиновников много, а населения мало; нет различия между почитаемыми и низшими; сильные и слабые вредят друг другу; никто не следует запретам и не придерживается законов, тогда следствия всего этого распространяются и на правителя, и государство узнает несчастье».

В «Военных речах» сказано: «Когда правитель относится к хорошим, как к хорошим, но не выдвигает их; когда он ненавидит злых, но не смещает их; когда достойные отошли от дел и прячутся, а недостойные занимают посты, государству будет нанесен вред».

В «Военных речах» сказано: «Когда ветви [родственники правителя] и листья [могущественные фамилии] сильны и многочисленны, образуют клики и занимают большие должности так, что низшие и средние вредят почитаемым; когда со временем они становятся все влиятельнее, а правитель не может сместить их, государство будет поражено этим».

В «Военных речах» сказано: «Когда лживые министры занимают высшие посты, вся армия будет шумной и вздорной. Опираясь на свое влияние, они улаживают любимцев и действуют так, что это возмущает войска. В выдвижении и смещении нет никакого основания, злых не отстраняют, а люди ищут выгоду всеми возможными способами. Они присваивают себе право назначения, а при выдвижении и смещении хвастаются своими заслугами. Они клеветают и чернят исполненных великой добродетели и несправедливо обвиняют достойных. Они обращаются одинаково и с хорошими, и с плохими. Они прибирают к рукам и затягивают дела правления, так, что приказы не исполняются. Они назначают грубых чиновников, изменяя пути древних и извращая то, что уже сложилось. Когда правитель использует таких безнравственных, он обязательно столкнется с бедствиями и несчастьями».

В «Военных речах» сказано: «Когда злые, но мужественные превозносят друг друга, они затемняют мудрость правителя. Когда критика и похвала возникают одновременно, они останавливают мудрость правителя. Когда каждый хвалит тех, к кому он благоволит, правитель теряет верных ему».

Поэтому, если правитель рассматривает необычные слова, он найдет их начала. Если он встречает ученых и достойных,

злые, но мужественные уйдут. Если правитель назначает [добродетельных] людей, опытных и искушенных, можно хорошо управлять мириадами дел. Если он почитает отшельников и удалившихся от дел ученых, чиновники будут выполнять свои обязанности. Если его замыслы простираются до носильщиков хвороста, успехи будут предсказуемы. Если он не утрачивает людских сердец, его добродетель будет процветать.

II

СРЕДИННАЯ СТРАТЕГИЯ

Три Великих Первопредка никогда не произносили слов, но их преобразования распространялись в пределах четырех морей. В Поднебесной не было никого, кому можно было бы приписать достижения.

Императоры охватывали Небо и брали за образец Землю. Они произносили слова и отдавали приказания, и в Поднебесной царил Великий мир. Правитель и министры уступали друг другу заслуги в достижении этого, и все в пределах четырех морей преобразовывалось, а простой народ не знал, как происходили изменения. Поэтому, используя подчиненных, они не полагались на нормы благопристойности и награды. Были лишь красота достижений и отсутствие вреда.

Правители управляли людьми с помощью Дао, делая их сердца уступчивыми, а волю — покорной, и при этом устанавливали ограничения и совершали приготовления, чтобы избежать упадка. Все [князья] в пределах четырех морей собирались [ко двору], и долгом правления не пренебрегали.

Даже если они совершали военные приготовления, они никогда не знали бедствий войны. Правители не сомневались в своих подчиненных, а подчиненные верили своим правителям. Государство было устроено, правитель пребывал в безопасности, и чиновники могли уйти с поста, исполнив свой долг, поэтому они тоже обладали красотой и не испытывали ущерба.

Гегемоны управляли своими чиновниками с помощью добродетели власти — связывая их доверием, воодушевляя их на-

градами. Когда доверие пришло в упадок, чиновники отделились, а когда награды стали несоразмерными, они перестали подчиняться приказам.

«Стратегическая мощь армии»³ гласит: «Когда армия собрана и выступает, единоличная власть лежит на плечах полководца. Если в наступление или отступление вмещается двор, будет трудно достичь успеха».

«Стратегическая мощь армии» гласит: «Используй мудрых, мужественных, жадных и глупых. Мудрые получают удовольствие, добиваясь успехов. Мужественные любят претворять в действие свою волю. Жадные неустанно преследуют выгоду. Глупые мало озабочены смертью. Используй их, играя на их чувствах, ибо это есть непостижимое проявление силы в войне!»

«Стратегическая мощь армии» гласит: «Не позволяй несговорчивым командирам обсуждать действия врага, ибо они могут ввести в заблуждение войска. Не позволяй гуманным управлять финансами, ибо они раздадут слишком много и станут привязаны к низшим».

«Стратегическая мощь армии» гласит: «Запрети колдунам и шаманам гадать о счастье или несчастье для армии от лица чиновников и командиров».

«Стратегическая мощь армии» гласит: «Не используй командиров, исполненных чувства справедливости, опираясь лишь на богатство. Ибо исполненные чувства справедливости не будут умирать за злобных. Мудрые не будут составлять стратегию от имени глупого правителя». Правитель не может быть лишен добродетели, ибо, если он лишен добродетели, его министры восстанут. Он не может быть лишен устрашающей силы, ибо, если он лишен устрашающей силы, он утратит власть. Министр не может быть лишен добродетели, ибо, если он лишен добродетели, ему не с чем служить правителю. Он не может быть лишен устрашающей силы, ибо, если он лишен устрашающей силы, государство будет слабым. Если он слишком грозен, он сам будет свергнут.

Поэтому совершенномудрые правители, управляя Поднебесной, наблюдали за расцветом и упадком, устанавливали меру человеческим потребностям и потерям, создавали формы управления. Поэтому удельные князья имели две армии, местные правители имели три армии, а Сын Неба имел шесть армий. Когда

Поднебесная в беспокойстве, возникают восстания и своеволие. Когда необходимое влияние правителя сходит на нет, удельные князья произносят клятвы [составляя союзы] и нападают друг на друга.

Если в государстве добродетель и стратегическая мощь такие же, как и у врага, так что ни у одного нет возможности превзойти другого, необходимо привлечь сердца храбрых, разделить пристрастия и неприязнь с простым народом и только затем напасть на врага в соответствии с переменной в равновесии сил. Поэтому без стратагем невозможно устранить подозрения и разрешить сомнения. Без распускания слухов и гибких действий невозможно уничтожить вредителей и остановить нападающих. Без тайных замыслов невозможно добиться успеха.

* * *

Совершенно мудрый объемлет Небо, Достойный берет за образец Землю, а мудрец находит учителей в древности. Поэтому «Три стратегии» написаны для периода упадка. «Высшая стратегия» устанавливает нормы благопристойности и награды, проводит различие между творящими зло и героями и проясняет победу и поражение. «Срединная стратегия» различает добродетель и поведение, и обнаруживает изменения в равновесии силы. «Низшая стратегия» упорядочивает Дао и добродетель, изучает безопасность и угрозу и делает очевидными бедствия от нанесения вреда достойным.

Поэтому, если правитель глубоко понимает «Высшую стратегию», он сможет использовать достойных и захватить врагов. Если он глубоко понимает «Срединную стратегию», он сможет использовать своих полководцев и управлять ими, а также объединять людей. Если он глубоко понимает «Низшую стратегию», он сможет распознать источники процветания и упадка и понять правила управления государством. Если его подчиненные глубоко понимают «Срединную стратегию», они смогут добиться заслуг и сохранить себя.

Когда все парящие в небе птицы убиты, хорошие луки убирают. Когда враждебные государства уничтожены, министры, ответственные за расчеты, исчезают. «Исчезают» не значит, что они теряют жизнь. [Правитель] лишает их устрашающей силы и власти. Он приближает их ко двору и помещает среди высших,

чтобы показать их заслуги. Он награждает их лучшими землями в срединной области, чтобы обогатить их семьи, и дарует им красивых женщин и сокровища, чтобы ублажить их сердца.

Если войска собраны вместе, их нельзя поспешно разделять. Если устрашающая сила власти дарована, ее нельзя внезапно передать другому. Возвращение войск и роспуск армии [после войны] — это важные этапы сохранения и потери. Поэтому ослабление [полководца] путем назначения на новый пост, лишение [его власти] путем дарования ему государства называется «стратегией гегемона». Поэтому действия гегемона включают в себя смешанное использование [добродетели и силы]. Сохранение алтарей государства, приближение людей характера и мужества — на это вдохновляет стратегическая сила «Срединной стратегии». Поэтому, чтобы [осуществить такую] силу, правитель должен быть предельно скрытным.

III

НИЗШАЯ СТРАТЕГИЯ

Тот, кто может поддерживать находящихся в опасности в Поднебесной, сможет управлять спокойствием в Поднебесной. Тот, кто может устранять несчастья живущих в Поднебесной, сможет испытать радость [управления] Поднебесной. Тот, кто может прийти на помощь страдающим от бедствий в Поднебесной, сможет добиться процветания Поднебесной. Поэтому, когда необыкновенная милость правителя распространяется на людей, достойные изъявляют свою покорность. Когда его необыкновенная милость дойдет до последней гусеницы, мудрецы соединятся с ним. Когда достойные изъявят покорность, государство будет сильным. Кого поддерживают мудрецы, [под тем] объединятся шесть направлений. Достойных следует искать с помощью добродетели, мудрых следует привлекать с помощью Дао. Если уходят достойные, государство слабеет; если уходят мудрецы, государство развращается. Слабость — это шаг на пути к опасности, развращенность — это признак гибели.

Правление достойного заставляет людей подчинять свои тела. Правление совершенномудрого заставляет людей подчинять свои умы. Когда тела подчинены, можно сохранить начало; когда умы подчинены, можно сохранить конец. Их тела подчиняются через нормы благопристойности; их умы подчиняются через музыку.

То, что я называю музыкой — это не звуки музыкальных инструментов — камней, железных [колоколов], струн или бам-

буковых [флейт]. Скорее, я имею в виду людей, получающих радость в своих семьях, кланах, занятиях, столицах и городах, приказах правителя, в Дао и добродетели. Тот, кто правит людьми именно так, создает музыку, чтобы внести размеренность в их поступки, чтобы знать, что они не утратят своей гармонии. Поэтому добродетельный правитель использует музыку, чтобы приносить людям радость; порочный правитель использует музыку, чтобы приносить радость себе. Тот, кто приносит радость другим, выдерживает испытание временем и процветает; тот, кто доставляет удовольствие себе, не выдерживает и гибнет.

Тот, кто бросает близкое ради того, чтобы замышлять далекое, безуспешно растратит силы. Тот, кто бросает далекое, чтобы рассчитывать близкое, будет в покое и достигнет большого успеха. У правителя, который в покое, много верных министров. У правителя, который растрчивает силы, много возмущенных людей. Поэтому сказано: «Тот, кто занят расширением своей земли, изнурит свои силы; тот, кто занят расширением своей добродетели, нальется силой». Кто может удержать то, чем он обладает, будет в безопасности; кто жаден до того, чем обладают другие, будет уничтожен. Правление, которое приближается к уничтожению, обречет последующие поколения на несчастья. Тот, кто издает указы прежде, чем взвесить их, даже если они окажутся успешными, неизменно будет побежден. Быть снисходительным к себе и при этом наставлять других противоречит [естественному порядку]; выправление себя и преобразование других соответствует [Дао]. Противоречие — это призывание беспорядка; соответствие — это суть порядка.

Дао, добродетель, гуманность, справедливость и нормы благопристойности — все пять едины. Дао — это то, чему люди следуют; добродетель — то, чего люди добиваются; гуманность — то, к чему люди стремятся; справедливость — то, что люди считают правильным; нормы благопристойности — то, что люди осуществляют. Нельзя не иметь хоть одно из них.

Поэтому вставать рано утром и спать ночью — это ограничения, налагаемые нормами благопристойности. Наказание злодеев и мщение — это решения справедливости. Сострадательное сердце — это выражение гуманности. Добиваться [того, что хочешь] самому и добиваться этого для других людей — это путь

добродетели. Осуществление равенства людей и сохранения ими своих мест — это воплощение Дао.

То, что исходит от правителя и доходит до министра, называется «распоряжениями». То, что записано на бамбуковых дощечках и шелковых свитках, называется «приказами». То, что начато и осуществлено, называется «управлением». Когда распоряжениям не подчиняются, приказы не выполняются. Когда приказы не выполняются, управление не осуществляется. Когда управление не осуществляется, Дао не проникает [в Поднебесную]. Когда Дао не проникает, порочные министры будут преобладать. Когда порочные министры преобладают, величие правителя нанесен вред.

Привлечь достойных за тысячу ли — путь далек; привлечь недостойных — путь совсем близок. Поэтому просвещенный правитель оставляет близких и принимает далеких. Оттого он может завершать свои дела. Он почитает [достойных] людей, и подчиненные отдают все силы.

.Если смещаешь одного хорошего [человека], мириады хороших [дел] придут в упадок. Если награждаешь одного плохого [человека], на тебя падут мириады зол. Когда хороших награждают, а плохих наказывают, государство будет в безопасности, и придет множество добрых людей.

Когда войска пребывают в сомнении, нет спокойного государства. Когда войска введены в заблуждение, нет послушного народа. Когда сомнения рассеяны, а заблуждения — устранены, государство может быть в безопасности. Когда нарушают один приказ, тогда и ста приказам не будут подчиняться. Когда совершен один плохой поступок, рождаются сто зол. Поэтому, если совершаешь добро среди уступчивых и прибегаешь к жестким мерам среди непокорных, приказы будут выполняться без всякого недовольства.

Использовать недовольных, чтобы управлять недовольными, это называется «противоречить Небу». Использовать мстительных, чтобы управлять мстительными — это приведет к необратимому несчастью. Управляй людьми, заставляя их быть мирными. Если мир достигается чистотой, люди будут жить на своих местах, и Поднебесная будет в покое.

Если те, кто противостоит правителю, в почете, а жадные и глупые обогащаются, то тогда даже совершенномуудрый прави-

тель не сможет осуществить надлежащее правление. Если те, кто противостоит правителю, наказываются, а жадных и глупых задерживают, тогда правление будет осуществлено, а мириады зол — устранены.

Чистых, неподкупных чиновников невозможно привлечь рангами и жалованьем. Скромных и справедливых чиновников невозможно принудить устрашающей силой или наказанием. Поэтому, когда просвещенный правитель ищет достойных, он должен узнать, что их привлечет. Чтобы привлечь чистых и неподкупных, он совершенствуется в соблюдении норм благопристойности. Чтобы привлечь скромных и справедливых, он совершенствуется в Дао. Только тогда они будут привлечены, и имя правителя будет сохранено.

Совершенномудрый и безупречный постигает источники процветания и упадка, понимает начало успеха и поражения, он приобрел подлинное знание сущности управления и возникновения беспокойства, знает меру прихода и ухода. Такие люди, даже пребывая в бедности, не будут занимать посты в гибнущем государстве. Даже будучи низки, они не будут есть рис в беспокойном государстве. Они скрывают свои имена и придерживаются Дао. Когда приходит время, они выдвигаются, достигая вершин того, чего может достичь человек. Когда они встречаются с добродетелью, которая соответствует им, они добиваются невероятного успеха. Поэтому их Дао величественно, а их имена будут превозносить последующие поколения.

Совершенномудрый правитель не находит радости в ведении войны. Он начинает ее, чтобы уничтожить порочных и наказать непокорных. Использовать справедливых, чтобы покарать несправедливого — это подобно использованию вод Янцзы и Хуанхэ, чтобы погасить факел, подобно подталкиванию человека, качающегося на краю пропасти. В таком случае их успех неизбежен! Поэтому, [когда необходимо действовать], тот, кто колеблется и пребывает в спокойствии, не наступая, наносит вред всем живущим существам. Оружие — это неблагоприятное средство, Дао Неба презирает его. Однако, когда использование неизбежно, это соответствует Дао Неба. Люди в Дао подобны рыбе в воде. Если у них есть вода, они будут жить; если нет — они погибнут. Поэтому правитель должен быть всегда в страхе и не осмеливаться пренебрегать Дао.

Когда известные и могущественные фамилии берут в свои руки управление обязанностями чиновников, устрашающая сила государства ослабевает. Когда власть над жизнью и смертью в руках известных и могущественных фамилий, стратегическая мощь государства истощена. Если известные и могущественные семьи склоняют головы в знак покорности, государство сможет прожить долго. Когда власть над жизнью и смертью в руках правителя, государство сможет быть в безопасности.

Когда у четырех разрядов населения ничего не припасено, в государстве не будет никаких запасов. Когда у четырех разрядов всего в достатке, государство будет в безопасности и счастье.

Когда достойные министры приближены к управлению, испорченные будут вне его. Когда испорченные министры вовлечены, достойные министры погибнут. Когда внутри и вовне утеряно соответствие, бедствия и беспорядок будут продолжаться в течение поколений.

Если главные министры сомневаются в правителе, мириады зол соберутся воедино. Если министры крадут то уважение, которое должно быть выказано правителю, верхи и низы будут в смятении. Если правитель занимает пост министра, верхи и низы теряют порядок.

Если кто-либо наносит вред достойным, бедствия распространятся на три поколения. Если кто-либо скрывает достойных, он сам понесет урон. Если кто-либо завидует достойным, его имя будет стоять невысоко. Если кто-либо выдвигает достойных, счастье распространится на его сыновей и внуков.

Поэтому правитель должен выдвигать достойных и тем делать знаменитым свое доброе имя.

Если принесешь выгоду одному, а навредишь ста, люди покинут город. Если принесешь выгоду одному, а причинишь ущерб десяти тысячам, [население] государства захочет разбежаться. Если избавишься от одного и тем принесешь выгоду ста, люди будут стремиться к твоим благодеяниям. Если избавишься от одного и тем принесешь выгоду десяти тысячам, правление будет в порядке.

Примечания

1. Период ранней Хань закончился в 9 г. н. э., когда Ван Ман, родственник императорской фамилии, назначенный регентом при малолетнем императоре, узурпировал трон и провозгласил себя первым императором династии Синь.

2. Описанный эпизод произошел около 375 г. до н. э. Так поступил Гоу Цзянь, правитель царства У.

3. Утерянный или, возможно, вообще никогда не существовавший текст, вымышленный для придания большей авторитетности излагаемым взглядам.

7

Вопросы
танского
Тай-цзуна
и ответы
Ли Вэй-гуна

唐太宗
李衛公

問對

Исследование 385

Перевод 396

Книга I 396

Книга II 415

Книга III 431

Примечания 444

Исследование

Жесткими политическими мерами, умело применяя агрессивную военную стратегию, династия Цинь объединила империю в 221 г. до н. э.. Однако менее, чем через два десятилетия, ее место заняла Величественная Хань, чье правление ознаменовалось четырьмя веками единства и процветания. Затем Китай опять перестает быть политически монолитным, и период раздробленности продолжается до 581 г., когда энергичный император династии Суй Вэнь-ди взошел на трон. Историческая роль его династии Суй сродни Цинь, ибо она не только вновь объединила страну географически, но и создала центральные бюрократические институты, установившие жесткий контроль над населением и превратившие местное чиновничество в инструмент государственной политики. К тому же, Вэнь-ди постарался достичь культурной интегрированности севера и юга; он подорвал власть могущественных и влиятельных фамилий и реформировал налоговую систему. Многие институты, созданные при его правлении, составили основу блестящей Тан.

К сожалению, уже его преемник, суйский Ян-ди (правил в 604—618 гг.) быстро проявил те отрицательные черты, что традиционно составляли архетип последнего правителя династии и ассоциировались с потерей мандата Неба. Поистине вопиющей была его расточительность, особенно в сфере общественных работ. Миллионы людей были согнаны для работы над такими «проектами», как восстановление Великой стены, строительство и расширение каналов и сооружение новой столицы. Более того, в период с 611 по 614 гг. суйский Ян-ди организовал три печаль-

ных по своим итогам похода в Корею с целью установления над нею китайского сюзеренитета, в основном набирая для этого рекрутов в северо-восточных районах. Следствием такой государственной политики стали нищета, недовольство и гибель множества людей. В итоге — более двухсот очагов восстаний, вспыхнувших по всей стране.

Ли Юань, влиятельный суйский чиновник, основавший династию Тан (посмертное храмовое имя Гао-цзу), согласно традиции, примкнул к восставшим под влиянием пророчеств и махинаций своего сына, Ли Ши-миня (танский Тай-цзун). Ли Юань не только командовал самой сильной провинциальной армией, но и был непосредственно связан как с императорской фамилией, так и с полуварварскими родами на северо-востоке. Ему было поручено подавить несколько стихийных восстаний, которые начали вспыхивать в 613 г. Достигнутые успехи упрочили его авторитет и позволили установить контроль над стратегически важной провинцией Шаньси. Начавшийся в пятом месяце 617 г. мятеж поддержали и другие восставшие, и влиятельные полководцы; и в одиннадцатом месяце того же года Ли Юань захватил столицу. В пятом месяце 618 г., в год убийства суйского Ян-ди, он официально вступил на престол и провозгласил воцарение династии Тан.

В период возвышения сначала Суй, а затем и Тан, державы кочевников по другую сторону Великой стены распались, некоторые тюрки формально признали китайский сюзеренитет, а многие кочевники даже служили в императорской армии. Восточные тюрки оказали большую помощь восстанию Ли Юаня — они не только предоставляли лошадей, людей и припасы, но и сеяли смуту и беспорядки. Ко времени воцарения династии лишь небольшая территория на севере находилась под властью центра; последующие десять лет ушли на собирание сил, расширение имперских владений, включая важные в сельскохозяйственном отношении восточные районы, и «успокоение Поднебесной» для последующих поколений.

Утверждение Тан стало возможным благодаря талантливым и искусным полководцам, заимствованию суйских институтов, популистским мерам и политике «гуманного усмирения» — особенно на юге. Трое полководцев особенно ярко проявили себя: Ли Цзин, стратег, которому приписывается седьмой из военных

канонов; Ли Ши-цзи и Ли Ши-минь, второй сын Ли Юаня, который стал танским Тай-цзуном, узурпировав престол в 627 г. Все трое активно занимались воссозданием и объединением империи, а сам Тай-цзун, согласно историческим трудам, лично возглавлял войска в решающих сражениях.

Танский Тай-цзун, который задает вопросы и делает краткие замечания в данном военном каноне, получил конфуцианское образование. Он обладал глубоким знанием канонов и истории, а также был очень искусен в военном деле. Сообщают, что уже в пятнадцать лет он командовал войсками и, внося вклад в воцарение Тан как стратег и полководец, подчинял новому государству многочисленных кочевников, в том числе и западных тюрков. В конце концов он стал императором, сместив своего отца и убив своего старшего брата — законного наследника престола. Рассказами о его отваге и великолепных лошадях изобилуют популярные народные истории.

Будучи императором, он вполне сознательно создавал образ совершенного правителя, откликающегося на чаяния народа и открытого для советов и критики. Страна была действительно объединена и в политическом, и в культурном плане. Были приняты меры для облегчения положения народа и развития экономики. Правительственные расходы были сокращены, а над всей нацией было установлено эффективное управление. Со временем, однако, он становился все независимее, нетерпимее и сумасброднее. И все же годы становления Тан стали свидетелями возрождения мысли и культуры, восстановления цивилизации, которая будет восхищать Азию на протяжении трех столетий.

Ли Цзин — живший с 571 по 649 гг. — начал свою карьеру при Суй, находясь на военной службе на северо-востоке. Затем он присоединился к танским войскам после падения столицы Чанъани и стал одним из первых сподвижников и помощников танского Тай-цзуна. Он командовал танскими силами при подавлении внутренних и внешних мятежей, при великом завоевании западных тюрков (которым и прославился) и при усмирении юга. Поэтому, если «Вопросы и ответы» действительно представляют его беседы с Тай-цзуном, или их большую часть, то обсуждаемые стратегии — это не только теоретические концепции, но и проверенные в важнейших битвах тактические принципы.

Книга существенно отличается от ранних канонов, являясь в большей степени обзором предшествующих сочинений, их теорий и противоречий. Проиллюстрированные историческими примерами из личного опыта, беседы, очевидно, раскрывают доминировавшие в то время тактику и стратегию. Хотя многие историки считают книгу подделкой периода Поздней Тан или Северной Сун, выдвигаются также аргументы в пользу того, что текст — как и другие труды, суммирующие мысли и деяния эпохи — по крайней мере, составлен на основе оригинальных записей.

Биография Ли Цзина в «Синь Тан шу»¹ не только описывает бурную карьеру удачливого танского политика и полководца, но и показывает в деле его самого и его стратегии:

Ли Цзин, чье имя Яо-ши, был уроженцем Сяньюаня, что в столичной области. Он был высок ростом и изыскан, хорошо знал законы и историю. Однажды он сказал приближенным: «В этой жизни человек желает за свои заслуги получить богатства и чины. Почему необходимо составлять комментарии, подобно конфуцианцам?»² Когда бы его дядя Хань Цинь-ху ни обсуждал с ним военные дела, он восхищению вздыхал и говорил: «Если не говорить об У-цзы и Сунь-цзы с этим человеком, с кем же тогда говорить о них?» Когда Ли Цзин служил династии Суй в качестве начальника дворцовых слуг, Ню Хун — возглавлявший Ведомство чинов — увидел его и отметил: «Вот талант, достойный помогать правителю!» Левый канцлер [государственных дел] Ян Су, положив свою руку на свое большое сиденье, сказал ему: «В конце вы должны сидеть здесь!»

В конце периода под девизом правления Да-е он служил вице-губернатором области Маи. Когда танский Гао-цзу напал на тюрков, Ли Цзин увидел, что Гао-цзу исполнен тщеславия. Он дал себя арестовать [за неповиновение Гао-цзу], чтобы быстро доложить об устремлениях Гао-цзу, и был отправлен в Цзянду. Когда он достиг Чанъани, дорога была перекрыта. Гао-цзу затем захватил столицу [и схватил Ли Цзина]. Он собирался обезглавить его, когда Цзин вскричал: «Мой господин поднял войска, чтобы уничтожить порок и беспорядок от имени Поднебесной. Если вы хотите завершить великое дело [стать императором], как вы можете убивать справедливого человека из личной ненависти?» Правитель Цинь [Ли Ши-минь] тоже вступился за него, и он был освобожден и назначен в управление одним из Трех стражей столицы. Он сопровождал [Ли Ши-миня] при подавлении Ван Ши-чуна и за свои заслуги был назначен полководцем.

Сяо Сянь занял Цзянлин, поэтому [Гао-цзу] издал императорский эдикт, приказывающий Цзину усмирить область. В сопровождении

небольшого отряда легкой конницы он пересек Цзиньчжоу, чтобы противостоять разбойникам Дэн Ши-ло из племени мань, расположенным в горных долинах области. Правитель Луцзяна Юань не смог одержать победу, поэтому Цзин рассчитывал напасть на них и заставить отступить. Они отправились в Сячжоу, где были заперты армией Сяня и не могли наступать. Император решил, что он мешкает, и отдал приказ Главному надзирателю Сюй Шао обезглавить Цзина. Шао заступился за Цзина, и он был прощен.

Затем племена мань под предводительством Жань Чэжао-цзэ вторглись в Куйчжоу. Сяо-гуи, командующий войсками в Чэжао, вступил с ними в сражение, но не добился никакого преимущества. Цзин повел восемьсот человек, чтобы уничтожить их лагерь и занять стратегически выгодные ущелья, и оставил засаду, что привело к казни Чэжао-цзэ и поимке пяти тысяч пленных. Император воскликнул, обращаясь к помощникам: «Использовать заслуженных людей не так хорошо, как совершивших ошибки. Это совершенно справедливо в случае с Ли Цзинем». Затем он лично записал свои слова, сказав: «Вы не несете вины за то, что уже прошло. Я давно позабыл о митувшем». После Ли Цзин разработывал стратегию в десяти походах против Сяня.

Императорским эдиктом Цзин был назначен полководцем армии, одновременно являясь помощником в армии Сяо-гуна. Все дела управления в обеих армиях были поручены ему. В августе четвертого года правления под девизом «Воистинственная добродетель» [621 г.] он производил смотр войск в Куйчжоу. Это было время осенних наводнений, когда по переполненной [реке Янцзы] неслись взбешенные волны. Сянь полагал, что Цзин не сможет перейти, поэтому не выставил никакой защиты. Командиры также просили Цзина подождать с наступлением, пока река успокоится. Цзин сказал: «Самое главное для армии — чтобы ее скорость была неуловима. Сейчас люди собрались, а Сянь не знает об этом. Если мы воспользуемся выгодами реки и подойдем к его укреплениям, это будет подобно тому, как если не успеть закрыть уши при ударе грома. Даже если он сумеет быстро призвать войска, у него не будет возможности противостоять нам, и мы обязательно захватим его». Сяо-гуи последовал его плану, и в девятом месяце флот напал на Илин. Сяньский полководец Вэй Ши-хун стоял лагерем в Цинцзян с несколькими десятками тысяч войска. Сяо-гуи хотел атаковать его, но Цзин сказал: «Нельзя! Ши-хун — стойкий полководец, а все его подчиненные полны мужества. Сейчас, когда они недавно потеряли Цзиншэнь, они полны желания противостоять нам. Это армия, которая может прийти на помощь побежденным, и с ней нельзя сравниться. Лучшее будет пойти на южный берег реки и подождать, пока ослабнет их ци [дух], а затем взять их». Сяо-гуи не послушался, и вместо этого отправился вперед, чтобы вступить в сражение. После

тяжело сражения он возвратился. Разбойники использовали лодки, чтобы рассыпаться и грабить местность. Цзин увидел их беспорядок и повел свою армию в свободном порядке, чтобы уничтожить их. Они захватили более четырехсот лодок, а десять тысяч врагов утонуло.

Затем, во главе передовых частей, состоявших из пяти тысяч легкой конницы, он поспешил в Цзялини. Они осадили город и разбили лагерь, вскоре убив полководцев Ян Цзюнь-мао и Чжэн Вэнь-сю и взяв в плен четыре тысячи воинов в доспехах. Сяо-гуи продолжил наступление, и Сянь был в ужасе. Он вызвал войска из района Цзяншани, но они не прибыли, и он сдался на следующий день. Цзин вошел в их столицу. Его приказания были спокойны, но строги, и армия не грабила [город].

Некоторые [командиры] просили Цзина забрать фамильные богатства у тех полководцев Сяня, которые сопротивлялись ему, чтобы раздать награды армии. Цзин сказал: «Армия настоящего правителя сочувствует народу и захватывает виновных. Их заставляли идти, поэтому если мы заберем их богатства из-за того, что армия сопротивлялась нам — чего они сами не желали — мы прогладим настоящих бунтовщиков. Сейчас, когда мы только что усмирили Цзин и Ин, мы должны проявить щедрость и великодушие, дабы уладить их сердца. Если они сдадутся, а мы заберем у них богатства, то, боюсь, к югу от Цзин они будут укреплять стены и расширять позиции. Вынуждать их готовиться к отчаянной битве — это не есть совершенный расчет». Он остановил их и не взял богатства. Поэтому все города между реками Цзян и Хань соперничали друг с другом за то, чтобы подчиниться.

За свои заслуги он был назначен главой уезда Юйкан и начальником Цзин-чжэю. Затем он перешел горы по направлению к Гуйчжэю и отправил посланников во все стороны, дабы провозгласить политику усмирения. Возжди племен, такие, как Фэн-ан, вместе со своими детьми все пришли подчиниться, и южная область была усмирена. Когда подсчитали выгоду, установили власть и создали ведомства, то всего добавили девяносто шесть уездов, в которых было шестьсот тысяч дворов. Он был вызван ко двору императорским эдиктом, и его деяния восхвалялись. Ему были дарованы титулы усмирителя Линшани и действующего Верховного Полководца в Гуйчжэю.

Он понимал, что область Линхай — дикая и отдаленная, и долго не видела добродетели, поэтому, пока он не покажет устрашающую силу и боевой дух, ритуал и справедливость, у него не будет средств изменить их обычаи. Поэтому он повел армию в поход на юг. Куда бы они ни шли, он спрашивал о больших и страшящихся и принимал у себя старейшин и пожилых. Он провозгласил о благодетельных намерениях императора: и близкие, и далекие в страхе покорились.

Фу Гун-ши, подняв восстание, занял Тяньян. Император назначил Сяо-гуна Верховным Полководцем и вызвал Цзиня ко двору, где он был назначен вторым полководцем после Сяо-гуна, и узнал о стратегии похода. Когда они шли карательной экспедицией на восток, Ли Ши-ци и еще семь высших чиновников — были назначены полководцами областей. Гун-ши отправил Фэн Хуэй-ляня с тридцатью тысячами на лодках, чтобы окружить Дацун, и Чэнь Чжэнь-туна с двадцатью тысячами пехоты и конницы, чтобы окружить горы Цинлиньшань. У горы Ляньшань они соединили свои войска, чтобы отрезать дорогу к Цзян, и построили стену в форме полумесяца, простиравшуюся с севера на юг на десять ли, чтобы удлинить фланги.

Все [императорские] полководцы высказали свое мнение: «У них сильные воины и непроходимые частоколы. Даже не вступая в сражение, они изматывают нашу армию. Если захватить непосредственно Даяньян и опустошить их крепость, тогда Хуэй-лянь и другие сами покорятся». Цзинь сказал: «Это не так. Хотя те две армии — отборные, под личным командованием Гун-ши остались сильные духом воины. Если они уже охраняют гору Шитоу, их твердо нельзя пробить. Если мы останемся, то не достигнем нашей цели, но мы должны воздержаться от отступления. Иметь большие неприятности для эскадрона и спины — это не слишком успешный расчет. Более того, Хуэй-лянь и Чжэнь-тун — опытные воины, прошедшие более ста сражений. Они не боятся битвы в джунглях. Как раз сейчас они, согласно стратегии Гун-ши, укрепляют свои позиции. Если мы выступим неожиданно, раздражив их и напав на их укрепления, мы обязательно уничтожим их. Хуэй-лянь будет выманен, а Гун-ши — пленен».

Сяо-гун послушался его. Цзинь, ведя Хуан Цзюнь-ханя и других, наступал по воде и по суше. После жестокого сражения они убили и ранили более десяти тысяч. Хуэй-лянь и другие безисали, поэтому Цзинь во главе легкой конницы отправился к Даяньяну. Гун-ши был перепуган, и хотя войск у него оставалось еще много, они были неспособны сражаться, поэтому он безисал. Его схватили, и область к югу от реки Янцзы пребывала в мире.

Когда в Юго-восточном округе было создано местное Ведомство государственных дел, Цзинь был назначен министром по военным делам. Ему были дарованы тысяча кусков шелка, сто эсенцин — рабынь и сто лошадей. Когда местное Ведомство государственных дел было распущено, он был назначен начальником высшего областного командования в Янчжоу. Император вздохнул и сказал: «Цзинь, могли ли полководцы древности Хань, Бай, Вэй и Хо³ сделать больше, чем сделали вы в борьбе с Сянем и Гун-ши?»

На восьмом году [625 г.] тюрки совершили набег на Тайюань. Цзинь — Верховный Полководец встал лагерем с десятью тысячами

воинов из цзянской и хуайской армии в области Тайгу. В это время другие полководцы потерпели многочисленные поражения, а Цзин единственный вернулся с целой армией. Вскоре он был назначен Верховным Полководцем в Аньчжоу.

Когда танский Тай-цзун взошел на престол, он получил назначение в судебное ведомство, его заслуги были отмечены и он получил четыреста дворов, будучи в то же время на должности начальника секретариата.

Часть тюрков отделилась и восстала, поэтому император рассчитывал стратегию, чтобы выступить и взять их. Будучи министром военного ведомства, он являлся Верховным Полководцем действующей армии в округе Динсян и привел три тысячи отборной конницы через Маи к горам Оуян. Се-ли Кэ-хань был удивлен: «Если еще не собрана армия Тан, как Цзин мог осмелиться прийти сюда один со своими войсками?» Его воины были очень испуганы. Цзин послал шпионов, чтобы посеять вражду среди преданных Кэ-ханю людей. Ночью он внезапно атаковал Динсян и разрушил его. Кэ-ханю удалось спастись и он бежал в Цикоу.

За свои успехи Цзин был выдвинут и получил титул Тайго-гуна. Император сказал: «Ли Линь⁴ пересек пустыню с пятью тысячами пехоты, но в конце концов сдался сюнну. Однако о его заслугах было записано на бамбуке и шелке. С тремя тысячами конницы Цзин прошел сквозь кровопролитие и взял Динсян. В древности не было ничего похожего. Этого достаточно, чтобы смыть мой позор у реки Вэй!⁵»

Се-ли отправился защищать гору Тешань, затем отправил послашика, признав свои преступления, и прося, чтобы его государство стало внутренним вассалом. Цзин, полководец округа Динсян, был послан, чтобы принять его. Император также отправил главного министра Ведомства церемоний Тан Цзяня и полководца Ань Сю-жэня чиновниками для усмирения. Цзин, [знавший, что подчинение Се-ли сомнительно], сказал своему полководцу Гуи-цзиню: «Императорский послашик, по сути, является пленником, поэтому Се-ли должен чувствовать себя в безопасности. Если десять тысяч конницы с двадцатидневными запасами внезапно нападут со стороны Байдао, мы обязательно добьемся того, чего желаем». Гуи-цзинь сказал: «Император уже согласился на сдачу, и с ними чиновники. Как быть с этим?» Цзин сказал: «Нельзя упускать возможность. Именно так Хань Синь разбил Ци. Стоит ли жалеть какого-то Тан Цзяня?»

Он отправил армию в быстрое наступление. Где бы они ни встречались с [вражескими] дозорами, они брали их в плен и заставляли следовать за собой. Только когда они были в семи ли от ставки Се-ли, тот понял, в чем дело. Кочевники были перепуганы и разбежались, армия Цзина уничтожила более десяти тысяч, взяв в плен сто тысяч

музичин и эсепичин. Они захватили сына Се-ли, Де-ло-ши, и убили принцессу И-чэн. Се-ли бежал, но был пойман и доставлен императору помощником полководца действующей армией в Тадуне Чэсан Бао-сяном. Тем самым Тан расширила свои земли к северу от горы И до Великой пустыши.

Затем император объявил всеобщую амнистию в Поднебесной и даровал народу пять дней празднеств. Главный цензор Сяо Юй обвинил Цзина в пренебрежении к законам на посту полководца армии, ибо он позволил войскам большой грабеж, и тем самым были утрачены для государства многие редкие вещи и ценности. Император вызвал Цзина и укорил его. Цзин ничего не сказал в свое оправдание, но склонил голову к земле и признал свой проступок. Император медленно произнес: «При Суй, когда полководец Ши Вань-суй уничтожил Да-тоу Кэ-ханя, он был не награжден, а казнен. Я не поступлю так. Я прощаю ваш проступок, помня о ваших заслугах». Затем он повысил его, сделав «Левым главой избыточного счастья», даровал ему тысячу кусков шелка и увеличил его владения до пятисот дворов. Когда это было сделано, он сказал: «Раньше люди клеветали на вас и подвергали вас критике, но сейчас я узнал правду». «Затем он даровал ему еще две тысячи кусков и перевел на должность Помощника Правого министра государственных дел. Когда бы Цзин ни участвовал в обсуждениях, он был очень почтителен, как если бы он не мог говорить, и его считали глубоким и искренним.

В это время император отправил посланников в шестнадцать округов, чтобы узнать о правах народа, и назначил Цзина уполномоченным по столичному округу. Тот страдал болезнью ног, поэтому просил императора освободить его от этих обязанностей. Император послал помощника начальника секретариата Цэнь Вэнь-бэня объявить ему: «С древности тех, кто знал, как остановиться после получения богатств и славы, было немного. Хотя вы больны и устали, заставьте себя продолжать. Если примете во внимание благосостояние государства, я буду глубоко восхищен этим. Если вы хотите достичь своей благородной цели и стать образцом для всех времен, вы должны принять». Затем он даровал ему привилегию оставаться во дворце, дал ему тысячу кусков шелка и экипаж чиновника высшего ранга с двумя лошадьми. [Император] сохранил за ним его предыдущее жительство и владения. Когда болезнь утихла, он являлся на службу в качестве главного советника канцелярии секретариата в один день из трех положенных, ему также была дарована привилегия пользоваться «эсезлом духовного долголетия».

Короткое время спустя туйю-хуни напали на границы. Император обратился к своим помощникам: «Может ли Цзин опять занять пост полководца?» Цзин отправился к Фан Сюань-мину и сказал: «Хотя

я уже стар, но могу участвовать в еще одном походе». Император был доволен и назначил его полководцем действующей армией округа «западных морей». Пятеро других полководцев со своими армиями — Дао-цзун, правитель Чэн; Хоу Цзюнь-цзи; Ли Да-лян; Ли Дао-янь и Гао Цзэн-шэн — были подчинены ему. Когда армия прибыла в город Фусы, воины туйюй-хуней уже сожгли всю траву и отошли на защиту долины реки Дафэй. Все командиры поверили, что так как весенняя трава еще не выросла, а лошади слабы, они не могут дать сражение. Цзин решил, что их стратегией будет глубокое проникновение. Затем они обошли гору Цзиши и в нескольких десятках схваток захватили в плен огромное количество воинов, уничтожили государства, и большинство жителей покорилось. Фу-юнь Кэ-хань [т.е. каган — прим. ред.] туйюй-хуней, потеряв свободу, повесился. Тогда Цзин передал власть [сыну Фу-юня] Му-жуну Суню, [также известному как] правитель Да-пин, и вернулся домой.

[В начале похода] армия Гао Цзэн-шэна, переходя по пути соляные болота, прибыла поздно. Цзин укорил его, поэтому, когда они вернулись, Гао оскорбил его. Вместе с губернатором Гуанчжоу, Тан Фэн-и, он обвинил Цзина в том, что тот замыслил восстание. Чиновники расследовали обвинение, но нашли его бездоказательным. Цзэн-шэн и другие были признаны виновными в вероломных наговорах. Цзин закрыл двери своего дома и жил в уединении, отказывая в приеме гостям и родственникам.

Император назначил его князем в Вэйго⁶. Его жена умерла. Император дал указание, чтобы была построена гробница в стиле, о котором известно из рассказов о Вэй и Хо, а баини были сделаны в виде гор Тешань и Цзишишань, чтобы служить доказательством его заслуг. Он был назван «Полководцем несравненной Доблести».

Император хотел напасть на Ляо, поэтому он вызвал Цзина ко [двору] и сказал: «На юге вы усмирили У, на севере разбили тюрков, на западе покорили туйюй-хуней. Только Гаоли [Когурё] не покорилось. Есть ли у вас какие-либо намерения относительно этого?» Он ответил: «В прошлом я опирался на устрашающую силу Неба, чтобы добиться незначительных заслуг. Сейчас, так как я слаб от болезни, если ваше величество действительно не хотят освободить меня, моя болезнь пройдет». Император отнесся с сочувствием к его возрасту и не утвердил назначение.

В двадцать третий год [649 г.] его болезнь обострилась. Император почтил его своим посещением в его доме и прослезился. «Вы были мне другом на протяжении всей жизни и служили государству. Сейчас, когда ваша болезнь так тяжела, я скорблю». Он умер в возрасте семидесяти девяти лет. Ему были дарованы посмертные титулы министра образования и Верховного Полководца вспомогательной ар-

мии. Как преданный министр, он был похоронен рядом с императорскими гробницами в Чжаолине, и ему был присужден посмертный титул «Цзиньгу».

Как видно из приведенной биографии, в период Суй и Тан армия состояла из арбалетчиков, пехоты и конницы. Колесница давно перестала играть сколько-нибудь существенную роль, оружие из бронзы исчезло. Стала возможной большая гибкость, ибо для главного похода могли быть созваны многочисленные местные армии. Эти войска были, в основном, профессиональными, а в дополнение к ним в случае необходимости набирались рекруты. Распространилась специализация отрядов на каком-либо виде оружия, а тактика основывалась преимущественно на скорости и мобильности, фланговых и прочих отвлекающих маневрах.

КНИГА I

Тай-цзун спросил:

— Гаоли [Когурё] вторгалась в Синьло [Силла]⁷ несколько раз. Я отправил посланника с приказом [сопротивляться], но они не приняли наш указ. Я собираюсь послать карательную экспедицию. Как мы должны поступать?

Ли Цзин сказал:

— Согласно тому, что мы могли узнать о них, Гай Су-вэнь полагается на свои собственные знания в военных делах. Он говорит, что срединные государства не в силах послать карательную экспедицию, и поэтому перечит вашему мандату. Я прошу армию в тридцать тысяч человек, чтобы схватить его.

Тай-цзун сказал:

— Этих войск будет недостаточно, к тому же путь — далекий. Какую стратегию вы используете, чтобы приблизиться к ним?

Ли Цзин сказал:

— Я использую прямые [чжэн] войска.

Тай-цзун сказал:

— Когда вы усмиряли туцзюэ [торков], вы использовали гибкие [ци] войска. Теперь вы говорите о прямых войсках. Почему?

Ли Цзин сказал:

— Когда Чжугэ Лян захватывал Мэн Ху семь раз, это не был какой-то иной Путь. Он использовал прямые войска, и это все.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Когда Ма Лун при династии Цзинь⁸ вел карательный поход против Лянчжоу, это также соответствовало «диаграмме вось-

ми рядов»⁹, и он построил узкие колесницы. Когда местность была широкая, он использовал лагерь из колесниц «оленьи рога»¹⁰, а когда дорога была узкой, он строил деревянные домики и помещал их на колесницы так что они могли и сражаться, и наступать. Я убежден, что это были прямые войска, которые так ценили древние!

Ли Цзин сказал:

— Когда я вел карательную экспедицию против тюрков, мы шли на запад несколько тысяч ли. Если бы это были не прямые войска, как бы мы могли зайти так далеко? Узкие колесницы и колесницы «оленьи рога» необходимы для армии. Они позволяют управлять расходом сил, обеспечивают защиту переднего края и организуют отряды и «пятерки». Эти три используются поочередно. Именно этому Ма Лун столь тщательно учился у древних.

* * *

Тай-цзун сказал:

— В битве, в которой я разгромил Сун Лао-шэна, когда передние ряды столкнулись, наша справедливая армия немного отступила. Тогда я лично повел отборную конницу со стороны южной равнины, отсекая врагов внезапной атакой. После того, как войска Лао-шэна были отрезаны сзади, мы жестоко сокрушили их, а в последующем захватили его самого. Были ли это прямые войска? Или гибкие войска?

Ли Цзин сказал:

— Ваше величество являет собой прирожденного военного гения, а совсем не того, кто учится им быть. Я исследовал искусство войны, практиковавшееся со времен Желтого Императора до наших дней. Вначале будь прямым, а затем гибким; вначале будь гуманным и справедливым, а затем используй равновесие силы [цюань] и мастерство. Более того, в битве при Хои армия была собрана из справедливости, и поэтому она была прямой. Когда Цзянь-чэн¹¹ упал с коня и Правая армия немного отступила, это было гибкостью.

Тай-цзун сказал:

— Тогда незначительное отступление чуть не уничтожило наше великое дело, поэтому как вы можете называть это гибким?

Ли Цзин сказал:

— В целом, когда войска продвигаются вперед, это относится к прямому, когда они [намеренно] отходят назад, это гибкость.

Более того, если бы Правая армия не отошла на какое-то расстояние назад, как бы вы добились того, чтобы Лао-шэн пошел вперед? «Искусство войны» гласит: «Изобрази выгоду, чтобы заманить их, создай панику [в их рядах] и захвати их». Лао-шэн не знал, как использовать свои войска. Он полагался на мужество и поспешно пошел в наступление. Он не предполагал, что его тыл будет отрезан либо захвачен Вашим величеством. Это называется «использованием гибких как прямых».

Тай-цзун сказал:

— Что касается тактики Хо Цюй-бина, случайно совпавшей с тактикой Сунь-цзы и У-цзы, было ли это действительно так? Когда наша армия правого крыла отошла, [мой отец, император] Гао-цзу побледнел. Но затем я яростно атаковал, и наоборот, это стало преимуществом для нас. Это само собой совпало с Сунь-цзы и У-цзы. Вы, безусловно, знаете их слова.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Когда бы армия ни отступала, можно ли назвать это гибкостью?

Ли Цзин сказал:

— Это не так. Когда бы ни отступали воины, если флаги спутаны и в беспорядке, звуки больших и малых барабанов не отвечают друг другу, а приказы тонут в шуме и криках, это настоящее поражение, а не гибкая стратегия. Если флаги в порядке, барабаны отвечают друг другу, команды и приказы едины, тогда, даже если они отступают и бегут, это — не поражение, а, возможно, гибкая стратегия. В «Искусстве войны» сказано: «Не преследуй притворно отступающих». Также сказано: «Будучи способен, изобрази неспособность». Все это относится к гибким войскам.

* * *

Тай-цзун сказал:

— В битве при Хои, когда Правая армия немного отступила, было ли это связано с Небом? Когда Лао-шэн был пойман, произошло ли это благодаря человеческим усилиям?

Ли Цзин сказал:

— Если бы прямые войска не стали гибкими, а гибкие — прямыми, то как бы вы добились победы? Поэтому для того, кто

умеет вести войну, прямое и гибкое зависят от человека, и это все! Он изменяет их силой духа, вот в чем причина того, что их приписывают Небу.

Тай-цзун кивнул головой.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Прямые и гибкие различаются заранее, или это определяется во время битвы?

Ли Цзин сказал:

— Согласно «Синь шу» [Новой книге] Цао Цао¹²: «Если превосходишь врага вдвое, раздели свои войска на две части, одна часть будет прямой, другая — гибкой. Если превосходишь врага впятеро, тогда три части должны быть прямыми, а две — гибкими». Это устанавливает главное. Как сказал Сунь-цзы: «В войне стратегическая сила не превосходит прямого и гибкого, но изменения прямоты и гибкости нельзя полностью исчерпать! Прямые и гибкие взаимно поглощают друг друга подобно бесконечному циклу. Кто может исчерпать их?» Это охватывает их. Поэтому как можно разделить их заранее?

Если командиры и войска еще не обучены моим правилам, если помощники полководца еще не знакомы с моими приказами, тогда мы должны разбить [обучение] на две части. Обучаясь тактике боя, солдаты в каждом случае должны узнавать флаги и барабаны, поочередно разделяясь и соединяясь. Поэтому [Сунь-цзы] сказал: «Разделение и соединение — это изменение».

Вот каковы правила обучения военному делу. Когда подготовка и оценка [осуществления] завершены, и войска знакомы с моими правилами, только тогда ими можно двигать, как стадом овец, направляя туда, куда укажет полководец. Кто тогда проводит различие между прямыми и гибкими? То, что Сунь-цзы называет «придавать форму другим, но быть бесформенным самому» — это и есть вершина использования прямого и гибкого. Поэтому разделяют заранее — ради обучения. Если говорить об изменении во время сражения, [они] неисчислимы.

Тай-цзун сказал:

— Воистину мудро! Цао Цао, должно быть знал это. Но то, чему учит нас «Синь шу» — это всего лишь то, что он [сообщал] своим полководцам, а не основной метод прямых и гибких.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Цао Цао говорит: «Гибкие войска атакуют с флангов». Что вы можете сказать об этом?

Ли Цзин сказал:

— Я вспоминаю, что, комментируя Сунь-цзы, Цао Цао сказал: «Выступать первым, чтобы начать сражение — это прямо-та; выступать после — гибкость». Это отличается от рассуждений о фланговых атаках. Я просто отношу столкновение большого количества войск к прямоте, а тех, кого полководец лично посылает вперед — к гибкости. Где же ограничение первого или второго, или боковых атак?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Если я заставлю врага считать мои прямые войска гибкими и заставлю его считать мои гибкие прямыми, является ли это тем, что называется «показать форму другим»? Является ли использование гибкости как прямоты, прямоты как гибкости, неизмеримых изменений и превращений тем, что подразумевается под «быть бесформенным»?

Ли Цзин дважды поклонился и сказал:

— Ваше величество предстает совершенномудрым. Вы возвращаетесь назад, к древним, за пределы того, что я могу постигнуть.

* * *

Тай-цзун спросил:

— Если разделение и соединение являют собой изменения», где же находятся прямые и гибкие?

Ли Цзин сказал:

— Для тех, кто умело ведет войну, нет таких, которые не были бы прямыми, нет таких, которые не были бы гибкими, поэтому они никогда не позволяют врагу измерить себя. Поэтому с прямыми они побеждают, с гибкими они тоже побеждают. Командиры трех армий знают только победу, но никто не знает, как она достается. Не будучи способным полностью проникнуть в изменения, как можно добиться этого? Что касается того, откуда исходят разделение и соединение, только Сунь-цзы был способен [постигнуть это]. Начиная с У Ци, никто не мог достичь этого.

* * *

Тай-цзун спросил:

— Какова была стратегия У Ци?

Ли Цзин сказал:

— Позвольте мне описать ее в общем. Вэйский князь У-хоу спросил У Ци о [стратегии, которую нужно применить], когда две армии противостоят друг другу. У Ци сказал: «Прикажи части своих низких рангом и мужественных воинов идти вперед и атаковать. Когда передние ряды сойдутся, прикажи им бежать. Когда они побегут, не наказывай их, но наблюдай за тем, наступает ли противник, чтобы использовать [хитрость]. Если воины у него сидят как один и встают как один, и не преследуют бегущие войска, значит у противника хорошие стратеги. Если все его войска преследуют бегущих, то продвигаясь вперед, то отакиваясь, будучи в беспорядке, значит, противник лишен таланта. Нападай на него без колебаний». Я думаю, что стратегия У Ци в целом такова, это не то, что Сунь-цзы называл «прямым сражением».

Тай-цзун сказал:

— Ваш дядя Хань Цинь-ху однажды сказал, что вы можете обсуждать с ним Сунь-цзы и У-цзы. Он также имел в виду прямоту и гибкость?

Ли Цзин сказал:

— Как мог Цинь-ху знать о сущности прямого и гибкого? Он всего лишь рассматривал гибких как гибких, а прямых как прямых! Он никогда не знал о «взаимных превращениях прямого и гибкого друг в друга, о неистощимом цикле».

* * *

Тай-цзун сказал:

— Когда древние приближались к боевым порядкам врага и посылали вперед гибкие войска, чтобы атаковать там, где не ожидают, пользовались ли они также правилом «взаимных превращений»?

Ли Цзин сказал:

— В древности сражения были вопросом покорения малой тактикой лишенных всякой тактики, покорения малой степенью превосходства лишенных всяких способностей. Как могут они заслуживать, чтобы об этом говорили как об искусстве войны?

Примером может служить уничтожение Се Сюанем Фу Цзяня. Это произошло не [вследствие] превосходства Се Сюаня, а из-за бездарности Фу Цзяня¹³».

Тай-цзун приказал присутствовавшим чиновникам разыскать биографию Се Сюаня в анналах и доложить. Заслушав доклад, он сказал:

— То, как Фу Цзянь управлял этим делом, действительно нехорошо.

Ли Цзин сказал:

— Я замечаю, что в биографии Фу Цзяня записано, что «все в армии Цинь были сломлены и разбиты, и только войска Му-жун Чуя остались в целости. Фу Цзянь [правитель Цинь] во главе более чем тысячи всадников поспешил присоединиться к ним. Бао, сын Чуя, советовал Чую убить Фу Цзяня, но безрезультатно». Из этого очевидно, что, когда армии Цинь были в панике, только войска Му-жун Чуя оставались в целости, поэтому, по всей видимости, Фу Цзянь был предан Чуем. Быть преданным другими и при этом надеяться покорить врага, разве это не трудно? Поэтому я утверждаю, что у тех, кто подобен Фу Цзяню, отсутствует тактика.

Тай-цзун сказал:

— Сунь-цзы говорил, что «тот, чьи замыслы обширны, победит того, чьи замыслы скудны», поэтому мы знаем, что даже небольшой расчет побеждает отсутствие расчета. Все дела таковы.

* * *

Тай-цзун сказал:

— «Искусство войны» Желтого Императора¹⁴ было передано предыдущими поколениями как «Канон охватывания гибкого» и как «Канон охватывания непостижимых изменений». Что вы можете сказать об этом?

Ли Цзин сказал:

— Произношение иероглифа «гибкий» такое же, как и иероглифа «непостижимые изменения». Поэтому некоторые передавали [название] вторым способом, но значение то же. Если мы изучим само сочинение, то увидим: «Четыре являются прямыми, четыре — гибкими. Остановившиеся войска — для «охватывания непостижимых изменений». Здесь иероглиф «гибкий» имеет значение «избыток». Поэтому произносится он в этом случае «цзи».¹⁵ Мое недостойное мнение, что нет ничего, что бы не

было непостижимым, поэтому почему уделяют внимание «охватыванию», говоря об этом? Это должны быть «остальные», тогда это будет правильно.

Прямые войска получают приказ от правителя, а гибким войскам приказывает сам полководец. Сунь-цзы сказал: «Если приказы постоянно осуществляются так, чтобы обучать людей, тогда люди будут подчиняться». Это о тех, которые получают от правителя. Далее он говорит: «об [использовании] войск нельзя говорить заранее» и «есть приказы правителя, которые не выполняются». Это о тех, которые полководец отдает сам.

Что касается полководцев: если они используют прямую тактику и никакой гибкой, это полководцы обороны. Если они используют гибкую тактику и никакой прямой, это полководцы нападения. Если они используют обе, это полководцы, способные сохранить государство. Поэтому «охватывание непостижимых изменений» и «охватывание гибких» в основе своей не есть два правила. Изучающие [военную стратегию] глубоко понимают оба!

* * *

Тай-цзун сказал:

— В [«Каноне охватывания непостижимых изменений»] сказано: «Число соединений — девять, в середине — избыток, которым управляет Верховный Полководец. “Четыре стороны” и “восемь направлений” устанавливаются здесь. Внутри [главного] соединения находятся соединения; внутри отрядов находятся отряды. Они [могут] использовать передних как задних, а задних — как передних. Наступая, они не идут быстро; отступая, они не бегут. Есть четыре головы, восемь хвостов. Где бы ни ударил враг, откликается голова. Если враг атакует середину, [примыкающие] две головы придут на помощь. Числа начинаются с пяти и заканчиваются восемью». Что все это значит?

Ли Цзин сказал:

— Чжугэ Лян устанавливал камни горизонтально и вертикально, чтобы составить восемь рядов. Правило для квадратных формирований именно таково. Когда я обучал армию, мы неизменно начинали с такого построения. То, что поколения передали как «Канон охватывания непостижимых изменений», возможно, включает в себя лишь грубый набросок.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Небо, Земля, ветер, облака, драконы, тигры, птицы и змеи — каково значение этих восьми построений?

Ли Цзин сказал:

— Теми, кто передавал это, была допущена ошибка. Древние тщательно скрывали эти правила, поэтому они искусно выдумали восемь названий. Восемь построений изначально были одним, затем разделившимся на восемь. Например, «Небо» и «Земля» происходят от обозначения флангов; «ветер» и «облака» происходят от названия знамен. «Драконы», «тигр», «птица» и «змея» — происходят от деления отрядов и «пятерок». Последующие поколения ошибочно передали их. Если бы древние мудро составляли построения по образу животных, то с чего бы они остановились на восьми?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Числа начинаются с пяти и заканчиваются восьмью, поэтому, если они не были установлены как образы, они действительно являются древними построениями. Не могли бы вы объяснить их мне?

Ли Цзин сказал:

— Я полагаю, что Желтый Император вел войну с помощью правил, которыми он вначале установил систему «деревни и колодца»¹⁶. Поэтому «колодец» был разделен четырьмя дорогами, и его занимали восемь семей. Он имел форму, подобную иероглифу «колодец», поэтому там было открыто девять площадей. Пять использовались для порядков, четыре были пустыми. Именно это обозначается, как «числа начинаются с пяти».

Середина оставалась свободной и предназначалась для полководца, а по четырем сторонам связно располагались различные соединения, поэтому и называется «оканчивающиеся восьмью».

Что касается изменений и превращений для контроля над врагом: они перепутаны и в беспорядке, они сражаются беспорядочно, но их правила не в беспорядке. Смутное и меняющееся, их построение смято, но их стратегическая мощь [ши] не

рассеяна. Именно это называется «они разделяются и становятся восемью, соединяются и снова становятся одним».

* * *

Тай-цзун сказал:

— То, как Желтый Император вел войну, было действительно мудрым! Даже если в последующих поколениях будут люди, наделенные мудростью Неба и способностью рассчитывать, подобно духам, никто не сможет превзойти его! После этого кто приблизился к нему?

Ли Цзин сказал:

— Когда в первый раз процветала династия Чжоу, Тай-гун в основе повторил его правила. В столице государства Ци он начал с колодезной системы, [строительства] трехсот колесниц и [обучения] трехсот «стражников Тигра», чтобы создать военную организацию. [Они тренировались в продвижении на] «шесть шагов, семь шагов», [проводили] «шесть атак, семь атак», обучаясь тактике боя. Когда он расположил армию при Муе, [только] со ста командирами Тай-гун управлял армией и добился побед. Сорока пятью тысячами он покорил войска тирана Чжоу, насчитывавшие семьсот тысяч.

При династии Чжоу «Сыма фа» основывалось на правилах Тай-гуна. Когда Тай-гун умер, люди царства Ци приобрели переданные потомкам стратегии. Когда князь Хуань-гун стал гегемоном в Поднебесной, он опирался на Гуань Чжуна, который вновь изучал Тай-гуна. Их армия называлась «сдерживаемым и управляемым войском», и все удельные князья покорились.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Конфуцианцы говорят, что Гуань Чжун был всего лишь министром гегемона [а не подлинного правителя], поэтому они не знают, что его военные правила были основаны на указаниях правителя. Чжугэ Лян обладал талантом помощника правителя и сравнивал себя с Гуань Чжуном и Юэ И. Поэтому мы знаем, что Гуань Чжун был также твердой опорой правителя. Когда Чжоу пришла в упадок, правитель не мог использовать его, поэтому он принял государство Ци и собрал там армию.

Ли Цзин поклонился дважды и сказал:

— Ваше величество являет собой совершенномудрого! Раз вы так хорошо понимаете людей, даже если ваш старый министр умрет, ему не будет стыдно перед любым из достойных древности.

Я хотел бы сказать о правилах организации государства Ци Гуань Чжуном. Он разделил Ци, чтобы составить три армии. Пять семей составляли основную единицу, а пять воинов — «пятерку». Десять семейных единиц составляли деревушки, а пятьдесят человек — отряд.

Четыре деревушки составляли деревню, а двести человек составляли соединение. Десять деревень составляли город, поэтому две тысячи человек составляли полк. Пять городов выставляли армию, поэтому десять тысяч составляли армию. Все это начиналось в «Сыма фа», где сказано, что одна армия состоит из пяти полков, а один полк состоит из пяти соединений. В действительности, все это — правила, завещанные Тай-гуном.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Люди говорят, что «Сыма фа» составил Жан-цзюй. Правда это или нет?

Ли Цзин сказал:

— Согласно «Биографии Жан-цзюя» в «Ши цзи», он успешно командовал армией в правление циского Цзин-гуна, разбив войска Янь и Цзинь. Цзин-гун даровал ему титул «полководца лошадьми» [сыма], и с этого времени его стали звать Сыма Жан-цзюй. Его сыновья и внуки получили фамилию Сыма. В правление циского Вэй-вана искали правила древних «ведающих лошадьми» [сыма], и рассказывали о том, что изучал Жан-цзюй. Наконец, появилась книга из десяти глав, называвшаяся «Сыма Жан-цзюй». Далее, то, то было передано от военных стратегов и сохраняется сегодня, делится на четыре категории: «равновесие сил и расчетов», «расположение и стратегическая мощь», «инь и ян» и «способы и искусство». Все они берут начало в «Сыма фа».

* * *

Тай-цзун сказал:

— В правление Хань Чжан Лян и Хань Синь привели в порядок [книги по] военному искусству. Всего было сто восемьдесят два мыслителя, но после того как они сопоставили и выправили их, чтобы отобрать важнейшие, они определили тридцать пять. Мы утратили то, что они передали. Что скажете об этом?

Ли Цзин сказал:

— То, что изучал Чжан Лян — это «Шесть секретных учений» и «Три стратегии» Тай-гуна. То, что изучал Хань Синь — это «Сыма Жан-цзюй» и «Сунь-цзы». Но основные принципы не выходят за пределы «трех ворот» и «четырёх типов», и это все!

* * *

Тай-цзун сказал:

— Что такое «трое ворот»?

Ли Цзин сказал:

— Я нахожу, что в восемьдесят одной главе «Расчетов Тай-гуна» то, что называется «секретной стратегией», нельзя исчерпать в словах; семьдесят одну главу «Речей Тай-гуна» нельзя исчерпать в войне; восемьдесят пять глав «Войны Тай-гуна» нельзя исчерпать в средствах. Таковы «трое ворот».

* * *

Тай-цзун сказал:

— Что такое «четыре типа»?

Ли Цзин сказал:

— О них рассуждал при Хань Жэнь Хун. Что касается типов военных стратегий, «равновесие сил и расчетов» составляет один тип, «расположение и стратегическая мощь» еще один, а «инь и ян» и «способы и искусство» — два оставшихся. Таковы «четыре типа».

* * *

Тай-цзун сказал:

— «Сыма фа» начинаются с весенней и зимней церемониальных охот¹⁷. Почему?

Ли Цзин сказал:

— Чтобы держаться сезонов, укреплять связь с духами и подчеркивать их сущность. Согласно «Чжоу ли» [«Ритуалы Чжоу»] они являлись самым важным государственным делом. Чэн-ван проводил весеннюю охоту на южном склоне горы Цишань. Кан-ван собирал всех во дворце Фэн. Му-ван собирал всех на горе Тушань. Это дела Сына Неба.

Когда правление Чжоу пришло в упадок, циский Хуаньгун собирал армии [государств] в Чжаолине, а цзиньский Вэньгун вступил в союз [с князьями] в Цзяньту. Во всех этих случаях князья почтительно исполняли дела Сына Неба. В действительности они использовали «Закон девяти нападений»¹⁸, чтобы устрашить непочтительных. Под предлогом охоты они съезжались во дворец, устраивали охоты с князьями, обучая их пользованию доспехами и оружием. В [«Сыма фа»] сказано, что, пока нет общей опасности, армию не следует собирать, но между сезонами они не должны забывать о военных приготовлениях. Поэтому, разве не мудро, что весенние и зимние охоты помещены в самом начале?

* * *

Тай-цзун сказал: «В период «Весен и Осеней», в «Правилах удвоенного отряда чуского Чжуан-вана» было сказано, что «сто командиров должны действовать согласно символам вещей, военное управление следует готовить без официальных приказов». Соответствовало ли это правилам Чжоу?

Ли Цзин сказал:

— Согласно «Цзо чжуань», «соединение [гуан] колесниц Чжуан-вана состояло из тридцати колесниц каждое. [Каждая колесница] в соединении имела отряд [цзу] пехоты и группу [лянь] на флангах». «Когда армия наступала, [те], кто справа, разворачивались в колонну». Они использовали колонну как защитное средство. Поэтому они оставались в бою рядом с колонной. Все это были правила Чжоу.

[В случае с Чу] я называю сто человек «цзу», а пятьдесят человек называют «лянь». Поэтому каждую колесницу сопровождает сто пятьдесят человек, намного больше, чем в военной организации Чжоу. При Чжоу каждую колесницу сопровождало семьдесят два пехотинца и три командира в

доспехах. Двадцать пять человек, включая командира, составляли один «лянь», поэтому в трех группах [лянь] Чжоу было всего семьдесят пять человек. Ци — государство гор и болот; колесниц было мало, людей много. Если бы их разделили на три части [дуй], то это было бы так же, как при Чжоу.

* * *

Тай-цзун сказал:

— В период «Вёсен и Осеней», когда Сюнь У напал на ди, он бросил колесницы, чтобы составить пешие ряды. Являлись ли они прямыми войсками? Или гибкими войсками?

Ли Цзин сказал:

— Сюнь У использовал стратегию войны колесниц, и это все! Хотя он бросил колесницы, его стратегия именно такова. Одни силы действовали слева, другие справа, а третьи противостояли врагу в середине. Разделить войска на три части — это одна тактика. Тысяча ли колесниц или десять тысяч — будет то же самое. Я знаю, что в «Синь шу» Цао Цао сказано: «Колесницы нападения [сопровождают] семьдесят пять человек. Впереди, чтобы противостоять врагу, один отряд; слева и справа — два других отряда. У колесниц обороны есть дополнительный отряд. Он состоит из десяти человек, которые должны готовить еду; пять человек для ремонта и заботы о снаряжении; пять, чтобы заботиться о лошадях и пять, чтобы собирать дрова и добывать воду — всего двадцать пять человек. Для пары колесниц нападения и обороны — всего сто человек». Если собираешь армию в сто тысяч, задействуй по тысяче легких [атакующих] и тяжелых [оборонительных] колесниц. Это общий набросок старых правил Сюнь У.

Далее, я знаю, что в период от Хань до Вэй, согласно правилам, пять колесниц составляли отряд [дуй] с наблюдателем [командовавшим ими]. Десять колесниц составляли «ши», под управлением командира. Для тысячи колесниц было два человека — полководец и его помощник. Если колесниц было больше, то они следовали принципу. Если это сравнить с сегодняшним, то наши разведывательные войска — это конница; войска нападения — конница и пехота, пополам; а наши войска сдерживания идут вперед, используя смешанную тактику колесниц.

Когда я шел на запад, чтобы усмирить и покорить тюрков, мы прошли несколько тысяч ли по предательской местности. Я ни разу не осмелился изменить этому правилу, ибо ограничениям и указаниям древних можно полностью доверять.

* * *

Тай-цзун почтил Лин-чжоу императорским визитом. После возвращения он вызвал Ли Цзина и предложил ему сесть. Он сказал:

— Я приказал Дао-цзуну, Ашина Шээру и другим организовать поход, чтобы усмирить и покарать сюэ-яньто. Народы телэ обратились с просьбой об установлении ханьского чиновничьего управления, и я согласился с их просьбами. Яньто бежали на запад, но я боюсь, что они станут источником беспокойства для нас, поэтому я отправил Ли Цзи, чтобы напасть на них. Сегодня все северные области живут в мире, но различные племена варваров и ханьцы перемешаны друг с другом.

Какой прием мы можем использовать, чтобы расселить и сохранить и тех, и других?

Ли Цзин сказал:

— Ваше величество приказали создать линию из шестидесяти шести сторожевых постов от тюрков до хуэйхэ [уйгуров], чтобы они наблюдали за передним краем. Этот шаг уже представляет собой необходимые меры. Однако мое недостойное мнение таково, что было бы удобно ханьские [оборонительные] войска обучать одним способам, а варваров — другим. Если их обучение и тренировка разделены, не позволяйте им перемешиваться и обращаться друг с другом одинаково. Если мы столкнемся с нашествием другого племени, в нужный момент можно тайно приказать полководцам изменить знаки различия и поменяться формой и использовать гибкие методы, чтобы напасть на них.

Тай-цзун сказал:

— Для чего?

Ли Цзин сказал:

— Этот способ называется «проявлением различных правил, чтобы создать обманчивое впечатление». Если приказать варварам предстать ханьцами, а ханьцев облачить в одежды

варваров, [враг] не будет знать различий между ханьцами и варварами. Тогда никто не сможет проникнуть в наши расчеты нападения и обороны. Тот, кто умело ведет войну, первым делом прилагает усилия, чтобы быть неизмеримым, куда бы он ни шел.

Тай-цзун сказал:

— Это полностью соответствует моим мыслям. Вы можете идти и тайно отдать приказ нашим полководцам на границе, что только различив ханьцев и варваров, мы сможем проявить правила прямой и гибкой войны.

Ли Цзин дважды поклонился и сказал:

— Ваши мысли сродни мыслям совершенномудрого, они нисходят с Неба! Вы слышите об одном, а знаете о десяти. Как я могу полностью выразить все это?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Чжугэ Лян говорил: «Хорошо организованная армия, [даже] под командованием бездарного полководца, не может быть разбита. Армия, в которой отсутствует порядок, [даже] под командованием способного полководца, не может одержать победу». Я подозреваю, что его слова не выражают высших принципов.

Ли Цзин сказал:

— Чжугэ Лян сказал это, чтобы воодушевить войска. Я знаю, что Сунь-цзы говорил: «Если обучение и тренировка не закончены, у командиров и войск нет постоянных обязанностей, а их расположение в боевой порядок неровное, это называется беспорядком. С древности о случаях, когда бы беспорядочная армия одержала победу, ничего не записано!» Что касается слов «обучение и тренировки не закончены», он говорит об обучении и надзоре, лишенных правил древности. Говоря, что «у командиров и войск нет постоянных обязанностей», он имел в виду, что полководцы и их подчиненные, облеченные властью, не находятся долго на своих постах. Говоря о «беспорядочной армии, отталкивающей победу», он имел в виду самоуничтожение и поражение, а не захват их противником. Поэтому Чжу-гэ Лян говорил, что если армия хорошо организована и обучена, даже с плохим полководцем она не

потерпит поражения. Если войска сами по себе беспорядочны, то даже если полководец мудр, они будут в опасности. Какие могут быть сомнения?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Обучением и подготовкой армии действительно нельзя пренебрегать!

Ли Цзин сказал:

— Когда подготовка соответствует правилу, командиры получают удовольствие, используя их. Когда обучение не соответствует правилу, тогда, даже если надзирать за ними и бранить с утра до ночи, не будет пользы. Причиной, по которой я глубоко изучил древние правила и сопоставил их со всеми схемами, было желание понять, насколько возможно, что такое хорошо управляемая армия.

Тай-цзун сказал:

— Пожалуйста, отберите правила древних для управления боевыми порядками и составьте к ним схемы для меня.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Армии варваров, устремляясь в атаку, полагаются лишь на своих выносливых лошадей. Являются ли они гибкими войсками? Ханьские армии полагаются лишь на своих арбалетчиков, чтобы ослабить врага. Являются ли они прямыми войсками?

Ли Цзин сказал:

— Согласно Сунь-цзы: «Те, кто умело ведет войну, ищут [победы] в стратегической силе, а не в опоре на людей. Поэтому они могут отбирать людей на посты и использовать стратегическую силу». Под «отбиранием людей» подразумевается вступление в битву согласно относительной силе варваров и ханьцев. Варвары сильны лошадьми. Лошади — выгода в быстрой схватке. Ханьские войска сильны арбалетами. Арбалеты — выгода в затяжном сражении. В этом каждый естественным образом полагается на свою стратегическую силу, но их нельзя различать как прямых и гибких.

Ранее я говорил о том, как отряды варваров и ханьцев должны поменяться знаками различия и формой, о способе, когда прямота и гибкость взаимно вращивают друг друга. У лошадей также есть прямая тактика, арбалеты также находят гибкое применение. Какое здесь может быть постоянство?

Тай-цзун сказал:

— Опишите этот способ еще раз поподробнее.

Ли Цзин сказал:

— Сперва проявите форму и заставьте врага следовать ей.

В этом все искусство.

[Тай-цзун:

— Сейчас я понимаю это. Сунь-цзы сказал: «Для армии: смысл принятия формы — в приближении к бесформенному». И «согласно форме врага мы навязываем своим войскам способы, которые приводят к победе, но войска не в состоянии понять их». Вот что это значит!

Ли Цзин дважды поклонился:

— Поистине глубоко! Мудрые мысли вашего величества уже постигли это больше, чем наполовину!

* * *

Тай-цзун сказал:

— Недавно остатки ци-дань [киданей] и народов си покорились полностью. Я определил, что два вождя [племен] земля Сунмо и Жаолэ будут объединены под протекторатом Аньбэй. Я хочу назначить Сюэ Вань-це [губернатором]. Что вы думаете?

Ли Цзин сказал:

— Вань-це не так подходит, как Ашина Шээр, Чжиши Сыли или Циби Хэли. Все они варвары, которые хорошо разбираются в военных делах. Однажды я говорил с ними о горах, реках и дорогах в областях Сунмо и Жаолэ, равно как о покорных и буйных варварах в западных областях, где живут десятки народов. Им можно полностью доверять. Я обучал их правилам расположения, и во всех случаях они кивали головами и принимали мои наставления. Я надеюсь, что вы без сомнений облечете их ответственностью. [Люди], подобные Вань-це, полны мужества, но лишены дара рассчитывать, к тому же будет трудно нести ответственность одному».

Тай-цзун улыбнулся и сказал:

— Всех этих варваров вы успешно использовали. Древние говорили: «Использовать мань и ди, чтобы нападать на мань и ди — это стратегическая сила Срединного государства». Вы добились этого.

КНИГА II

Тай-цзун сказал:

— Я смотрел все книги по военному искусству, но ни одна из них не превосходит Сунь-цзы. Из тринадцати глав Сунь-цзы ни одна не превосходит «пустого» и «полного». Если, ведя войну, признавать стратегическую силу пустого и полного, всегда будешь побеждать. Наши нынешние полководцы способны только говорить об избежании полного и нападении на пустое. Когда же они сближаются с врагом, не многие распознают пустое и полное, возможно потому, что они не в состоянии заставить врага [прийти] к ним, но, наоборот, враг вынуждает их. Как это может быть? Пожалуйста, обсудите основы этого с нашими полководцами.

Ли Цзин сказал:

— Прежде обучим их способам взаимопревращения прямых [чжэн] и гибких [ци] друг в друга, и тогда рассказать им о форме [син] пустого и полного будет возможно. Многие полководцы не знают, как обращать гибкое в прямое, а прямое — в гибкое, поэтому как они могут узнавать, когда пустое является полным, а полное — пустым?

* * *

Тай-цзун сказал:

— [Согласно Сунь-цзы]: «Замышляй против них, чтобы знать вероятность приобретения и утраты. Побуждай их, чтобы знать форму их движения и остановки. Определяй их положение, чтобы знать, какая местность надежная, а какая — смертельная.

Испытывай их, чтобы знать, где у них избыток, а где — недостаток». Поэтому гибкое и прямое — это зависит от меня, а полное и пустое зависит от врага, так ли это?

Ли Цзин сказал:

— Гибкое и прямое — это средство привести во врага пустое и полное. Если враг полон, я должен использовать прямоту. Если враг пуст, я должен использовать гибкость. Если полководец не знает гибкого и прямого, то даже если он и знает, пуст враг или полон, как он сможет свои намерения осуществить? Я почтительно принимаю ваш мандат, но [прежде] я обучу всех полководцев гибкому и прямому, а затем они смогут понять пустое и полное.

Тай-цзун сказал:

— Если мы используем гибкие как прямые, и враг поймет, что они гибкие, тогда я буду атаковать его прямыми. Если мы используем прямые как гибкие, и враг поймет, что это прямые, тогда я буду атаковать его гибкими. Я сделаю так, что стратегическая сила врага постоянно будет пустой, а моя стратегическая сила всегда будет полной. Если вы обучите полководцев этим правилам, будет легко сделать так, чтобы они поняли.

Ли Цзин сказал:

— Тысяча трактатов, десять тысяч глав не говорят больше, чем слова «вынуждать других, а не быть вынуждаемым другими». Мне следует сделать так, чтобы это дошло до всех полководцев.

Тай-цзун сказал:

— Я назначил Яо-чи главным надзирателем, подчиненным генерал-губернатору — полководцу Аньси. Как должны мы управлять и использовать ханьцев и варварские народы в этой местности?

Ли Цзин сказал:

— Когда Небо дало рождение людям, вначале различий между «варварами» и «ханьцами» не было. Но их земли огромные, дикие и пустынные, и они должны заниматься стрельбой из лука и охотой, чтобы жить. Поэтому они постоянно упражняются в битвах и войнах. Если мы великодушны к ним, проявляем доверие, усмиряем их и полностью снабжаем одеждой и едой, тогда все они будут людьми Хань. Если Ваше величество назначили этого генерал-губернатора, я прошу собрать все ханьские пограничные войска и поселить их на внутренних землях. Это зна-

чительно уменьшит количество необходимой им провизии, что военные стратеги называют «правилом управления силой». Но вы должны отобрать ханьских чиновников, которые хорошо знакомы с обычаями варваров, а также расставить защитные укрепления [по всей местности]. Этого будет достаточно, чтобы успешно управлять областью. Если мы должны будем столкнуться с какой-то опасностью, ханьские войска могут отправиться туда.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Что говорил Сунь-цзы об управлении силой?

Ли Цзин сказал:

— «С близкими жди далекого; с отдохнувшими жди усталого; с сытыми жди голодного». Это охватывает основное. Тот, кто умело ведет войну, расширяет эти три до шести: «Выгодой заманивай идущего. В покое ожидай беспокойных. С тяжелыми ожидай легких. Со строго [дисциплинированными] ожидай невнимательных. С порядком ожидай беспорядочных. С обороной ожидай нападения. Если условия противоположны этим, сил будет недостаточно. Без искусства управления [расходом сил], как можно руководить армией?»

Тай-цзун сказал:

— Люди, которые сегодня изучают Сунь-цзы, лишь повторяют по памяти слова. Немногие схватывают и расширяют его смысл. Правила управления расходом сил должны быть разъяснены всем полководцам.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Наши престарелые полководцы и опытные войска исчерпали силы и почти все мертвы. Наши армии собраны заново, поэтому у них нет опыта построения в боевые порядки против врага. Если мы хотим обучить их, что должно быть самым главным?

Ли Цзин сказал:

— Я бы обучал солдат, разделяя их деятельность на три этапа. [Люди] первым делом должны быть организованы в соответствии с «методом пяти». После того, как организация в «пятерки» завершена, обеспечьте [военную организацию] в армии и полки. Это первый этап.

Правило военной организации в армии и полки в том, чтобы строить от одного до десяти, от десяти к ста. Это еще один этап.

Передайте их под командование подчиненных полководцев. Подчиненные объединят все отряды полка. Соберите их и обучите с помощью схем построения. Это еще один этап.

Верховный Полководец наблюдает за подготовкой на каждом из трех этапов, а затем совершает маневры, чтобы проверить и оценить их развертывание в боевой порядок и организацию в целом. Он разделяет их на гибкие и прямые, связывает войска клятвой и применяет наказания. Ваше величество могут наблюдать за ними сверху, и все способы будучи возможны.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Существует несколько школ «метода пяти». Чья самая значительная?

Ли Цзин сказал:

— Согласно «Комментарию Цзо на анналы “Весны и Осени”»: «Вначале отряд [колесниц], затем “пятерки” [с интервалами]». Далее, в «Сьма фа» сказано: «Пять человек составляют “пятерку”». В «Вэй Ляо-цзы» есть [глава под названием] «Приказы по связыванию “пятерок”». В военной организации Хань существовала [деревянная дощечка] длиной в один фут для записей и знаков отличия [«пятерок»]. В последующие века записи и знаки отличия производились на бумаге, после чего утратили порядок.

Я изучал и размышлял над их правилами. От «пятерки» они изменились до двадцати пяти. От двадцати пяти они меняются до семидесяти пяти, где семьдесят два пехотинца и три командира в доспехах. Когда они оставляли колесницы и использовали конницу, двадцать пять [пехотинцев] были равны восьми всадникам. Такова была тогда организация «пяти солдат, подходящих пяти». Поэтому среди военных правил различных стратегов важно только «правило пяти». В самом маленьком порядке — пять человек, в самом большом — двадцать пять. Если последний утроить, то будет семьдесят пять. Если взять их пять раз, получится триста семьдесят пять. Триста человек — это прямые войска, шестьдесят — гибкие. [Пятнадцать же — командиры в доспехах]. В этом случае их можно вновь разделить на две части, образовав две группы прямых войск по сто пятьдесят чело-

век в каждой, а также две [гибких] по тридцать человек, каждая на одно крыло. Это то, что имеется в виду в «Сыма фа» под «пять человек составляют “пятерку”, а десять “пятерок” составляют отряд», на что опираются и сегодня. В этом сущность.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Я обсудил военную стратегию с Ли Цзи. Он согласился с большей частью того, что вы говорите, но Ли Цзи недостаточно хорошо понимает происхождение этого. Откуда берет начало правило, которым вы установили «строй шести цветов»?

Ли Цзин сказал:

— Я опирался на «восемь боевых порядков» Чжу-гэ Ляна. Большие порядки включают в себя малые; большие лагеря содержат в себе небольшие. Все концы соединены, все изгибы и разрывы соответствуют. Система древних была подобна этой, поэтому в соответствии с ней я составил схему. Так, внешняя сторона должна быть квадратной, а внутреннее расположение должно быть кольцевым. Тогда они становятся «шестью цветами», как это правильно называют.

Тай-цзун сказал:

— Что вы имеете в виду под словами «внешняя сторона — квадратная, а внутренняя — кольцевая»?

Ли Цзин сказал:

— Квадрат рождается из прямого, круг рождается из кривого. Квадрат позволяет идти прямо, круг позволяет непрерывно поворачивать. Поэтому число шагов установлено Землей, а разграничение круга соответствует Небу. Когда шаги установлены, а круг завершен, тогда изменения армии не будут беспорядочными. «Восемь порядков» могут превратиться в «шесть цветов». Это старинное правило Чжу-гэ Ляна.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Рисуя квадрат, можно оценить шаги; устанавливая круг, можно оценить оружие. Исходя из шагов, можно обучить искусству «ног»; с помощью оружия можно обучить искусству «рук». Это хорошо для тренировки рук и ног и определенно кажется правильным.

Ли Цзин сказал:

— У Ци говорит: «Даже на смертельной местности их нельзя разделить; даже при отступлении они не бросятся в рассыпную». Таково правило шагов. Обучение солдат подобно размещению шахматных фигур на доске. Если нет линий, разделяющих поля, как можно двигать шахматные фигуры? Сунь-цзы говорил: «Местность рождает измерение; измерение рождает оценку [сил]. Оценка [сил] рождает подсчет [числа людей]. Подсчет [числа людей] рождает взвешивание [силы]. Взвешивание [силы] рождает победу. Поэтому, победоносная армия подобна тонне в сравнении с унцией, а разгромленная армия — как унция против тонны!» Все это начинается с измерения квадрата и круга.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Слова Сунь-цзы поистине глубоки! Если не определять местность как близкую или далекую, а форму земли как широкую или узкую, как можно устанавливать ограничения?

Ли Цзин сказал:

— Обычный полководец часто не знает, что такое ограничения. «Стратегическая сила тех, кто преуспел в военном искусстве, заострена, их стратегии точны. Их стратегическая сила подобна натянутому до предела арбалету, их ограничения подобны нажатию на спусковой крючок». Я упражнялся в этих правилах. Так, стоящие отряды пехоты находятся в десяти шагах друг от друга, отряды поддержки [колесниц] — в двадцати шагах от основных сил [пехоты]. Между ними находится один боевой отряд. При продвижении вперед пятьдесят шагов являются одной мерой. С первыми звуками горна все отряды расходятся и занимают свои позиции, не удаляясь друг от друга больше, чем на десять шагов. С четвертым сигналом они ставят свои копыта и садятся. Затем бьет барабан на три удара и три крика, и [каждый раз] они продвигаются вперед на расстояние от тридцати до пятидесяти шагов, чтобы следить за изменениями врага. Конница выходит вперед из глубины, также наступая каждый раз на пятьдесят шагов. Передний край — это прямые, задний — гибкие. Наблюдай за врагом, затем снова бей в барабан, передний край [становится] гибким, а задний —

прямым. Вновь заставь врага идти вперед, определи его трещины и атакуй его пустоты. Боевой порядок «шести цветов» в целом таков.

* * *

Тай-цзун сказал:

— В «Синь шу» Цао Цао сказано: «Когда располагаешь свои ряды против врага, первым делом установи знамена, и поставь войска в боевой порядок в соответствии с ними. Когда одна часть войск подвергнется нападению, все те, которые не выступили, чтобы прийти на помощь, будут обезглавлены». Что это за тактика?

Ли Цзин сказал:

— Приблизиться к врагу и затем установить знамена — неправильно. Это правило применимо только при обучении солдат военной тактике. Древние, преуспевшие в военном искусстве, учили прямоте, они не учили гибкому. Они управляли войсками, как стадом овец. Войска наступали вместе с ними, отступали вместе с ними, но они не знали, куда идут. Цао Цао был надменным и любил побеждать. Все полководцы того времени следовали «Синь шу», не осмеливаясь нападать на ее недостатки. Более того, если устанавливаешь знамена, когда собираешься вступить в сражение, разве это не поздно?

Я тайно наблюдал за музыкой и танцем «Разрушение боевых порядков», созданными вами. Впереди они выставили четыре знамени, сзади развернули восемь флагов. Левое и правое крылья двигались по кругу, маршируя и бегая по звукам гонга и барабана, каждое в соответствии со своими ограничениями. Это — «схема восьми рядов», система четырех голов и восьми хвостов. Люди видят лишь блеск музыки и танца; как они могут знать, что военные действия подобны этому?

Тай-цзун сказал:

— В древности, когда ханьский император Гао-цзу усмирил Поднебесную, он написал песню, в которой было сказано: «Где я могу найти сильных воинов, чтобы охранять четыре части света?» Возможно, военную стратегию можно передать в мыслях, но нельзя преподнести в словах. Я создал «Разрушение боевых порядков», но только вы понимаете их форму и сущность. Поймут ли последующие поколения, что я не от праздности составил их?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Устанавливают ли пять флагов различных цветов пять направлений для прямых [войск]? Служат ли знамена и флажки для проникновения в ряды врага гибких [войск]? Разделение и перестроение — это изменения; как определить соответствующее количество отрядов?

Ли Цзин сказал:

— Я изучил и использую правила древних. В целом, когда три отряда сходятся, их флаги склоняются друг к другу, но не пересекаются. Когда пять отрядов соединились, флаги двух из них пересекаются. Когда десять отрядов соединились, флаги пяти из них пересекаются. Когда раздается звук горна, пять пересекающихся флагов разделяются, и единый отряд рассыпается, образуя десять. Когда два пересекающихся флага разделяются, единый отряд вновь рассыпается, образуя пять. Когда два флага, склоняющихся друг к другу, но не пересекающихся, разделяются, единый отряд вновь распадается на три.

Когда солдаты разделены, соединить их — это гибкость; когда соединены, разделить их — это прямота. Отдавай приказы трижды, объясняй их пять раз. Прикажи им рассыпаться три раза, перестроиться три раза. Затем прикажи им занять прямое построение, после чего их можно обучать «четырем головам и восьми хвостам». Это то, что соответствует правилу [обучения] отрядов.

Тай-цзун похвалил его рассуждения.

* * *

Тай-цзун сказал:

— У Цао Цао была сражающаяся конница, атакующая конница и блуждающая конница. Какие части нашей нынешней конницы и армии можно сравнить с ними?

Ли Цзин сказал:

— Согласно «Синь шу»: «Сражающаяся конница встает впереди, атакующая конница занимает середину, блуждающая конница находится сзади». Если так, то каждая из них была установлена в соответствии со своим названием и назначением, поэтому они были разделены на три типа. Вообще, восемь всадников были равны по силе двадцати четырем пехотинцам, сопровождающим колесницы. Двадцать четыре всадника были

равны по силе семидесяти двум пехотинцам, сопровождающим колесницы. Таков был древний порядок.

Пехотинцев, сопровождающих колесницы, чаще всего обучали прямым методам; всадников обучали гибким. Согласно Цао Цао, конница впереди, сзади и в середине делилась на три взаимодополняющие части, но он ничего не говорит о двух крыльях, поэтому он обсуждал лишь один вопрос тактики. Последующие поколения не поняли цели трех взаимодополняющих сил, поэтому [они полагали], что сражающаяся конница должна находиться перед атакующей конницей; как же тогда использовать блуждающую конницу? Я хорошо знаком с этой тактикой. Если развернуть боевые порядки наоборот, тогда блуждающая конница займет передний край, сражающаяся конница займет задний, а атакующая конница откликнется на изменения, чтобы в нужный момент отделиться. Таковы были правила Цао Цао.

Тай-цзун рассмеялся и сказал:

— Скольких же людей провел Цао Цао!

* * *

Тай-цзун сказал:

— Колесница, пехота и конница — у всех трех один метод. Зависит ли их использование от человека?

Ли Цзин сказал:

— Согласно боевому порядку «юй-ли», о котором сказано в «Анналах Вёсен и Осеней»: «В начале отряды [колесниц], затем “пятерки” [с интервалами]». В этом случае у них были колесницы и пехота, но не было конницы. В словах о сопротивлении левого и правого [крыльев] сказано лишь о сопротивлении и обороне, и все! Они не использовали никакой гибкой стратегии, чтобы добиться победы.

Когда цзиньский Сюнь У напал на [варварские племена] ди, он оставил колесницы и заставил [их воинов] занять пеший порядок. В этом случае многочисленная конница явилась бы преимуществом. Он всего лишь уделил внимание использованию гибких войск, и не был озабочен только сопротивлением и обороной.

Я взвесил их правила. В целом, один всадник равняется по силе трем пехотинцам; колесницы и пехотинцы соответствуют также. Когда они перемешаны, ими [управляют] одним методом; их использование зависит от людей. Как враг может знать, где

мои колесницы действительно пойдут вперед? Откуда на самом деле появится моя конница? Где пехота последует [в атаку]? «Скрытое в величайших глубинах земли, нисходящее с величайших высот Неба, его знание подобно духам!» Эти слова относятся только к Вашему Величеству. Как я могу обладать таким знанием?

* * *

Тай-цзун сказал:

— В книге Тай-гуна сказано: «На месте в шестьсот или шестьдесят квадратных шагов установи знамена для обозначения двенадцати созвездий зодиака». Что это за тактика?

Ли Цзин сказал:

— Отметь квадрат с периметром в тысячу двести шагов. Каждая часть [в нем] займет площадь со стороной в сто шагов. Через каждые пять горизонтальных шагов поставь человека; через каждые четыре вертикальных шага поставь человека. Две тысячи пятьсот человек будут распределены по пяти занятым площадям, а четыре [останутся] пустыми¹⁹. Это то, что называется «боевым построением, включающим порядок». Когда У-ван напал на Чжоу, каждый «страж тигра» командовал тремя тысячами людей. В каждом порядке было шесть тысяч воинов, а все войско было численностью тридцать тысяч. Таков был метод Тай-гуна для очерчивания местности.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Как вы очертите местность для своего «порядка шести цветов»?

Ли Цзин сказал:

— Большие маневры таковы. На месте со стороной квадрата в тысячу двести шагов развернуты шесть боевых порядков, каждый занимает площадь [со стороной] в четыреста шагов. Все они разделены на две колонны, восточную и западную, в середине остается открытое место длиной в тысячу двести шагов для тренировки. Однажды я обучал тридцать тысяч человек, в каждом соединении было пять тысяч. Одно находилось в лагере; пять [практиковались] в квадратном, круглом, изогнутом, прямом и угловом построениях. Каждое прошло через все пять изменений, всего двадцать пять, прежде, чем мы остановились.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Что такое «боевые порядки пяти стадий»?

Ли Цзин сказал:

— Изначально они получили название от цветов сторон света, но на самом деле происходят от формы местности — квадратной, круглой, прямой, изогнутой и угловой. Если армия не упражняется постоянно в этих пяти в мирное время, как она сможет приблизиться к врагу? «Хитрость — это Дао войны», поэтому прибегли к тому, чтобы назвать их «пять стадий». Они описали их в соответствии с идеями школы «инь-ян» о формах взаимного порождения и поглощения. Но в действительности форма армии подобна воде, которая течет в соответствии с местностью. Это главное.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Ли Цзи говорил о мужской и женской, квадратной и круглой тактике для войск, находящихся в засаде. Существовало это в древности или нет?

Ли Цзин сказал:

— «Мужской» и «женский» методы берут начало в народной традиции. В жизни они относятся к инь и ян, и это все. Согласно книге Фань Ли²⁰: «Если ты — последний, используй тактику инь, если первый — используй тактику ян. Когда исчерпал средства ян у врага, увеличь свою инь до предела и захвати его». В этом, согласно стратегам, непостижимая таинственность инь и ян.

Фань Ли также говорил: «Установи правое как женское, сделай левое мужским. На восходе солнца и в сумерках действуй в соответствии с Дао Неба». Так, левое и правое, восход и сумерки различаются в соответствии со временем. Они основаны на изменениях гибкого и прямого. Левое и правое — это инь и ян в человеке, рассвет и сумерки — это инь и ян Неба. Гибкое и прямое — это взаимное изменение инь и ян в Небе и в человеке. Если кто-нибудь хотел бы схватить их и не изменять, тогда инь и ян пришли бы в упадок. Как можно сохранить всего лишь одну форму мужского и женского? Поэтому, когда появляешься перед врагом, показывай гибких, не [показывай] прямых. Когда идешь

в наступление, используй прямых, чтобы атаковать врага, а не наши гибкие [войска]. Это имеется в виду под словами «прямые и гибкие переходят друг в друга».

«Армия в засаде» не означает всего лишь сил, находящихся в засаде в горах, долинах, траве, среди деревьев, ибо спрятать их — это средство [создать] засаду. Наши прямые войска должны быть подобны горе, наши гибкие подобны грому. Даже если враг стоит прямо против наших передних рядов, никто не в состоянии узнать, где наши прямые, а где гибкие войска. В этом случае какой я обладаю формой?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Боевые порядки «четырех животных» также имеют ноты — «шан», «юй», «вэй» и «цзяо», которые символизируют их. Для чего это?

Ли Цзин сказал:

— Это — Дао хитрости.

Тай-цзун сказал:

— Можно ли без них обойтись?

Ли Цзин сказал:

— Сохраняя их, будешь способен обойтись без них. Если обходишься без них и не используешь их, обманчивость будет еще больше.

Тай-цзун сказал:

— Что вы имеете в виду?

Ли Цзин сказал:

— Древние скрывали названия четырех боевых порядков, [присоединяя] к названиям четырех животных предназначения Неба, Земли, ветра и облаков, а также добавляя ноты и связывая циклы «шан» и металла, «юй» и воды, «вэй» и огня, «цзяо» и дерева. Это была мудрость древних военных стратегов. Если сохранишь их, обманчивость не будет увеличиваться. Если отбросишь их, как можно будет использовать жадных и глупых?

Тай-цзун сказал:

— Вам следует сохранить это в тайне и не позволять этому выйти наружу.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Суровые наказания и законы приводят к тому, то люди боятся меня и не боятся врага. Я очень смущен этим. В древности император Хань Гуан-у-ди противостоял армии Ван Мана численностью в миллион человек только со своими силами, но он не пользовался наказаниями и законами, чтобы приблизить [людей]. Как же произошло, что он победил?

Ли Цзин сказал:

— Победа или поражение армии — это вопрос случая и myriad особенностей, они неразрешимы каким-либо обстоятельством. Когда Чэнь Шэн и Гуан У нанесли поражение циньской армии, могли ли у них быть более суровые наказания и законы, чем у Цинь? Восхождение императора Гуан-у-ди, возможно, соответствовало ненависти народа к Ван Ману. К тому же, Ван Сюнь и Ван И не понимали военной стратегии и просто хвалились численностью своих армий. Таким путем они погубили себя²¹.

Согласно Сунь-цзы: «Если установить наказания до того, как войска привязаны к тебе, они не будут покорны. Если не устанавливать наказания после того, как войска привязаны, их нельзя использовать». Это означает, что, как правило, полководец первым делом должен привязать чувства солдат и только затем использовать суровые наказания. Если их чувства не пробуждены, немногие будут успешно сражаться только вследствие применения суровых законов.

* * *

Тай-цзун сказал:

— В «Шан шу» сказано: «Когда устрашающая сила превосходит любовь, в делах будет успех. Когда любовь превосходит устрашающую силу, удачи не будет». Что это значит?

Ли Цзин сказал:

— Любовь должна быть первой, а устрашающая сила второй, это не может быть иначе. Если в начале использовать устрашающую силу, а любовь лишь затем, в дополнение к ней, это не принесет пользы делам. В «Шан шу» предельно точно обсуждается конец, но это не тот способ, который следует применить для расчетов в начале. Поэтому правило Сунь-цзы не может быть устранено на протяжении десяти тысяч поколений.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Когда вы усмирили Сяо Сяня, наши полководцы хотели присвоить богатства вероломных чиновников, чтобы вознаградить своих командиров и солдат. Вы не согласились, потому что ханьский Гао-цзу не казнил Куай Туна. Все области рек Цзян и Хань покорились вам. Я вспомнил, что древние говорили: «Гражданский может привлекать и привязывать к себе людей, военный может наводить страх на врага». Разве это не относится к вам?

Ли Цзин сказал:

— Когда ханьский император Гуан-у-ди усмирал «краснобровых»²², он совершил инспекционную поездку в лагерь восставших. Бунтовщики сказали: «Сяо-ван [император Гуан-у-ди] простирает благость своего чистого сердца на других». Это, возможно, было потому, что правитель прежде оценил их мотивы и чувства как лишённые корысти. Разве он не обладал даром предвидения?

Когда я усмирал тюрков, возглавляя войска, состоящие из ханьцев и варваров, даже когда мы прошли больше тысячи ли, я не убил ни одного Ян Ганя и не обезглавил ни одного Чжун Цзя.²³ Это также явилось [случаем] распространения моего сочувствия и сохранения добра, и это все! То, что Ваше величество сказали, это чрезмерно, это показало меня как не имеющего себе равных. Если это вопрос соединения гражданского и военного, как я могу осмелиться обладать [такими способностями]?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Ранее, когда Тан Цзянь был отправлен посланником к тюркам, вы воспользовались [случаем], чтобы напасть на них и уничтожить. Люди говорили, что вы использовали Тан Цзяня как «невозвратимого шпиона». До сих пор у меня есть сомнения относительно этого. Что вы скажете?

Ли Цзин дважды поклонился и сказал:

— Тан Цзянь и я в равной степени служили Вашему величеству. Я предполагал, что предложений Тан Цзяня будет недостаточно [чтобы убедить их] покориться с миром. Поэтому я воспользовался возможностью идти с армией и напасть на них. Ради устранения большой опасности я оставил заботы о справедливости. Хотя люди считали Тан Цзяня невозвратимым шпионом, это не было моей целью.

Согласно Сунь-цзы, использование шпионов — это последнее средство. Однажды я подготовил обсуждение [этого вопроса] и в конце сказал: «Вода может нести лодку, но она может и опрокинуть ее. Некоторые используют шпионов, чтобы добиться успеха; другие, полагаясь на шпионов, оказываются свергнутыми или разгромленными».

Если один заплетает волосы и служит правителю, принимает должное выражение лица при дворе, верен и чист, надежен и полностью искренен, то даже если другой успешно шпионит, как его можно использовать [чтобы посеять разлад]? Случай с Тан Цзянем — второстепенный. Какие сомнения испытывает Ваше величество?

Тай-цзун сказал:

— Действительно, «без гуманности и справедливости нельзя использовать шпионов». Как может обычный человек сделать это? Если Чжоу-гун²⁴, обладавший величайшей справедливостью, уничтожил своих родственников, то что же говорить об одном посланнике? Ясно, что сомневаться не в чем.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Армия любит быть «хозяином» и не любит быть «гостем». Она любит быстроту, а не затягивание. Почему?

Ли Цзин сказал:

— Армию используют тогда, когда нет другого выхода, поэтому какой же толк в том, чтобы быть «гостем» или долго сражаться? Сунь-цзы говорит: «Когда припасы возят далеко, простой народ разорен». Это — истощение «гостя». Он также сказал: «Люди не должны призываться дважды, припасы не должны возиться трижды». Это [происходит] из опыта пагубности затягивания войны. Когда я сравниваю и взвешиваю стратегическую мощь хозяина и гостя, появляется тактика превращения гостя в хозяина, а хозяина — в гостя.

Тай-цзун спросил:

— Что вы имеете в виду?

Ли Цзин сказал:

— Грабя и захватывая припасы у врага, превращаешься из гостя в хозяина. «Если можешь сделать так, чтобы сытые стали голодными, а отдохнувшие усталыми», тем самым превратишь

хозяина в гостя. Поэтому армии не предписано быть хозяином или гостем, медленной или быстрой, она лишь внимает движению, неизменно обретая ограничения и тем самым принимая форму.

Тай-цзун сказал:

— Были ли подобные случаи у древних?

Ли Цзин сказал:

— В древности Юэ напало на У двумя армиями, одна слева, другая справа. Когда зазвучали горны и барабаны и ударили в наступление, У разделило свои войска, чтобы противостоять им. Тогда средняя армия Юэ скрытно перешла через реку. Не ударяя в барабаны, она внезапно напала и разгромила армию У. Вот случай превращения гостя в хозяина.

Когда Ши Лэ сражался с Цзи Чжанем, армия Чжэня пришла из далека. Ши Лэ отправил Кун Чана с передними войсками вперед, чтобы наблюдать за войсками Чжэня. Кун Чан отошел, а Чжэнь стал наступать, преследуя его. Тогда Ши Лэ ввел в сражение спрятанные по обеим сторонам в засаде войска. Армия Чжэня потерпела жестокое поражение. Это пример превращения уставших в отдохнувших. У древних было много таких случаев.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Были ли железные «ежи» и рогатины созданы Тай-гуном?

Ли Цзин сказал:

— Да. Но они использовались для сопротивления врагу, и только! Армия ценит подчинение людей и не желает противостоять им. В «Шести секретных учениях» Тай-гун обсуждает оснащение для обороны и отражения нападения врага, а не используемое в наступлении.

КНИГА III

Тай-цзун сказал:

— Тай-гун утверждал: «Когда пехота вступает в сражение с колесницами и конницей, она должна воспользоваться выгодами холмов, могильных курганов, оврагов и ущелий». К тому же Сунь-цзы сказал: «Местность, подобная изломам Неба, холмы, погребальные курганы и старые укрепления не должны быть заняты армией». Что скажете об этом?

Ли Цзин сказал:

— Успешное ведение войны зависит от единства сердец. Единство сердец основано на запрещении знамений и устранении сомнений. Если у полководца будет что-нибудь, в чем он сомневается или чего он боится, его чувства будут поколеблены. Когда чувства поколеблены, враг воспользуется трещинами, чтобы напасть. Поэтому в охране лагеря или защите местности все зависит от человеческих усилий! Такая местность, как обрывистые склоны, глубокие ущелья, овраги, проходы с высокими стенами, «природные темницы» и заросшие земли не подходят для человеческих дел. Поэтому военные стратеги избегают вести туда войска, чтобы не дать врагу получить выгоду. Холмы, погребальные курганы и старые укрепления — это не отрезанная местность и не опасные места. Если мы получили их, это будет выгодой, поэтому как же может быть правильным развернуться и оставить их? То, о чем говорил Тай-гун, это самая сущность военных дел.

Тай-цзун сказал:

— Я думал, что среди орудий силы нет более устрашающего, чем армия. Если собрать армию выгодно для человеческих

дел, как можно — ради того, чтобы избежать дурных предзнаменований — сомневаться? Если в будущем любой из полководцев не предпримет нужных действий из-за инь и ян или роковых знаков, вам следует приструнить и обучить его.

Ли Цзин дважды поклонился в знак согласия, сказав:

— Я вспоминаю, что «Вэй Ляо-цзы» гласит: «Желтый Император удерживал их добродетелью, но наказывал [злых]. Это относится к [самим] наказаниям и добродетели, а не к выбору и использованию благоприятных сезонов и дней». Поэтому с помощью «Дао хитрости» нужно заставить [войска] следовать им, но нельзя позволять войскам знать об этом. Последующие полководцы увязли в таинственных способах и поэтому часто терпели поражения. Нельзя не предостеречь их. Мудрые наставления Вашего величества следует распространить среди всех полководцев.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Когда армия разделяется и соединяется вновь, в каждом случае важно, чтобы действия были правильными. Согласно записям о делах древности, кто преуспел в этом?

Ли Цзин сказал:

— Фу Цзянь командовал армией в миллион человек и был разбит у реки Фэй. Вот к чему приводит то, что армия может соединиться, но не способна разделяться. Когда У Хань усмирлял Гун-сунь Шу²⁵, он отправил войска со своим помощником Лю Шаном, которые расположились лагерем в двадцати ли. Гун-сунь Шу пошел вперед и напал на У Ханя, и когда Лю Шан выступил, чтобы соединиться с У Ханем в наступлении, Гунсунь Шу потерпел жестокое поражение. Такого результата можно достичь, если армия разделяется и может соединиться вновь. Тай-гун сказал: «[Войско], которое желает разделиться, но не может — это армия, пойманная в ловушку; войско, которое желает соединиться вновь, но не может — это одинокая армия.

Тай-цзун сказал:

— Да. Когда Фу Цзянь впервые приобрел Ван Мана, он знал, как вести войну и затем занял срединную равнину. Когда Ван Ман умер, Фу Цзянь потерпел сокрушительное поражение²⁶, было ли это поражением «армии, попавшей в ловушку»? Когда император Гуан-у-ди назначил У Ханя, армия управлялась не из-

далека, и Хань смогла усмирить землю Шу. Разве это не означает, что армия не попала в положение, называемое «одиноким войском»? Исторические записи о приобретениях и потерях достаточны, чтобы служить зеркалом для десяти тысяч поколений.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Я полагаю, что тысяча глав и десять тысяч фраз [военных учений] не превосходят одного положения: «используй разные методы, чтобы заставить совершать ошибки». ²⁷

После долгого молчания Ли Цзин сказал:

— Правда. Это так, как вы мудро сказали. Обычно, на войне, если враг не ошибется, как может наша армия победить его? Это можно сравнить с шахматами, когда два противника равны по силам. Как только один допустит ошибку, ничто не сможет спасти его. Поэтому и в древности, и теперь победа и поражение проистекают из единственной ошибки, что же говорить о том, когда ошибок множество?

* * *

Тай-цзун сказал:

— Являются ли на самом деле нападение и оборона одним? Сунь-цзы говорил: «Когда кто-либо умело нападает, враг не знает, где обороняться. Когда кто-либо умело обороняется, враг не знает, где нападать». Он не говорил о ситуации, когда враг наступает на меня, и я тоже наступаю на врага. Если мы занимаем оборону, и враг также в обороне, если и в нападении и в защите наши силы равны, какую тактику следует выбрать?

Ли Цзин сказал:

— Таких случаев взаимного нападения или взаимной обороны в предшествующие века было множество. Все они свидетельствуют: «Обороняются, когда сил недостаточно. Нападают, когда сил в избытке». Так, они называли недостаток слабостью, а избыток — силой. Очевидно, они не понимали правил нападения и обороны. Я вспоминаю, что Сунь-цзы говорил: «Тот, кто не может победить, обороняется; тот, кто может победить, нападает». Это означает, что, если врага нельзя покорить, я должен временно занять оборону. Когда мы дождемся, что врага можно покорить, тогда мы нападём на него. Это не заключение о слабости и силе. Последующие поко-

ления не поняли смысла его слов, поэтому, когда они должны атаковать, они защищаются, а когда должны защищаться, они атакуют. У этих двух вещей свое время и свои правила.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Я вижу, что понятия избытка и недостатка привели потомков к непониманию силы и слабости. Возможно, они не знали, что сущность оборонительной стратегии в том, чтобы показать врагу недостаточность. Сущность наступательной стратегии в том, чтобы показать врагу избыток. Если покажешь врагу недостаток, он пойдет впереди будет атаковать. В этом случае «враг не знает, где атаковать». Если покажешь врагу избыток, он займет оборону. В этом случае «враг не знает, где обороняться». Нападение и оборона — это одно, но враг и я делим его на два. Если я преуспею, враг будет разгромлен. Если враг добьется успеха, мои цели не будут достигнуты. Приобретение или потеря, успех или неудача — наши цели и цели врага различны, но нападение и оборона — это одно! Если понимаешь, что они — одно, тогда в ста сражениях одержишь сто побед. Поэтому сказано: «Если знаешь себя и знаешь врага, в ста сражениях не окажешься в опасности». Это означает понимание такого единства, не так ли?

Ли Цзин дважды поклонился и сказал:

— Поистине великолепны правила совершенномудрого. Нападение — это стратегия обороны, оборона — это стратегия нападения. И то, и другое направлено к победе, и все! Если при нападении не понимаешь обороны, а при обороне не понимаешь нападения, а вместо этого не только разделяешь их на два различных дела, но и облакаешь ответственностью за них разных командиров, тогда, даже если уста повторяют слова Сунь-цзы и У-цзы, в сердце нет мыслей о непостижимости равенства нападения и обороны. Как тогда можно знать то, что происходит на самом деле?

* * *

Тай-цзун сказал:

— В «Сьма фа» говорится, что «даже если государство обширно, те, кто любит войну, неизбежно погибнут», и что «даже если спокойствие царит в Поднебесной, те, кто забывает о войне, неизбежно окажутся в опасности». Есть ли это также один из путей нападения и обороны?

Ли Цзин сказал:

— Если у кого-либо есть государство и семья, как можно не обсуждать нападение и оборону? При нападении не останавливаются лишь на взятии городов и атаке боевых порядков. Необходимо обладать искусством нападения на умы. Оборона не заканчивается с построением стен и созданием прочных рядов. Необходимо сохранить дух и быть готовым к встрече с врагом. В широком смысле это означает Дао правления. В узком смысле это означает правила полководца. Нападать на умы — это то, что называется «знать их». Сохранение ци [духа] — это то, что подразумевается под «знанием себя».

Тай-цзун сказал:

— Справедливо! Когда я собирался вступить в битву, я оценивал ум противника и сравнивал его со своим, чтобы определить, кто лучше подготовился. Только тогда я мог знать его. Чтобы оценить ци противника, я сравнивал ее с нашей, определяя, кто лучше управляется. Только тогда я мог знать себя. Поэтому «знать их и знать себя» — это величайшая сущность военных стратегов. Нынешним полководцам, даже если они не знают врага, следует знать себя, ибо как они могут тогда потерять преимущество?

Ли Цзин сказал:

— То, что Сунь-цзы имел в виду под «прежде сделать себя непобедимым» — это «знать себя». «Ожидать, пока врага можно будет победить» — это «знать его». К тому же, он говорил, что «быть непобедимым зависит от себя, побеждать — зависит от врага». Я никогда не осмеливался пренебрегать этим предостережением.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Сунь-цзы говорил о стратегиях, с помощью которых можно уничтожить ци трех армий: «Утром их ци пылает; днем их ци увядает; в сумерках их ци истощается. Тот, кто умело ведет войну, избегает пылающей ци и наносит удар, когда ци вялая или истощена». Как это?

Ли Цзин сказал:

— Кто бы ни обладал жизнью и природным характером, если он умирает без задних мыслей, когда барабаны призывают идти в бой, это ци побуждает его быть таким. Поэтому правила веде-

ния войны первым делом требуют изучать своих командиров и войска, побуждать их к победе, и лишь затем атаковать врага. Среди четырех жизненных точек У Ци жизненная точка ци — самая главная. Нет другого Дао. Если можешь распалить своих людей, никто не сможет противостоять их пылу. То, что [Сунь-цзы] подразумевал под пылающей утром ци, не ограничено лишь этими часами. Он использовал начало и конец дня для сравнения. Вообще, если барабан ударил трижды, а ци врага не пришла в упадок и не исчезла, как можно заставить ее стать вялой или истощиться? Возможно, те, кто изучает текст, просто произносят пустые слова и введены в заблуждение врагом. Если просветить их о принципах устранения ци, им можно будет доверить армию.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Однажды вы сказали, что полководец Ли Цзи весьма одарен в военной стратегии, но можно ли его использовать без ограничений или нет? Если мне более не предстоит руководить им и направлять его, [боюсь], его нельзя будет использовать. В будущем, как должен престолонаследник направлять его?

Ли Цзин сказал:

— Если бы я составлял план от имени Вашего величества, не было бы ничего лучше, чем сместить Ли Цзи и сделать так, чтобы наследник престола вновь использовал его. Тогда он, конечно, будет исполнен благодарности и захочет отблагодарить его. В принципе, какой от этого вред?

Тай-цзун сказал:

— Прекрасно! У меня нет сомнений по этому поводу.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Если я прикажу Ли Ши-цзи и Чжансунь У-цзи взять бразды правления вдвоем, что вы думаете об этом?

Ли Цзин сказал:

— [Ли] Цзи предан и справедлив. Я могу ручаться, что он будет выполнять свои обязанности. [Чжансунь] У-цзи следовал вашим приказаниям и внес большой вклад. Поскольку он родственник, Ваше величество облекло его правами министра. Но хотя внешне он почтителен к другим чиновникам, на самом деле

он завидует достойным. Поэтому Юй-чжи Цзин-дэ²⁸ указал ему в лицо на его недостатки и удалился от дел. Хоу Цзюнь-цзи²⁹ ненавидел его за то, что он забыл старых [друзей], и что? Он восстал и обратился против вас. Все это произошло из-за У-ци. Вы спросили меня, я не смел уклониться от обсуждения этого».

Тай-цзун сказал:

— Не распространяйтесь об этом. Я подумаю, как это исправить.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Ханьский император Гао-цзу мог командовать своими полководцами, однако позднее Хань Синь и Пэн Юэ были казнены, а Сяо Хэ был посажен в тюрьму³⁰. Какие для этого были основания?

Ли Цзин сказал:

— Я полагаю, что ни Лю Бан, ни Сян Юй не были правителями, способными командовать полководцами. Когда Цинь распалась, Чжан Лян вначале хотел отомстить за свое государство Хань, а Чэнь Пин и Хань Синь оба возмущались, когда Сян Юй не захотел взять их на службу. Поэтому они воспользовались стратегической мощью Хань. Сяо Хэ, Цао Цань, Фань Куай и Гуань Ин — все спасали бегством свою жизнь. Ханьский Гао-цзу завоевал Поднебесную, опираясь на них. Если бы он позволил потомкам шести государств воцариться вновь, все бы выбрали свои прежние царства. Тогда, даже если бы он мог командовать полководцами, кого могла бы использовать Хань? Я говорил, что Хань получила Поднебесную благодаря тому, что Чжан Лян позаимствовал палочки для еды [у Гао-цзу], и благодаря управлению Сяо Хэ водными перевозками. Получается, что то, что Хань Синя и Пэн Юэ казнили, и то, что Фань Цзэн не был использован [Сян Юем] — это одно и то же. Поэтому я называю Лю Бана и Сян Юя правителями, неспособными командовать полководцами.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Император Поздней Хань Гуан-у-ди, восстановивший династию, смог сохранить своих заслуженных полководцев, не поручая им государственных дел. Хорошо ли это при командовании полководцами?

Ли Цзин сказал:

— Хотя император Гуан-у-ди и воспользовался славой Ранней Хань и поначалу легко добился успеха, однако стратегическая мощь Ван Мана была не меньше, чем у Сян Юя, а [полководцы] Коу Сюнь и Дэн Юй не превосходили Сяо Хэ и Цао Цаня. Он один смог явить свое чистое сердце, использовать талантливых чиновников и полностью сохранить добродетельных и преданных ему, поэтому он намного достойнее Гао-цзу. Таким образом, если бы мы обсуждали способность командовать полководцами, я бы сказал, что император Гуан-у-ди достиг этого.

* * *

Тай-цзун сказал:

— В древности, когда отправляли армию и назначали полководца, [правитель] совершал ритуал приготовления, соблюдая пост в течение трех дней. Затем он вручал полководцу топор «юэ» со словами: «От этого и до Неба наверху — все управляется полководцем армии». Далее, он давал ему топор «фу» со словами: «От этого и до Земли внизу — все управляется полководцем армией». Затем он толкал ступицу колеса [колесницы полководца] и говорил: «Наступление и отступление должны быть своевременными. Находясь в походе, вся армия подчиняется только приказам полководца, а не правителя». Я замечаю, что в течение долгого времени этим ритуалом пренебрегали. Сегодня я хотел бы вместе с вами установить церемонию назначения и отправки полководца. Что вы скажете?

Ли Цзин сказал:

— Осмелюсь сказать, что совершенномудрые установили эту церемонию, а также пост в храме предков, чтобы позаимствовать у духов устрашающую силу и воодушевление. Вручение топоров «фу» и «юэ», а также толкание ступицы колеса были средствами облечения властью. Сегодня, когда бы ваше величество ни отправляли армию, вы, безусловно, размышляете и обсуждаете это с высшими чиновниками, объявляете об этом в храме, и затем отправляете войска. Это есть приглашение духов. Когда бы вы ни назначали полководца, вы всегда приказывали ему управлять делами, как это потребуют обстоятельства. Это есть облечение его большой властью. Где отли-

чие от соблюдения поста и толкания ступицы колеса? Это находится в полной гармонии с древней церемонией, их смысл одинаков. Нет необходимости советоваться, чтобы решить [не что новое].

Правитель сказал:

— Прекрасно! — и затем приказал находившимся рядом чиновникам записать эти два метода как образец для последующих веков.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Можно ли отбросить [гадательную] практику инь и ян?

Ли Цзин сказал:

— Нельзя. Война — это Дао хитрости, поэтому если мы верим в гадательную практику инь и ян, мы можем влиять на жадных и глупых. Ее нельзя отбросить!

Тай-цзун сказал:

— Однажды вы сказали, что выбор благоприятных сезонов и дней — не для просвещенных полководцев. Только невежественные полководцы придерживаются их, поэтому лучше этот выбор отбросить.

Ли Цзин сказал:

— Тиран Чжоу погиб в день, обозначенный как чжай-цзы; У-ван достиг процветания в тот же день. Согласно благоприятным сезонам и дням, чжай-цзы — это первый день. Шан была в беспорядке, а Чжоу хорошо управлялась. Процветание и упадок различны в данном случае. К тому же сунский император У-ди собрал свои войска в «день, когда идут к гибели». Все командиры в армии считали это непозволительным, но император сказал: «Я пойду вперед, и враг погибнет». Действительно, он покорил их. Ссылаясь на эти случаи, ясно, что выбор можно отбросить.

Однако, когда Тянь Тань был окружен Янь, Тань приказал одному человеку предстать в образе духа. Он поклонился и обратился к нему, и дух сказал, что Янь можно уничтожить. Затем Тань использовал пылающих животных, чтобы наступать, и атаковал Янь, нанеся им сокрушительное поражение. В этом Дао хитрости военных мыслителей. Выбор благоприятных сезонов и дней сходен с этим.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Тянь Тань вверил свою судьбу таинственному и уничтожил Янь, а Тай-гун сжег стебли тысячелистника и черепашьи панцири, и тем не менее, выступил, чтобы уничтожить тирана Чжоу. Как же так, ведь эти два поступка противоречат друг другу?

Ли Цзин сказал:

— Непостижимые побуждения были одинаковыми. Один действовал противно [правилам] и захватил [врага], другой — в соответствии с ними и осуществил [свои расчеты].

В древности, когда Тай-гун помогал У-вану, они достигли Муе, где попали под дождь с грозой. Флаги и барабаны были сломаны или уничтожены. Сань И-шэн хотел гадать о благоприятном отклике прежде чем выступить. Это тот случай, когда из-за сомнений и страха в армии он полагал, что они должны положиться на гадание, чтобы спросить духов. [Но] Тай-гун был убежден, что сгнившая трава и иссохшие кости не стоят того, чтобы их спрашивать. К тому же, в случае, когда подданный нападает на своего правителя, разве будет еще одна такая возможность? Я полагаю, что Сань И-шэн выказал свои побуждения в начале, но Тай-гун приобрел их впоследствии. Даже если один противоречил, а другой следовал [практике гадания], причины этого были одинаковыми. Когда ранее я говорил, что эту практику нельзя отбросить, это большей частью для того, чтобы сохранить жизненную точку до того, как дела начнут проявлять себя. Будут ли они успешными, это лишь вопрос человеческих усилий, и все!

* * *

Тай-цзун сказал:

— Ныне есть лишь три настоящих полководца — Ли Цзи, Ли Дао-цзун и Сюэ Вань-це. Кроме родственника Ли Дао-цзуна, кто может взять на себя огромную ответственность?

Ли Цзин сказал:

— Ваше величество однажды сказали, что, ведя войну, Ли Цзи и Ли Дао-цзун не одержат больших побед, но и не потерпят сокрушительных поражений, в то время как Вань-це если не одержит большой победы, неизбежно потерпит серьезное поражение. В своем невежестве я размышлял над вашими мудрыми словами. Армия, которая не ищет больших побед, но и не терпит серьез-

ных поражений, послушна и дисциплинирована. Армия, которая может одержать великую победу или потерпеть ужасающее поражение, полагается на удачу, чтобы добиться успеха. Поэтому Сунь У говорил: «Тот, кто преуспел в военном деле, ставит себя в такое положение, где он не может быть разгромленным, не упуская в то же время [любой возможности] уничтожить врага». Этим сказано, что ограничение и дисциплина зависят от нас.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Когда сближаются две армии, если мы не хотим вступить в сражение, как этого достичь?

Ли Цзин сказал:

— В древности цзиньская армия напала на Цинь, вступила в сражение, а затем отступила. В «Сыма фа» сказано: «Не преследуй бегущего врага слишком далеко и не приближайся к отступающей армии». Я называю отступающих «находящимися в узде». Если наша армия послушна и дисциплинирована, а ряды и «пятерки» армии врага также хорошо управляются, как может [любая сторона] легко вступать в битву? Поэтому, когда [обе] идут вперед, сталкиваются, а затем отходят, не будучи преследуемыми, каждая сторона охраняет себя от потерь и поражения. Сунь-цзы говорил: «Не нападай на слаженные боевые порядки, не преграждай путь сомкнутым рядам». Когда у обеих сторон равная стратегическая мощь, если кто-либо беспечно выдвинется, он может дать врагу возможность воспользоваться преимуществом и неизбежно потерпит сокрушительное поражение. [Стратегические] принципы определяют это. Поэтому армии сталкиваются с ситуациями, когда они не должны сражаться и когда они обязаны сражаться. Не вступать в битву — это зависит от нас, необходимость сражаться — зависит от врага.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Что вы имеете в виду говоря: «Не вступать в битву — это зависит от нас»?

Ли Цзин сказал:

— Сунь У говорил: «Если не хочешь вступать в битву, нарисуй на земле линию и защищай ее. Они не смогут заставить нас

вступить в сражение, ибо мы разрушаем их передвижения». Если у врага есть [способные] люди, промежуток между столкновением и отступлением все равно нельзя рассчитывать. Поэтому я говорил, что не вступать в битву зависит от нас. Что касается зависимости вступить в битву от врага, Сунь У говорил: «Тот, кто умело двигает врагом, располагает построения так, что враг должен отозваться. Он дает ему то, что он может схватить. Выгодой он двигает им, со своими главными силами он ждет его». Если у врага нет талантливых командиров, они обязательно пойдут впереди будут сражаться. Тогда я воспользуюсь выгодой своего положения и уничтожу их. Поэтому я сказал, что вступление в битву зависит от врага.

Тай-цзун сказал:

— Поистине глубоко! Послушная и дисциплинированная армия — когда она выполняет соответствующие стратегии — процветает, но если у нее их нет, она погибнет. Пожалуйста, соберите и запишите сочинения тех, кто в течение веков преуспел в ограничениях и дисциплине, снабдите их схемами и представьте мне. Я отберу самые существенные, чтобы передать их потомкам.

[Ли Цзин сказал:

— Ранее я уже представил две схемы построений Желтого Императора и Тай-гуна вместе со стратегиями для гибких и прямых «Сыма фа» и Чжугэ Ляна. Они очень подробны. Многие знаменитые полководцы использовали одну или две из них и добивались успеха. Но придворные историки редко понимали в военных делах, поэтому они не могли правильно записать суть их достижений. Могу ли я осмелиться не принять приказ Вашего величества? Я составлю для вас свод и описание.]

* * *

Тай-цзун сказал:

— Что самое важное в военной стратегии?

Ли Цзин сказал:

— Однажды я разделил ее на три уровня, чтобы облегчить изучающим ее постижение. Первый называется «Дао», второй — «Небо и Земля», и третий — «Правила командования». Что касается «Дао», это самое существенное и непостижимое, то, что «И цзин» называет «всепроницающим и всезнающим, [позволяющим быть] духовным и воинственным, не убивая». То, что обсуждается на уровне «Неба», это инь и ян; то, что обсуждается на уровне «Земли», это

узкое и легкое. Тот, кто умело ведет войну, может с помощью инь устранять ян, с помощью узкого нападать на легкое. Это то, что Мэн-цзы называл «сезонами Неба и выгодами Земли». «Правила командования» обсуждают, как использовать людей и выгоды оружия. «Три стратегии» подразумевают это, утверждая, что имеющий нужных командиров будет процветать, а «Гуань-цзы» — говоря, что оружие должно быть прочным и острым.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Да. Я говорил, что армия, которая без сражения может заставить людей подчиниться — самая лучшая; та, которая одерживает сто побед в ста сражениях — заурядная; та, что пользуется для обороны глубокими рвами и высокими укреплениями — самая худшая. Если мы возьмем это за основу сравнения, то все три полностью представлены в сочинениях Сунь-цзы.

Ли Цзин сказал:

— Мы также можем сравнить стратегов, если внимательно рассмотрим их сочинения и восстановим их дела. Например, Чжан Лян, Фань Ли и Сунь У оставили мир и удалились в гордое затворничество. Никто не знает, куда они ушли. Если они не постигли Дао, разве они могли так поступить? Юэ И³¹, Гуань Чжун и Чжугэ Лян всегда побеждали в сражении и были стойкими в обороне. Если бы они не изучили и не поняли сезонов Неба и выгод Земли, как бы они добились успеха? Далее идет сохранение Ван Маном Цинь и защита Се Анем Цзинь. Если бы они не использовали [выдающихся] полководцев и отобранных способных людей, не укрепляли бы и не объединяли оборонительные порядки, как бы они справились с этим? Поэтому военная стратегия должна изучаться от низшей к средней, от средней к высшей, с тем, чтобы постепенно проникать в глубину учения. Если не поступать так, будет лишь опора на пустые слова. Только запоминать и повторять их недостаточно для успеха.

* * *

Тай-цзун сказал:

— Даосы избегают трех поколений [семьи], служащих полководцами. [Военные учения] нельзя передавать неосторожно, но и нельзя не передавать. Пожалуйста, обратите внимание на это обстоятельство».

Примечания

1. «Синь Тан шу» («Новая история Тан») — вторая «нормативная» история танской династии, составленная при династии Сун.

2. Согласно конфуцианской концепции, высшим смыслом существования было проникновение в суть сказанного древними и запечатленного в канонах, и, как следствие, составление комментария.

3. Бай Цзи — известный циньский полководец периода «Борющихся Царств». Хань Синь — знаменитый полководец и стратег, сыгравший важную роль в установлении династии Хань. Вэй Цин — ханьский главнокомандующий, прославившийся успехами в борьбе с варварами. Хо Цюй-бин — один из самых блестящих военачальников ханьского императора У-ди. Его заслуги отмечены, несмотря на его пренебрежение к древним военным сочинениям.

4. Ли Лин (ум. ок. 74 г. до н.э.) — злополучный ханьский полководец. Зайдя с небольшими силами в глубь территории сюнну (хуннов), он отважно сражался, но в конце концов был взят в плен. Историк Сыма Цянь (автор «Ши цзи», «Исторических записок») вступился за него, за что подвергся наказанию (оскоплению).

5. В 626 г., вскоре после того, как Тай-цзун взошел на престол, тюрки совершили набег, прорвались к реке Вэй и подошли к столице. Тай-цзун не смог разбить их и вынужден был откупиться.

6. Отсюда и название трактата — Князь Вэй (Вэй-гун).

7. На корейском полуострове было три враждовавших между собой царства: Когурё — на севере, Силла — на юго-востоке и Пэкчэ — на юго-западе. Начиная с периода ханьской династии, китайцы пытались установить сюзеренитет над Кореей. Танская династия оказывала поддержку Силла в борьбе с альянсом Когурё и Пэкчэ. Когда, наконец, китайская армия разгромила Когурё в 668 г., Силла стало гегемоном на всем полуострове и начало сопротивляться Тан.

8. Известный военачальник Западной Цзинь, живший в IV веке.

9. Знаменитая диаграмма, созданная Чжугэ Ляном для развертывания смешанных войск.

10. На таких колесницах укрепляли колющее оружие.

11. Ли Цзянь-чэн, старший брат Тай-цзун и наследник престола, впоследствии убитый перед тем, как Тай-цзун сверг своего отца.

12. Цао Цао — полководец царства Вэй в период Троецарствия. Книга «Синь шу» не сохранилась. Он также является автором первого известного комментария к Сунь-цзы.

13. В битве у реки Фэй Фу Цзянь, живший в начале периода «Северных и южных династий», был разгромлен, хотя возглавлял миллионную армию.

14. Загадочный текст из 360 иероглифов, приписываемый Желтому Императору, а также его министру Фэн Хоу. Однако создан он был явно после «Сунь цзы», ибо содержит цитаты из этого сочинения.

15. Игра слов, основанная на том, что иероглиф «ци» — «гибкий», имеет другое, менее распространенное чтение — «цзи», и означает «остаток, излишек».

16. Легендарная система организации сельского труда, существовавшая в древности (или приписываемая ей).

17. «Сыма фа» начинается с упоминания весенней и осенней церемониальных охот.

18. В «Чжоу ли» перечисленно девять причин, когда правитель имеет право покарать виновного. Идентичны «девяти запретам» в первой главе «Сыма фа».

19. Если квадрат разделить на девять частей, то войска займут углы и середину. Таково было построение У-вана, где каждый «отряд» был численностью в пять тысяч человек.

20. Фань Ли — мыслитель и политический деятель периода «Весен и Осеней», разработавший военную теорию, основанную на вечном цикле превращений инь и ян. Его сочинения — если таковые были — не сохранились, однако в других текстах этого периода встречаются фрагменты из них.

21. Император Гуан-у-ди уничтожил Ван Мана и восстановил династию Хань. Последующая эпоха называлась периодом Восточной, или Поздней Хань.

22. «Краснобровые» участвовали в борьбе против Ван Мана (правил в 8–23 гг. н. э.). Чтобы отличаться от других в сражении, они окрашивали брови в красный цвет.

23. Ян Гань и Чжун Цзя — два воина периода «Весен и Осеней», которых исторические летописи упоминают как нарушителей военной дисциплины. Первый был прощен, хотя его возница — казнен, второй был обезглавлен.

24. Чжоу-гун, будучи преисполнен чувства долга, командовал армией в сражении против своих братьев, которые выступили против восхождения на престол сына У-вана.

25. При Ван Мане Гун-сунь Шу был губернатором и полководцем. В смутное время перед восстановлением династии Хань он провозгласил себя императором. Отправляя У Ханя в поход против Гун-сунь Шу, император Гуан-у-ди предупредил его, чтобы он избегал прямого столкновения.

26. Перед смертью Ван Ман предостерег Фу Цзяня от похода против Цзинь. Тот не послушал его совета и был разбит у реки Фэй.

27. Положение Сунь-цзы.

28. Юй-чжи Цзин-дэ — блестящий полководец и государственный деятель начала Тан.

29. Хоу Цзюнь-ци — высокопоставленный сановник и полководец, участвовавший в походах вместе с Ли Цзином. Был обвинен в дворцовых интригах и казнен.

30. Хань Синь, Пэн Юэ и Сяо Хэ — сподвижники Лю Бана (впоследствии первого императора Хань Гао-цзу) в борьбе с Цинь.

31. Юэ И — полководец царства Янь, командовал объединенными силами против Ци. Впоследствии был смещен благодаря мудрому использованию шпионов Тянь Танем.

У-ЦЗИН

Семь военных канонов Древнего Китая

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Оригинал-макет *Кирюкова Ю. С.*
Корректор *Пурицкая Е. В.*
Выпускающий редактор *Трофимов В. Ю.*

ООО «Издательская группа «Евразия»
Лицензия на издательскую деятельность
серия ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.
191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
тел. 303-93-35
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Сдано в набор 12. 01. 2000
Подписано в печать 23.05.2000 г.
Объем 28 печ.л. Формат 60x88 1/16
Гарнитура «Таймс Нью Роман»
Доп. тираж 2000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 4106

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12